

АНТИТЕРРОР

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

2020

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА БЛИЖНЕГО ПРИЦЕЛА

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Сканировал и создал книгу - vmakhankov

АНТИТЕРРОР 2020

ЭКСМО

МОСКВА

2011

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 72

Составитель *С. Чекмаев*

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Художник *М. Петров*

Серия основана в 2003 году

А 72 **Антитеррор 2020 : фантастические повести и рассказы / [Сост. : С. Чекмаев]. — М. : Эксмо, 2011. — 448 с. — (Русская фантастика).**

ISBN 978-5-699-48755-4

Угроза терроризма является одним из вызовов XXI века. Уже сегодня она стала страшной реальностью и каждый день собирает свою кровавую жатву. Но что будет завтра? Через десять лет? Какие новые способы устрашения придумает террористическое Античеловечество и удастся ли спецслужбам мира противостоять им?

Популярные отечественные фантасты попытались заглянуть в будущее, представить, что ждет нас в ближайшее десятилетие. У каждого — свои ответы и решения, свой собственный мир.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-48755-4

© Составление и оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2011

Дорогие читатели!

Как все вы хорошо знаете, наша страна ведет войну с терроризмом, которая с каждым годом уносит все больше жизней. В борьбу с этим страшным злом вовлекается все больше людей, зачастую самых неожиданных профессий. Война с терроризмом ведется на разных фронтах, особое значение из которых имеет фронт идеологический.

На идеологическим фронте, как это ни пафосно звучит, ведется борьба за души молодых людей, которые тысячами вовлекаются в террористические группировки когда деньгами, когда обманом, а чаще всего умелой пропагандой, расписывающей их будущее в самых розовых тонах. О том, что большинство террористов заканчивает свою жизнь в безымянных могилах, их идеологии, разумеется, предпочитают умалчивать.

Как ни удивительно, у террористов, особенно мотивирующих свои действия исламом, существует даже своя художественная литература, в том числе и фантастического характера. В ней повествуется о победе ваххабизма как в отдельно взятых странах, так и во всем мире. Так почему бы не появиться альтернативной фантастике, показывающей пагубность избранного этими людьми пути? Фантастике, которая высмеивает их идеи и методы,

показывает слабые места террористической пропаганды и учит противостоять ей?

Фантастика «ближнего прицела» зачастую отличается пугающим реализмом, и многие вещи, еще вчера казавшиеся фантастическими, сегодня могут стать повседневным явлением. Ум террористов весьма изощрен, и для осуществления своих замыслов они подчас используют самые удивительные способы, некоторые из которых могут вообразить себе только фантасты. Причем не только вообразить, но и предложить противоядие.

В сборник вошли рассказы и повести как мэтров жанра, так и начинающих авторов. Некоторые уже были размещены на сайте «Журналисты против террора» и получили высокие оценки его читателей. Теперь аудитория их читателей значительно расширится.

В заключение мы бы хотели выразить надежду, что описанные в этих произведениях сценарии так и останутся фантастикой.

РАХАМИМ ЭМАНУИЛОВ,
Президент Фонда
«Взаимодействие цивилизаций»

РОМАН СИЛАНТЬЕВ,
Директор программ Всемирного
русского народного собора,
доцент Московского государственного
лингвистического университета

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

ЗАЙИБ

ОТ АВТОРА

Это рассказ о жизни простого албанского паренька Ардиана Хачкая, который был вынужден освоить ремесло наемного убийцы, чтобы спасти свою семью. Читавшие роман «Путь Шута» помнят, что весной 2021 года санитарный транспорт «Коломбина» доставил Ардиана вместе с сотнями других в Северную Африку, где располагались лагеря для нелегальных мигрантов и потенциальных исламских террористов.

1. СЕВЕРНАЯ АФРИКА, 2021 Г.

 лагере Эль-Хатун Ардиан Хачкай получил прозвище Гадюка. Прозвище было необидное, скорее уважительное. Гадюкой местные жители называли одну из самых опасных тварей Сахары — рогатую змею, чей яд убивает мгновенно. Уже пообвыкшись со своим прозвищем, Ардиан увидел эту змею — она оказалась небольшой, сантиметров пятидесяти в длину, желтой, как песок пустыни, вся в темных пятнах. На голове у гадюки действительно торчали маленькие рожки, слегка загнутые назад. Ардиан спугнул ее, и змея, как-то конвульсивно изгибаясь, быстро поползла прочь. Старый Дауд позже объяснил Ардиану, что ему очень повезло — рогатая гадюка обычно не бо-

ится человека и вполне способна напасть первой. «Она, наверное, почуяла своего, — сказал Дауд, — только потому и не укусила». Ардиан не понял, шутит старик или нет. По Дауду вообще нельзя было определить, говорит он серьезно или же насмехается над тобой. Такой уж он скрытный был человек.

Дауд оказался первым обитателем лагеря, с которым Ардиан познакомился — понятно, не считая Трех Сестер, но там дело было другое. Три Сестры — звали их Мустафа, Тоби и Халид, и на сестер они походили так же, как Ардиан на английскую королеву — встречали всех новичков, прибывавших в лагерь, и устраивали им «торжественный прием». Обычно обходилось без травм, но Ардиан, еще не пришедший в себя после тюрьмы, неожиданно безропотно выносить издевательства Сестер и вцепился в горло Мустафе. В результате его избили куда сильнее, чем собирались вначале, и Ардиан, не успев даже получить койку в бараке, попал в лагерный лазaret.

Лазарет был маленьким белым зданием с плоской крышей. Комнатки в нем тоже были маленькие, на двоих. Соседом Ардиана оказался старый Дауд, которому за несколько дней до того удалили аппендицис. «Надо же было так постараться, — ворчал он, — прожить на свете семьдесят пять лет, ни разу не обращаться к врачам и первый раз лечь под нож за колючей проволокой!» За несколько дней, проведенных в лазарете, Ардиан понял, что Дауд либо ворчит, либо молчит — третьего состояния он, похоже, не знал. Ардиана он ни о чем не спрашивал, только однажды вдруг поинтересовал-

ся, не мочится ли тот кровью, но Хачкай настолько истосковался по нормальному человеческому разговору, что сам принялся рассказывать старику о своих злоключениях. Не все подряд, конечно, но достаточно много, чтобы Дауд, которого Аллах умом не обидел, составил себе представление о том, чем его сосед по койке промышлял на свободе.

«Глупец ты, парень, — сказал он тогда, — глупец и болтун. Думаешь, если я молчу, то не могу быть наседкой? Настоящую, хорошую наседку распознать трудно. Если бы было легко, она бы и месяца здесь не протянула. Ты же вроде бы в тюрьме сидел, неужели еще не понял, что в таких местах никому доверять нельзя?»

Хачкай знал уже, что наседкой на лагерном жаргоне называют человека, который стучит начальству на своих сокамерников. После этого предупреждения он замолчал — не то чтобы испугался, просто ему стало неприятно, что его назвали глупцом. Но, подумав как следует, решил, что стариk прав. Положим, сам Дауд никакая не наседка — где же это видано, чтобы стукач признавался в своем позорном занятии? — однако на его месте мог оказаться кто угодно. Казалось бы, после истории с Мирой Ардиан и сам должен был держать язык за зубами — а нет, расквакался, как лягушка. «Спасибо, стариk», — подумал Хачкай, но вслух ничего не сказал. Так и пролежал молча до конца своего пребывания в лазарете, а выгнали его оттуда на пятый день — ребро срослось, и ладно.

В бараке, конечно, уже знали, какой прием устроили Ардиану Сестры, и встретили его настороженно. Появление новичка прошло почти незаме-

ченным, но как только он постелил выданный в хозчасти матрас на койку и разложил в тумбочке немногочисленные личные вещи, к нему подошли двое парней — высокий, худой Али и приземистый, похожий на борца Салех.

— Говорят, Сестры тебе два ребра сломали, — равнодушно сказал Али.

Ардиан посмотрел на него и понял — это проверка. Еще один вступительный экзамен.

— Одно, — так же равнодушно ответил он и принялся зашнуровывать свой вещмешок. Вещмешок был уже пуст, но Хачкай хотел показать парням, что не придает беседе большого значения.

— За что, интересно, — продолжал выпытывать Али. — Сестры обычно так не поступают. Ты их обидел чем-то, а, новенький?

Хачкай зашнуровал вещмешок, положил его в тумбочку и аккуратно закрыл дверцу.

— Интересно — пойди да спроси. Я за других не ответчик.

Вытянутое лицо Али потемнело. Он мягко дотронулся рукой до плеча Салеха.

— Салех, объясни новенькому, кто здесь главный.

Салех будто только и ждал этой отмашки. Он шагнул вперед и ударил Ардиана в солнечное сплетение. Несильно, просто для того, чтобы поучить.

Но Хачкая уже научила чему следует драка с Сестрами. Он быстро присел, и Салех, ткнув своим кулаком ему в плечо, потерял равновесие. Ардиан ухватил его за рубашку, повалился спиной на койку и, выбросив вперед ногу, перекинул Салеха через себя. «Борец» с грохотом рухнул на пол. Ардиан

вскочил, готовый к схватке с Али, но тот, к его удивлению, отступил на шаг и громко рассмеялся:

— А ты не трус, новенький! Стучать не любишь, драться умеешь... Видно, не зря Сестры на тебя разозлились!

И протянул Хачкаю руку.

Позже Ардиан узнал, что Сестер в лагере не любили и боялись. Даже старшие бараков — такие, как Али и его друг Омар — обязаны были платить им дань продуктами и сигаретами, причем за попытку неповиновения Сестры могли не просто избить, но и прилюдно «опустить» смутьяна. Говорили, что Сестры пользуются покровительством Толстого Фреда, всемогущего заместителя начальника лагеря по режиму, большого любителя подобных сценок. Пока Мустафа или Халид «прочищали дымоход» провинившемуся, Тоби, подрабатывавший некогда помощником оператора в индийском Болливуде, снимал экзекуцию на голокамеру. Затем записи попадали в коллекцию Толстого Фреда, который, по слухам, лепил из них настоящие порнофильмы и сливал их в Сеть — разумеется, не бесплатно.

Вокруг Сестер все время крутилась пара-тройка шестерок, не расстававшихся с ножами, но зловещая тень зама по режиму охраняла Сестер куда надежнее. Связываться с троицей, плевавшей на дисциплину Эль-Хатуна, выходило себе дороже, поэтому ненависть к Сестрам была всеобщей, но бессильной. С тем же успехом можно было ненавидеть часовых, стоявших на вышках по периметру окружавшей лагерь стены, хотя часовые не вмеши-

вались в жизнь заключенных и не подвергали их изощренным издевательствам.

— Они тебя не забудут, — предупредил Али Хачкая. — Будут цепляться при каждом удобном случае, пока не спровоцируют на драку. В лучшем случае снова попадешь в лазарет, в худшем — сам понимаешь, что с тобой сделают...

Ардиан посмотрел на него таким взглядом, что у Али волосы на макушке непроизвольно встали дыбом.

— Это я их не забуду, — коротко ответил он. Али усмехнулся, но разговор продолжать не стал. Уж очень ему не понравились глаза новичка — темные и пустые, как пистолетные дула.

Через два дня Сестры лишились Халида.

Халид, выполнивший в лагере необременительные обязанности кладовщика, сидел под навесом в старом кресле-качалке и наблюдал за погрузкой смотанных бухт кабеля в грузовые фуры, отправлявшиеся в Яффу. Погрузкой занимались двенадцать человек, Ардиана среди них не было. Рядом с креслом Халида стояло цинковое ведерко с холодной водой, в котором охлаждалось пиво «Саккара» — четыре бутылки.

Бригадир грузчиков рассказывал потом, что Халид потянулся за бутылкой, подцепил крышку ороговевшим каменным ногтем, сорвал ее, приложился к горлышку и сделал большой глоток. В следующее мгновение глаза у него вылезли из орбит, лицо стало похоже на вареную свеклу, пальцы разжались и выронили бутылку. Она упала на бетон и разбилась. Халид попытался встать, но покачнулся, захрипел и вновь упал в кресло. Грузчики с крика-

ми разбежались, причем никому из них почему-то не пришло в голову позвать врача.

Позже выяснилось, что Халид хлебнул уксусной эсценции и сжег себе пищевод. Жизнь ему спасли, но к Сестрам он больше не вернулся — как инвалида, его перевели в оазис Урм-Шадуф, где влачили жалкое существование туберкулезники, прокаженные и больные ВИЧ-инфекцией. Как уксус попал в закрытую пивную бутылку, так и осталось загадкой. Толстый Фред провел расследование, в результате которого удалось установить, что эсценцию украли с лагерной кухни. Иных результатов расследование не принесло, и единственным наказанным за инцидент с Халидом оказался повар — впрочем, наказали его достаточно формально, поскольку даже Фред понимал, что он здесь ни при чем.

В бараках, разумеется, циркулировали разнообразные слухи. Али словно в шутку спросил Ардиана, не его ли это работа, но Ардиан только спокойно взглянул ему в глаза и выразительно промолчал. После памятной беседы в лазарете он старался говорить как можно меньше. Получалось вроде бы неплохо — выяснилось, что молчание порой может быть весьма красноречивым.

— Да это я так, — хохотнул Али. — Не бери в голову. Никто на тебя и не думает...

Но он ошибался. По крайней мере один человек в лагере догадывался, кто расправился с Халидом. Это был Дауд.

Дауд работал в ремонтных мастерских на южной окраине лагеря Эль-Хатун. Ардиан попал туда случайно — в тот день их бригада работала на рап-

совых полях, и бригадир послал его и Салеха за насадками для мотоплуга. В мастерских стоял ужасный грохот и пахло горячим машинным маслом. Полутолые потные люди сновали между полуразобранными, похожими на выпотрошенных железных зверей механизмами, перекрикиваясь друг с другом на непонятном Ардиану наречии. Никто не обращал на Ардиана и Салеха никакого внимания, и они бесцельно шатались по мастерским, пока не наткнулись на Дауда.

Старик стоял за новеньkim поблескивающим станком и сосредоточенно вытачивал какую-то деталь. На нем был чистый голубой халат, придававший ему сходство с хирургом во время операции. Длинные седые волосы Дауд аккуратно заправлял под черную, расшитую серебром шапочку.

— А, сосед! — приветствовал он Ардиана. — Зашел навестить или по делу?

Ардиан объяснил.

— Рапсовые поля? — фыркнул Дауд. — Вот уж занятие для молодого сильного парня. Не хочешь ли пойти ко мне в подмастерья? Мне как раз не хватает пары рабочих рук.

Ардиан пожал плечами:

— Да я с удовольствием. Но ведь нужно же, чтобы меня отпустили. Администрации такая самодеятельность не понравится...

— Об этом не беспокойся. Главное, чтобы мне понравилось, как ты работаешь. А ну-ка, вставай к станку, покажи, на что ты способен.

Ардиан видел металлообрабатывающий станок первый раз в жизни и, естественно, ничего делать на нем не умел. Но Дауд вроде бы остался доволен

его жалкими попытками, и через два дня бригадир действительно объявил Хачкаю, чтобы он уматывал с рапсовых полей и поступал в распоряжение старого Дауда.

Лагерь Эль-Хатун состоял из двух больших секторов, или кварталов, — мужского и женского. Кварталы разделял высокий забор из бетонных надолбов, между которыми в три слоя была натянута частая сетка. Поверх сетки шла полоса из перекрученной проволоки с шипами — Али сказал Ардиану, что она называется «спиралью Бруно». Осатавшие без женщин обитатели мужского квартала время от времени пытались штурмовать забор, но каждый раз цеплялись за эту спираль, оставляя на шипах клочья одежды, а порой и куски окровавленной плоти. Обычно таких искателей приключений снимали с забора охранники, разъезжавшие по лагерю на машинах с выдвижными лестницами. Дважды зацепившимся удавалось свалиться вниз самостоятельно, и только один раз огромный негр по прозвищу Дядя Том ухитрился перелезть через спираль Бруно и триумфально приземлился на территории женского квартала. Триумф его оказался абсолютно бессмысленным, потому что через две минуты Дядю Тома схватили все те же охранники, нашедшие нарушителя по кровавому следу. Славу, однако, Дядя Том снискал громкую, и некоторое время в лагере разговоры велись в основном о его подвиге.

Чтобы прекратить этот беспредел, Толстый Фред, которому уже поднадоело гонять машины с охранниками вдоль Стены Плача, как в шутку называли

забор обитатели лагеря, велел Сестрам заняться его патрулированием. Понятно, что ни Мустафа, ни Тоби сами ничего патрулировать не собирались, для того у них имелись шестерки. Одна такая шестерка, хитрожопый сириец по имени Лала, зашел однажды вечером в барак Ардиана и громогласно объявил: с этого дня каждый, кто будет замечен праздно шатающимся вблизи забора, будет безжалостно бит Сестрами, а того идиота, у кого хватит ума на забор залезть, Сестры незамедлительно превратят в девочку.

— Все ясно, ослиные задницы? — презрительно спросил Лала, сплюнул и удалился, не дожидаясь ответа.

Ослиные задницы засовещались. С одной стороны, многим хотелось посмотреть, как Лала и даже сами Сестры попробуют поднять руку на Дядю Тома, который — в чем никто не сомневался — снова полезет через забор, как только его выпустят из карцера. С другой, Дядя Том был взрослым, а Лала пришел в барак к молодежи. Какие угрозы Сестры приберегли для взрослых обитателей лагеря, никто не знал.

— Ну и че нам теперь делать? — спросил туповатый Салех. — Этот Лала — *вахид ал'пазадик*, конечно, я его одной рукой сломаю... но с Сестрами ссориться неохота...

Али, Омар, Салех и Ардиан сидели в так называемой комнате отдыха — маленьком душном помещении с древним телевизором и четырьмя рядами жестких пластиковых кресел. Раз в неделю телевизор подключали к антенне, и тогда обитатели барака собирались в комнате отдыха, чтобы по-

смотреть какую-нибудь тупую комедию, обязательно предваряемую получасовой проповедью шейха Мухаммада ал-Файзала. Шейх был обладателем окладистой черной бороды и неестественно румяных щек. Проповеди его в основном сводились к необходимости примирения мусульман с другими «людьми Книги» — христианами и иудеями, и беспощадной критике учителей, призывающих к джихаду меча. Ардиан к излагаемым шейхом идеям относился совершенно равнодушно, как, впрочем, и к религии в целом, но среди обитателей барака находились и те, кого проповеди ал-Файзала приводили в бешенство. «Это не настоящий шейх! — горячился Танзим-очкиrik, до лагеря учившийся в медресе. — Настоящий мусульманин никогда не будет говорить таких вещей! Это актер, которому платят американцы! Братья, не слушайте его, не верьте лживым словам!» Но даже Танзим при всей его непримириимости не мог избежать еженедельных проповедей ал-Файзала, поскольку посещение телесеансов в лагере считалось мероприятием режимным.

Поскольку большую часть времени комната отдыха пустовала, именно ее облюбовали для своих посиделок старшие барака — Али и Омар. Компанию им составлял доверенный телохранитель Салех, а после инцидента с Халидом Али стал звать с собой и Ардиана. Тем самым Ардиан, не прикладывая к тому ни малейших усилий, возвысился до уровня правящей верхушки, пусть даже в пределах одного отдельно взятого барака.

— А что тебе тот забор? — равнодушно спросил Омар — невысокий плотный парень со смешно оттопыренными ушами. В лагере он сидел за воору-

женный грабеж — очистил с приятелем аптеку в Марселе, но далеко не ушел. Приятеля застрелили при задержании, самому Омару сломали руку и бросили в лагерь Эль-Хатун. — Ты что, будешь на проволоку лезть, как Дядя Том?

— Может, и не буду, — покачал круглой головой Салех. — Но что ж теперь даже возле забора нельзя ходить, получается?

Омар прищурился.

— Получается, так. Тебе ведь это не нравится, а, Салех? А тебе, новенький?

Клички у Ардиана еще не было, а по имени называть его никто не собирался. Хачкай косо усмехнулся и молча пожал плечами.

— В чем же дело? — продолжал подначивать Омар. — Никому не нравится, что тут Сестры из себя строят, а слова поперек сказать все боятся? Бабы вы, а не мусульмане!

— Да ладно тебе, Омар, — примирительно проговорил Али. — Сам ведь знаешь, что Толстый Фред сделает с тем, кто попробует выступить против Сестер... Вот если бы еще один несчастный случай... вроде той бутылки...

Тут все трое выразительно посмотрели на Хачкай. Тот как ни в чем не бывало принял расставлять фишечки на игральной доске.

— Что скажешь, новенький? — не выдержал Омар. Его нетерпение окончательно убедило Ардиана в том, что вся беседа была продумана старшими заранее. Старшие хотели убрать Сестер чужими руками — только вот откуда им было знать, кем был Ардиан на воле?

Молчать дальше смысла не имело. Хачкай со стуком поставил последнюю фишку и поднял голову.

— Еще одного такого случая не будет, — сказал он спокойно. — Но подумать над этим можно.

Атмосфера в комнате мгновенно разрядилась, старшие развеселились, и даже мрачный Салех кривовато заулыбался. Омар хлопнул Ардиана по плечу:

— Вот и подумай, ты же у нас парень головастый...

Хачкай дернулся плечом, и рука Омара упала в пустоту.

— В одиночку ничего не выйдет. Мне понадобится ваша помощь.

Улыбка сползла с лица Омара, оттопыренные уши недовольно зашевелились.

— Боишься, что ли? Так бы сразу и сказал...

Ардиан не ответил и отвернулся, словно разговор вдруг перестал его интересовать. Омар нехорошо засопел, но тут вновь вмешался миротворец Али:

— Рассказывай, что ты задумал. Только учти: убивать никто никого не станет!

Хачкай презрительно фыркнул. Убивать! Эти идиоты наверняка вообразили, что он собирается напасть на Сестер всем скопом.

— Скажу, — пообещал он. — Но не сейчас, а когда продумаю все до конца.

На самом деле у него не было ни малейшего представления, какая помощь ему потребуется от старших. Вероятнее всего, никакой: Ардиан был глубоко убежден, что в таких делах помощники только мешают. Но и слепым орудием старших он становиться не собирался. Месть Сестрам была его

личным делом, которое в любом случае следовало довести до конца — но коль скоро старшие подталкивают его к расправе над Мустафой и Тоби, пусть подписываются на участие.

— Ты только не тяни с этим, — предупредил Али. — Сестры на тебя наедут скоро, помяни мое слово...

Али оказался прав. Следующим же вечером, когда Ардиан возвращался в барак из ремонтных мастерских, дорогу ему преградил ухмыляющийся Лала.

— Пойдем, сопля, — скомандовал он. — Хозяин зовет.

Хозяином шестерки называли Мустафу. Тоби из-за своего кинооператорского прошлого имел кличку Спилберг, а длиннорукого Халида когда-то прозвали Годзиллой, но обитатели оазиса Урм-Шадуф наверняка уже придумали ему новое имя.

Ардиан, не говоря ни слова, двинулся за сирийцем. Сестры обнаружились во внутреннем дворике кухни — там был накрыт стол, уставленный тарелками с сыром, зеленью, мясом и другими невиданными в лагере деликатесами. Вкусно пахло горячими чесночными лепешками и жареной козлятиной. Завидев Ардиана, Мустафа неожиданно широко улыбнулся и приглашающе замахал рукой.

— Мальчик пришел! — торжественно провозгласил он. — Посмотрите, какой славный мальчик к нам пришел! Садись, мальчик, у нас места хватает...

Ардиан подошел к столу и остановился возле глинябитной скамьи, застеленной грязной циновкой. Гостеприимство Мустафы ему очень не понравилось.

— Эй, Вахид, — крикнул Хозяин, — подай-ка мальчику тарелку! А ты, мальчик, не смущайся, бери, что хочешь с нашего стола... ты наш гость, угощайся...

Есть Ардиану хотелось зверски. После тюремной баланды и скучного лагерного рациона запахи настоящей, человеческой еды кружили голову, как гашиш. При одном взгляде на аппетитные, сочавшиеся золотым жиром куски козлятины и белый зернистый сыр горло удавкой сжимал голодный спазм. Но Хачкай прекрасно понимал, что принимать щедрое предложение Мустафы нельзя — просто так Сестры сажать его к своему столу не станут.

— Благодарю, — сказал он, стараясь не глядеть на появившуюся перед ним тарелку. — Я не голодаю.

— Брось, — добродушно засмеялся Мустафа, и окружавшие его шестерки преданно захихикали. — Я-то знаю, как кормят вашего брата... Садись, садись, не оскорбляй нас отказом. Или ты хочешь плонуть мне в душу?

Ардиан покачал головой. Он не знал, как ему себя вести. Разговаривать с Мустафой было опасно — тот легко мог спровоцировать Ардиана на грубоность, чтобы получить предлог для расправы. Садиться за стол было еще опаснее: Хачкай не верил в бескорыстие Сестер и подозревал, что его заманивают в изощренную ловушку. Разумнее всего было бы просто уйти, но за спиной стоял Лала с дубинкой в руке.

— Тогда садись и ешь! — В голосе Мустафы прорезались нетерпеливые нотки. — Или ты обижешься на нас за то сломанное ребро?

— Не обижаюсь, — ответил Ардиан. — Но есть не стану, эфенди, прошу меня простить.

Во внутреннем дворике стало очень тихо.

— Я понял, — вкрадчиво обратился к Мустафе Тоби. — Мальчик боится, что за это скромное угощение мы потребуем с него платы. Ведь так, мальчик? Ты боишься, что не сможешь с нами расплатиться?

Хачкай промолчал, но никто и не ждал от него ответа.

— Позволь заверить тебя, мальчик, — голос Тоби был сладче меда, — что мы не потребуем с тебя денег, которых ты, конечно же, не имеешь. Нет, ты можешь есть это прекрасное мясо и этот свежий сыр, не опасаясь того, что тебя назовут неблагодарной свиньей. Та вещь, которой ты можешь расплатиться с нами, всегда при тебе.

Мустафа махнул рукой, и двое шестерок немедленно подскочили к Ардиану, схватив его за руки.

— Твоя задница, дружок, — мягко продолжал Тоби. — Ты же не откажешь своим друзьям в этом маленьком пустячке?

Ардиан ловко лягнул в щиколотку одного из державших его парней, но в то же мгновение на голову ему обрушилась дубинка. Перед глазами вспыхнул фейерверк разноцветных искр, очертания стола и сидевших за ним людей расплылись, подобно клочку тумана.

— Эй, Лала, кто же так обращается с гостем! — прикрикнул Мустафа. — Как же он теперь сможет сесть за наш праздничный стол? Ему же кусок в глотку не полезет!

— Это смотря какой кусок, — возразил Тоби, и шестерки, как по команде, захочотали.

Сквозь клубившийся перед глазами туман Хачкай увидел, как Мустафа грузно вылезает из-за стола и, похлопывая ладонью по выпирающему из штанов брюху, идет к нему.

— Зря ты отказался от угощения, мальчик, — пробурчал он. — Два удовольствия — лучше, чем одно...

— Эй, Мустафа, — негромко окликнул его кто-то за спиной Ардиана. — Кому это твои парни руки выкручивают?

Мустафа остановился в трех шагах от Хачкай и скрчил недовольную рожу:

— Да тебе-то что за дело, стариk? Мало ли кто приходит ко мне за куском хлеба...

— Сдается мне, что это мой подмастерье, — спокойно ответил его собеседник, и Ардиан, наконец, узнал голос Дауда. — А мне он нужен живой и здоровый, с целыми руками и ногами. Вели своим шестеркам отпустить его...

Мустафа неожиданно выбросил вперед руку и схватил Хачкай за волосы.

— С какой это стати я должен его отпускать? Мальчик сам пришел ко мне, зная, что я не оставлю в беде голодного... не так ли, мальчик?

Он рванул голову Ардиана на себя, и Хачкай едва не застонал от боли.

— Не так, — громко сказал он, глядя снизу вверх в широкое ухмыляющееся лицо Мустафы. — Ты послал за мной своего пса Лалу. И я вовсе не голоден...

Мустафа ударил его раскрытой ладонью по ли-

цу. Ладонь у него была мягкая, перемазанная в козлином жиру.

— Хватит! — возвысил голос Дауд. — Если ты еще раз дотронешься до этого парня, я забуду о том, что когда-то опрометчиво пообещал тебе...

Ардиан не знал, что именно Дауд пообещал Мустафе, но, видно, это было и впрямь что-то важное, потому что Хозяин немедленно отпустил его волосы и даже отступил на шаг назад.

— Ладно, — презрительно фыркнул он, вытирая ладонь о штаны. — Не так уж он нам тут и нужен. Забирай своего драного подмастерья и проваливай, пока я не передумал...

— Пойдем, — велел Дауд Ардиану. Взял его за руку и повел прочь. За спиной у них глумливо пересмеивались шестерки Сестер.

Старик довел Хачкая почти до самого барака. За все это время он не проронил ни слова, за что Ардиан был ему благодарен.

— Завтра в восемь, — вот и все, что сказал ему Дауд перед тем, как развернуться и уйти. — И раздобудь где-нибудь перчатки: придется работать с шипами и лезвиями.

— Спасибо, эфенди, — пробормотал Хачкай, но старик ему не ответил.

О том, что с ним произошло, Ардиан никому рассказывать не стал. Ночь он провел без сна, глядя в растрескавшийся потолок и вспоминая подернутые маслянистой пленкой глаза Мустафы. «Нужно что-то делать, — шептал ему внутренний голос, — и делать быстро, потому что в следующий раз, когда Сестрам захочется пригласить тебя за праздничный стол, Дауда может не оказаться рядом...»

На следующий день Ардиан работал с энтузиазмом, удивившим даже его самого. Когда водонос Рауль поинтересовался у Дауда, как там справляется его новый подмастерье, обычно скромный на похвалы стажер одобрительно проворчал, что даже из такого балбеса при надлежащем подходе может выйти толк. Ардиан, шлифовавший за перегородкой затупившийся нож разрыхлителя, глуповато и довольно заулыбался, радуясь тому, что никто его не видит.

— Эфенди, — спросил он, когда Дауд позвал его обедать. — Скажите, а кем вы были до того, как попасть в лагерь?

Дауд поставил перед ним миску с густой похлебкой, накрытую серой лепешкой.

— Что значит кем был? — сварливо осведомился он. — Твой вопрос означает, что, попав в лагерь, я сильно изменился, не так ли? Но как ты можешь судить об этом, ведь ты же познакомился со мной только здесь?

— Я имел в виду, кем вы работали, — смущаясь Ардиан. — Ну, чем зарабатывали себе на жизнь...

Стажер пожал плечами и принял с аппетитом хлебать горячее варево.

— Тогда ты просто неправильно ставишь вопрос, — ответил он, наконец. — У меня много профессий, парень, но это не делает меня кем-то другим каждый раз, когда я меню работу. Человек всегда остается самим собой, неважно, в лагере он сидит или гуляет на свободе.

«Не скажет, — решил Ардиан. — Вот ведь скрытный стажер... И вроде бы болтает как заведенный, а по делу от него ничего не добьешься...»

— А вы хорошо знаете эти места? — попробовал он сменить тему. Дауд недовольно нахмурился:

— Какие эти, парень? Если ты имеешь в виду Северную Африку, то я здесь впервые. А если ты хочешь спросить, хорошо ли я знаю лагерь, то могу тебя заверить, что за последние три года изучил я его неплохо.

— А правду говорят, что в здешней пустыне полно ядовитых змей? — не отступал Хачкай. — Ребята в бараке болтают, будто они могут даже в койку заползти...

Старик внимательно посмотрел на него из-под кустистых бровей.

— Самые ядовитые змеи здесь ходят на двух ногах, — проговорил он. — Те, что в пустыне, нападают куда реже. Правда, я помню случай, когда одного охранника укусила пятнашка — это было года два назад, но парень ухитрился сам на нее наступить. Его, кстати, спасли — в том лазарете, где мы с тобой повстречались, есть целая комната с противоядиями от змей и скорпионов.

— Скорпионов? — заинтересованно переспросил Ардиан. Дауд кивнул:

— Скорпион опаснее змеи, по крайней мере, в здешних краях. Он очень проворный и не боится человека, сразу нападает и жалит. Однако настоящий бич этих мест — маленькая тварь, которую называют зайиб.

— Зайиб? Это арабское слово?

— Бедуинское. Означает «невидимая смерть».

Дауд замолчал и принялся сосредоточенно вытирать опустевшую миску куском лепешки. Ардиан не спускал с него глаз. Он догадывался, что хит-

рый старик специально держит паузу, чтобы вынудить его к расспросам, но не собирался сдаваться так быстро.

— Что ж, — проворчал Дауд, дожевав лепешку, — работы у нас сегодня много... Так что пошевеливайся, парень, нечего зря рассиживаться!

«Ладно, — подумал Ардиан, — все равно ведь узнаю, что это за зайиб такой... а спешить не буду. Ты же именно этого от меня ждешь, правда?»

Расчет оказался верным. Когда он отвез в сборочный цех последнюю тележку с партией заточенных до остроты бритвенных лезвий ножей-разрыхлителей, Дауд подозвал его к себе и протянул пластиковую бутылку с водой.

— Возьми, умойся, на сегодня достаточно. Для новичка, пожалуй, ты работал неплохо. Если будешь продолжать так и дальше, я, возможно, даже не стану жалеть, что взял тебя к себе в подмастерья.

Ардиан ухмыльнулся. Слышать такое от вечно недовольного Дауда было приятно.

— Что касается зайиба, — задумчиво проговорил Дауд, — то я видел его всего лишь пару раз — к счастью для себя. Это паук, или, правильнее сказать, паучок. Он размером с ноготь мизинца — твоего, не моего. А на спине у него два маленьких белых пятнышка — как будто слепые глазки. Бедуины говорят, что это глаза самой смерти...

— А почему «невидимая»? — не выдержал Ардиан.

— Говорят, что когда-то давным-давно среди племен пустыни бытовало поверье, что человек, заснувший в песках и не оградивший себя оточных демонов, умирает страшной смертью. Его лицо чер-

неет, а руки распухают, как у больного слоновой болезнью. Именно так выглядит тот, кого кусает зайиб.

— А как можно оградить себя от ночных демонов?

— Зайиб не любит воды. Он живет только в очень сухих местах, поэтому, чтобы защититься от него, достаточно окружить место ночлега мокрой веревкой.

Дауд посмотрел на Ардиана и вдруг фыркнул:

— По этой же причине зайиб никогда не кусает тех, кто мочится в свою постель.

— Спасибо, вы меня успокоили, — улыбнулся Хачкай. — А где вы его видели, эфенди?

— Один раз прямо здесь, — стариk ткнул пальцем куда-то в угол. — С тех пор, кстати, Рауль всегда наливает отработанную воду в канаву, которой окружены мастерские. А второй раз... второй раз я увидел зайиба в высохшем колодце. Знаешь, где это?

Ардиан покачал головой.

— На южной окраине лагеря, у руин старого французского форта. Год назад туда свалился любимый пес Толстого Фреда и босс велел троим доходягам лезть за ним. Пса они вытащили, но уже дохлого — язык у него почернел и распух, а глаза вылезли из орбит. Толстый Фред страшно разозлился, видно, подумал, что доходяги потихоньку придумали пса в колодце, хотя зачем им было это делать, совершенно неясно. У пса и без того шансов было немного — после падения с высоты двадцати футов...

— А его паук укусил?

— Паук. Один из доходяг рассказал потом, что

на дне колодца лежит скелет в истлевшей военной форме, а рядом с ним валяется какая-то мудреная штуковина, вся из стекла и металла. Это меня заинтересовало, и я спустился в колодец...

— Ничего себе! — не удержавшись, воскликнул Ардиан. — Не страшно было?

Старик пропустил его вопрос мимо ушей.

— Спустившись, я увидел зайиба. Он соткал себе гнездо в той штуковине, о которой рассказывал доходяга. Кстати, это оказался старинный прибор для определения географических координат. Если хочешь, я могу тебе его показать.

Ардиан завороженно кивнул. Мастер повернулся и прошел в глубь помещения, к высокому железному шкафу. Порылся в кармане халата, извлек немаленькую связку ключей и со щелчком открыл дверцу.

— Вот она, — с гордостью сказал Дауд, показывая на собранную из нескольких медных колец сферу, по окружности которой располагались линзы из горного хрустала. — Это средневековая арабская астролябия, очень редкая и ценная вещь. Я полагаю, что француз, скелет которого лежал на дне колодца, пытался спасти ее от напавших на форт врагов... а может быть, спасался бегством, унося свое сокровище с собой. Так или иначе, она утонула вместе с ним.

Старик любовно погладил отливающие тусклым золотом кольца.

— А как же зайиб? — спросил Ардиан. Астролябия его не слишком впечатлила.

— Я захватил с собой баллончик с kleem-аэрозолем мгновенного действия. Прежде чем эта тварь

успела на меня броситься, я обрызгал ее kleem. Потом скинул на пол и растоптал.

— А он там был один?

— Кто знает? Во всяком случае, я видел только одного.

Дауд захлопнул дверцы шкафа и повернул ключ в замке.

— Как ты думаешь, почему я так подробно тебе об этом рассказываю?

Ардиан пожал плечами:

— Интересную историю всегда приятно рассказывать, эфенди.

— Нет, — отрезал стариk. — Я полагаю, что ты не зря спрашивал меня о ядовитых тварях пустыни. Так вот, если хочешь услышать мой совет — с зайцом тебе лучше не встречаться. Слишком быстрая тварь, слишком смертоносная. Даже для тебя, парень.

На этот раз Ардиан промолчал. У него на этот счет имелось свое мнение.

Вечером он отозвал в сторону Али и шепнул ему:

— Ты обещал помочь, помнишь?

Али настороженно кивнул.

— Мне нужно птичье гнездо, — тихо сказал Ардиан. — Сможешь достать?

— Зачем? — подозрительно спросил Али. — И где я тебе возьму...

— Никаких вопросов. Просто скажи: сможешь или нет. Сейчас весна, птицы должны сидеть на яйцах. Мне нужно гнездо и несколько яиц, птицу можешь оставить себе.

Али посмотрел на него, как на сумасшедшего, но все-таки кивнул.

— Хорошо, — едва заметно улыбнулся Ардиан. — Только пострайся сделать так, чтобы никто об этом не узнал...

План, который понемногу вырисовывался у него в мозгу, требовал точного расчета, почти нечеловеческой ловкости и удачи. Особенно удачи.

Для начала Ардиан разведал дорогу к разрушенному форту. Название было красивым, но сами руины представляли собой неопрятную, поросшую колючкой груду саманного кирпича. Вдобавок над развалинами все время стоял неприятный едкий запах, как будто где-то под напластованиями кирпича из разъеденной ржавчиной цистерны медленно вытекала наполовину выдохшаяся химическая дрянь.

Ардиана это обстоятельство вполне устраивало. Он согласен был терпеть любую вонь, лишь бы не попасться на глаза охранникам или не в меру любопытным обитателям лагеря. Обернув лицо мокрой тряпкой, он приступил к поискам заброшенного колодца. Тот обнаружился в закрытом от ветра внутреннем дворике крепости, где от разлитой в воздухе отравы начинали слезиться глаза. На колодец он походил мало — просто черная дыра в земле с небрежно выложенными битым кирпичом краями. Но больше в округе ничего похожего не было, и Ардиан решил, что это тот самый колодец, о котором рассказывал ему Дауд.

В последний рабочий день недели он утащил из мастерских асbestosовые рукавицы, метровый стальной костыль и двадцатиметровый моток плетеного кабеля. Костыль, остро заточенный с одного конца, легко вошел в кирпичное крошево и намертво за-

сел в земле. Ардиан закрепил кабель под расплощенной шляпкой костыля и сбросил другой конец кабеля в колодец.

Перед тем как спуститься в источавшую зловоние дыру, он посидел на груде битого кирпича, пытаясь справиться с внезапно накатившей волной паники. Все-таки старому Дауду удалось его здорово напугать. При одной мысли о том, что где-то внизу затаилось крошечное смертоносное существо, которое может убить его прежде, чем он его увидит, мышцы Ардиана становились вялыми и дряблыми, а сердце сдавливали холодные жесткие пальцы. Он сидел, не в силах пошевелиться, чувствуя себя совсем маленьким и слабым. Потом он вспомнил масленые глазки Мустафы, его жирный, кривящийся в ухмылке рот и почувствовал, как страх отступает под напором ненависти.

— Я убью тебя, — прошептал Ардиан, обращаясь то ли к Мустафе, то ли к своему страху. — Ты меня не получишь. Я сильнее, чем ты думаешь...

Он поднялся, повесил себе на шею мешочек, в котором что-то жужжало и побрякивало, натянул асbestosовые рукавицы и полез в колодец.

Спускаться было несложно — в выложенных кирпичом стенах колодца тут и там чернели глубокие выбоины, которые Ардиан использовал как ступени. Старый кирпич крошился под ногами, крупные куски с глухим стуком падали на невидимое в темноте дно. «Если там живут пауки, — подумал Хачкай, — я уже их всех перебудил...»

Вокруг сгущалась тьма. Кружок голубого неба над головой приобрел темно-фиолетовую окраску, как будто на поверхности уже наступил вечер. Ар-

диан приостановил спуск и вытащил из мешочка маленький, но мощный фонарик, без спросу позаимствованный у старого Дауда. Перед тем как нажать на кнопку, он вновь испытал короткий, острый укол страха — ему вдруг показалось, что пауки, скрывающиеся в бархатистой темноте, только и ждут, когда он включит свет. Но Хачкай уже знал, как бороться со своим страхом.

Луч фонаря ткнулся в бурью, поросшую сухим лишайником стену, скользнул вниз, перепрыгивая через выбоины и трещины, и высветил заваленное камнями дно колодца метрах в двух под ногами Ардиана. Среди острых осколков белели кости скелета.

Ардиан взял фонарик в зубы и осторожно скользнул по канату на камни. Осмотрелся, ожидая увидеть снующих повсюду пауков, но вокруг было пусто и мертвое. Хачкай медленно пошел вдоль стены, внимательно глядя себе под ноги. Один раз ему показалось, будто впереди шевельнулось что-то белесое, но это был лишь полуистлевший эполет, укарашавший некогда мундир владельца астролябии. Убедившись в том, что никаких пауков в колодце нет, Ардиан почувствовал себя обманутым. Впрочем, Дауд ведь не утверждал, что смертоносных тварей там будет много. Может, тот паук, которого он обрызгал клеем, был единственным обитателем подземелья...

Ардиан достал из мешка пачку из-под сигарет «Кэмел», встряхнул ее и тут же услышал недовольное жужжение. Жужжали толстые зеленые мухи, которых по его заказу наловил в окрестностях выгребных ям Салех. У всех мух были аккуратно оторваны крыльышки, поэтому летать они не могли, а

жужжать и бегать — сколько угодно. Ардиан открыл пачку и вытряс мух на большой плоский камень, рядом с которым покоился череп безвестного француза. Он не знал, чем питается зайб, но предполагал, что в глубине души все пауки одинаковы. Опустошив пачку, Ардиан сложил из осколков кирпича что-то вроде подставки для фонарика с таким расчетом, чтобы луч падал на камень с мухами. Потом извлек из мешка предмет, похожий на маленькое сито на длинной ручке, банку с плотно завинчивающейся крышкой, положил их рядом с собой и принялся ждать.

Ждать ему пришлось долго. Время от времени Ардиан принимался считать про себя секунды, доходил до полутора тысяч, сбивался и начинал снова. Мухи надоедливо жужжали, бесстыдно ползали по камню, сваливались с него в кирпичную крошку, но в основном оставались в круге света. Пару раз Хачкаю показалось, что какое-то маленькое насекомое забралось ему под рубашку, но это, судя по всему, была просто игра воображения. Когда ему надоедало смотреть на копошащихся мух, он поднимал голову и глядел вверх, на фиолетовый кружочек неба; отсюда, со дна колодца, можно было легко разглядеть мерцающую над пустыней одиночную звезду.

Часа через три свет фонаря начал постепенно тускнеть. Ардиан, которому уже порядком надоело сидеть в зловонной дыре, решил, что еще раз считает до тысячи и поднимется на поверхность, не дожидаясь, пока аккумулятор разрядится окончательно. Он испытывал разочарование и облегчение

одновременно и не понимал, какое чувство сильнее.

Выждав пятнадцать минут, Хачкай протянул руку к фонарику и вдруг замер, затаив дыхание. На плоском камне происходило что-то странное — в мельтешении бескрылых мух появилась какая-то упорядоченность, как будто бы они разбегались во все стороны из одной точки. Ардиан очень осторожно посветил в темноту, пытаясь обнаружить источник мушкиной паники, и вздрогнул. У самого края камня блеснула в тусклом свете фонарика антрацитово-черная головка с двумя белыми пятнышками, похожими на крохотные слепые глазки.

Зайиб!

Размером паук был не больше мелкой монеты, хотя и не таким маленьким, как описывал его Дауд. Он крался вдоль камня очень осторожно, словно подозревая ловушку. От Ардиана его отделяло метра полтора, но Хачкай не сомневался, что зайиб может преодолеть это расстояние быстрее, чем он успеет схватиться за ручку проволочного сита. К счастью для него, внимание паука было явно приковано к крупной, лежащей на спине мухе, которая беспрерывно сучила лапками в бесплодных попытках перевернуться и убежать. Не отрывая взгляда от подкрадывающегося к добыче зайиба, Ардиан поднял с земли сплетенную из проволоки ловушку. Паук вдруг замер, остановившись в нескольких сантиметрах от беспомощной мухи, и неожиданно поднялся на задние лапки — Ардиану показалось, что он собирается прыгнуть. Не медля ни секунды, он быстро шагнул вперед и опустил свое сито на камень, накрыв им и зайиба, и муху. Потом, еще не

веря в свою удачу, придавил сито сверху тяжелым каменным осколком — на всякий случай, чтобы паук не выбрался из-под проволочного купола. Посветил фонариком по сторонам, проверяя, не спешат ли к мушиному пиршеству другие пауки. Облегченно вздохнул, никого не обнаружив.

Наступал самый ответственный этап операции. Хаккай свинтил крышку с пластиковой банки из-под арахисового масла и поднес ее к ситу. Руки тряслись. Затем осторожно, чтобы не раздавить насекомых, подтащил сито к краю камня. Сверху ему было видно, как суетится зайиб, пытаясь просунуть длинные передние лапки в узкие щели между проволочками. Ардиан стиснул зубы и передвинул сито еще на пару дюймов — таким образом, чтобы паук мог проскользнуть в приоткрывшуюся внизу щель. Одновременно он просунул между камнем и краем сита пластиковую банку. Несмотря на асbestовую рукавицу, он чувствовал себя очень неуверенно.

Паук подбежал к щели и замер. Потом вдруг подобрал лапы и камешком рухнул на дно банки. Раздался сухой стук и сразу за ним тихий зловещий шелест. Ардиан выдернул банку из-под края сита, схватил крышку и начал торопливо ее завинчивать. Делать это в толстой асbestовой рукавице было страшно неудобно, пару раз крышка едва не сорвалась с резьбы, и Ардиан мгновенно вспотел от страха. Потом крышка перестала проворачиваться, и он с облегчением понял, что дело сделано. Зайиб был пойман.

Несколько минут Ардиан просто стоял и тупо разглядывал пластмассовую баночку, в которой

шелестела маленькая смертоносная тварь. Потом скинул рукавицы и непослушными, трясущимися пальцами засунул банку в мешок.

Наверх он поднимался, не очень хорошо понимая, что делает. Кабель был слишком скользким, чтобы лезть по нему, как по канату, и Ардиану пришлось взбираться по стене колодца, нашаривая выбоины и выступы. Каждый раз, касаясь невидимой в темноте стены, Ардиан готовился ощутить под подушечками пальцев гладкий хитин паучьего тельца: воображение рисовало ему маленьких зайибов, настороженно перебирающих тонкими, ломанными лапками в сантиметре от его лица. Когда подъем, наконец, закончился и Хачкай почувствовал на своем лице жаркий ветер пустыни, ему показалось, что он постарел на двадцать лет.

Он лег на спину — прямо в пыль у зловонной дыры колодца — и долго лежал так, разглядывая синий купол небес. Потом поднялся, отряхнул куртку и побрел обратно, к жилым баракам.

Ардиан долго умывался на заднем дворе, пытаясь соскести с себя прах паучьей дыры. Вся его одежда, казалось, пропиталась сладковатой химической вонью. Он выстирал рубашку и принялся стаскивать с себя штаны, когда во двор вошли Али и Омар.

— Ты где пропадал? — спросил Али, с интересом разглядывая Ардиана. — За тобой Лала приходил, хотел, видно, к Мустафе отвести, мы ему сказали, что ты в мастерских, но он, видать, не поверили. Сегодня ж выходной, какой идиот станет на работе горбатиться...

— Гнездо нашли? — перебил его Ардиан. — То, что я тебя просил?

— Нашли, — Али пренебрежительно махнул рукой. — В бараке оно, под койкой у Салеха лежит. Думаешь, оно тебе поможет?

— Посмотрим. Ладно, пошли, покажете, что у вас там.

Гнездо оказалось подходящим. Небольшое, сплетенное из веточек и сухих листьев, очень аккуратное. В гнезде было три яйца — маленьких, вытянутых, испещренных красными и коричневыми точками. Ардиан оценивающе покачал их на ладони и остался доволен.

— Это ржавка, — на всякий случай объяснил Салех. — Саму птицу мы зажарили, правда, мяса в ней почти что и не было... как думаешь, эти яйца вкусные?

Ардиан пожал плечами.

— Когда закончу, приготовлю тебе омлет.

— Закончу что? — с любопытством спросил Салех, но Хачкай не ответил.

Вечером Ардиан заперся в комнате отдыха, предупредив старших, чтобы они не подпускали к ее дверям посторонних. Омар не на шутку разозлился: еще бы, какой-то сопливый новичок указывает ему, что делать! Более рассудительный Али успокоил его, напомнив, что новичок старается ради общего блага. Говоря это, он выразительно посмотрел на Ардиана, словно предупреждая его: если у тебя ничего не выйдет, пеняй на себя!

Но Ардиан и так знал, чем рискует. Сестры не оставят его в покое, а рассчитывать на то, что ста-

рый Дауд будет провожать его каждый раз после работы, по меньшей мере глупо.

Он работал всю ночь и к утру уже едва держался на ногах от усталости. Два яйца он все-таки испортил, и они теперь годились разве что на обещанный Салеху омлет, но с третьим все получилось, как надо. Ближе к рассвету Ардиан осторожно завернул его в вату и бесшумной тенью выскользнул из комнаты отдыха.

Желание поскорее разделаться с Мустафой было так велико, что он с трудом заставил себя вернуться в барак. Лег на койку, натянул на голову одеяло и попытался заснуть. Без толку — мышцы звенели от напряжения, нервы превратились в медленно тлеющие нити, выжигающие тело изнутри. К счастью для Ардиана, времени до подъема оставалось немного, иначе это ожидание наверняка свело бы его с ума.

Дауд, разумеется, заметил, что с ним творится что-то неладное.

— Ты сегодня какой-то вареный, парень, — проговорчал он, когда Хачкай в третий раз уронил себе на ногу тяжеленный коленвал. — Глаза красные, как у кролика... ты, часом, не начал ли жевать бешк?

— Нет, мастер, — кротко отвечал Ардиан. — Я не люблю наркотики. Наверное, просто заболел.

— Если ты думаешь, что я отпущу тебя пораньше, то ошибаешься. Больной ты или нет, а работу нам нужно выполнить в срок. Кстати, куда запропали мои рукавицы?

Ардиан вздрогнул. С утра он незаметно вернулся на место и кабель, и фонарики, а вот про асbestosовые

рукавицы забыл. Они так и остались лежать на дне сухого колодца...

— Не знаю, мастер, — соврал он, стараясь не глядеть в глаза Дауду. — Я их не видел...

Старик поглядел на него из-под густых седых бровей, но ничего не сказал.

К концу дня Хачкай немного пришел в себя. Спать уже не хотелось, вернулась прежняя точность и уверенность в движениях.

— Вроде как выздоравливаешь, — хмыкнул Дауд. — Работа, парень, лечит лучше любого доктора!

На обратном пути из мастерских Ардиан специально пошел длинным кружным путем, чтобы не наткнуться на Сестер или их шестерок. К ужину он опоздал, поэтому ему досталась лишь тарелка холодной сорговой каши, но сегодня Хачкаю было все равно. Он торопливо проглотил еду, не замечая вкуса, и поспешил в барак.

— Сколько ты еще собираешься возиться? — недовольно зашипел ему на ухо Али, когда Ардиан улегся на свою койку. — Сегодня Сестры будут разбираться со старшими из шестого блока, там два парня украли раздвижную лестницу и ночью пытались перелезть через забор. А Юсуф, старший шестого блока, земляк Омара. Омар страшно злится, говорит, что ты только голову нам морочишь, а сам ничего сделать не можешь...

Хачкай повернул голову:

— Пусть не болтает лишнего. И ты тоже... не суетись.

Али сжал и без того тонкие губы.

— Не забывай, ты здесь никто! Ты живешь спокойно только потому, что мы за тебя подписались,

понял? Сейчас ты боишься только Сестер, а если мы от тебя отвернемся, будешь бояться собственной тени!

Ардиан стремительным движением схватил его за запястье и крепко сдавил.

— Я не боюсь никого, — раздельно проговорил он. — Ни Сестер, ни вас с Омаром. И очень скоро ты поймешь почему.

Али вырвал руку и, бормоча ругательства, отшел. Хачкай удовлетворенно улыбнулся. Если все пойдет по задуманному им плану, Али вспомнит этот разговор и почувствует страх. И с этого момента станет его преданным союзником.

О том, что его план сработал, Ардиан узнал за завтраком. Вдоль длинных столов, по рядам склонившихся над своими тарелками заключенных гулял беспокойный шепоток. Хачкай не успел поднести ко рту первую ложку, а сидевший рядом Салех уже возбужденно зашептал ему в ухо:

— Мустафа, говорят, сдох. Как собака, представляешь? Только с кровати встал — схватился за горло, покернел весь — и грохнулся. Его сразу же в лазарет забрали, да что толку! Говорят, в мозгу что-то лопнуло, а такой с виду амбал здоровый был!

— На все воля Аллаха, — ответил Ардиан, не поворачивая головы. Очень вовремя — Салех уже открыл рот, чтобы что-то спросить, но после этих слов передумал.

Хачкай не торопясь доел свою порцию, вытер тарелку куском лепешки и поднялся из-за стола. Ему хотелось плясать и петь. «Получилось, — думал он, — у меня все получилось... Правда, остался еще

Тоби, но с ним одним я как-нибудь управлюсь. Шестерок в расчет можно не принимать — старшие не дадут им занять место Сестер...»

— Повезло тебе, — буркнул Омар, столкнувшись с ним у выхода из обеденного блока. — Мустафа-то сам откинулся, слышал уже, наверное?

Ардиан спокойно посмотрел на него, и кривая усмешка сползла с лица старшего.

— Ты что, — почти враждебно проговорил Омар, — хочешь сказать, что все это ты подстроил? И думаешь, я в это поверю?

Хачкай пожал плечами:

— Не верь. В конце концов, все люди смертны.

Отодвинул побледневшего Омара с дороги и спешил к мастерским — старый Дауд всегда ругался на него за опоздания.

— Ты уже, конечно, знаешь о том, что случилось с Мустафой, — проворчал старик вместо приветствия. — Конечно, такое может произойти с каждым из нас, но Сестры последнее время мрут что-то слишком часто. Кое-кто наверху наверняка уже заподозрил неладное. Толстый Фред обязательно назначит расследование...

— Скорее всего, — согласился Ардиан. — Но он и после гибели Халида что-то такое назначал.

— На этот раз копать могут глубже. Ладно, иди работай...

Старик оказался прав. Копать начали сразу и глубоко.

Специально вызванный из Марракеша судмед-эксперт быстро определил, что причиной смерти Мустафы стал укус паука, называемого бедуинами зайдиб. Обнаружил он и место укуса — большой па-

лец правой ноги. А когда дознаватели нашли в правом ботинке Мустафы кусочки скорлупы от яйца песчаной ржавки, сложить два и два смог даже не отличавшийся развитым интеллектом Толстый Фред.

По лагерю поползли тревожные слухи. Все сходились на том, что Мустафа пал жертвой хладнокровного и изобретательного убийцы, но действует ли этот убийца в одиночку и собирается ли он остановиться на Мустафе — в этом согласия не было. Среди заключенных вошло в привычку вытряхивать свою одежду и обувь перед утренним построением. Множество безобидных паучков, обитавших в бараках, пало жертвой охватившего всех безумия.

На третий день после гибели Мустафы люди Толстого Фреда пришли за Ардианом.

Ардиан впервые увидел заместителя начальника лагеря по режиму лицом к лицу. Толстый Фред был действительно толст. На взгляд Ардиана, он весил не меньше полутора центнеров, и не очень понятно было, как эта огромная, потеющая туша переносит жестокую североафриканскую жару. Правда, в кабинете у него работал кондиционер.

На столе перед Толстым Фредом стояли серебристый термос, высокий бокал с холодным оранжадом и большая чаша, в которой плавился лед. Перешагнув порог, Ардиан сразу почуял запах лимона и прохладный аромат мяты и с трудом подавил искушение броситься к столу и в два глотка выхлебать содержимое термоса.

— Заключенный Хачкай по вашему приказанию явился, — смиренно отрапортовал он. Зам по

режиму поднял на него маленькие, заплыvшие жиром глазки.

— Жить хочешь, Хачкай? — равнодушно спросил Толстый Фред.

— Хочу, сэр, — искренне ответил Ардиан, догадывавшийся, к чему идет дело. По дороге к административному блоку он прикинул шансы выйти оттуда живым и решил, что они не так уж невелики.

— Тогда садись и пиши, — голос Толстого Фреда по-прежнему был сух и спокоен. — Ручка и бумага — там, на столике.

— Писать что, сэр?

— Признание, Хачкай. Чистосердечное признание в убийстве Мустафы Рахима, известного в лагере под кличкой Хозяин. А также в покушении на убийство Халида ибн-Заррахи. Если напишешь все быстро и точно, останешься жив.

— Простите, сэр, это шутка? — спросил Ардиан дрожащим от напряжения голосом. Со стороны казалось, что он едва выговаривает слова от страха. — Я никого не убивал...

— Хочу тебе кое-что объяснить, Хачкай, — Толстый Фред похрустал жирными пальцами. — Ты, наверное, думаешь, что попал в чистенькую западную тюрьму, где торжествуют политкорректность и уважение к правам человека? Ошибаешься, парень. Лагерь Эль-Хатун — моя вотчина, я здесь хозяин, и порядки устанавливаю тоже я. Те, кто беспрекословно выполняют мои приказы, живут неплохо. А те, кто пытается обвести меня вокруг пальца, живут плохо или не живут вовсе.

Он залпом допил оранжад и покрутил пустой бокал в огромной лапе.

— В этом здании есть подвал с толстыми бетонными стенами. Там я ставлю разные любопытные эксперименты над такими, как ты. Проверяю, как долго вы можете обходиться без воздуха. Или какое напряжение вы выдерживаете, если провода от динамо-машины прикрутить к вашим поганым яйцам. Или сколько дней вы проведете, питаясь собственным дермом. Так что, если будешь упорствовать, то, скорее всего, умрешь, не выдержав пыток. Как тебе такая перспектива, а, Хачкай?

Ардиан молчал. «Он просто пытается меня запугать, — твердил он про себя. — Никаких доказательств у него нет и быть не может. Главное — не сломаться...»

— Может быть, ты хочешь спросить, кто такие «вы», Хачкай? — продолжал зам по режиму. — О, это очень просто. «Вы» — это сраные мусульмане. Вы заполонили старушку-Европу и пытались навязать свою волю великим Соединенным Штатам. Вы, верно, думаете, что способны поставить на колени весь мир. Так вот, этот лагерь — как раз то место, где на колени ставят вас самих.

— Я не мусульманин, сэр, — быстро сказал Ардиан, когда Фред замолчал, чтобы перевести дух. — Я албанец, а в Албании...

— Заткнись, Хачкай! — рявкнул Толстый Фред. — Мне плевать, кто ты. Ты заключенный лагеря Эль-Хатун, а это лагерь для мусульман. И пока ты здесь, ты мусульманин. Ясно?

— Так точно, сэр.

— Так вот, парень, для меня нет большего удовольствия, чем доказывать таким, как ты, что они не люди, а животные. И уверяю тебя, я не упускаю

ни одного удобного случая как следует поразвлечься.

— Не совсем понимаю, сэр, — Ардиан заставил себя смотреть прямо в блинообразное лицо зама по режиму, — если вам так нравится подвергать заключенных пыткам, почему вы уговариваете меня написать чистосердечное признание?

Толстый Фред пожал плечами.

— Потому что одно вовсе не исключает другого. Я знаю, что ты убил Мустафу, и знаю, как ты это сделал. Ты поймал ядовитого паука и посадил его в пустое яйцо ржавки, чтобы он не убежал раньше времени. Потом подбросил яйцо в ботинок Мустафы — как ты смог подобраться к нему так близко, я не понимаю, но ты мне об этом непременно расскажешь. Когда Мустафа сунул ногу в ботинок, он раздавил яйцо и паук немедленно укусил его. Что ж, в изобретательности тебе не откажешь, Хачкай. В твоем досье говорится, будто тебя выслали из Франции за воровство в супермаркетах, но чутье подсказывает мне, что это не самый тяжелый твой грех...

Ардиан не ответил. «Все, что вы скажете, может быть использовано против вас» — эта фраза часто повторялась в боевиках, которые так любил смотреть Раши. Правда, там говорилось также: «У вас есть право хранить молчание», а этого права Толстый Фред ему предоставлять явно не собирался.

— Так вот, Хачкай, ты можешь взять ручку и описать это во всех подробностях. Обещаю, что в этом случае я не стану тебя убивать. Понимаешь, грань между жизнью и смертью очень тонка. Если на твои яйца подать ток в двести двадцать вольт и

не отключать его две минуты, ты гарантированно сдохнешь. А если шестьсот вольт в течение десяти секунд, то ты получишь всего лишь яйца вкрутую. Свое-то удовольствие я в любом случае получу. А вот тебе есть над чем подумать...

— Вы не сделаете этого, сэр, — твердо сказал Ардиан. — Вы же христианин и не возьмете грех на душу. А казнить невинного, сэр, большой грех.

Толстый Фред неожиданно поднялся и, опершись об опасно хрустнувший стол, наклонился к нему:

— В этой комнате вообще нет невинных, парень. Здесь сидят двое убийц — только один из них грязный мусульманин, зверь в человеческом обличье, а другой — Нимрод, сильный зверолов перед Господом. Я же говорил тебе — ты ошибаешься, думая, что имеешь дело с чистенькими европейцами вроде тех, которых видел в Париже или где ты там чистил супермаркеты. Я торчу в гребаной Северной Африке не потому, что мне нравится здешний климат, а потому, что на войне не выбирают, где сражаться. Я солдат, Хачкай, рядовой великой войны цивилизации с варварством. И я не пожалею ни тебя, ни таких, как ты, и мне плевать, сколько грехов будет у меня на душе. Потому что Господь мой простит меня за то, что я убивал во имя Его!

Он налил себе бокал оранжада и жадно выпил. На красном, обгоревшем на солнце лице немедленно выступили крупные капли пота.

— Бери ручку и пиши, Хачкай. Расскажи о том, как ты посадил паука в яйцо. Это наверняка было непросто, правда? Не забудь написать и про то, как ты залил уксус в бутылку из-под пива. Заодно, кста-

ти, можешь объяснить, чем тебе так досадили эти Сестры. Они же, кажется, даже трахнуть тебя не успели...

— Сестры досаждали не только мне, сэр. Но я никого не убивал.

Толстый Фред порылся в ящике стола и вытащил оттуда белый носовой платок размером с наволочку для подушки. Промокнул лоб.

— Я предполагал, что ты можешь оказаться упртым парнем, Хачкай. Что ж, у тебя будет время размыслять. А пока будешь размышлять, помни, что я говорил тебе о грани между жизнью и смертью.

Он нажал кнопку, и за спиной Ардиана бесшумно открылась дверь.

Его заперли в маленькой комнате с сырьими стенами из неоштукатуренного цемента. На потолке — забранная частой решеткой слабая желтоватая лампочка, в углу — зловонная дыра, у стены бугристый, набитый соломой напополам с блохами матрас. Стены комнаты были испещрены надписями на арабском языке, абсолютно непонятном для Ардиана.

Спустя несколько часов после первого допроса у Толстого Фреда Хачкаю принесли еду. Она ничем не отличалась от той, которой кормили в бараках — жидкая пожлебка с волокнистыми кусками безвкусного мяса, жесткий рис и черствая лепешка — но, съев ее, Ардиан сразу же почувствовал себя плохо. Он попытался сразу же избавиться от съеденного, согнувшись над дырой и засунув два пальца в рот, но большого облегчения не ощутил. Живот

крутило так, словно там поселилась обезумевшая белка вместе со своим колесом. В горле застрял распухающий с каждой минутой комок, ноги стали ватными и слабыми. Хачкай повалился на матрас и прижал колени к груди.

«Меня отравили, — равнодушно подумал он. — Видно, Толстый Фред понял, что я все равно ни в чем не признаюсь, а доказательств у него нет. И решил от меня просто избавиться...»

Как ни странно, он совсем не боялся. Возможно, истратил весь запас страха во время допроса, а может быть, слишком быстро ослаб и перестал воспринимать реальность всерьез. «Это фата-моргана, — шептал у него в голове чей-то вкрадчивый голос, — просто иллюзия... тебя здесь нет, ты далеко от этого сырого подвала, от лагеря Эль-Хатун, да, может, и лагеря такого и нет вовсе... и когда все кончится, ты откроешь глаза и увидишь над собой зеленые глаза Миры... и почувствуешь не отвратительную вонь отхожего места, а запах ее духов и горячего тела...»

Ардиан поверил бы этому голосу, если бы не страшная резь в животе. Зачем нужна фата-моргана, которая выжигает внутренности каленым железом? «Просто я умираю, — сказал он голосу, — а ты пытаешься меня успокоить. Но я не боюсь, только хочу, чтобы все поскорее закончилось... чтобы прекратилась эта раздирающая изнутри боль...»

К вечеру резь в желудке немного прошла, но начался жар. Ардиан с удивлением увидел, что стены камеры ритмично вздуваются и опадают, как стекли некоего чудовищного желудка. Желтая лампа на

потолке вдруг стала солнцем, маленьkim, но очень горячим; Ардиан пытался скрыться от его палящих лучей, забравшись под матрас, однако жгучие лучи лампы проникали даже сквозь солому и оставляли на теле болезненные ожоги. В какой-то момент Хачкаю показалось, что он может спастись, если залезет в зловонную дыру в углу; к счастью, силы совсем оставили его и он потерял сознание на полупути к своей цели, прямо на мокром цементном полу.

Дальнейшее он помнил очень смутно. Кажется, его осматривали какие-то люди в зеленых одеждах и масках, полностью скрывавших лица. Гулкий раскатистый рокот барабанов волнами наплывал откуда-то сверху — там, невообразимо высоко, колыхались белые марлевые полотнища, похожие на трепещущие на ветру флаги. Потом оттуда, с высоты, подул свежий холодный ветер и коснулся пылающего лба Ардиана. «Все кончено, — подумал он неожиданно отчетливо, — я умираю. Больше не будет боли... только блаженство этого прохладного дуновения... оказывается, умирать совсем не страшно...»

Он рухнул в темную бездну и стремительно полетел по суживающейся, почти бесконечной спирали туда, где плескались воды безбрежного черного океана.

Но он не умер.

Падение прекратилось так же неожиданно, как и началось. Мгновение назад он еще падал, а в следующий миг уже лежал на жесткой, но вполне реальной койке, жмуря глаза от ослепительного света.

— С возвращением, Хачкай! — произнес по-албански очень знакомый голос.

2. СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА, 2024 Г.

Молодой человек в очень дорогом костюме стоит перед большим — в полстены кабинета — экраном. У молодого человека черные курчавые волосы, крупный нос и пухлые губы. На пальце правой руки — перстень из белого золота с изображением черепа и костей.

Он, насвистывая, скользит пальцами по сенсорной клавиатуре, на которой, помимо клавиш с буквами и цифрами, расположено еще полсотни непонятных непосвященному значков. Некоторые напоминают перевернутые пирамиды или звезды, заключенные в круг; другие вообще ни на что не похожи.

По всему экрану распластан огромный паук. Кажется, что он размером с теленка. При таком увеличении хорошо видны чувствительные волоски (толщиной с карандаш), ганглии, мембранны и железы, вырабатывающие яд. Молодой человек задумчиво водит курсором по хитросплетениям внутренних органов паука. Он изучает этих тварей несколько лет и знает их лучше, чем своих соседей по дорожному пригороду Сан-Франциско. Но этот — конкретно этот — паук ему незнаком. Это неудивительно — пауков на свете более тридцати тысяч видов, а этого привезли откуда-то из забытого богом угла Северной Африки.

Молодой человек заинтересован. Он с удовольствием потратил бы свой законный уик-энд на то, чтобы познакомиться с пауком поближе. Но сначала он должен выполнить просьбу своего однокашника по Йельскому университету. Просьбу, о серьезности которой говорит весьма солидный перевод

на банковский счет молодого человека. К тому же у однокашника на руке — такой же перстень с черепом и костями, знак принадлежности к тайному обществу студентов Йеля.

Биохимическая лаборатория Калифорнийского университета, где работает молодой человек, располагает всеми необходимыми для выполнения этой просьбы технологиями. То, что выглядит огромным и страшным насекомым на экране, на самом деле — крохотный паучок, надежно закрепленный почти невидимыми путами на микроподобии операционного стола. Над ним нависает крошечное лезвие электронного скальпеля. С помощью этого инструмента молодой человек легко вскрывает головогрудь паука и погружает микронной величины электроды в его ганглии.

На экране изображение увеличивается еще в несколько раз — теперь перед молодым человеком только трепещущие серые мембранны ганглиона — своеобразного мозга паука. Если быть точным, то у паука два мозга — один, небольшой, отвечает в основном за зрение, второй, в форме звезды, регулирует рефлексы и инстинкты насекомого. Молодому человеку нужен как раз второй. Он аккуратно вводит электроды в толщу железистых тел второго мозга и для пробы посыпает на них слабый разряд.

Паук реагирует именно так, как он и предполагал. Несмотря на большое видовое разнообразие, все они, в общем-то, одинаковы.

При раздражении одной из желез паук-самец начинает выделять феромоны. Это летучие химические соединения, чей молекулярный состав чрезвычайно привлекателен для самок. Вообще-то пау-

ки довольно изобретательны в деле соблазнения женских особей — некоторые исполняют ритуальные танцы, другие постукивают лапками, производя что-то вроде музыки, третьи приносят самкам в дар пищу или особую паутину. Но все это, скорее, эволюционные излишества — на самом деле для того, чтобы привлечь самку, пауку достаточно выделить феромоны.

Молодой человек полагает, что в мире насекомых мало кто может сравниться с пауками по части синтеза феромонов. Некоторые искусники научились даже вырабатывать половые феромоны бабочек — те, ничего не подозревая, летят на запах в ожидании радостей спаривания, а попадают в смертоносные сети.

Распятый на операционном столе паук конвульсивно выбрасывает пропитанную феромонами нить. Микронный пинцет осторожно подхватывает эту нить и безжалостно обрывает ее. Молекулярный сканер внимательно изучает нить и испускаемые ею эманации. Тем временем молодой человек снова посыпает электронный импульс в мозг паука.

Через десять минут паук умирает от истощения. Жаль, конечно, но свою функцию он выполнил. Выделенных им феромонов вполне достаточно. В конце концов, большинство пауков-самцов умирают как раз после спаривания — их съедают самки.

Молодой человек изучает полученные данные. Пальцы его снова начинают порхать над сенсорной панелью, запуская процесс молекулярного синтеза. Сам синтез осуществляется не быстро, но участие молодого человека требуется только на первом этапе, когда в компьютер вводятся все необхо-

димые данные. После этого можно расслабиться. Молодой человек, не чувствуя вкуса, съедает припасенный заранее гамбургер и возвращается к изучению мертвого паука. Его весьма интересуют сигиллы, расположенные в нижней части грудины. Сигиллы вообще загадочный орган, а у этого паука их не две, как у всех остальных видов, а четыре.

Он заканчивает работу только поздно вечером, когда большинство его приятелей и коллег уже сидят в барах или отплясывают в клубах. К этому моменту он знает о пауке из Северной Африки почти все. Молодой человек надевает перчатки и достает из камеры синтеза маленький флакон из сверхпрочного стекла, напоминающий пробник духов. Внутри флакона — несколько миллиграммов вещества, имеющего сложную молекулярную структуру. Этого количества достаточно, чтобы приманить всех пауков Северной Африки — ведь для того, чтобы рецепторные клетки насекомого «учуяли» феромон, хватает даже одной молекулы. Но приятель из Йеля просил сделать побольше — и молодой человек пошел ему навстречу.

Он прячет флакон в герметично закрывающийся титановый футляр размером чуть больше ручки «Паркер». Кладет футляр во внутренний карман своего пиджака и сожалением выключает приборы.

Молодой человек набирает на коммуникаторе номер своего однокашника из Йеля.

— Все готово, — говорит он.

— Отлично, — отвечает однокашник. — Как насчет того, чтобы поужинать у Барклай? Разумеется, я угощаю.

Молодой человек вспоминает проглоченный безвкусный гамбургер и соглашается.

Он запирает лабораторию, спускается в холл и вставляет свою карточку в карт-ридер, фиксирующий приходы и уходы сотрудников. Киваёт охраннику и выходит наружу, в душную калифорнийскую ночь.

3. БЛИЖНИЙ ВОСТОК, ТЕРРИТОРИЯ ВОЙНЫ

Имам Сейфулла, чье имя означает Меч Аллаха, находился одновременно везде и нигде. У него было несколько двойников, профессионально копировавших властную, уверенную манеру оригинала. Порой двойники появлялись в разных местах одновременно, и даже самые преданные сторонники имама не могли догадаться, который из них настоящий.

Это была не единственная хитрость, которую Сейфулла использовал, чтобы оставаться недосягаемым для своих врагов. А врагов у него было много: израильтяне, американцы, фалангисты, шейхи Залива... После событий двадцать первого года в этот список добавились и японцы. Сейфулла возглавлял радикальное крыло шиитского политического движения, успешно конкурировавшего с легендарной «Хизбаллой». Поэтому единоверцы из «Хизбаллы» тоже имели на него зуб. Что уж говорить о непримиримых идеальных противниках-суннитах...

Сейфуллу постоянно окружал отряд отборнейших телохранителей, каждый из которых был готов дважды умереть за своего имама. Такие же отряды сопровождали каждого из его двойников. Кто-то

назвал бы это расточительством, Сейфулла же считал подобную хитрость необходимой: если враги признают, что кого-то из них охраняют не так тщательно, вычислить настоящего имама им будет не трудно.

Кроме того, имам всегда появлялся на публике с детьми. Пять-шесть чудесных ангелочеков, за которыми следили специально обученные няньки. В тех случаях, когда Сейфулла давал пресс-конференции, эти ребятишки неизменно попадали в прицелы телекамер. Сейфулла любил детей, играл с ними и дарил им сладости. На этом детском эскорте настоял руководитель службы безопасности имама, Одноглазый Али. Он хотел обезопасить хозяина от прицельного ракетного удара, который могли нанести израильские или американские БПЛА. Слишком многие лидеры движения были уничтожены подобным образом. Али знал, что враги имама, не колеблясь, расстреляли бы его вместе с детьми — но только не с теми, кого постоянно показывали по CNN и мировым информационным сетям. Во всяком случае, это касалось врагов, у которых были технические возможности использовать беспилотники.

Сейфулла благосклонно отнесся к предложению Али, но попросил своего преданного слугу отдать в эскорт собственного любимого внука, черноглазого Джаяфа. Джаяфу было пять лет, и Али, сентиментальный, как многие жестокие люди, души в нем не чаял. Сейфулла полагал, что это обстоятельство заставит начальника службы безопасности выполнять свою работу еще лучше. Так оно, в

общем, и вышло, вот только порою лучшее — действительно враг хорошего.

Теперь не только сам Одноглазый Али, но и офицеры и бойцы возглавляемой им службы знали, когда им приходится охранять одного из двойников, а когда выпадает честь защищать самого имама. Потому что маленького Джрафара настоящий Сейфулла всегда держал при себе.

Ардиан Хачкай, которого никто уже давно не называл по имени, откликавшийся на прозвище Албанец, был крошечным винтиком в службе безопасности Одноглазого Али. Даже не бойцом — эту честь надо было еще заслужить. Ардиан работал простым уборщиком — но даже уборщики в организации Али должны были выполнять также функции осведомителей и тайных агентов. Также в их обязанности входило отслеживание любых подозрительных предметов на той территории, где находился или мог находиться имам Сейфулла. Известно, что никто никогда не обращает внимания на уборщиков и почтальонов, зато сами они видят все. В организации Али таких невидимок были сотни.

Но даже на это незначительное место попасть оказалось не так уж просто.

Когда Ардиан пришел в себя после пыточной Толстого Фреда, рядом с его кроватью сидел Луис Монтойя — офицер миротворческих сил ООН, с которым они познакомились год назад в Тиране. Там Монтойя с помощью Ардиана сумел разгромить группу сепаратистов, в руки которых попало страшное биологическое оружие «Ящик Пандоры».

ры». После этого карьера Монтайи резко пошла вверх, а Ардиан попал сначала в тюрьму, а затем в лагерь Эль-Хатун. Луис обещал ему, что вытащит его из лагеря, но что такое обещания? Слова. За несколько месяцев, проведенных в Эль-Хатуне, Ардиан и думать о них забыл. Как выяснилось, напрасно.

— С возвращением, Хачкай, — сказал Луис. Он взял руку Ардиана и потряс ее. Рука безжизненно упала на койку. — Досталось тебе, парень...

— Что со мной? — еле слышно прошептал Хачкай. Язык распух и с трудом умещался во рту. — Где я?

— Пока что все еще в лагере, — ответил Монтайя бодро. — Но теперь уже ненадолго. С тобой все нормально, никаких серьезных повреждений этот ублюдок тебе нанести не успел. Шрамы, ожоги — все это, конечно, останется, но ты ведь не собирался идти в топ-модели?

Ардиан не обратил внимания на его иронию.

— Почему меня отпустили?

Луис загадочно улыбнулся:

— Потому что Толстый Фред неожиданно умер. Разрыв сердца. Он, видишь ли, был очень тучным, а в таком климате это опасно. Врачи пытались его спасти, но безуспешно. Теперь на его место придет человек, который не станет к тебе придираться. А через полгода ты выйдешь из лагеря, как вставший на путь исправления мусульманин.

— Я не мусульманин... — начал было Ардиан, но Луис выразительно приложил палец к губам.

— Придется некоторое время побывать мусульманином. Для дела.

— Для какого еще дела?

— Узнаешь в свое время, — Луис легонько хлопнул Ардиана по плечу. — На самом деле я не должен здесь с тобой рассиживаться, а то еще прознает кто-нибудь. Забудь пока о нашем разговоре, живи, как живется. Только, пожалуйста, проявляй побольше интереса к исламу.

— Толстый Фред умер сам? — перебил его Ардиан. Этот вопрос чрезвычайно волновал его.

— Можно сказать и так, — снова улыбнулся Монтойя. — Но в это мало кто поверит. Решат, что он умер потому, что попытался тебя убить. Уверяю — тебе это пойдет только на пользу.

Так оно и вышло. Когда Хачкай вышел из госпиталя, пошатывающийся от слабости, похудевший на восемь килограммов, он обнаружил, что его прежние товарищи относятся к нему с опасливым уважением. Так могли бы относиться к ангелу смерти Азраилу, сошедшему по воле Аллаха на землю.

Один лишь старый Дауд, казалось, не переменил своего отношения к Ардиану. Он по-прежнему загружал своего подмастерья черной работой и как будто совершенно не интересовался тем, что произошло между Хачкаем и Толстым Фредом. Но Ардиан, хорошо умевший не только смотреть, но и видеть, замечал, как одобрительно щурится старый мастер, когда его подмастерье расстилает на полу мастерской молитвенный коврик и, поворачиваясь лицом к Мекке, шепчет слова аятов. Следуя совету Монтойи, Ардиан принял изучать Коран и сблизился с большим знатоком ислама, Танзимом-очкариком. Дружбой это назвать было нельзя — Танзим, как и прочие обитатели Эль-Хатуна, побаивал-

ся Хачкая — но из разговоров с бывшим учеником медресе Ардиан узнавал о религии пророка гораздо больше, чем из еженедельных телепроповедей ал-Файзала.

Когда через полгода имя Ардиана действительно появилось в списке подлежащих освобождению, старый Дауд сказал ему:

— Вижу, парень, ты кое-чему научился в лагере. Я рад этому — лагерь тяжелая школа, но те, кто выходит отсюда несломленными, добываются в жизни гораздо большего, чем мягкотелые белоручки.

— Спасибо, эфенди, — поклонился Ардиан, — если кто и научил меня чему-то здесь, то это вы, а не лагерь.

Дауд усмехнулся:

— Не надо лести. Ты стал мне как внук, Ардиан, и я хотел бы тебе помочь. Куда ты собираешься отправиться после освобождения?

Ардиан пожал плечами:

— Скорее всего, вернусь на родину.

— И попадешь под колпак полиции, — буркнул Дауд. — На Балканах сейчас черт знает что творится...

— Как всегда, — улыбнулся Ардиан.

— В Европу тебя никто не пустит, — продолжал Дауд, не слушая его. — Можно, конечно, податься в один из эмирятов Залива, шейхи неплохо платят, и человек с руками и головой там не пропадет. Но я бы посоветовал тебе отправиться в Бейрут.

— Почему в Бейрут? — удивился Хачкай.

— Есть там у меня друзья, — уклончиво ответил Дауд. — Я мог бы передать им с тобой весточку, а

они бы пристроили тебя к хорошему делу. Такие, как ты, парень, им нужны.

— Загадками говорите, эфенди.

— Терпение, парень — в свое время получишь и отгадки.

Ардиан не слишком удивился, обнаружив, что друзья Дауда тесно связаны с боевым крылом шиитской организации «Знамя Абу-Талиба». Удивительно было другое — несмотря на рекомендации Дауда, никто и не думал использовать Хачкая по его специальности. Первые два месяца он жил в тесной клетушке огромного многоквартирного дома на окраине Бейрута, где никому не было до него никакого дела. Друзья Дауда снабдили его небольшой суммой денег, которой хватало, чтобы не умереть с голоду, и, казалось, забыли о его существовании. Впрочем, Ардиан не жаловался. Большую часть времени он просто спал — брал реванш за постоянное недосыпание в Эль-Хатуне. Бродил по городу, изучая его кварталы, улицы и переулки, составляя карту Бейрута у себя в голове. Знакомств ни с кем не заводил, но записался в библиотеку при медресе и много читал.

Через два месяца, когда тонкая пачка денег иссякла окончательно, друзья Дауда появились снова. На этот раз они предложили Ардиану работу — уборщиком в офисном здании в центре города. Хачкай согласился, недоумевая про себя, какие же рекомендации дал ему Дауд. Впрочем, через некоторое время он понял, что это была проверка: в офисном здании, где он усердно мыл полы и вытирял пыль, часто появлялись высокопоставленные

* *

функционеры «Знамени». Разумеется, они не замечали скромного уборщика, но Ардиан был уверен, что без одобрения службы безопасности организации он ни за что не попал бы в число людей, которым было позволено лицезреть небожителей.

Он вел все такую же скромную, неприметную жизнь, только перебрался в другую комнатушку, чуть побольше, благо зарплаты уборщика на это хватало. Жилье в Бейруте, городе, где на улицах то и дело вспыхивали бои, а дома взлетали на воздух, было дешевым.

Спустя год Хачкай сделал еще один шаг по карьерной лестнице. Теперь он убирался на вилле, принадлежавшей самому грозному начальнику службы безопасности «Знамени Абу-Талиба», Одноглазому Али. Правда, Одноглазый появлялся на вилле редко — здесь постоянно жила его младшая (и самая любимая) жена Лейла с тремя детьми — Басимом, Зулейхой и маленьkim Джрафом. Ардиан часто наблюдал за тем, как они прогуливаются по дорожкам сада, окруженнего неприступной шестиметровой стеной.

Ардиан получил значительную прибавку к жалованью, что позволило ему тратить часть своих денег на развлечения. Он стал посещать фата-морганы — не первого класса, разумеется, но вполне приличные. Если его до сих пор проверяли — а он был в этом уверен, — то выбор фата-морган должен был показаться проверяющим вполне логичным. Боевые симуляторы, позволяющие отточить искусство стрельбы и навыки рукопашного боя, исторические хроники, отправляющие игрока в эпоху могущественного Халифата, и эrotические фантазии,

главную роль в которых исполняла малоизвестная за пределами Балкан «звездочка» по имени Мира Джеляльчи. Служба безопасности «Знамени» давно установила, что Хачкая и Джеляльчи связывали весьма тесные отношения, и ничего подозрительного в том, что молодой албанец регулярно выбирает программы с ее участием, не видела.

Потом у Ардиана появилась настоящая девушка — Сания. Она работала в магазине детских товаров и привозила на виллу игрушки, предназначенные для детей Одноглазого Али. Игрушки эти, как и все, что попадало на виллу из внешнего мира, тщательно проверялись людьми из службы безопасности. Ардиану позволяли присутствовать на этих проверках; возможно, это делалось специально, чтобы обучить его науке определения подозрительных вещей — в будущем ему это потребовалось. Сания, которая не могла покинуть виллу до окончания проверки, нервничала и краснела — ей все время казалось, что какая-нибудь из привезенных ею игрушек вызовет гнев охранников. Ардиану было жаль ее; однажды, когда утомительная процедура затянулась особенно надолго, он принес ей стакан холодного сока. Сания благодарно посмотрела на него из-под опущенных ресниц — ресницы у нее были роскошные, длинные и густые, — и Хачкай почувствовал, как у него учащенно забилось сердце. Он уже забыл, как это бывает — с тех пор, как он последний раз видел Миру, прошло почти два года, а фата-морганы, создававшие иллюзию реальности, вызывали только иллюзию чувств. Сания, видимо, тоже что-то почувствовала — когда она отдавала Ардиану пустой стакан, их пальцы случайно

соприкоснулись и между ними проскочила электрическая искра, заставившая вздрогнуть обоих.

Спустя несколько недель они начали встречаться, а еще через месяц Ардиан понял, что влюблен. Сания, с ее огромными влажными глазами, пушистыми ресницами, маленькими алыми губками и трогательным взглядом газели почти вытеснила из его души рыжеволосую предательницу Миру.

Сания часто расспрашивала его о прошлом, но он в основном отмалчивался, потому что не хотел говорить о Мире. А про Эль-Хатун и вовсе вспоминать не хотелось. Сания обижалась — не то в шутку, не то всерьез — и называла его «мой немой». Ардiana это только забавляло.

Потом — гораздо позже — он понял, в чем было дело. Сания была доверенным человеком Одноглазого Али, а весь спектакль с проверкой игрушек предназначался для одного только зрителя — Ардиана. Несколько месяцев Сания пыталась разговорить его, выведать информацию, которая могла бы заинтересовать службу безопасности. Но Мира, сама не зная о том, выручила Ардиана — не будь ее, Хачкай, возможно, рассказал бы своей девушке и о Луисе Монтойя, и о своем чудесном спасении из пыточной камеры Толстого Фреда. Спустя несколько месяцев, когда Сания пришла к выводу, что Ардиан не скрывает ничего, что могло бы показаться важным ее хозяевам, настало время больших перемен.

Ардиана удостоил аудиенцией сам Одноглазый Али. Это был невысокий худощавый мужчина лет шестидесяти, один глаз которого был закрыт грубо зарубцевавшейся кожей. Вопреки распространен-

ной версии о том, что Али потерял глаз в бою с врагами ислама, это было свидетельство детской глупости начальника службы безопасности — будучи ребенком, он бросил в костер противопехотную мину.

— Албанец, — сказал он Ардиану, — я хорошо знаю Дауда и верю его словам. Он рекомендовал сделать тебя бойцом «Знамени Абу-Талиба», и теперь я вижу, что он был прав.

«Долго же ты присматривался, Одноглазый», — подумал Хачкай и почтительно поклонился.

— Ты готов сражаться и умирать под Зеленым Знаменем, Албанец?

— Да, шейх, — снова поклонился Ардиан.

— Хорошо. Завтра отправишься в тренировочный лагерь. А потом получишь настоящую работу. Теперь иди.

В тренировочном лагере Ардиан провел два месяца. Стрельба из разных видов оружия, подрывное дело, рукопашный бой, приемы партизанской борьбы в городе — в общем, обычная подготовка фидаина. Странным было то, что после возвращения из лагеря ему вновь пришлось работать уборщиком — правда, теперь уже в штате службы безопасности «Знамени Абу-Талиба». Доверие к Ардиану выросло многократно — теперь его допускали к уборке помещений, где появлялся сам имам Сейфулла.

Правда, у него оставалось все меньше времени для встреч с Санией. Девушка все больше охладевала к нему — она стала нервной, раздражительной, постоянно искала повод для ссоры. Ардиан пы-

тался вернуть ее расположение дорогими подарками — денег теперь у него на это хватало, — но все было тщетно.

Однажды они с Санией поссорились прямо на глазах у продавца в лавке благовоний. Лавка, куда они не раз заходили в те времена, когда у них все было хорошо, располагалась в одном из кварталов Старого Города. Сания, бросив в лицо Ардиану какие-то обидные слова, выбежала из лавки и тут же исчезла из глаз. Ардиан дернулся было вслед за ней, но девушка уже скрылась из виду в лабиринте запутанных узких улочек.

— Может быть, у нее скоро лунные дни, — рассудительно проговорил продавец у него за спиной.

Ардиан повернулся, чтобы отчитать нахала, и остановился, пораженный. Из-под белой куфии на него смотрело знакомое смуглое лицо с пронзительно-черными глазами.

— Лу... — начал он, но продавец знакомым жестом прижал палец к губам.

— Пойдемте, молодой человек, — сказал Луис Монтайя, — я покажу вам кое-что весьма интересное. Вашей девушке наверняка понравятся эти духи — их делают в Йемене из одного чрезвычайно редкого вида роз...

Он запер дверь лавки и провел ошеломленного Ардиана во внутреннее помещение лавки.

— Времени у меня немного, — сказал Монтайя. — Так что слушай меня внимательно. Девушка эта, Сания — подставная утка. Она рядом с тобой только для того, чтобы проверять твою благонадежность. То, что она ищет повода с тобой расстаться

ся, — хороший знак. Стало быть, ты прошел все проверки и люди Сейфуллы тебе доверяют.

— Не может быть! — прошептал Хачкай.

— Еще как может. Видно, история с Джеляльчи ничему тебя не научила. Ладно, это, в конце концов, не мое дело. Важно то, что тебе обязательно нужно завести себе постоянную девушку.

— Зачем? — мертвым голосом спросил Ардиан.

— Чтобы иметь причину посещать эту лавку. Как ты догадываешься, я не всегда буду здесь работать продавцом. Завтра хозяином лавки станет некто Юсуф, человек с небольшим шрамом над правой бровью. У него ты станешь покупать духи и благовония для своей девушки.

— Зачем? — повторил Ардиан.

— Однажды Юсуф предложит тебе кое-что особенное. Вместе с флакончиком обычных духов он даст тебе маленький сосуд из голубого стекла.

— Зачем?

Монтойя усмехнулся:

— Ты поймешь. Он обязательно назовет тебе имя.

4. БЕЙРУТ, 2024 Г.

Юсуф протягивает Ардиану крошечный фиал из сверхпрочного голубого стекла.

Он произносит одно лишь слово:

— Зайиб.

Ардиан вздрагивает и берет фиал двумя пальцами.

— Он герметичный, — успокаивает его Юсуф. — Примите этот маленький дар в знак уважения к человеку, который купил у меня столь дорогие духи.

— Благодарю, — говорит Ардиан. Он кладет фиал в карман так осторожно, словно это колба с нитроглицерином. — Полагаю, моя девушка будет в восторге от этих духов.

— Главное, не перепутайте, — улыбается Юсуф. Это, конечно, шутка. Духи, которые Ардиан купил для своей новой девушки — ее зовут Фируза, — лежат в выложенной пурпурным бархатом коробочке. Спутать их с крохотным голубым фиалом невозможно.

Ардиан выходит на улицу и непроизвольно оглядывается. Ему кажется, что со всех сторон к нему устремляются маленькие черные паучки с белыми пятнышками на спинке. Но это, конечно, не так. В Бейруте эти твари сроду не водились.

Правда, несколько дней назад в город прибыла группа британских телевизионщиков, снимающих документальный сериал о природе Северной Африки и Ближнего Востока по заказу BBC. Один из них привез с собой надежно запечатанный контейнер с несколькими зайбами — но Ардиан об этом не знает. Как не знает и о том, что сегодня вечером молодой стажер-оператор и по совместительству офицер Агентства по Борьбе с Терроризмом — выпустит привезенных из Северной Африки пауков в один из заброшенных подземных каналов в пяти километрах от территории, которую контролирует «Знамя Абу-Талиба».

Молодого офицера (или оператора, это уж кому как больше нравится) зовут Джеймс Дэвид Ки-Брас. Когда Ардиан Хачкай мотал срок в Эль-Хатуне, Ки-Брас служил на одном из военных кораблей

Ее Величества, патрулирующих побережье Северной Африки.

Ардиан возвращается домой, в свою маленькую квартирку, ложится на кровать и задумывается. Он понимает, что пришла пора платить по счетам. Монтойя спас его от Толстого Фреда и вытащил из Эль-Хатуна не просто так. Он с самого начала относился к Ардиану как к оружию — великолепному, самостоятельному оружию, которое можно использовать даже против самых осторожных врагов. Луис наверняка расследовал все случаи странных смертей в Эль-Хатуне и понял, как Ардиану удалось расправиться с Мустафой. И предложил своему начальству амбициозный план — план, в котором Хачкаю отводилась главная роль.

«Монтойя очень умный, — думает Ардиан с горечью, — он хороший профессионал, но я-то считал его своим другом. Ты и Миру считал порядочной, — возражает он сам себе, — и Сания верил. Видно, у тебя такая судьба — верить тем, кто относится к тебе, как к орудию».

Ардиан думает долго и в конце концов засыпает.

На следующее утро он идет на работу. Сегодня он убирается на тщательно охраняемой вилле, где имам Сейфулла принимает важных иностранных гостей. Гости должны приехать в три, к этому времени вся мебель в большом зале должна блестеть. Ардиан берет с собой тележку со всевозможными чистящими жидкостями, полиролем, обеззараживающими средствами. Проходя по саду, он видит играющих у фонтана детей и среди них — толстенького черноглазого Джафара. Это решающий момент — теперь Хачкай точно уверен, что гостей

будет принимать сам Сейфулла, а не кто-то из его двойников.

Он убирает зал тщательно, обращая внимание на каждую мелочь. Нигде не остается ни пылинки — все идеально чисто, стол из красного дерева отражает сверкание роскошной хрустальной люстры. Особое внимание Ардиан уделяет креслу из черного палисандр, стоящему во главе стола. Он десять раз протирает подлокотники, спинку и сиденье. Зная, что за всем, происходящим в зале, бдительно следят видеокамеры, он заранее капнул содержимое фиала на бархатную тряпочку, которой полирует благородное черное дерево. Ардиан с трудом заставляет себя работать спокойно и размежевенно — ему все чудятся выползающие из темных углов пауки.

Но вот, наконец, уборка закончена. На часах — без четверти два. Ардиан собирает все флаконы и бутылки обратно в тележку и с большим облегчением выходит из зала.

— Все идеально, Албанец? — подмигивает ему один из охранников у дверей.

— Как обычно, Мансур, — улыбается в ответ Хачкай. Он вывозит тележку в сад и заталкивает ее в сарайчик для инвентаря. Бархатную тряпочку, пропитанную содержимым синего фиала, он бросает в костер, в котором садовник сжигает сухие ветки. Туда же летят резиновые перчатки, которые Ардиан брезгливо, двумя пальцами, стаскивает с рук.

Ардиан подходит к дежурному офицеру службы безопасности и докладывает о том, что работа

закончена. Докладывает по всей форме — в организации Одноглазого Али любят порядок.

— Ну и вали отсюда, — говорит офицер. — Сейчас здесь будет полно важных шишек, лучше не мозолить им глаза. До завтрашнего утра — свободен.

— Слушаюсь, — отвечает Ардиан. Он покидает территорию через черный ход — весьма хорошо охраняемый, как и все прочие ходы и выходы виллы. Садится на припаркованный у стены мотороллер и едет в Старый Город — в свои любимые турецкие бани.

Он несколько часов не вылезает из хаммама, плещется в бассейне, трет себя жесткой мочалкой и куском пемзы. И все равно ему кажется, что содержимое пузырька из синего стекла въелось в его кожу навечно.

— Мы никогда не сдадимся, — говорит имам Сейфулла, обводя гостей парализующим взглядом удава. — Это должны понять все — и наши враги, и наши друзья. Особенно наши друзья.

Гости — представители нескольких международных исламских организаций — согласно кивают. Они могли бы возразить, что без их поддержки Сейфулла никогда не стал бы тем, кем он является сейчас. Что без финансирования, которое они осуществляют уже много лет, «Знамя Абу-Талиба» осталось бы одной из обычных террористических ячеек, которых на Ближнем Востоке больше, чем рыб в пруду. Что это они должны диктовать условия Сейфулле, а не наоборот.

Но гости молчат. Сейфулла заворожил их своим холодным и властным взглядом. К тому же он за по-

следние годы действительно превратился в одну из самых влиятельных фигур на Ближнем Востоке.

— Мы будем продолжать войну, — говорит Сейфулла. — Пока Дар аль-Харб — Земля Войны — не будет полностью очищена от неверных. Долгое время мы полагали, что с неверными возможно жить в мире — пусть неустойчивом, но мире. Но это не так. Джихад не закончится никогда, ибо он будет длиться до Дня Воскресения. Все должны понять — правоверные не могут жить в одном мире с теми, кто отрицает ислам. Отныне для «Знамени Абу-Талиба» нет больше зимми¹, нет больше муахидов² и мустаманов³. Все неверные, все, отвергающие слово пророка, отныне для нас — харби, участвующие в войне. Их следует убивать, а их имущество делить между правоверными.

Гости встревоженно переглядываются. Радикализм Сейфуллы пугает их. Многие исламские организации тесно связаны с транснациональными корпорациями, большинство сотрудников которых — неверные. Объявить всех неверных без исключения харби — гибельно для бизнеса.

— Если вы боитесь за свои деньги, — усмехается

¹ З и м м и — немусульманин из числа «народов книги», то есть христиан или евреев, проживающий в «дар аль-ислам», на территориях под властью мусульман. Он должен платить подушную пошталь, «джизья», и в этом случае находится под защитой законов ислама.

² М у ' а х и д — немусульманин, между государством которого и государством мусульман действует мирное соглашение, заключенное на определенный срок или бессрочно.

³ М у с т а м а н — немусульманин, страна которого находится в состоянии войны с мусульманами, но которому мусульмане гарантировали личную безопасность. Он может жить в «дар аль-ислам».

ся Сейфулла, — то делаете это зря. Скоро весь мир и все его богатства будут принадлежать только правоверным.

Он снова обводит гостей взглядом, от которого может замерзнуть вода.

— Некоторые из вас, наверное, знают о неудачной попытке наших друзей на Балканах использовать оружие, известное как «Ящик Пандоры». К сожалению, неверные тогда переиграли нас. Но вы помните слова священной книги — «и хитрили они, и хитрил аллах, а аллах — наилучший из хитрецов». Теперь оружие, превосходящее «Ящик Пандоры» по силе, вновь в руках воинов аллаха. Оно избирательно — с его помощью мы сможем уничтожать не просто неверных, но их детей. В то время как наши дети будут надежно защищены рукой аллаха.

Сейфулла оглядывается на сидящих в дальнем углу зала детей. Они сидят тихо, как мышки — даже шалун Джраф смотрит в пол. Сейфулла ласково улыбается детям.

— Не стану сейчас останавливаться на тонкостях этого процесса. Мои специалисты уверены, что прогнившему Западу будет нечего противопоставить Мечу Ислама. Да, я решил назвать это оружие именно так.

Имам вдруг недовольно передергивает плечами — ему кажется, что по ноге у него ползет какое-то насекомое. Чрезвычайно неприятное ощущение — но не будешь же чесаться на глазах у важных гостей, как блохастый пес. Приходится терпеть.

— В ближайшие дни я объявлю лидерам Запада наш ультиматум, — продолжает Сейфулла. — Если они согласятся, мы станем хозяевами мира быстро

и бескровно. Но я уверен, что они, ослепленные своей гордыней, отвергнут наши справедливые требования. И тогда Меч Ислама падет на их презренные головы.

Маленький Джраф по-прежнему смотрит в пол. Ему смертельно скучно, он устал и хочет мороженого. Внезапно он замечает маленького паучка, который, деловито переставляя лапки, бежит к роскошному черному креслу дяди Сейфуллы. А за ним еще один. И еще.

Джраф толкает в бок своего соседа — шепелявого Хасана. Едва заметно кивает ему на забавных паучков.

Хасан едва слышно хихикает. Вот смеху будет, если паучки влезут по креслу на стол и побегут по гладко отполированному красному дереву! Интересно, а дядя Сейфулла боится пауков?

Сейфулла вдруг вздрагивает в кресле и делает судорожную попытку подняться на ноги.

— Его паук укусил, — шепчет на ухо Хасану Джраф.

И дети снова начинают беззвучно хихикать.

ТИМУР АЛИЕВ, ЮРИЙ БУРНОСОВ

ХОМО ТЕРРОРИСТИКУС

Pация ожила на короткое мгновение, успев прошипеть лишь: «Игрок...» — и дальше что-то неразборчивое, а затем вновь замолчала. Но Нур понял ее без слов. Он призывающе махнул рукой охранникам у рамки металлоискателя — «запускайте новую партию» — и замер в ожидании последних участников собрания Храма вечернего предстояния, что до сих пор толпились у стола предварительной регистрации.

Окруженная по всему периметру автоматчиками из «Анти-Т» площадь перед зданием зала «Глобус» была пуста. На перегретой за день плоскости изнывали от все еще палящего солнца лишь облеченные в строгие черные костюмы Нур (Игрок был его позывной и фактически второе имя) и два помощника. Стол для досмотра вещей и компьютер со списками участников мероприятия (в «Анти-Т» любили работать по старинке, не забывая, впрочем, и о новейших разработках) находились от них на расстоянии около ста метров — в самом начале площади. Там сейчас и собирались прибывшие под «третий звонок» участники собрания — оно должно было начаться ровно в восемнадцать ноль-ноль. Сотрудники «Анти-Т» действовали по стандартной схеме. Обычная мера предосторожности для лю-

бых массовых мероприятий, проводимых в зале «Глобус», предусматривала одновременное присутствие на площади группы не более тридцати человек — чтобы террористы не смогли затеряться среди толпы.

Вот и сейчас несколько десятков людей в строгих костюмах, непроизвольно выстроившись гуськом при проходе через рамку металлодетектора, потянулись ко входу в киноконцертный зал. Нур впился взглядом в приближающуюся к нему импровизированную колонну.

— Еще минут десять, и можно будет расслабиться, — вдруг раздался позади него чей-то тихий голос. Он прозвучал настолько в диссонансе с собранностью Нура, что тот невольно резко оглянулся.

Желание отдохнуть исходило от одного из двух его помощников «на сегодня». Нур затруднялся ответить — был ли это Робин или Бобин. Братья Жорбековы, или, как их дразнили еще, Барабековы, хотя и не являлись близнецами, но походили друг на друга как две капли воды. Оба — невысокие, кряжистые, смуглолицо-скуластые, казалось, что они никогда не улыбаются. Тем удивительнее было это неожиданное проявление эмоций.

— Отставить расслабиться! — жестко отозвался Нур. — Мероприятие еще даже не началось, а вы уже отдыхать вздумали!

— Я только хотел отойти в тень, когда двери закроются, — с хмурой гримасой на лице попытался оправдаться один из «близнецов». Оба были при полном параде — костюмы, белые рубашки, галстуки, — и за этот час буквально изошли потом на солнцепеке.

— Никаких в тень! Будем стоять здесь до окончания собрания, — свирепо скомандовал Нур и снова повернулся лицом к приближающимся людям.

В душе он понимал, что перегнул палку и, более того, не имел права в таком тоне отдавать приказы Барабековым, которые не были его подчиненными. В служебной иерархии они находились примерно на одном уровне, просто относились к разным отделам: Нур был из аналитического, «близнецы» — из службы сопровождения. И хотя во временной сводной группе Игроку обычно отдавалось формальное первенство, поскольку именно он был мозгом тройки, а Робин и Бобин — ее руками и «ногами», кричать на ребят не стоило, в будущем они могли и припомнить ему такое поведение. Однако задний давать было поздно — его не поняли бы даже сами «близнецы», приняв деликатность за проявление слабости.

На подобную категоричность Нура спровоцировало собственное далеко не лучшее состояние. Солнце было прямо в глаза, спину нещадно ломило от долгого стояния на ногах. Это было его уже третье мероприятие на сегодня и двенадцатое за неделю — Нур устал и очень хотел домой.

Кроме того, он чувствовал себя идиотом оттого, что поддался на предложение одного из коллег по «Анти-Т» поменяться сменами. «Ну что тебе стоит поработать сегодня вечером?! Ты ведь и так выходишь на работу днем. Значит, выходной все равно для тебя потерян. А я тебя выручу, когда скажешь, — упирал на логику Стефан и добивал жалостливым: — Мне мать в больницу везти». Нур догадывался, что

у товарища по работе на самом деле никто не болеет, а просто наклевывается очередное свидание, но предложение выглядело действительно заманчивым. Однако сейчас ему уже так не казалось.

Сорвав досаду на братьях, Игрок вновь принял ся наблюдать за цепочкой людей в вечерних костюмах, что уже цокали каблуками по плиткам театральной площади совсем рядом с ним.

Его взгляд невольно остановился на эффектной блондинке в салатовом платье с глубоким вырезом на груди и косой до пояса. Декольте было как раз такой рассчитанной глубины и формы, чтобы суметь привлечь внимание, ничего не открыв в то же время. Девушка шла неторопливо, не глядя по сторонам и улыбаясь своим мыслям. Нур мало интересовался политикой, но не нужно было быть экспертом-политологом, чтобы понять — девушка резко выделялась из общего потока остальной напыщенной публики в черно-серых деловых костюмах, что собиралась влиться в двери театрального зала. Впрочем, записывать ее в смертницы Игрок не спешил — обтягивающее платье вряд ли могло скрыть даже мини-бомбу.

«Стоп! Это же непрофессионально!» — Нур сам себе дал отмашку, заставив перестать смотреть на девушку. Пока он наблюдает за красавицей, мимо него может проскочить кто-то крайне опасный. Как раз подобные психологические штучки и любят использовать террористы. Неизвестно, что она их сообщница, чаще таких используют в темную. Ему ли не знать об этом? И как же он так опро-

столовосился? Видимо, сказывалась все же напряженная неделя.

Усилием воли отведя взгляд от девушки, Игрок тут же перевел его на остальных. И снова мысленно принялся проклинать свою злополучную усталость. Теперь в толпе ему почудился собственный сын. Белоголовый мальчик в темно-синих брючках и белой рубашке прошмыгнул мимо парочки оживленно спорящих леди в черных вечерних платьях и просочился через толпу у входа. «Вылитый Эдик пару лет назад. Только что ему здесь делать? — подумал Нури и вздохнул. — Нужно почаще бывать с семьей. А то уже сын мерещиться начинает».

Тем временем последние участники собрания втягивались в двери «Глобуса». До начала мероприятия оставалось всего несколько минут, потому большинство «храмовников» уже сидело в зале. Так что Нуру можно было уже свободно выдохнуть — его задание по фильтрации входящих подходило к концу.

Несмотря на важность сегодняшнего мероприятия, работа изначально обещала быть непыльной — на подобных «тусовках» легко вычислить потенциальных террористов. Хотя это официально и не афишировалось, но все службы безопасности работали по так называемому «расовому» принципу — оценивались внешний вид и национальность человека. Арабы, хиппари и мужчины в расцвете лет были в «группе риска». Но в рядах «храмовников» таких не наблюдалось. Дети же и роскошные блондинки, при всей странности их присутствия на собраниях сект вроде Храма вечернего предстояния, опасными не считались. Кстати, соблазнитель-

ной обладательницы косы не было и в базах возможных смертников, что имелась в распоряжении «Анти-Т» и которую Нур знал назубок.

Аналитика Нура в его компании ценили именно за эту фотографическую память и особый нюх на потенциальную угрозу. Первая помогала ему узнавать единожды увиденных людей. Благодаря этой способности Игрок выявлял хоть раз засветившихся террористов или их пособников в толпе любой массовости. А умение увидеть в, казалось бы, среднестатистическом гражданине вероятного смертника уже дважды способствовало предотвращению теракта. Для корпорации, зарабатывавшей на обеспечении безопасности проведения массовых мероприятий и конкурирующей еще с целой сотней других аналогичных фирм, он был весьма ценным сотрудником.

Потому-то ведущий аналитик «Анти-Т» с бойцами из службы сопровождения и стоял в этот воскресный вечер на входе в театральный зал, внимательно разглядывая входящих. Рутинная проверка зрителей на предмет наличия взрывчатки происходила автоматически — как только тот входил в дверь. С тех пор как восемь лет назад была введена новая доктрина антитеррористической безопасности, девяносто процентов дверных проемов в крупных городах уже были снабжены распознавателями оружия и взрывчатки. Собака с металлическим ошейником не проскочит, не то что смертник с бомбой...

«Еще две минуты, и можно будет расслабиться, как и мечтали Барабековы», — подумал Нур. С началом собрания двери зала обычно закрывались, и

ни один человек уже не мог попасть в здание. Тут аналитик вспомнил о странном мальчике, так похожем на его сына: «Позвонить бы жене, узнать, дома ли Эдик...».

До него донесся тихий разговор «близнецов». После полученной выволочки они говорили между собой только шепотом.

— Слышал про вчерашний теракт в офисе «Самсунга»? Говорят, это их бывший сотрудник подорвал. Отомстил за сокращение.

— А давно он там работал?

— Да вроде лет двадцать.

— Тогда его можно понять. Хотя...

Нур так и не успел услышать, что еще думает по поводу целесообразности подобных взрывов один из его напарников. За спиной страшно громыхнуло, из так и не успевшего закрыться дверного проема вынесло волну горячего воздуха, бросившего Игрока на землю. Сзади, из зала, уже рвался наружи рев сотен людей, которых фирма «Анти-Т» так и не смогла уберечь от теракта...

Нур, не вставая с асфальта, перекатился на спину. На первый взгляд здание театра не пострадало — стены и крыша не были разрушены, листы стали, что заменили в последние годы витринные стекла, остались на своих местах. Но выбегающие из зала окровавленные люди явно свидетельствовали — внутри разорвалась бомба.

«Стерва! Это она!» — промелькнуло у Игрока в голове. Загадочная блондинка однозначно была связана со взрывом.

Вторая мысль обожгла внутренности, как чистый спирт: «А что это был за мальчик?!» Нур вско-

чил на ноги и, отбежав в сторону, связался по линку-коммуникатору с женой. Связь, к счастью, работала.

— Нурик! Ты скоро домой? — лениво-расслабленный голос Ларисы молниеносно вывел Нура из себя.

— Эдик где? — не в силах сдерживаться, заорал он.

— Что ты кричишь? — сухо отзывалась жена. — Вроде дома. Кажется, у себя в комнате.

— Так вроде или дома? Сходи, посмотри быстро! — Нур продолжал говорить на повышенных тонах. Вопли выбегающих из взорванного здания заглушали слова жены.

— Да здесь он, спит. — Судя по паузе, Лариса успела заглянуть в комнату сына. — А что случилось? — Теперь ее голос звучал уже встревоженно.

— Потом расскажу, — отмахнулся Игрок. — Ложитесь спать без меня. И сегодня не ждите. У нас ЧП.

— Снова теракт?! — ахнула жена. — Ты цел?!

— Да, все нормально. Завтра поговорим, — Нур оборвал разговор и посмотрел по сторонам.

За считаные минуты площадь оказалась заполненной людьми и спецтехникой от «Анти-Т» — как обычно. Любая частная компания, отвечавшая за обеспечение безопасности мероприятия, брала на себя и возможные риски. Это означало, что в случае неудачи «антитеррористы» должны были заниматься и тушением пожаров, и спасением пострадавших, и лечением раненых, и даже похоронами погибших.

У входа в зал уже образовалось кольцо из только

что прибывших медиков и спасателей из «Анти-Т». Вываливавшихся из темного зева здания растрепанных и перепуганных зрителей отводили в сторону, чтобы не мешали выходить остальным. Спасатели выносили тех, кто не мог идти, складируя их рядом прямо на площади. Отфильтровывать мертвых от живых, легкопострадавших от тяжелых было делом врачей. К счастью, как понял Нур, убитых оказалось не так много — взрыв произошел почти возле входа.

Вместе с Робином и Бобином он отошел в сторону, стараясь не мешать спасателям и медикам и не выказывая желания бросаться внутрь здания, как и велел поступать в подобных случаях внутренний инструктаж корпорации. Во-первых, мог произойти еще один взрыв. Во-вторых, дело аналитика не спасать пострадавших, а предотвращать их появление. Сегодня он не справился со своей работой, значит, будет как минимум долгий и неприятный разговор. Но и путаться под ногами у профессионалов по спасению, изображая служебное рвение, не стоило.

Впрочем, у Нура существовала и еще одна обязанность — содействовать в установлении причастных к взрыву. Тут и должны были пригодиться его фотографическая память и аналитический ум.

Оцепление продолжало стоять по периметру площади, пропуская внутрь только спецмашины. Командовал им замдиректора «Анти-Т» Никитич — немолодой, с залысинами и усталым выражением лица. Он пришел в компанию из армейских «спецов» и использовал свой прошлый опыт на полную катушку. Никитич был наиболее профессиональ-

ным сотрудником «Анти-Т» и самым доверенным лицом директора, а потому на все ЧП высыпали именно его. Неслучайно его фамилию Усталов переинчили в Стальной. За глаза только так все и звали его.

Нур подошел к Стальному сзади и негромко произнес:

— Рекомендую задержать девушку в светло-зеленом платье и мальчика четырех-пяти лет. Они показались мне подозрительными.

Никитич, наблюдавший за погрузкой раненых в машины «Скорой помощи», дернулся и недоуменно нахмурился при виде аналитика.

— А ты здесь откуда?

— Подменял Стефана, — объяснил Нур.

— Понятно, — кивнул «военспец» и недовольно скривился: — Эх вы, подменщики... Иди уж пока, не мешайся.

Игрок опустил голову и отошел к спасательным машинам, стараясь ступать между пятен крови. Это был не первый теракт в его жизни, но привыкнуть к подобному зрелищу у него пока не получалось.

Внезапно внимание Нура привлек один молодой человек. Худощавый парень среднего роста в коричневой короткой куртке бродил среди раненых, внимательно глядываясь в их лица. У некоторых из них он что-то коротко спрашивал.

Его внешность показалось аналитику смутно знакомой. Но он точно не был в числе тех, кто находил в зал. Это могло означать только одно — парень прибыл позже, а значит, либо спасатель из «Анти-Т», либо просочившийся через оцепление зевака. Однако у него не было опознавательного знака

компании, а от волонтера он отличался тем, что не делал попыток помочь кому-то из раненых. Тогда зачем он здесь?

Нур повернулся к помощникам и указал им на парня:

— Скрутите его, но аккуратно. Чтобы без паники. Сразу проверьте на предмет оружия...

Захват произошел стремительно и незаметно для окружающих. Неизвестный как раз наклонился над очередным лежащим на земле раненым и не обращал внимания на то, что происходит за его спиной. Бобин подкрался сзади, нажал на пару точек за ушами и подхватил под мышки обмякшее тело. Робин тут же общманял карманы и пояс, что-то достав оттуда. К Нуру его подволокли в бессознательном состоянии. Барабековы придерживали подозрительного парня с обеих сторон, закинув руки себе на плечи, — казалось, что двое спасателей тащат потерявшего сознание человека.

Робин торжествующе вручил Нуру вытащенный у незнакомца из кармана пластиковый прямоугольник удостоверения.

— Игрок, ты был прав. Это журналюга! Зовут Роман Шварцман.

И Нуру сразу вспомнились события трехлетней давности, когда террористы захватили станцию монорельса. Они хотели выдвинуть какие-то требования, и для этого им нужна была пресса. Силовики тогда быстро пресекли все попытки медийщиков проникнуть к экстремистам, каким-то чудом пропустив одного тележурналиста. Под видом спасателя он проник на станцию сразу после штурма и умудрился накопать материала. Однако правитель-

ство успело запретить выход в эфир его передачи и добилось увольнения самого сотрудника с телеканала. Это и был Рома Шварцман, что висел сейчас на плечах у Барабековых.

— Ну что, ковбои, можно сказать, частично мы себя реабилитировали. — Нур радостно потер руки. — Через этого хлюпика мы быстро выйдем на его заказчиков.

«Ковбои» заулыбались. Сотрудники антитеррористических фирм не любили писак. Они знали, что газетчики и телевизионщики хорошо зарабатывают на терактах, входя в долю с экстремистами. С тех пор как правительство запретило СМИ освещать теракты, прессе немало перепадало на «джинсе» от террористов. Нур слышал, что те обычносливали медийщикам информацию о готовящемся теракте, чтобы журналисты могли прибыть заранее на точку. Говорили даже, что в графе расходов на теракт прессе якобы отводилось почти десять процентов от бюджета. Игрок не знал, стоит ли верить таким рассказам, но слышал их неоднократно и не удивился бы, узнав, что это правда.

— Что-то ты, братец, без фантазии, — подчеркнуто ласково обратился Нур к журналисту, хотя тот вряд ли его слышал. — Опять за спасателя решил про канат? Что молчишь, террорюга?! — В его tone быстро проскользнули угрожающие нотки.

Робин врезал Шварцману ребром ладони по почкам. Журналист застонал и, теперь уже точно прийдя в сознание, задергался в руках бойцов.

— Отпустите меня, идиоты! — заорал он. — Там моя девушка! Я здесь не по работе.

Нур недоверчиво усмехнулся:

— Девушка? А ты что же тогда здесь, а не с ней?
— Опоздал. А когда прибежал, было уже поздно.
Игрок дал знак помощникам:
— Отпустите его.

Робин и Бобин сделали вид, что поняли Нура буквально. Оба одновременно разжали руки, и журналист мешком свалился на тротуар. Барабековы радостно заржали. «Что поделать, какие люди, такое к ним и отношение», — подумал Нур.

— Как она выглядела? Случайно не блондинка в зеленом платье? — спросил он у потирающего бок Шварцмана.

— Откуда ты... — оторопело глядя на Нура, начал журналист. — Ты видел ее? Где? Она жива?

— Зря ты придумал эту легенду! — жестко перебил его «антитеррорист», решив взять журналиста на понт. — Видел я твою лже-девушку. Это она устроила теракт.

— Что?! — тот аж приподнялся от возмущения. — Она не террористка, она моя невеста!

— Значит, точно могла взорвать, — отрезал Нур. — Ведите его к Никитичу, пусть как следует допросит субчика.

* * *

Он снова стоял на площади перед «Глобусом» — в этот раз совсем один. Если не считать города вокруг. Мрачный и пустой, город спал летаргическим сном, накрывшись свинцовым одеялом неба. Но по его улицам двигалась колонна разукрашенных автобусов. Они шли нескончаемым потоком и уходили за линию горизонта, в черную грозовую тучу. Игрок стоял на самом краю площади, а машины, в

окнах которых виднелись дети, проплывали мимо него. Маленькие мальчики и девочки, сидевшие в автобусах, улыбались и смеялись, размахивая цветами и воздушными шариками. Нур понимал — они не видят черную тучу. Он пытался задержать колонну, но из горла почему-то не исходило ни звука. Его жесты дети воспринимали как приветствие и махали в ответ. Тогда он выскочил прямо на дорогу. Однако в кабине не было водителя, и некому было остановить автобус, что приближался к человеку, уже нависая над ним своим стеклянным огромным глазом. А потом он легонько стукнул Нура прямо в лоб и загудел изо всех сил.

Игрок пришел в себя на рабочем месте. Ожидая вызова к начальству, он задремал, положив голову на стеклянную поверхность стола, и сигнал коммутатора принял во сне за гудок автобуса. Башка трещала так, будто на нее действительно наехало авто. Нур глянул на экран линка — пять утра, он проспал всего пару часов. Неудивительно, что голова так раскалывается, подумал он, организм просто не успел отдохнуть. Пропущенный вызов был от шефа. «Ну, наконец-то, короткая взбучка, и можно будет отправляться домой», — обрадовался Нур.

После возвращения с площади он несколько часов просидел в Сети — искал информационные следы тех, кто был готов взять на себя акцию в «Глобусе». Выяснилось, что это не так просто — день оказался урожайным на взрывы и теракты. Захват торгового центра в Токио, расстрел школьников в Мадрасе, несколько подрывов автобусов в разных городах мира. Взрыв «Глобуса» был лишь на пятнадцатом месте по количеству жертв, потому

и в новостных лентах ему отводилось совсем немного внимания.

Судя по почерку, «самодеятельным» был лишь теракт в Индии. Там у школьника действительно поехала крыша. Остальные, в том числе и взрыв «Глобуса», сработали «terrorists on hiring», или тхиринги, как их иначе называли. Они же профессионалы от террора, наемники нового времени, фирмы, что умеют делать «бу-ум» и неплохо зарабатывают на этом. Им платят, они взрывают — чистый бизнес, ничего личного. В каждой стране к 2025 году таких полуподпольных фирм развелось десятки. В мире, где все взрывают всех, пока на подобное есть спрос, будет и предложение. Захотел менеджер «Самсунга» расквитаться с родной компанией за увольнение, нанял через посредников подпольную тхиринговую фирму — и все, нет больше «Самсунга» в городе. Решили феминистки, что их принципы гендерного равноправия мужчины не принимают всерьез, скинулись по сотенке, заплатили кому следует — редакция «Плейбоя» лежит в развалинах, на которых белеет лишь листок с надписью: «Нет сексизму! Социальная чистота навсегда!»

Кого арестовывать — заказчиков или исполнителей? А где доказательства? Кого поймали за руку? Да и некому этим заниматься: функции контроля за общественной безопасностью государства давно передали в частные руки вроде той же «Анти-Т».

Сеть была полна рассуждениями на эту тему. Однако все это Нур очень хорошо знал и сам — по долгу службы в аналитическом отделе компании

«Анти-Т». Его корпорация была одной из сотен, что боролась с терроризмом за деньги тех, кто не хотел пострадать от очередного теракта. Они были как тхиринги, только со знаком «плюс», потому что защищали людей от тех, кто хотел их взорвать. Докладные же записки для руководства по поводу ситуации на рынке антитеррористических услуг Игроク писал примерно раз в месяц, потому хорошо понимал, что фирма в очередной раз столкнулась с профи от терроризма. С такими невеселыми мыслями он и заснул за экраном...

Заспанный, с рубцом на щеке, Нур зашел в кабинет к директору. Несмотря на то ли позднюю ночь, то ли раннее утро, Петр Петрович, или сокращенно ПэПэ, не выглядел ни уставшим, ни растерянным. В синем приталенном костюме и даже при неизменном галстуке он восседал за своим огромным столоэкраном, словно на совете директоров. Впрочем, он им единолично и являлся: «Анти-Т» было его детищем. ПэПэ основал фирму около десяти лет назад — тогда еще просто охранным предприятием, а когда начался бум антитеррористической деятельности, удачно переформатировал ее, к 2025 году сделав одним из солиднейших предприятий в этой сфере.

В кабинете директора уже сидели Никитич и начальник технического отдела. Судя по их умироворенным лицам, ситуацию вокруг теракта они успели обсудить и теперь просто жаждали высказать пару слов Нуру.

— Значит, так, — рубанул ладонью по воздуху директор. — За то, что прошляпил теракт, тебе выговор и лишение квартальной премии.

Игрок покорно кивнул. Это было еще не самое большое наказание.

— Второе. Взрыв — удар по нашей репутации. За этот год мы обеспечили успешное проведение более ста мероприятий, и вот тебе...

— Нагоняй от властей? — понимающе спросил Нур.

— Какие к черту власти? Ты аналитик или кто, что такую чушь несешь?! — вскипел ПэПэ. — В этой стране давно нет никакой власти. Мы — реальная власть, поскольку заботимся о безопасности людей. А все остальные — быдло, стремящееся решать свои проблемы за счет других.

На этих словах Нур вспомнил, что в антитеррористический бизнес ПэПэ пришел из какого-то высокого кресла. Так это было или нет, он не знал, но разговоры об этом ходили.

— А тхиринги? — заметил он. — Разве они не власть?

— Они — паразиты, которых нужно давить, — презрительно отозвался директор, тут же прервав сам себя: — И хватит говорить не по теме. Ты — лучший аналитик корпорации, работаешь у нас уже лет пять, и не мне тебе объяснять положение дел в стране.

— Почти шесть, — поправил ПэПэ Нур.

— Тем более, — подтвердил директор. — Мы должны провести расследование, чтобы хоть немного реабилитировать себя. Тебе на это дается три дня. Найдешь что-то — хорошо, нет — изобрази активность. Понял?

Игрок, которому так и не предложили сесть, снова согласно кивнул.

— Помощников дадите?

Директор развел руками:

— Сам. Никитич введет тебя в курс дела. Кстати, можешь привлечь для расследования этого журналиста. Он за свою ненаглядную землю рыть будет.

— Его отпустили? — удивился Нур и повернулся к Стальному: — А что с девушкой?

— Мертва. Жаль девчонку — красавица была. Кстати, замуж собиралась через две недели, — вздохнул тот. — Но к теракту она непричастна. Взрыв произошел на большом расстоянии от нее.

Игрок разочарованно поскреб в затылке. Подвела его интуиция, а вот журналист, получается, не соврал.

— Кто-то взял ответственность? — аккуратно поинтересовался он. У Стального могли быть свои источники, черпавшие информацию вовсе не из Сети.

— Пока нет. Видимо, конкуренты. У этих сектантов всегда разборки, — сообщил Никитич.

— Да, а что там с тем пацаном? — вспомнил Нур. — Ну, помнишь, я советовал обратить внимание.

— Тут ты что-то напутал, — нахмурился Никитич. — Не было никакого мальчика. Ни одного ребенка младше десяти лет не было ни среди живых, ни среди мертвых.

— Вы провели идентификацию останков?

— Как обычно. Стандартная процедура, — пожал плечами замдиректора. — По идентификационным картам. Плюс дублирующие данные с искинта рамки на входе в зал. Двенадцать женщин, десять мужчин, три подростка. Данные со спутника

подтверждают эти цифры. Ошибка исключена. Сам знаешь — микрочипы-то сейчас прямо при рождении имплантируют.

Нур кивнул — мол, знаю. Поголовная чипизация населения была проведена еще восемь лет назад как средство против террористов-камикадзе. Новорожденным устанавливали их прямо в роддомах, остальным — в обязательном порядке имплантировали в больницах. Процедуры не избежал никто. Отныне микросхема-передатчик внутри каждого человека ежесекундно передавала на спутник данные о местонахождении тела-носителя. Плюс сканеры, установленные в каждом дверном проеме, автоматически считывали всю информацию о входящем. И если человек вдруг оказывался внесененным в базу данных неблагонадежных граждан, тут же включался режим тревоги. Существовали и градации опасности таких личностей — от желтой («замечены в симпатиях к террористам») до багровой («в розыске за совершение терактов»).

В свое время в прессе шли большие дебаты по поводу такого нововведения, но в итоге целая серия терактов привела к тому, что общество ухватилось за эту меру как за панацею.

Правда, периодически всплывала информация, что умельцы якобы нашли способ нейтрализовать сигнал — то ли хирургической операцией, то ли какими-то экранами. Но подобные байки муссировались лишь в обывательской среде. Нур был уверен, что это невозможно. Передатчиком служила вся костная ткань организма. Нужно было поменять скелет, чтобы избавиться от него...

— Ну и ладно. Значит, или там его вправду не

было, или он успел выскочить, — вздохнул Нур с облегчением и пояснил: — Не люблю, когда детей взрывают.

— А взрослых?.. — грустно усмехнулся Никитич. — Смотри, брат, если начинаешь привыкать к трупам, пора уходить из антитеррора. Не рановато ли становишься циником? Сколько тебе сейчас — тридцатник?

— Что за мальчик? — вмешался директор, обращаясь к Стальному. Он на какое-то время отвлекался от беседы, заглядевшись на что-то на экране своего стола. — Я не помню никаких детей в вашем докладе, Андрей Никитич.

— Это идея фикс Нура, — неохотно сообщил замдиректора. — Ему в толпе привиделся подозрительный ребенок.

— Мелочей в нашем деле нет, — наставительно заметил ПэПэ. Как и многие другие руководители, он любил говорить общими местами. — Чем мальчик был подозителен?

— Ерунда это все, господин директор, — замялся Нур. — Показалось просто.

— Что именно?

— Да что мальчик похож на сына. Как подумал, что мой ребенок мог погибнуть при теракте, все перевернулось внутри.

— Ага, — согласился директор. В его глазах мелькнуло что-то, но это не было пониманием. — Андрей Никитич прав, нужно отдохнуть, Нур. Расследование с вас снимается. Возьмите отпуск на три дня, развейтесь. Такими кадрами, как вы, не разбрасываются.

* * *

Утро встретило Нура сигналом коммуникатора, застеленной кроватью жены и пустым холодильником — Лариса уже была на работе, откуда и трезвонила, чтобы напомнить: Нур обещал сводить сына в больницу. Это опрометчивое обещание он дал, явившись домой под утро. Лариса не спала и начала пилить мужа прямо с порога.

— Ты вспомни, когда семьей последний раз занимался! Ребенок третий день кашляет, его в больницу свозить некому.

Тут Нур с раскаянием вспомнил, что действительно давно обещал сводить Эдика в ведомственную поликлинику — там и врачи полюбезнее, чем в любой другой больнице, и цены на их услуги приемлемые.

— Ларка, мне отгул обещали — на три дня, — поведал он жене. — Давай съездим куда-нибудь.

— За три дня кашель Эдика может в туберкулез превратиться, — отрезала она. — Если тебе сына не жаль, делай, что хочешь.

— Да мне руководство вообще хотело задание дать. Найти террористов, что театр взорвали, — попытался слукавить Нур. — С большим трудом отмазался.

— Еще чуть-чуть, и я сама пойду заказывать вашу контору. В знак протеста против эксплуатации моего мужа, — пообещала жена и категорически заявила: — Поставь будильник пораньше, отведешь сына в больницу, потом ищи террористов сколько хочешь.

От недосыпа ломила голова, все тело было словно ватное. Нур мечтал только о том, чтобы добраться

хотя бы до дивана в гостиной. Препираться в прихожей в его планы не входило. Пришлось кивнуть...

Нескольких часов сна Нуру хватило, чтобы вновь почувствовать себя человеком. Поднявшись после звонка жены, он обнаружил, что на самом деле день только начался — на часах было около десяти утра. Эдика, как обычно, пришлось выгонять из Сети. Перекусив приготовленной на скорую руку яичницей, они с сыном двинулись в поликлинику, не записавшись предварительно на прием. Впрочем, Нури надеялся, что по старой памяти их примут и так.

* * *

Попасть в поликлинику можно было двумя путями — через вход в корпорацию «Анти-Т» или, обойдя двор сзади, через въезд для машин. Нури предпочел второй вариант — почему-то ему не хотелось сегодня сталкиваться с коллегами.

Когда-то, во времена детства Нура, все это пространство принадлежало районной больнице. Но десять лет назад одно из зданий выкупил у города Петр Петрович. Тогда он только вступал в охранный бизнес, однако уже подходил к процессу основательно. Позже, когда дела фирмы пошли в гору, он надстроил над купленным зданием еще несколько этажей и отделил часть территории двора под нужды фирмы. Тем не менее ютившуюся в небольшом одноэтажном домике поликлинику он не стал выгонять. Напротив, Петр Петрович заключил с ней договор на обслуживание сотрудников «Анти-Т» и членов их семей. Кроме того, врачи поликлиники использовались во время выездов на теракты —

проколы у корпорации хоть изредка, но случались. «Свои» доктора не запрашивали за помощь гигантских гонораров, как это делали частные медицинские фирмы, что и привлекало в таком сотрудничестве Петра Петровича. В свою очередь, соседство с охранной фирмой было удобно и для больницы — в новейшей истории террористы частенько покушались на врачей, но штурмовать больничный двор с базой силовиков под боком они не рисковали. Так что симбиоз поликлиники и «Анти-Т» был делом взаимовыгодным.

Кабинет участкового педиатра оказался совсем крохотным. Стол, стул, кушетка, умывальник. Отсутствовал даже ставший уже привычным компьютер. Вместо него доктор, молодой человек лет двадцати пяти, использовал наручный коммуникатор.

Послушав Эдика и ничего не пояснив, он принялся деловито строчить что-то в своем наладоннике. «Интересно, почему врачи всегда так себя ведут? — подумал Нур. — Думают, что мы не сможем разобраться в их диагнозе? Или, наоборот, именно этого опасаются?»

— Доктор, может, вы сделаете перерыв в отправке сообщений? — поинтересовался Игрок. Он присел на кушетку, придерживая Эдика за плечи.

— Каких сообщений? — искренне удивился врач.

— Тех, что вы сейчас пишете, — Нур кивнул на аппарат в руках доктора.

— Я записываю клиническую картину вашего сына в его карту, чтобы потом скинуть ее в базу больницы, — врач заговорил быстро и отрывисто. Было заметно, что он разозлился. — Какого расска-

за вы ждете от меня? Сказки на ночь? Так еще пока день.

Нур уже понял, что был слегка несправедлив к молодому медику, но и отступать перед его агрессивным напором не хотелось.

— Скажите нам диагноз, — Нур был краток, но категоричен, — а потом пишите, что и сколько хотите.

— У мальчика хронический иммунодефицит, — сухо отозвался врач. — И на его фоне инфекция верхних дыхательных путей. Беспокоиться не стоит, это сейчас у каждого второго. Я кое-что пропишу из уколов.

— Интересно, как это вы поставили такой диагноз за пять минут, не сделав даже ни одного анализа? — Нур даже не старался скрыть свою язвительность. «Пусть лучше посчитает меня склочником, но нормально обследует ребенка», — решил он про себя.

— В этом нет необходимости. Первичные показатели снял дверной анализатор, — доктор указал на коробку с искинтом сбоку от двери. — Да и клиническая картина видна сразу.

— Странно. Зачем тогда несколько лет назад Эдика три дня продержали в больнице?

Доктор снова удивленно посмотрел на Нура:

— Кто? Я?

— Может, конкретно и не вы, но кто-то из вашей братии...

— И он лежал у нас в палате?

— Ну, конечно.

— Такого не может быть, — покачал головой врач. — Чтобы поставить подобный диагноз, нет никакой необходимости в диспансеризации боль-

ного. Кроме того, у нас при больнице нет стационара. Вы что-то путаете.

— Как я могу путать? Ребенка забрали прямо из кабинета, увезли через заднюю дверь и через три дня вернули здесь же, — разозлился Нур.

Доктор указал рукой на стену:

— У нас нет задней двери. Мне кажется, вам нужно проверить нервную систему.

Нур разозлился, однако сдержался, проворчав:

— Ладно, спасибо, разберусь сам.

Взяв сына за руку, он вышел из кабинета. Рецепт и диагноз доктор должен был скинуть в медицинский раздел личного профиля Эдика без напоминаний.

— Пап, а пап, пойдем в парк, — заканючил в коридоре больницы ребенок. — Ты же слово давал.

Нуру сейчас больше всего хотелось вернуться домой, в прохладную квартиру, и поспать еще несколько часов, а вовсе не бегать от одной карусели к другой в парке отдыха. Но он хорошо помнил свое опрометчивое обещание, которое дал, собирая сына в больницу. А детей обманывать нельзя — это правило Нура выполнял безукоризненно.

— Сейчас в аптеку заскочу, и пойдем в парк, — со вздохом подтвердил он свое обещание, усаживая сына в кресло в коридоре. — Ты пока здесь посиди.

Однако до аптеки, что располагалась у ворот больницы, дойти он не успел. Прямо на выходе из поликлиники его встретили жаркое солнце и невыспавшийся Никитич. За минувшую ночь он прямотаки схуднул с лица. Военспец стоял напротив двери, словно ждал кого-то.

Нур не успел даже открыть рот, чтобы выяснить, почему это в разгар рабочего дня важнейший сотрудник крупной корпорации находится не на своем рабочем месте, как вдруг почувствовал, что с боков его сжали, словно клещами. Руки завели за спину, жестко зафиксировав, чьи-то проворные пальцы выхватили пистолет из-за брючного ремня сзади. Нур слегка дернулся, проверяя, насколько крепок захват, но, поняв, что его взяли в оборот профессионалы, успокоился. Не поворачивая головы, он слегка скосил взгляд — так и есть, его опекали вчерашние помощники — Робин и Бобин. Да уж, они профи по части блоков.

— Внеплановые учения? — Игрок решил не показывать свою тревогу. — Отрабатываем навыки захвата?

Стальной не принял ироничный тон аналитика, поморщился в ответ и процедил:

— Ты чего бегаешь от нас? На работу не вышел...

Нур искренне удивился:

— Никитич, ты чего, не выспался? ПэПэ меня вчера на три дня отпустил. Забыл, что ли?

— Зачем тогда пришел? Вынюхиваешь? — подозрительно отозвался «спец».

— Ага, украл в поликлинике термометр и теперь несу продавать его арабским террористам. — Игрок не пожалел сарказма в голосе.

И снова Никитич словно передернуло от шутки Нура. Глядя ему прямо в глаза, военспец отчеканил:

— Ты арестован. За взрыв.

Нур аж рот открыл от удивления. От контуженных армейцев всего можно ожидать, но такого...

— Что за бред?

— Это факт, — жестко произнес Стальной. — Ты привлек сына к проносу взрывчатки внутрь зала. Его уже опознали по фотографии несколько свидетелей.

— Какие свидетели? Что за хрень? Мой сын был дома. Жена подтвердит.

— Не сомневаюсь, — покачал головой замдиректора. — Еще кто-то может это подтвердить?

— Куча народа.

— Та же самая «куча» видела твоего сына внутри театра. И вовлек его в это дело ты. Лучше признайся сразу, ребенку ничего не будет.

— Так ты же сам был там! Ты что, видел моего сына? И эти два дебила там стояли, — Нур кивнул на Бобина и Робина. — Они могут дать показания.

Помощники отрицательно замотали головами. Массивные шеи плохо сгибались, и казалось, что громилы просто разминаются перед тренировкой.

— Ты пытался запудрить нам мозги каким-то загадочным мальчиком, похожим на сына, — Никитич старательно передразнил интонации Нура. — Но слишком наивно. Тебе никто не поверил. Так что не рыпайся, двигай в отдел. И советую тебе признаться сразу.

Нур не мог поверить своим ушам — что за дурацкий розыгрыш? Он смотрел сейчас в глаза замдиректора и видел там только вражду и ненависть. Так симулировать проявление эмоций было невозможно. Неужели Стальной настолько хороший актер? Но Нур шесть лет знал этого человека и не помнил за ним подобных талантов.

— Ну что ж, пойдем, разберемся, — кивнул он,

внимательно наблюдая за Никитичем. Однако он не увидел в его взгляде облегчения. Наоборот, лицо замдиректора выражало явное разочарование словами Нура. Словно приняв некое решение, он выхватил из-за спины пистолет и, направив его на аналитика, заорал:

— Бежать вздумал, гад?!

В его застывших глазах не было и намека на шутку. Будет стрелять, понял Нур. Он не стал ждать, пока военспец нажмет на спуск. Вместо этого Игрок всем телом стремительно наклонился вперед, словно желая упасть на Никитича с высоты крыльца. Громилы, крепко державшие его, непроизвольно шагнули следом, но Нур тут же резко сделал движение назад. По инерции Барабековы продолжали двигаться вперед, и маневр аналитика сбил их с толку. Игрок вырвал руки из захвата и кинулся назад. Робин и Бобин, лишившись опоры, полетели со ступенек.

Избавившись от опеки громил, Нур не избежал другой опасности — пистолет в руках военспеца был крайне грозным оружием, и он явно намеревался им воспользоваться. А Игроку приходилось еще думать о сыне — лишь бы он не вышел на крыльце...

«Нужно увести их в сторону», — мелькнуло у Нура в голове, и он резко метнулся влево, в сторону кирпичного ограждения. Спрятался с крыльца и запетлял, не давая Никитичу прицелиться. Не ожидавший такой прыти от сотрудника аналитического отдела, Стальной сделал несколько выстрелов, но ни один из них не задел Игрока. В несколько прыжков аналитик добрался до угла здания поли-

клиники, завернул за него и под прикрытием стеньки в одно движение перемахнул через забор. Улица, на его счастье, оказалась пуста, и удивляться по поводу неожиданного появления на ней тяжело дышащего мужчины было некому. Нур не стал испытывать судьбу и, быстро перебежав на другую сторону дороги, скрылся во дворах пятиэтажек.

Пытаться вернуться сейчас за Эдиком не стоило и думать — Игрока перехватили бы сразу. «Прости, сынок, но так надо. Я не бросаю тебя, нужно сбежать лишь на время. Я вернусь, как только выяснится, в чем тут дело», — билось в голове Нура.

* * *

От долгого сидения на узком табурете у Нура затекла нога. Но стоило ему сделать движение, чтобы переместить вес тела, как ножка подломилась, и он оказался на полу. Незадачливый акробат тут же вскочил в полный рост и замер, прислушиваясь.

Гараж, в котором он сейчас скрывался, принадлежал его старинному приятелю. Тот уехал на несколько лет в Гонконг по контракту и разрешил Нуру иногда заходить сюда. Гараж был пуст — машины у приятеля давно не было, внутри лишь пылился разбросанный по верстакам старый рабочий инструмент — разводные ключи, молотки, какие-то трубки и болты. Игроку очень нравилось почему-то это место — здесь он чувствовал себя защищенным. Повторяя о загадочной приязни Нура к своему гаражу и потому не возражал, чтобы тот заглядывал сюда в те моменты, когда хотел о чем-то подумать.

Уже полтора часа Игрок пытался проанализировать свое положение — кто и зачем подставляет его и как выбраться из этой ситуации. Казалось логичным прежде всего связаться с директором, но аналитик не любил очевидных решений. Кроме того, на пути к ПэПэ стоял сбрендивший Никитич, и тот факт, что он стрелял в Нура на поражение, был неоспорим. Игрок хорошо знал своего замдиректора: если он решил кого-то убить, то не успокоится.

Убегая от Стального, Нур не переживал, что с Эдиком может что-то случиться — ведь охота велась только за ним. Однако его иллюзии быстро развеялись, стоило лишь позвонить на коммуникатор сына — голос в трубке мальчика принадлежал Никитичу. Это означало, что преследователи сумели обнаружить ребенка. Нур тут же прервал вызов. После чего послал жене одно-единственное сообщение — «Забери сына из «Анти-Т». Лариска порой бывала стервой, но при этом всегда оставалась умной женщиной — если муж ведет ребенка в больницу, а потом вдруг пишет подобное, значит, что-то случилось. Первым делом она должна была связаться с мальчиком, а потом уже и заехать за ним в поликлинику и в «Анти-Т».

Однако проверить, как супруга выполнила поручение, Нур не мог: сразу же после отправки сообщения он выкинул коммуникатор, чтобы не опасаться, что его местонахождение могут вычислить. Конечно, по идеи, оставался вшитый в костную ткань организма идентификатор, который можно отследить со спутника. Но ключевым здесь было «по идеи». На самом деле внутри Нура никогда не было чипа... В «Анти-Т» никто не догадывался об

этом. И причиной тому было прошлое Игрока, которое он не до конца раскрыл своим нынешним работодателям. У человека должны быть секреты, тем более от людей, от которых ты вынужден зависеть, любил приговаривать Нур.

Бойцы элитного спецподразделения «Стяг», в число которых несколько лет входил Игрок, избежали той массовой чипизации, что затронула все население земного шара. Командование опасалось, что через эти датчики их смогут запеленговать врачи, сорвав выполнение какой-нибудь операции. Конечно, стяговцев тоже «клеймили», иначе в современном мире они были бы изгоями — вроде дикарей с копьями в индустриальную эпоху. Но им ставили специальные, легко демонтируемые устройства. Их можно было деактивировать, просто надавив языком на пружинки сбоку одного из зубов.

Обо всем этом даже не догадывались в «Анти-Т». Так нужно было по легенде, которую придумывали после возвращения к гражданской жизни каждому из экс-бойцов «Стяга».

Для своих нынешних коллег Нур был аналитиком, человеком с хорошей памятью, но ни в коем случае не оперативным сотрудником. Знай они, что на тренировках он ломал таких бойцов, как Барабековы, пачками, Петр Петрович много отдал бы за то, чтобы привлечь его к спецработе. Однако Нур успешно скрывал свои умения.

Потому первым делом он нейтрализовал передатчик. Жесткое нажатие кончиком языка на крохотный выступ снизу одного из коренных зубов на нижней части десны, и коронка с чипом вылетела

из открытого рта. А после удара молотком даже японские электронщики уже не смогли бы восстановить ее работоспособность.

Теперь Нур мог приступить к спокойному анализу. «Да, я беглец, но я не террорист и не их пособник. Тут какая-то чудовищная ошибка, — думал он. — Нужно разобраться, а лучше всего это можно будет сделать, если я останусь на свободе». Таков был его исходный посыл.

Оставалось решить — к кому обратиться за помощью. Отправляться домой или связываться с женой было смертельно опасно — наверняка ее взяли под контроль первой. Если уже не арестовали. Жаль оставлять ее в неведении, но ничего не поделаешь.

К друзьям из «Анти-Т»? Но можно ли считать друзьями тех, с кем ты всего-навсего рядом работаешь, обедаешь и проводишь досуг? Как показали последние события, нет. Тем более они не рискнули бы пойти против замдиректора корпорации. Пускай даже на время.

Кто же еще? Приятелей вне компании у Нура почти не осталось, с соседями он не общался — так, «привет, как дела?». Школьные и армейские приятели — не в счет.

Внезапно Игроку пришли на ум слова директора, когда он советовал провести расследование: «Привлеки журналиста, он землю носом рыть будет за свою невесту».

«Вот кто будет искренне заинтересован выйти на террористов», — решил Нур. То обстоятельство, что со Шварцманом они были не самыми большими друзьями, он всерьез не принимал. Адрес журналиста, к счастью, Нур успел узнать у Никитича.

* * *

Облезлая пятиэтажка, в которой проживал журналист Роман Шварцман, Нуру была хорошо знакома с детства. В те годы ее малопривлекательную внешность для мальчика скрашивало наличие на первом этаже магазина игрушек, отчего маленько-му Нурику она представлялась дворцом чудес. Сейчас прежние игрушки выросшему Игроку были неинтересны, зато у него появилась новая весомая причина, чтобы посетить этот дом.

Дверь открыл сам журналист, ничего не спросив. «Странная небрежность, при его-то профессии», — удивился Нуру. Шварцман стоял на пороге в спортивных штанах и майке. При виде «антитеррориста» его лицо изменилось, и он попытался тут же захлопнуть дверь. «Поздно», — подумал Игрок, сделал шаг вперед, подставил локоть под закрывающуюся дверь и встречным движением руки распахнул ее настежь. Путь в квартиру был открыт. Осталось лишь отпихнуть с дороги журналигу и войти, что Нуру и сделал.

На удивление Игрока, журналист не стал верещать, а молча отступил в сторону, наблюдая за находальным пришельцем.

Пинком ноги Нуру захлопнул дверь и прошел внутрь. В квартире было не убрано, но довольно-таки чисто. Сразу бросился в глаза огромный голландский портрет в черной широкой рамке на стене — светловолосая девушка, закусив губу, смотрела прямо в объектив. Нуру узнал блондинку в зеленом, хотя она была и не похожа на ту профессиональную красавицу, что видел он. Зато в ней чувствовалась привлекательность совсем иного рода.

Нур кивнул на портрет:

— Она?

Журналист хмуро отозвался:

— Тебе какое дело?

— Хочешь отомстить за нее?

Вопрос оказался для журналиста из разряда неожиданных. Шварцман перевел взгляд с портрета на Нура. По глазам было видно, что он не верит ему.

— Я не шучу. Я собираюсь проводить расследование этого дела, мне нужны помощники, — серьезно произнес Игрок.

Журналист недоверчиво нахмурил брови.

— Почему я?

На мгновение Нур заколебался — не открыться ли журналисту? «Но нет, пока рано», — решил он.

— Мне поручено провести расследование. На это дано три дня. Рекомендовано привлечь человека не из нашей организации, и лучше, чтобы не из нашей среды, — коротко объяснил Игрок. Он старался не слишком отступать от правды, чтобы потом не попасться ненароком. — Тебе тоже будет профит. Напишешь сенсационный материал, заработаешь кучу денег, — продолжил Нур и тут же понял — перегнуул, сказал лишнее.

Глаза журналиста сразу стали злыми.

— Сенсация? Кому она, на хрен, нужна? Разве она вернет мне Натали?

— Извини, — пробормотал Нур. — Сам знаешь, какое у людей мнение по поводу вашего брата. И сорри, что вчера грубо обошелся с тобой. Сам понимаешь, люди, кровь, тут не до церемоний. Все на подозрении.

Он протянул ему руку в знак примирения и представился:

— Нур.

После короткого колебания журналист в ответ сунул ему свою ладошку.

— Роман. Шварцман. Друзья порой называют меня Клей.

Нур вздохнул с облегчением. Первый контакт состоялся.

— Ну вот и познакомились, Клей. Так что, будем работать?

Но журналист не собирался сдаваться сразу.

— Клеем меня называют друзья. Для тебя я — Роман Шварцман. И, честно говоря, мне совсем не хочется помогать ни тебе, ни твоей конторе. От вас, кровососов, больше вреда, чем пользы.

— Кто бы говорил?! — поразился Нур. — Да ведь это вы гребете деньги от террористов.

— Это что мы гребем? — вскинулся Шварцман.

— Как что? Всем известно, что тхиринги и журналисты работают в связке. Они вам — сообщения о теракте, а вы им — нужную информацию в СМИ. Думаешь, это такая профессиональная тайна, что о ней не знает никто?

— Мы получаем информацию из разных источников. Но при чем тут деньги? — возмутился Роман.

— Террористы платят за ваши услуги.

— Бред какой-то! Да, мы сообщаем о терактах, но только потому, что общество должно знать об этом.

— Общество хочет спать спокойно. А вы не даете это ему делать.

— Лучше знать, что ты можешь оказаться жертвой террора, и успеть предохраниться, чем погибнуть во сне, ни о чем не догадываясь.

— Конец один. Но зато террористы довольны — через вас о них узнает весь мир. И вообще, уже несколько лет в мире действует запрет на освещение терактов в СМИ. Ты что, не слышал об этом?

— Этот запрет антиконституционен. У человека должно быть право на получение информации.

— Опять двадцать пять! Информация, она разная, — наставительно заметил Нур, сам себе напомнив ПэПэ. — А вот чем это антитеррор вреден?

— Своим существованием! — легко переключился на новую тему журналист. — Вы раскололи государство. Ты знаешь, сколько в нашей стране фирм по услугам антитеррора? Не знаешь? Так я тебе скажу. Более пяти тысяч. Вы подменяете собой милицию и следствие. Не так страшна теругроза, как вы это преподносите. Вам нужны террористы — для собственного обогащения, для того, чтобы ваши услуги были востребованы. Разве вы кого-то спасаете?!

— Да мы за год провели сто с лишним мероприятий! — вспомнил Нур слова Никитича.

— И чем это помогло моей Натали?

Упоминание жертвы недавнего взрыва сразу охладило полемический задор Нура. Уже более спокойно он ответил:

— Зато мы спасли тысячи других.

— Ой ли? — язвительно отозвался Шварцман.

Нур снова хотел взорваться, но внезапно в его голове возник образ сына. «Надо успокоиться, так мы ни до чего не договоримся», — подумал он и по-

пытался взглянуть на себя со стороны. Красные и потные от спора, они стояли на пороге гостиной журналиста и орали друг на друга. «То еще зрелище», — подумал Игрок.

— Не пора ли прерваться? Мир? — Нур вновь протянул руку. Журналист неохотно пожал ее.

— И вообще, я слышал про случаи, когда под видом антитеррора работают тхиринги, — напоследок решил еще добавить он. Но Нура уже невозможно было сбить с миролюбивого настроя.

— Это все байки. Небось сами тхиринги их и распространяют, — благодушно ответил он и, не спрашивая разрешения, опустился на диван в гостиной. — Давай сменим тему.

Клей сел в кресло напротив:

— Говори.

Игрок с ходу заговорил о деле:

— Прежде всего, хорошо бы тебе попасть в нашу корпорацию и поговорить там с директором. Под видом интервью для прессы.

— Зачем? — удивился Шварцман.

— Ну, чтобы узнать побольше о заказчиках теракта и все такое, — слегка смущился Нур.

— А ты на что? — отмел его аргумент Клей.

— Ну, я... — замялся Игрок. В этот момент ему стало ясно, что он недооценил журналиста и что придется говорить правду. Но он не успел...

— У меня есть план, — вдруг признался Шварцман. — Я стану наживкой.

— Какой еще наживкой? — теперь удивился Нур.

— Обыкновенной. Я раздобыл контакт фирмы-посредника с тхирингами. Свяжусь с ними и зака-

жу теракт. А через них можно будет выйти на исполнителей.

Нур засмеялся:

— И ты думаешь, тебе поверят? Да у тебя на лбу написано «пресса».

— Так я и приду к ним в качестве журналиста. Скажу, что хочу заказать взрыв против агентства по печати, к примеру, или против комитета по антиэкстремистской деятельности — поскольку они лишают общество права на получение информации. Кроме того, я пойду с рекомендациями.

— У тебя есть рекомендатели среди террористов? Это уже интересно!

— Твоя ирония неуместна, — оскорбился Роман. — Самыми лучшими рекомендациями для меня будут два моих задержания органами антитеррора. Я уже пострадавший от их лап, и все это знают. Во всяком случае, это легко узнать, — поправился он.

— Логично, — согласился Нур. — Кто еще?

— Комитет по защите свободы прессы.

— И как он поможет тебе?

— Они уже помогли, — усмехнулся журналист. — Сегодня ночью в Сети прошла информация о том, что мне присуждена премия в области защиты информации. Пятьдесят штук.

— Однако! — присвистнул Нур и усмехнулся. — И после этого ты хочешь сказать, что вы тут все бесребреники?

Клей резко вскочил с места, ноздри его раздувались.

— Да иди ты, я с тобой как с человеком...

— Прости! — Нур, не вставая с дивана, схватил

его за руку и усадил обратно. — Это я по глупости ляпнул. Давай дальше.

Шварцман, не убежденный раскаянием «антитеррориста», остался стоять, однако продолжил объясняться:

— Так вот, убедившись в моей кредитоспособности, они сами выложат мне все на блюдечке.

— Адреса, пароли, явки? — усмехнулся Нур.

— Нет, они просто выведут меня на исполнителей. Ведь я закажу тот же вариант, что и с «Глобусом», — он торжествующе посмотрел на Игрока.

— Спорно, конечно, — поморщился Нур. — Но может и сработать.

— Так что, план принимается? — спросил Клей.

— Принимается, — махнул рукой Нур.

Журналист засмеялся:

— Тогда слушай вторую серию. На самом деле утром я уже был там.

— Где?

— В офисе посредника. — Клей не скрывал довольства собой. — Я повел себя, как и рассказывал. Представился, дал время проверить себя по Сети. Не особо напирал, но демонстрировал свою платежеспособность. Намекнул о гранте от Общества защиты прессы. И они сразу клюнули. Если вначале кисло предлагали организовать пикет протеста, то после озвучивания суммы в пятьдесят тысяч стали говорить о «небольшом взрыве в несколько килограммов тротила». А когда я сказал, что «страна еще вспомнит своих узников совести», предложили ВИП-вариант. С девяностопроцентной гарантией.

Нур невольно присвистнул. Он слышал про систему работы тхирингов с так называемой гарантией.

Террористы всегда брали деньги вперед, но предупреждали, что не отвечают за успех «акции». Гарантия в пятьдесят процентов считалась показателем высочайшего класса работы тхиринговой фирмы. А тут целых девяносто...

— И откуда у них такая уверенность?

— Я так и спросил. Посредник ничего не хотел говорить, но, видя мой скепсис, не сдержался и пробормотал что-то про живую бомбу и доверие к детям.

— Что?! — у Нура потемнело у него в глазах. — Он что-то сказал про детей?

— Да, — довольно кивнул Клей. — Типа, детей никто не подозревает в способности совершить терракты. Но быстро спохватился, и я ничего не смог выжать из него. Тогда я сказал, что должен подумать. А он...

— Стоп!! Я все понял. — Нур вскочил и заходил по комнате. — Они крадут детей и делают из них живые бомбы. Малолетние смертники. Никто...

Тут ему в голову пришла еще более страшная мысль.

— Эдик! Им нужен был не я, а он. Чертов кретин!

Клей с недоумением смотрел на Нура.

— Мне нужно срочно узнать, где Эдик. Ты понимаешь? Чем быстрее, тем лучше. — Лицо невозмутимого до того Игрока покрылось капельками пота.

— Кажется, ты мне что-то не рассказал, — Клей пристально посмотрел на компаньона.

Нур чертыхнулся про себя — надо же было так проговориться. Журналист жестко смотрел на него:

— Итак, я жду. Иначе наше партнерство считается расторгнутым.

— Ну, хорошо, — вздохнул «антитеррорист». — Тогда с самого начала. Вчера в обед мне позвонил мой коллега, Стефан...

Пересказ истории занял несколько десятков минут. Нур умолчал только о факте появления девушки журналиста на площади возле театра. Вряд ли Шварцману была бы приятна эта часть рассказа. Когда Игрок закончил говорить, то даже сам почувствовал облегчение.

— Нда-а. Задачка, однако, — Клей потер небритый подбородок. — Значит, ты подозреваешь своих работодателей?

— Не совсем, — отверг такое предположение Нур. — Скорее, тут самодеятельность Никитича. Его прошлое до прихода в «Анти-Т» было слишком загадочным. Не исключено, что он и раньше занимался чем-то подобным. А сейчас решил развернуться под новой крышей.

— Тогда тебе нужно лишь выйти на директора, — обрадовался Клей. — И забрать сына.

— О чём и речь, — кивнул Нур. — Но мне туда хода нет. Никитич остановит меня прямо в вестибюле. Причём увесистым куском свинца со стальной головкой. Да и неизвестно, что он уже успел рассказать обо мне ПэПэ. Так что идти нужно тебе, — заключил аналитик. — Давай вернемся к моей первоначальной идеи — интервью с руководством «Анти-Т». Постарайся выяснить, что возможно, про моего сына. Побольше разузнай о том, почему они решили, что это я совершил теракт. Ну и так да-

лее. А если все будет чисто, сообщи ПэПэ, что я хочу выйти с ним на связь.

— Лады, — согласился Клей. — Не будем терять времени. Рабочий день на исходе, твои могут и по домам разойтись.

— Это вряд ли, — усмехнулся Нур, вспомнив обычныеочные авралы.

— И тем не менее, — не согласился Клей. — Лучше я отправлюсь прямо сейчас.

Роман сменил спортивки на джинсы, сверху майки накинул ветровку с множеством оттопыренных карманов («Диктофон, камера», — объяснил он Нуру, заметив его недоумевающий взгляд) и вышел из квартиры. «Однако неплохой парень этот Шварцман, хотя и журналист», — подумал Игрок.

* * *

Нур извёлся, ожидая возвращения Клея. Канал с мировыми новостями, подключенный у журналиста, был просмотрен им до дыр. Особый интерес у Игрока вызвал сюжет из Европы, рассказывающий о новых акциях общественного движения «Право на теракт». Либералы выходили на улицы европейских столиц с требованиями не запрещать теракты. «Таким образом мы выражаем свой протест. У нас должно быть такое право», — объяснял на пресс-конференции один философ с умными глазами. По всей видимости, только глаза у него и умные, решил Нур...

Наконец раздался писк датчика на входе — кто-то зашел в подъезд. Нур посмотрел на картинку с

камеры у входа — Клей медленно поднимался по ступенькам. Хвоста не было видно — уже хорошо...

— Не советую тебе пока возвращаться на работу, — журналист глупо хохмил, но Нур не обижался, он понимал, что это у него от перевозбуждения. — Твой любимый шеф расписал тебя как человека, ради денег готового на все. По его словам, ты жестокий, хладнокровный убийца. Но пока ты убивал террористов, тебе это прощалось. Когда же ты стал на их сторону, то превратился в мерзкого врача. Тебя пристрелит первый же встретившийся на пути сотрудник «Анти-Т». Такой им дан приказ.

— Понятно. Стальной уже обработал его, — вздохнул Игрок. — Разговор не получится...

Тут он заметил, что журналист как-то странно смотрит на него, кусая при этом губы.

— Что еще? — у Нура перехватило дыхание.

— Твой сын у них. — Слова давались Роману с трудом. — По словам твоего шефа, он содержится где-то на территории. Но это неточно. Я боялся расспрашивать более детально, чтобы они чего-то не заподозрили.

— Главное, чтобы не попал в лапы Стального, — с облегчением выдохнул Нур. — Кстати, его ты видел?

— Нет, — отрицательно качнул головой Клей. — Охрана провела меня прямо в кабинет директора.

— Узнаю школу ПэПэ, — грустно усмехнулся Нур. — Пока я ждал тебя, то много думал о нелепости всего этого дела. И мне очень странным стало казаться поведение врачей. Три года назад с аналогичным заболеванием Эдика держали в больнице, а вчера сразу выписали рецепт. Более того, участко-

вый врач ничего не знал о существовании в поликлинике стационара. Чем больше я думаю об этом, тем больше мне кажется, что стоило бы мне наведаться в эту самую больницу.

— Зря, — замотал головой Клей. — Тебя там пристрелят в два счета.

— Не факт, — неприятно улыбнулся Нур. — Они еще многоного обо мне не знают.

* * *

Порой случается так, что привычное и давно знакомое вдруг неожиданно оборачивается загадочным и даже неизвестным. Именно это произошло со зданием «Анти-Т», к которому за полночь подкрадывался Нур. Родная семиэтажка почему-то показалась ему чужой и враждебной. Словно Тесей, подплывающий к ужасному и таинственному критскому лабиринту, приближался он сейчас к больничному двору. Где-то внутри ожидал его появления «минотавр» Стальной, затаились коварные ловушки и было спрятано сокровище — его ненаглядный Эдик. Игроκу нужно было лишь преодолеть все эти препятствия. Но для начала он должен был избавиться от нового взгляда на хорошо ему знакомые вещи. И стоило Нуру сбросить со своего восприятия действительности пелену неузнавания, как он вновь почувствовал уверенность для штурма крепости.

Руководство поликлиники зря так доверяло профессионализму «Анти-Т». Игроκ понял это, едва начав реализацию своего плана по проникновению в больничную регистратуру. Он пошел через толь-

ко одному ему известный ход. В детстве Нура тогда еще полностью больничный двор был любимой площадкой местной пацаны для игры в «казаки-разбойники». В то время дети и выяснили, что строение в углу больницы, которые все называли моргом и которое двумя стенами выходило в переулки, на самом деле обычно пустует. Зато влезть в него через форточку прямо с улицы, а потом уже по коридорам и переходам попасть и в саму больницу — раз плюнуть. Видимо, до них это никому не приходило в голову. Звучное название «морг» отпугивало всех.

Причем настолько, что даже профессионалы из «Анти-Т» так и не удосужились перекрыть этот ход. Более того, подойдя к больнице со стороны переулка, Нур обнаружил, что окно морга, выходящее на улицу, слегка приоткрыто. Это была настолько большая беспечность со стороны охраны, что Игрок даже предположил наличие засады. Но так это или нет, можно было определить только одним способом — начав действовать...

Нур ухватился за фрамугу, подтянулся, втянул туловище в темноту. Рассеянного света луны в небе было недостаточно, чтобы осветить внутренности помещения. Игрок застыл на какое-то время, привыкая к сумраку помещения, затем огляделся. Он находился в небольшой комнатке, совершенно пустой. В коридор отсюда выводила незапертая дверь, ее он и воспользовался. Переход с большими окнами вел куда-то в другое здание, рядом виднелся выход во двор. Нур предпочел двинуться по первому варианту. Если он не ошибался и если здание не перестроили со времени детства Игрока, то коридор

должен был привести его как раз в помещение поликлиники.

На карточках, чтобы его силуэт нельзя было увидеть с улицы, Нур пересек всю длину перехода и остановился у двери в поликлинику — старого образца, еще из дерева, на беглый взгляд, никаких датчиков и камер. Однако он все равно вытащил из кобуры на ноге нож, что остался с дежурства. В отличие от пистолета, Барабековы почему-то не удосужились его изъять. Впрочем, даже сохранись у Игрока ствол, применить его он вряд ли бы решился — на звуки выстрелов моментально собралась бы вся контора. Правда, дома у Нура был запрятан отличный самопальний глушитель, но не лезть же из-за него на стопроцентную засаду.

Игрок аккуратно дернул за ручку. Закрыто. Замок на двери удивительно древний, язычковый, — отжать его можно без труда. На этот случай Нур захватил в гараже несколько инструментов, в том числе гвоздодер. Вернее, так его называл приятель Нура, а какой-нибудь матерый домашник скорее величал бы фомкой. Но главное, что инструмент был действительно мощный, из каленого железа. Игрок притащил его, чтобы взломать окно в морг, однако там он оказался не нужен. Зато для этого препятствия был в самый раз. Нур достал «фомку», всунул в щель между косяком и замком, легко отжал язычок. Дверь поддалась, пошла на него. Взломщик осторожно выглянула наружу.

Коридор поликлиники был едва освещен, но в углу виднелась камера. Незаметно не пройдешь, если охранник не спит, враз заметит двигающуюся фигуру. «Черт, что же делать? — задумался Нур. —

Вернуться и пройти через двор?» Ему нужен был всего-навсего кабинет регистратуры, где стоял сервер с историями болезней пациентов. Врач, что принимал их с Эдиком днем, обязан был скинуть на него данные о визите.

Однако Нур понимал, что через окно туда точно не проникнуть. Он посмотрел вверх. А что если разобрать потолок, выбраться на чердак, а оттуда, повторив процедуру, проникнуть в регистратуру? Это будет нетрудно, особенно с инструментом. Игрок снова оценивающе глянул на потолок и сожалением отказался и от этой идеи. Деревянные межэтажные перегородки в старом здании вскрыть было несложно. Но вот переход, в котором сейчас стоял Нур, пристраивался уже позже, и тут в качестве потолка использовали бетонные плиты. Их взял бы разве что перфоратор.

Гадания Игрока были прерваны самым тривиальным образом. За дверью вдруг раздались шаги, и юношеский голос произнес:

— Кто здесь?

«Молодой охранник. Увидел через камеру, что приоткрыта одна из дверей, решил проверить ее лично, — понял затаившийся Нур. — Ну что ж, чрезмерная бдительность и глупая молодость должны быть наказаны». Он тихо снял с себя куртку, обернулся ею «фомку» и стал ждать.

Охранник, повторив еще раз свой вопрос, наконец решился и, держа пистолет перед собой, подступил к двери. Левой, свободной, рукой он взялся за ручку и, толкнув створку от себя, уже собирался отскочить, как вдруг его руку с пистолетом перехватил кто-то из темноты и буквально втащил пар-

ня в коридор. В одно движение его кисть оказалась вывернутой так, что ствол сам вывалился из разжатой ладони. Глаза охранника не успели увидеть ничего в темноте, как Нур, продолжавший держать его за предплечье, обрушил ему на голову «фомку». Парень рухнул без слов, потеряв сознание. Не обмотай Игрок свой инструмент курткой, этим ударом он мог раскроить парню череп. Но он вовсе не собирался убивать пацана. Нур достал из кармана рулон скотча и плотно связал им руки и ноги охранника, попутно заклеив рот. «Повезло тебе, парень, что безусый, — подумал он, — иначе тяжело отрывать потом клейкую ленту».

Затем он сунул «макаров» охранника себе за пояс, снял с его кармана бейджик-идентификатор, который намеревался использовать, чтобы открывать внутренние двери в поликлинике, и двинулся в регистратуру.

Войти в больничную базу данных оказалось еще проще, чем предполагал Нур. Он собирался применять специальные программы для взлома пароля, как вдруг выяснилось, что компьютер в регистратуре не просто включен, но и база данных на нем открыта. Девочка-регистратор элементарно не заморачивалась нажатием кнопки «On/Off» — зачем выключать, если завтра снова включать, и потому компьютер месяцами оставался в активном состоянии.

«Ну и славно», — порадовался Игрок, вбивая имя-фамилию сына в строку поиска. Записей оказалось с десяток, последняя была датирована сегодняшним днем. Ее Нур пропустил и остановился на другой, трехлетней давности. Вошел, нетерпеливо

стал листать. Данных оказалось много, несколько страниц, в основном цифры, результаты анализов, показатели хромосомных тестов — ничего такого, за что можно было зацепиться. И никаких упоминаний о загадочном стационаре.

Нур откинулся на спинку стула, вытащил из-за пояса пистолет охранника, приложил его ко лбу. Металл оружия приятно холодил разгоряченную голову. Что делать дальше, «антитеррорист» не представлял. Почему-то ему казалось, что какие-то следы он обнаружит в больнице. Но его предположения рухнули — зацепок не было. Оставалось идти напрямую — брать за хвост самого Стального.

Ярко вспыхнул свет, у входной двери раздался какой-то шум. Нур резко развернулся лицом к входу, перехватывая пистолет за рукоятку, но было уже поздно — два ствола смотрели ему прямо в голову. Игрок опустил руку с оружием.

— Вот и молодец, — похвалил его Никитич. Он привалился плечом к входной двери и, задумчиво жуя жвачку, смотрел на Нура.

«Насмотрелся старых боевиков, пижон хренов», — подумал тот.

— Теперь положи ствол на пол и отойди к окну, — лениво процедил Стальной.

Нур бросил «макаров» на паркет и, встав с кресла, стал пятиться к окну. Робин и Бобин, чьи стволы только что целились ему в голову, опустили свои пистолеты и бесстрастно смотрели на бывшего напарника.

— Что-нибудь нашел? — поинтересовался Стальной, не переставая жевать

— Ага, — Нур кивнул с максимальным дружелюбием. — Рецептик для сына. Доктор выписал, а

мы потеряли. Пришлось среди ночи возвращаться, надо же лечить ребенка.

— Остроумно, — совсем невесело улыбнулся Никитич. — Но ты не переживай. Мы сами твоего сына полечим.

— Только попробуйте тронуть его, — кровь тут же ударила Нуру в голову, он забыл про показное радушие.

— А то что? — осклабился Никитич. — Ты не переживай, с ним ничего не случится, воспитаем нормального члена общества, а не такого террориста, как ты.

В голове у Нура всплыла шальная мысль — а может, он неправильно все понял и больница ни при чем, а Никитич и вправду дезинформирован? Но почему тогда в медкарте нет данных о госпитализации Эдика? «А ведь именно Стальной тогда рекомендовал мне обратиться в поликлинику», — вдруг вспомнил Нур...

Ба-бах! Оглушительные шум и тряска. Пол пошел ходуном. Землетрясение? Бомба? На ногах устоять оказалось невозможно. Из шкафов посыпались коробки с дисками. Какая-то труба, слетев со стены, ударила «близнецов» прямо под колени — оба рухнули с оглушительным шумом. Никитича кинуло вбок, он ударился головой и сполз по стене. Нур полетел вперед и вниз, пропахав паркетину носом и чуть не уткнувшись им в свой же ствол. Удачно упал! Он схватил пистолет, практически не целясь, выстрелил в Барабековых — попеременно, дважды, в голову. Все пули легли в цели, вместо голов — кровавые ошметки. Оставался Никитич. Старика подвел возраст, он не успел среагировать,

когда Нур в два прыжка вскочил на ноги и оказался возле него. Нож бывшего стяговца уперся Стально-му в печень, свободной рукой он вырвал у него из руки пистолет. «Стечкин», неплохо.

— Итак, где дети? — почему-то прошептал Нур ему прямо в ухо.

— Догадался-таки, — хмыкнул Никитич. Он медленно приходил в себя и не выглядел испуганным, видимо сказывалась армейская выучка. — Говорил же я директору, что ты умнее, чем кажешься.

— Комplименты своей жене говорить будешь! — отозвался Нур. — Веди меня к детям.

— А нет у меня ни жены, ни детей, — съюродствовал Никитич. — Один я на свете живу...

Игрок усилил напор на лезвие, слегка протыкая им кожу. Стальной сдался.

— Ну пошли, коли просишь, — согласился он. — В бомбоубежище.

«Ну, конечно, как я сам не догадался, — подумал Нур, — идеальное ведь место для содержания заложников».

Он заткнул рот Никитичу носовым платком и связал конечности все тем же скотчем: руки — плотно, ноги — так, чтобы он мог едва их переставлять, и вытолкнул во двор больницы. Что случилось, было пока неясно. Виден был лишь обвалившийся угол здания конторы, и оттуда же неслись звуки выстрелов. Судя по всему, неизвестный и весьма уверенный в своих силах враг напал на «Анти-Т». Однако Нуру это было только на руку. В такой суматохе подавшимся на защиту периметра охранникам не до них.

Идти до бомбоубежища было недалеко — мет-

ров пятьдесят, располагалось оно в этой же части больничного двора. К нему вела петляющая среди кустов сирени асфальтированная дорожка. Бегом это расстояние можно преодолеть за полминуты, но Нура задерживал стреноженный им же самим Никитич. Нури не торопил его, беспокойно осматриваясь по сторонам. Его смущало дерзкое и непонятное нападение на «Анти-Т». Какой же силой обладали атаковавшие, если рискнули штурмовать корпорацию «антитеррористов»?

Внезапно из темноты на парочку выскочил кто-то вооруженный. Ствол Нура уже смотрел в сторону приближающегося силуэта. Стрелять он не спешил — шум мог привлечь внимание к их компании. Когда фигура вплотную приблизилась к ним, Нури понял, что принял правильное решение — незнакомец оказался Романом Шварцманом. В руках у него был зажат вовсе не автомат, а фотоаппарат.

Журналист летел, не замечая никого вокруг, словно за ним гнался оживший Бен Ладен. Нури и Никитича он увидел, только налетев на военспеца и чуть не сбив его с ног. От испуга Шварцман выронил фотоаппарат и, громко ойкнув, плюхнулся на землю.

— Сделаешь мне фото с обезьянкой? — громко окликнул его Нури. Оклик подействовал на журналиста волшебным образом. Широко раскрыв глаза, он уставился на спрашивающего, узнав наконец-таки партнера.

— К-какой обезьянкой?

— Вот этой, — Нури указал на Никитича. — Говорящей.

— Так это же местный замдиректора, — нако-

нец произнес журналист, пристально вглядываясь в багровеющего Стального.

— Обезьянки тоже бывают замдиректорами, — Нур с улыбкой смотрел на исходившего злой спеца.

— А я вас искал, — невпопад заявил журналист.

— Уже нашел. Не твоих рук дело случайно? — Нур кивнул на пожарище.

— Моих, — вдруг согласился тот. — Пятьдесят тысяч баксов копейка в копейку. Подрыв здания «Анти-Т» в знак протеста против подавления свободы слова, обстрел из крупнокалиберного оружия в течение получаса силами десяти человек. Плюс надбавка за срочность. Цитирую прямо по контракту.

Нур от неожиданности чуть не шлепнулся рядом со Шварцманом. Такой прыти от партнера он никак не ожидал.

— И зачем все это?

— Ну как же? А отвлечение внимания? Тебе же нужна была помощь...

— Стратег. Все просчитал, — Нур уважительно похлопал Клея по плечу и добавил уже от души: — Искреннее спасибо. Спас буквально.

Никитич страшно замычал, задергал головой, стараясь, видимо, вытолкнуть кляп.

— Вот и местное руководство хочет тебе спасибо сказать, — прокомментировал Нур и вытащил платок у него изо рта. — Давай-ка послушаем его.

Однако Стальной разразился проклятиями:

— Сволочь ты, Игрок, продал нас террористам! Ладно этот-то. Но ты?

— Не принимай близко к сердцу, Никитич. —

Голос бывшего стяговца был полон фальшивой благожелательности. — Я просто нанял одну банду, чтобы расквитаться с другой. Лучше топай дальше... Не нужно было детей обижать, — добавил он, и, когда экс-начальник оказался перед ним, со всей силы врезал ногой по поджарому заду, от чего strenоженный заложник чуть не полетел носом в асфальт.

К тому времени перестрелка начинала стихать, хотя отдельные выстрелы еще были слышны. Нападавшие явно схалтурили, не выдержав оплаченные полчаса обстрела. Однако троица уже почти пересекла больничный угол и приближалась к вросшему в асфальт двора бетонному треугольнику входа в бомбоубежище.

Игроку казалось, что он совершенно не изменился с того времени, когда еще мальчишками они пытались с разгона въехать на его наклонную крышу на велосипедах. Тот же изъеденный мхом бетон, та же стальная дверь. Появились разве что пластиковый козырек над входом да кодовый замок.

Компания остановилась у двери. Нур не знал, дежурил ли здесь обычно охранник, но сейчас вход в старое бомбоубежище никем не охранялся. Стальной вопросительно посмотрел на своего конвоира. Тот толкнул его в бок — «говори код».

— А где «пожалуйста»? — Никитич прищурился.

Нур резко сунул ему кулаком по печени:

— Такое подойдет?

— Вполне, — прохрипел Стальной, глядя с ненавистью на бывшего подчиненного.

— Может, повторить? — с издевкой в голосе уточнил Нур.

— Достаточно, — процедил Никитич. — Руки-то развязи...

— Щас! — ухмыльнулся Игрок, поднося ладонь к цифровой панели замка. — Диктуй давай!

Стальной нехотя подчинился, называя одну за другой цифры кода. Пальцы Игрока запорхали над кнопками.

Едва он ввел последнюю цифру, как дверь еле слышно щелкнула и мягко приоткрылась. Нур потянул ее за ручку, стальной лист шел тяжело, постепенно убыстряясь. Изнутри дохнуло затхлым воздухом, темнота была полная. Первым, не дожидаясь, пока дверь распахнется совсем, в проем проскользнул журналист, следом Игрок втолкнул Никитича, и замыкающим вошел сам. Как только дверь закрылась за ним, вспыхнул свет. Стал виден низкий наклонный потолок, крутые ступени.

Никитича Нур пропустил вперед, слегка придерживая его за полосу скотча, связывающего руки. Воздух был затхл и сыр, как это обычно бывает в подвальных помещениях. «А ведь Эдик и так кашлял», — подумал Нур.

Ступая шаг в шаг, компания спустилась на площадку, выложенную кирпичом. От остальной части бомбоубежища ее отделяла еще одна стальная дверь. Но на ней был установлен уже не кодовый замок, а кое-что посеребренее — искусственный интеллект, с автоматическим считывателем информации с микрочипов входящих. Нур хорошо знал эту систему, она работала со списками допуска. В случае, если внутрь пытался пройти посторонний, срабатывала система блокировки двери. Нур не был внесен в списки, но зато у него не стоял и микрочип, а зна-

чит, Игрока для искинта словно не существовало вовсе. Зато Никитич относился к числу допущенных — на табло уже загорелась надпись «id-принят».

Нур вновь потянул за ручку — дверь медленно открылась, внутри загорелся свет. Вдвоем с Никитичем они переступили порог, журналист потянулся следом за нами.

— Стоп! — Нур ладонью остановил его перед проемом. — Извини, Рома, но тебе придется прикрыть нас сзади. Дверь не пропустит — нет допуска.

— А как же ты? — закипятился Шварц. — Да и что значит не пропустит?

— Я — чист. Для искинта меня не существует. А на тебе сработает сигнализация, и автоматика тут же заблокирует нас.

Журналист, ворча что-то себе под нос, с неохотой остался в предбаннике — сел на корточки, привалившись к стене.

Помещение, в которое попали Нур с Никитичем, было мало похоже на бомбоубежище. Большая и очень светлая комната оказалась вся заставлена лабораторными столами (последний раз Нур видел их на школьных уроках химии) и поделена на несколько отсеков перегородками высотой в половину человеческого роста. Шкафы вдоль стен были забиты химическим оборудованием и медицинскими приборами. В углу на подставках-треногах стояло до десятка похожих на большие аквариумы стеклянных кубов, к которым были подведены трубочки и подключены какие-то аппараты. Внутри в мутной жидкости виднелось что-то вроде человеческих уродцев.

«Кунсткамера, что ли?» — Нуру пришло на ум только такое объяснение. В самой кунсткамере он никогда не бывал, но представлял ее именно так.

Он выжидательно посмотрел на Никитича. Тот кивнул на дверь в противоположной от входа стene. Парочка двинулась туда, Нуру старался не смотреть в сторону «аквариумов».

Дверь оказалась заперта на обычный замок, причем фиксатор располагался только с этой стороны. Стоило Нуру повернуть «собачку», раздался щелчок — и дверь раскрылась в темноту.

— Выключатель — слева, — почему-то перешел на шепот Никитич.

Не входя в комнату, Нуру протянул внутрь руку и зашарил ей по стене. Сердце его замерло, чтобы забиться сильно-сильно через секунду. Щелк — и в мутном свете ночника перед Нуrom появилась маленькая комната с глухими стенами, несколько детских кроваток, детский манеж с игрушками в углу и стол с кухонной посудой у стены.

«Ничего необычного», — успел подумать Игрок, чтобы в следующее мгновение понять, что на самом деле странными были обитатели этого жилища. Молча они сидели на своих кроватках и во все глаза смотрели на ворвавшегося к ним Нура. И это были одинаковые глаза. И одинаковые лица.

Дети, дети-близнецы, похожие друг на друга как две капли воды, но в то же время почему-то разные. Нуру потребовалось несколько минут, чтобы понять — мальчики были неодинакового возраста — на вид от годика до пяти лет, но одной внешности.

«Кто же из них Эдик?» — мелькнула мысль. Каж-

дый из них был его сыном и одновременно не был им. Словно копии собственного ребенка представали сейчас перед Игро ком.

— Кто это? — Нур попятился обратно, перевел ошарашенный взгляд на Никитича и увидел смену эмоций на его лице. Вначале — удивление по поводу его растерянного вида, потом раздумье и следом — улыбку понимания, перерастающую в смех.

Стальной опустился на пол, склоняясь в поясе от хохота. Если бы не связанные руки, он наверняка стал бы хлопать ими себя по ногам и бокам.

— Дурак, вот дурак-то. Надо же так попасться! — сквозь смех и слезы выдавил он.

— Что за приступ самокритичности? — нелепое поведение Никитича привело Нура в чувство.

— Так ты ничего не понял! «Дети, где дети?» — передразнил он Игро ка. Недоумение Нура словно вернуло Стальному хорошее настроение. Он порозовел, глаза его ожили. — Я-то, кретин, решил, что ты раскрыл нас. А оказывается, был прав все-таки я, ты — простофиля. Какие дети тебя интересовали, а?

— Мой Эдик, — жестко проговорил Нур. Он старательно делал вид, что не заметил изменений, произошедших с внешностью Стального. — И другие, которых вы взяли в заложники, чтобы сделать из них смертников.

— А нет никаких других! Тут все твои! — продолжал веселиться Никитич.

— Что ты несешь? — зло оборвал его Игро к.

— Он прав. Это все клоны твоего сына. Плоть от плоти. Беленькие, чистенькие и в то же время ген-

номодифицированные, — вдруг раздался голос сзади Нура. Странно знакомый голос.

Но Игрок не успел повернуться, чтобы увидеть говорившего, он почувствовал лишь короткую боль и провалился в темноту...

Он пришел в себя, лежа на все том же полу бомбоубежища. Сверху на него смотрел лысоватый крепыш среднего роста — начальник личной охраны ПэПэ по имени Пабло. Нура слегка подташнивало, голова была словно сжата в тисках. «Он ударил меня сверху», — понял Нур и снова вырубился. Но на этот раз не полностью.

Как сквозь сон, до Нура доносился голос директора «Анти-Т»:

— Это все следствие твоей жадности, Андре. Зачем нужно было взрывать мероприятие, которое сам и охраняешь? Сколько тебе заплатили, скажи честно?

— Стольник. Баксов. — Голос Никитича был тих.

— И за какие-то сто штук ты стал «крысой»?! — горько отозвался ПэПэ. — Эх, Стальной, Стальной. Ты перестал соответствовать своему прозвищу. Ты предал друзей. Сопливый мальчишка-аналитик расколол тебя, как пацана. Ты не стальной, Андре, ты ржавый...

— Прости, ПэПэ. — Тон стал совсем жалобный.

— Зачем ты мне нужен такой? Да лучше я возьму в долю этого, — ПэПэ явно имел в виду Нура.

— А что будет со мной?

— Ничего. Засунешь себе в задницу свой стольник. Это хорошие деньги. Для живого. Но мертвому они ни к чему...

ПэПэ замолчал, затем раздался короткий вскрик

и несколько хлопков. И глухой стук — словно мешок с картошкой упал на пол. «ПэПэ уволил своего зама, причем навсегда», — понял Нур. Эта мысль почему-то совсем не тронула его. Странное равнодушное охватило экс-стяговца. «Я должен встать, мне нужно искать сына», — думал Нур, но никак не мог заставить себя даже приподняться.

— Подними его! — раздался голос ПэПэ. В бок Нура словно вонзился раскаленный прут. «Пабло всегда умел бить ногами, — вспомнил Игрок, — он даже специально заливал свинец в свои остроносые ботинки».

— Не надо! — раздался чей-то голос, в котором Нур с удивлением узнал свой. — Я встаю.

Опершись рукой о пол, он действительно смог привстать. Никитич лежал в нескольких шагах от него. Но с его телом уже произошли некоторые необратимые изменения, две дырки — в голове и груди.

Зато все остальные были живы: директор с пистолетом в руке, Пабло — возле Нура и даже сжавшийся в комок журналист в углу.

— Не ожидал от вас такого, — четко проговаривая слоги, укоризненно выговорил Нур директору. — Думал, это самодеятельность Никитича.

— Так и есть, — холодно кивнул ПэПэ. — Лаборатория клонирования — наша, а вот взрыв «Глобуса» — инициатива Никитича. Фраер. Левака решил срубить.

— Вы использовали генный материал моего сына для подпольного клонирования? — Нур сам не понимал, утверждает ли он это или спрашивает.

Ему казалось, что он должен говорить, иначе мозг лопнет от мыслей и догадок.

— Именно так, — наклонил голову директор. — У нас первоклассная техника. Мы не только клонируем детей, но и выращиваем их прямо здесь, в искусственных матках. Корейские ученые творят чудеса, знаешь ли...

«Зародыши человека!» — Только теперь Нур понял, что за «уродцы» плавали в стеклянных банках на столах. А вслух произнес:

— Дети...

— Да, дети, — подхватил Петр Петрович. — Дети — это святое. А на святом легче всего делать деньги. — Он довольно хмыкнул.

Нур прикрыл глаза. Слабость накатывала волнами. «Надо держаться», — приказал он сам себе. Голос директора доносился словно издалека.

— Дети — идеальные убийцы. Их нельзя заподозрить. Они чисты и невинны, в отличие от взрослых. Искусственные дети — еще лучше. Их не определить сканерами, ведь у них нет идентификаторов, поскольку они не стоят на учете. Официально они не родились, у них нет родителей, которые искали бы их. Это даже не люди, это гомункулусы. А генная инженерия творит и вовсе чудеса. Несколько новых штрихов, и в генном коде человека поселяется тринитротолуол. Маленькая инъекция детонатора перед акцией, и через десять минут маленький гомункулус разнесет на куски большое здание.

Информация из Петра Петровича лилась бурным потоком. Словно профессор, что на несколько лет был лишен возможности читать лекции студен-

там, сейчас он захлебывался словами. «Нечасто ему достаются собеседники, которым он мог бы так откровенно рассказать о своих делах», — подумал Игрок.

— Но почему мой Эдик? — не выдержал Нур.

— Не повезло с генотипом. «Расово чистые» дети — просто клад в качестве камикадзе, — усмехнулся директор. — Белокожие блондинчики с голубыми глазами, конечно, не дефицит, но зачем искать лучшее, если имеешь хорошее. Эксперимент с генетическим материалом твоего ребенка удался, вот и понаделали из него близнецов. Если бы не этот кретин, — ПэПэ ударили ногой тело Никитича, — то никто и никогда не опознал бы твоего сыночка. Но ты оказался в неурочное время в ненужном месте.

— Где мой сын сейчас?

— С ним все нормально. Он в больнице. Но тебе его уже не увидеть. Нет, с ним все будет в порядке, — добавил Петр Петрович, заметив, как дернулся при последних словах его бывший сотрудник. — В отличие от тебя.

— Вы же хотели ввести меня в дело? — вяло отозвался Нур.

— Э, нет, ты слишком любишь детей! — покачал головой ПэПэ. — Так что извини, но психопата, что организовал теракт, взорвал здание «Анти-Т» и, словно бешеную собаку, пристрелил одного из его руководителей, в живых оставлять нельзя. Никак нельзя...

«Репетирует речь для будущего следствия», — догадался Нур. Журналист задергал ногами в углу. Директор повернулся к нему.

— Пособники тоже не живут долго, — сказал

он. — И даже умирают первыми. — ПэПэ поднял руку с пистолетом.

Новый взрыв потряс бомбоубежище. Входная дверь с напором вылетела из своего проема, преодолев пару метров и спикировав на столы. Стеклянный дождь из покореженного химоборудования брызнул по сторонам. В дыму и пыли в комнату влетело несколько фигур в черных униформах и матовых полусферах. Пабло упал первым — его снесло автоматной очередью. Директор тут же бросил на пол пистолет, поднял руки. Две фигуры устремились к нему, свалили на пол, защелкнули наручники. Журналист из своего угла ошарашенно наблюдал за всем этим действом.

Один из группы в черном подошел к Нуру, стянул с головы полусферу и, радостно сияя во все зубы, пробасил:

— Ну что, Нур, жив, курилка? — И когда Игрок вяло улыбнулся в ответ, добавил, не прекращая сверкать улыбкой: — Доложите обстановку, капитан Нургалиев!

— Вы забыли приставку «экс», майор Галушко.

— Бывших в «Стяге» не бывает, — усмехнулся его собеседник. — Кстати, я уже давно полковник.

* * *

Стоял солнечный августовский день — один из тех, когда люди вдруг начинают смотреть по сторонам и говорить «а ведь скоро осень». Нури и Шварцман сидели в любимом летнем кафе Нургалиева в самом центре городского сквера. Он почему-то считал, что здесь подают самое вкусное мороженое в

городе. Фонтан в нескольких метрах от них устремлял тугие струи в безоблачное небо. Детишки в светлых костюмах бегали по его бортикам и визжали, когда им удавалось дотянуться до воды.

Во время особенно громких вззвизгов Нур бросал обеспокоенные взгляды на фонтан, но быстро успокаивался, видя, что это просто шалят дети. Периодически он поводил профессиональным глазом по окрестностям парка, однако стандартное двойное оцепление по всему периметру укрепляло в нем ощущение полной безопасности.

— Одного не пойму, зачем нужно было лишать меня моих пятидесяти штук баксов, если можно было сразу подмогу вызвать? — удрученно спрашивал у Нура журналист, не забывая поглощать шоколадное мороженое.

— А ты спрашивал у меня разрешения? — парировал Игрок.

— Если бы ты рассказал мне все заранее, я бы иначе действовал, — продолжал обижаться Шварцман.

— Расскажи я все заранее, неизвестно, как бы все прошло. Да и не вызывал я подмогу. Сами пришли.

— Это как?

— Не помню, рассказывал я тебе или нет, но мне пришлось демонтировать свой идентификатор. Это и стало для них сигналом. Меня сразу взяли под наблюдение.

— Так ты был их агентом или нет? — не понял журналист.

— Официально я бывший стяговец. И действительно ушел со службы. Но в то же время я был и

законсервированным агентом. Мне рекомендовали устроиться на работу в любую антитеррористическую компанию и тщательно мониторить ситуацию. В экстренном случае я мог раскрыть себя — если дело было государственной важности. И надо было же так случиться, что я настолько удачно трудоустроился, — у Нура непроизвольно вырвался смешок, и уже более мрачно он добавил: — Хотя, как знать, что за «скелеты в шкафу» у других «антитеррористов».

— И что ты намерен делать теперь? Вернешься на службу? — поинтересовался Клей.

— Да нет, теперь я окончательно вышел в отставку. Агенты под прикрытием годны лишь на одно дело.

— А если я напишу про это книгу?

— Я могу называть тебя Клеем? — вдруг спросил Нур.

— Друзья только так меня и называют, — без тени улыбки отозвался Шварцман.

— Тогда пиши, — Нур хлопнул журналиста по плечу. — Только помни — гонорар пополам. Мне деньги нужны. Теперь семья-то у меня большая. — И Нур обвел широким жестом хохочущих у фонтана близнецов. Все восемь во главе с Эдиком были там.

МАЙК ГЕЛПРИН

НЕЙТРАЛЫ

1. ПАВЛОВ

втобус стоял метрах в ста от здания аэропорта. Павлов шел к нему через летное поле напрямик, и четыре ствола, целясь в грудь, хищно щерились из разбитых окон.

Павлов добрался до распахнутой передней двери, заглянул в салон и почти физически ощутил плеснувшую оттуда смесь угрозы и страха. Страх был в глазах — в двух десятках пар глаз, женских и детских. А угроза — тоже в глазах, только в четырех парах, в мужских.

В живых из пассажиров автобуса остались лишь женщины и дети. Мужчин расстреляли сразу, при захвате, а тела на ходу вытолкали наружу. Последним пристрелили водителя, тоже на ходу, но вытолкать уже не успели, не до того стало. Тело водителя так и лежало на полу в кабине, Павлову был виден развороченный пулей затылок.

— Кто главный? — крикнул Павлов в салон, загоняя, заталкивая криком страх и угрозу вовнутрь. — Выходи! Говорить будем здесь.

Небритый чернявый молодчик, закинув за спину «АКМ», встал в дверном проеме. Секунду они смотрели друг на друга — глаза в глаза. Затем молодчик ухмыльнулся, небрежно сплюнул наружу и спрыгнул вслед за плевком.

— Условия, — коротко бросил Павлов.

Молодчик не ответил. Он неторопливо достал из внутреннего кармана кожаной куртки сигареты, выбил из пачки одну, прикурил, пустил струю дыма под ноги. Сейчас он мог чувствовать себя в полной безопасности. Павлов был его охранной грамотой, потому что убить Павлова было нельзя. То есть теоретически, конечно, можно, однако рискнувший убить пережил бы Павлова ненадолго. Братство это гарантировало — убийца нейтрала так же, как все, к убийству нейтрала причастные, становились людьми обреченными. Их приговаривали сразу, по факту, и исполняли приговор неукоснительно. Убийц Братья искали, находили и уничтожали. Где бы они ни были. И кто бы они ни были — бандиты, киллеры, террористы, полицейские или солдаты правительственные войск.

— Самолет, — пустив струю дыма Павлову в лицо, подал голос небритый молодчик. — С пилотом и запасом горючего, чтобы хватило до Тегерана. Сделаешь?

— Допустим, — сказал Павлов бесстрастно. Он здесь для того, чтобы закрыть конфликт. Без крови. Потребовали самолет — пожалуйста, Павлов не против. Ему положено быть нейтральным, и он нейтрален. Абсолютно. К обеим сторонам.

— Патроны, гранаты и жратву. — Молодчик затушил окурок о борт автобуса, харкнул на землю. — И пятьсот тонн зеленых. Наличными, в мелких купюрах. Или, может быть, запросить лимон?

Молодчик усмехнулся криво и подмигнул. В этом вопросе Павлову не полагалось быть нейтральным, в гонораре ему надлежало быть заинтересованным так же, как и этому подонку. Братство существует

за счет гонораров. Иногда Павлову хотелось блевать, когда он вспоминал об этом. Иногда он блевал.

— Пусть будет лимон, — согласился Павлов, — отпускайте заложников.

Молодчик ухмылялся ему в лицо — понимающе, приятельски, едва не дружески.

— Ты, гнида, не лыбься, — сказал Павлов, и ухмылка слетела у молодчика с лица, как не бывало. — Будь моя воля, я бы тебя своими руками удавил, гада.

В Тегеране ему отсчитали триста тысяч. Тридцать процентов — стандартную долю Братства. На следующее утро он прилетел в Ташкент, оттуда — в Москву. Сдал деньги Координатору. Взял пол-литровую «Столичной» и заперся у себя в квартире. Эти четверо ограбили банк в Санкт-Петербурге. Застрелили двоих охранников и девушку-кассиршу. Затем троих пассажиров и водителя автобуса. Не будь нейтрала, их бы перебили. А они перебили бы еще двадцать человек — женщин и детей. Заложников.

Павлов до краев набулькал из бутылки в стакан. Выдохнул, запрокинул стакан ко рту. Залпом опростал, жадно занюхал рукавом, нашарил на столе сигареты. Закурил, в пять затяжек стянул до фильтра. Налил по второй. «Это моя работа, — сказал себе Павлов. — Быть нейтральным, вашу мать, в бога, в дышло, в креста. Быть нейтральным, суки. Абсолютно нейтральным».

2. ЭСТЕР

Прямой из Тель-Авива приземлился в буэнос-айресском аэропорту ранним утром, затемно. Эстер проснулась за пять минут до посадки — ровно в

то время, на которое выставила накануне биологические часы. Сейчас ее звали Хильдой Лунстрем, по паспорту. Также по паспорту Эстер значилась гражданкой Норвегии, тридцати лет от роду, незамужней и бездетной. Возраст и семейное положение соответствовали действительности — незамужней и бездетной тридцатилетняя Эстер Мизрахи стала четыре года назад, после взрыва в иерусалимском супермаркете, похоронившего под обломками Меера и обоих близнецов.

Сообщение от Координатора пришло по электронной почте накануне, в два пополудни. Сестре Мизрахи предписывалось к полуночи прибыть в Иерусалимский аэропорт и ждать дальнейших инструкций. Ждать, впрочем, не пришлось: инструкции в запечатанном конверте передал угрюмый горбоносый субъект, представившийся Братом Леви. Эстер вскрыла конверт в дамской комнате, извлекла из него сложенный вчетверо лист папирской бумаги, две фотографии, паспорт на имя Хильды Лунстрем и авиабилет Иерусалим — Буэнос-Айрес. Пробежала глазами содержание листа, потратила пару минут на запоминание, пока не заучила наизусть. Столько же времени ушло на изучение фотографий. Паспорт и билет перекочевали в сумочку, бумага и фотографии отправились в унитаз.

Через полчаса Эстер позвонила Моше, не дозвонилась и оставила сообщение, что улетает в командировку. Моше, как обычно, будет ревновать и негодовать. Что ж, ему придется смириться. Эстер отключила телефон и отправилась на посадку.

Внешне на еврейку она не походила совершенно. Натуральная блондинка, фигуристая, с прямым

носом и серыми глазами на красивом, породистом лице. Загорелая, улыбчивая, сексапильная — практически идеальная внешность для Сестры первой ступени с четырехлетним стажем и полудюжиной исполненных фигурантов на счету. Гражданину Германии Оскару Штерну, тридцати шести лет, неженатому, бездетному, по профессии террористу, предстояло стать седьмым.

Эстер не знала, вынесли Штерну приговор за убийство Брата второй ступени или за неуплату доли Братства при сделке, но ее это и не интересовало. Ее задача — вступить с фигурантом в контакт, обеспечить устранение и скрыться, все остальное не имело значения. Так же не имело значения, каким образом Эстер обеспечит успех операции. Для Братства не имело, но не для нее. Потому что специализация у Сестры Мизрахи была узкой, а контакт, в который она вступала с клиентом, — не просто контактом, а с добавлением непременного прилагательного «сексуальный». После каждого такого контакта Эстер чувствовала себя общественной урной, помойным ведром, мусорным баком с отходами и попросту шлюхой. Очиститься от грязи и похоти не удавалось, бесчисленные митвы смывали грязь с кожи, но не ту, которая в душе.

— Потерпи, девочка, — частенько говаривал Координатор на ежемесячной контрольной встрече. — Еще один раз. Максимум два, и я буду ходатайствовать о переводе на вторую ступень. Нейтраплом не приходится делать грязную работу — ту, что выпадает исполнителям. А я уж похлопочу, чтобы первая же открывшаяся вакансия стала твоей.

Эстер кивала. Открывшаяся вакансия означала смерть нейтрала — Брата второй ступени. Или Сестры. Да, нейтрам не приходилось резать, стрелять и делить постель со всяким дерьямом. Зато им приходилось лезть в самое пекло. И тогда бывало, что резали и стреляли их...

С Оскаром Штерном удалось познакомиться в ресторане, в том самом, где его видел состоящий на дотации у Братства платный осведомитель.

Эстер уселась за столик неподалеку от Штерна. Отметила соответствие внешности фигуранта с фотографией. Узколицый высоколобый блондин с блеклыми, «рыбными» глазами навыкате. И при охране: трое неброско одетых сосредоточенных молодчиков за соседним столиком. Эстер привычно поймала заинтересованный взгляд в вырез черного с блестками вечернего платья. Ответный взгляд, поощрительная улыбка, и Штерн поднялся, пересек разделяющее их столики пространство, резко склонился в полупоклоне, выпрямился.

— Вы танцуете?

Эстер улыбнулась, кокетливо опустила глаза:

— Немного.

— Позвольте вас пригласить.

Потом было обязательное в подобных случаях шампанское и не менее обязательные комплименты. Букет кремовых орхидей, небрежно, сдачи не надо, купленный у разносчика цветов, и предложение прокатиться по ночному городу.

Джип с охраной исправно следовал за вишневым «Ягуаром» Штерна. Аргентинские танго сменили друг друга в динамиках, Буэнос-Айрес сопро-

вождал музыку неоновыми вспышками с витрин ночных ресторанов и баров, поддувал в раскрытое пассажирское окно теплым ласковым бризом. Эстер, откинувшись на сиденье, старалась выглядеть расслабленной и томной. Любопытно, пригласит он на чашечку кофе, предложит взглянуть на картины, выкурить сигариллу с травкой или полюбоваться видом из окна... Предыдущий фигурант предлагал посмотреть аквариумных рыбок, тот, который был до него — послушать пение декоративного гарцкого роллера. Заинтригованная Эстер была несколько разочарована, обнаружив, что за экзотическим названием скрывается обычная яично-желтая нахохлившаяся канарейка.

— Ко мне или к тебе?

Эстер едва удержалась от гневной отповеди. Штерн даже не стал утруждаться выбором предлога, он сделал ей предложение так, будто она — шлюха. «А я и есть шлюха», — через мгновение осознала Эстер. Дешевая потаскуха, да что там, вообще бесплатная. Правда, за удовольствие клиентам в результате приходится платить неизмеримо больше, чем им обошлась бы любая, самая элитная и дорогая проститутка планеты.

— Как хочешь, милый.

— Тогда к тебе.

— Прекрасно. У меня уютный номер в «Империале».

Выбранный вариант устраивал Эстер больше, чем противоположный. Осложнений возникнуть не должно, а случись они все же, покинуть гостини-

цу можно через черный ход, минуя охрану, которая наверняка будет отираться в холле.

— Ты останешься у меня на ночь, милый?

— Посмотрим.

— В зависимости от того, понравлюсь ли я тебе? — Эстер кокетливо улыбнулась.

— Угадала.

— Ты не очень-то приветлив, милый.

— Прости, — Штерн впервые за всю поездку улыбнулся. — Проблемы в бизнесе, никак не могу расслабиться.

— Расслабиться я тебе помогу, котик.

«До чего же роль шлюхи пристала, прилипла ко мне», — отстраненно думала Эстер. Или, скорее, не шлюхи — распутной девки. В России, откуда родом ее мама, для таких существовало хлесткое слово б-дь. Эстер передернуло, отвращение к тому, что предстоит сделать, смешавшись с отвращением к себе самой, захлестнуло ее, прокатилось от сердца к горлу и хлынуло в гортань, едва не вызвав рвотный спазм. Эстер подавилась воздухом, задохнулась, заскальялась.

— Эй, что с тобой?

— Ничего, милый, — Эстер справилась с дурнотой, отышалась, утерла губы носовым платком. — Мы скоро приедем?

— Через пару минут. Ты в порядке?

— Да, котик. Ты скоро убедишься, что я в полном порядке. Ты будешь доволен, милый.

Штерн действительно убедился, что Эстер в порядке, довольно скоро и остался доволен. Она явно ему понравилась так же, как понравился смешан-

ный ею на скорую руку коктейль. Его Эстер разливала в бокалы из миксера на глазах у Штерна. И содержимое бокалов ничем друг от друга не отличалось, если не считать мгновенно растворившейся в одном из них ампулы с экстрактом ликориса.

Через пару часов гость ушел, договорившись на прощание о новой встрече. Еще через полчаса ночной портье вызвал для Эстер такси. В аэропорту она взяла билет на ближайший рейс в Бразилию и к рассвету высадилась в Рио. Прямой на Тель-Авив улетал в три пополудни, так что Эстер успела перекусить и отоспаться в ближайшем отеле. Самолет ушел в Израиль по расписанию. Он едва преодолел первую четверть пути, когда в Буэнос-Айресе скропостижно скончался гражданин Германии Оскар Штерн.

3. КРЕОЛ

Креолу сразу не понравилась эта группа, с первого взгляда. Не понравились ни угрюмые, небритые разбойничьи рожи, похожие друг на друга так, словно все пятеро были братьями, ни скучающая, сдобренная сквернословием речь, ни манеры и разболтанная походка старшего, звероподобного громилы, назвавшегося Леоном.

Группу, однако, подбирали работодатели, и жаловаться Креолу не пристало: за те деньги, что ему платили, приходилось работать со всяким сбродом, и приходилось не раз.

Креол поборол раздражение. В конце концов, дело одноразовое: он проводит операцию, обеспечивает безопасность и отход, остальные лишь вы-

полняют приказы, большого ума для этого не надо. Работать с профессионалами, конечно, надежней, чем возглавлять банду недоумков, возможно и слыхом не слыхавших о дисциплине, однако выбирать не приходится.

— Как тебя называть, босс? — поинтересовался Леон, одного за другим представив своих людей.

— Креолом.

— А имени что, у тебя нет?

— Вам оно ни к чему. Так что можешь считать, что нет.

Имя у Креола было. Диего Энрикеса произвели на свет в Барселоне, и родители его были чистокровными каталонцами. Кличка пристала в мадридской тюрьме для несовершеннолетних, где Диего отбывал трехлетний срок за драки и поножовщину. Кличка прижилась, и когда Энрикесу присуждали следующий срок, на этот раз за грабеж, в полицейских документах он уже значился как Креол.

Был Диего плечист, смуглокож, кучеряв и откровенно красив. А также неглуп, изворотлив, хладнокровен, мастеровит и рукаст — одинаково умело управлялся и с плотницким рубанком, и с бандитской выкидной навахой. Эти качества довольно скоро оценили серьезные люди, и, отбыв второй срок, в тюрьму Диего Энрикес больше не возвращался. Серьезные люди пристроили его к делу. Поначалу использовали как боевика в мелких операциях, связанных с подпольным игровым бизнесом. Диего умело страховал букеров, владельцев мелких тотализаторов в портовом квартале в Малаге, так же умело сопровождал инкассаторов с выручкой и

выбивал долги из нерадивых игроков. Креола заметили, оценили и стали поручать дела посложнее. Затем сделали командиром мобильной группы, а потом и доверили разработку самостоятельных операций.

Пrestиж и авторитет Креола в криминальной среде неуклонно рос, а затем выбрался и за ее пределы. К Диего начали обращаться за помощью люди, с уголовщиной напрямую не связанные. И он в меру сил своих помогал — после разработанных и проведенных им операций клиенты оставались довольны. Гонорары росли, вместе с ними росла репутация и известность, вскоре обратившиеся в признание. Креол покинул Испанию, жить на одном месте он перестал, передвигаясь по миру туда, где требовалась его таланты.

На этот раз таланты понадобились в Голландии, где компания, занимающаяся сбытом белого порошка, не ужилась с властями. По слухам, дела там были серьезные, но подробности Креола не интересовали, вникать в профессиональные трудности распространителей герoina он не собирался. Задача стояла вполне конкретная, и он намеревался ее решить, невзирая на обстоятельства.

— Значит, так, парни, — сказал Креол, в очередной раз оглядев группу. — После операции нам придется отсидеться месяц-другой в глухи. Может, и дольше. Никаких кабаков и девочек, только москиты, змеи и подобная дрянь. Кого-нибудь это обстоятельство не устраивает?

Судя по выражениям угрюмых рож, обстоятельство не устраивало никого. Всух, однако, ни один

из пятерых недовольства не высказал, и Креол продолжил:

— На время операции дисциплина беспрекословная. Вы четверо подчиняетесь Леону, он — лично мне. Это касается всех, без исключения. Вам понятно?

— Ясно, босс, — за всех ответил Леон. — Не волнуйся, ребята в порядке.

— Что ж, прекрасно. Приступаем.

4. ПАВЛОВ

Павлов пересек школьный двор и вошел в здание. В вестибюле, прямо за порогом, лежала мертвая девочка. Метрах в пяти еще одно тело — мальчик. Обоим лет по двенадцать. Павлов остановился.

— Сюда. — В двери спортзала появилась фигура с пистолетом в руке. — Тебе сюда, нейтрал.

Павлов вошел в зал и сразу увидел еще одно тело, на этот раз женщины в спортивном костюме. «Учительница», — понял он и перевел взгляд на группу детей в дальнем углу под присмотром двоих раскосых крепышей. Оба были при оружии. Еще двое вальяжно расселись на матах и покуривали. Судя по запаху, гашиш или анашу.

— Значит, так, нейтрал, — приблизился к Павлову расхристанный узкоглазый парень с красной повязкой на лбу. Руки у него заметно тряслись, и дергался нервно кадык. — Нам нужен катер. Канистры с горючим, чтобы хватило доплыть до Шри-Ланки. Семьсот тысяч баксов в мелких купюрах, хотя, если пожелаешь, можем запросить больше. И штурман.

— Хорошо, — сказал Павлов спокойно, — отпускайте заложников. Штурманом буду я сам.

Он вернулся в Сингапур на следующий день. Взял литровую виски и заперся в гостиничном номере. Эти пятеро бежали из местной тюрьмы. Перебили охрану. Захватили школу. Еще несколько жертв там.

Павлов откупорил бутылку, на скорую руку нарезал местный невкусный хлеб, вскрыл банку с консервированной ветчиной. Оставил все на столе и отправился мыть руки. В ванной взглянул в зеркало. Его передернуло — в глаза смотрел неопрятный, мрачный седой старик. Даже не седой — сивый. Одутловатое морщинистое лицо, мутный взгляд, выдающийся вперед «волевой» подбородок зарос трехдневной щетиной. Некогда могучие плечи тяжелоатлета, призера чемпионата России по боксу во втором полусреднем, поникли и стали покатыми. Ворот рубахи засален — он даже не удосужился переодеться после катера. Ты опустился, сказал себе Павлов. То, чем ты занимаешься, превратило тебя в урода. Во всех смыслах.

Надо завязывать. Прежде всего с выпивкой, а потом и с этой паскудной работой. Ему еще нет сорока пяти, он обеспечен, вполне может прожить безбедно до старости. И беззаботно...

Не может, осознал Павлов через секунду. Уже не может. Работа въелась, впиталась в него. То, что когда-то было вызвано местью и ненавистью, а потом чувствами справедливости, причастности и благородства, перекроилось в нечто другое и перекроило его под себя. Оно, это нечто, не было справедливым. И благородным тоже не было. Оно бы-

ло... Павлов стиснул зубы, мучительно пытаясь найти нужное слово. Коммерческим, понял он наконец. Братство Нейтралов стало коммерческим предприятием. Бизнесом для тех, кто его возглавляет. А может, и не стало, а было всегда.

Пока расправлялся со спиртным, Павлов старался не вспоминать. Какое-то время ему это удавалось, но потом прошлое все же пробилось сквозь выставленные сознанием блоки и вторглось в настоящее. Десять лет назад самолет, на котором Марина с Леночкой возвращались из отпуска в Египте, был захвачен террористами. Они потребовали посадки в Йемене и освобождения дюжины подонков из тюрем пяти стран. Им отказали. Самолет упал в Бискайский залив. Так Павлов стал вдовцом. Бездетным вдовцом. Через два месяца он вступил в Братство.

Девять лет Павлов проходил первую ступень — стадию исполнителя — и за это время отправил на тот свет дюжину фигурантов. Всех мастеров. Немногие исполнители его профиля доживали до второй ступени — стадии нейтрала. Павлов дожил, и теперь его жизнь стала гарантией жизней заложников. Братство не прощает. Убившие нейтрала подписывают себе смертный приговор. Этот приговор приводится в исполнение братьями первой ступени. Всегда.

5. ЭСТЕР

— Хорошо сработала, девочка. — Координатор улыбнулся, выбил тонкую арабскую сигарету из пачки, вопросительно посмотрел на Эстер.

— Спасибо, — поблагодарила она и отрицательно покачала головой. — Я почти не курю.

— И правильно. — Координатор прикурил, выпустил кольцо дыма. — У меня для тебя хорошая новость, девочка. Твоя кандидатура утверждена. Первая же открывшаяся вакансия — твоя.

— Спасибо, — вновь поблагодарила Эстер. — Чудесно, просто замечательно.

Она вовсе не была уверена в том, что подняться на вторую ступень чудесно и замечательно. Так же, как и остаться на первой.

— Я вижу, тебя что-то тревожит, — заботливо сказал Координатор. — Не хочешь поделиться со мной?

Вопрос был формальным. Делиться с Координатором Эстер была обязана, для того и проводились ежемесячные контрольные встречи. Координатор был ее прямым начальником, хотя Эстер не знала даже его имени. Устав Братства предписывал не иметь тайн от начальства — ни связанных с работой, ни личных.

— Я часто задаю себе один вопрос, — задумчиво сказала Эстер. — Сказать по правде, он не дает мне покоя в последнее время.

— Что за вопрос? — нахмурился Координатор.

— Стоят ли жизни заложников того, чтобы отдавать за них наши.

Координатор поперхнулся дымом.

— Ты считаешь, мы платим за справедливость слишком большую цену?

— Я не уверена. Я вступила в Братство для того, чтобы отомстить за погившую семью и препятствовать

вать появлению новых жертв. За это я была согласна пожертвовать, если нужно, собой. Отомстить мне удалось, хотя и не прямым виновникам гибели детей и мужа. Что же касается воспрепятствования... — Эстер замялась.

— Ну-ну, — подбодрил Координатор. — Говори.

— Мне перестало казаться, что результаты нашей деятельности справедливы. И что они гуманны, тоже перестало.

— Вот как, — Координатор удивленно поднял брови. — Почему?

— Мы, спасая жизни одних, отнимаем их у других. А эти другие отнимают у нас. И не только жизни, честь тоже.

— Понятно. — Координатор закурил новую сигарету, откинулся на спинку кресла. — Давай на чистоту, девочка. Ты слишком близко к сердцу воспринимаешь свою специализацию. Тебе наверняка кажется, что ты превратилась в доступную женщину, в проститутку. И пример Юдифи, покаравшей Олоферна, тебя больше не устраивает. Ты перестала ощущать себя современной Юдифью, не так ли?

— Так, — Эстер кивнула. — Я зачастую бываю противна самой себе.

— Ладно. — Координатор поднялся, затушил сигарету. — Ты устала. Это работа, Сестра Мизрахи. Смотри на это просто как на работу, забудь жертвенность. Грязная работа, противная, но кто-то ведь должен ее делать. Братство спасает жизни. Тысячи жизней, десятки тысяч. Да, через устраниния, через грязь, через кровь, но спасает. Знаешь, почему мы существуем? Потому что нас боятся, только по-

этому. Любой подонок в любой стране знает — он может сбежать от полиции, увильнуть от мести дружков, скрыться от правосудия. От Братства — не может. Где бы он ни был и кто бы он ни был, мы не остановимся ни перед чем, пока не найдем его, стоит ему перешагнуть нам дорогу. Мы пожертвуем последним Братом или Сестрой, но воздадим по делам его. Мы — сила. Мощная, неумолимая, грозная. Возможно, самая грозная и неумолимая за всю историю тайных организаций. И ты, девочка, и я — часть этой силы. Мы — избранные. У нас есть работа, у каждого из нас. И какая бы трудная, грязная или отвратительная она ни была, мы вместе делаем правое, святое дело. Понимаешь ли ты это?

Эстер кивнула. Она понимала. Большей частью. Абстрактно. Когда это не касалось ее. Распростерта под очередным сопящим и хрипящим фигурантом. Который через сутки станет покойником, потому что он — часть ее правой, святой работы.

— Ступай, Сестра Мизрахи, — Координатор распахнул входную дверь, улыбнулся. — Подумай над моими словами.

Эстер покинула конспиративную квартиру, взглянула на часы и заторопилась. Она уже опаздывала на встречу с Моше, а он с его пунктуальностью опозданий не признает. С Моше Эстер познакомилась случайно, на вечеринке у знакомой. Он был широкоплеч, улыбчив и ясноглаз, с классическим библейским лицом, правда, в отличие от бледных лиц патриархов, едва не черным от загара. Еще Моше был щедр, дарил огромные, едва помещающиеся в руках охапки цветов, водил Эстер в недешевые

рестораны и не давал ей заснуть до утра, оказавшись в одной постели. Она не знала, ни где Моше живет, ни чем занимается, да ее это и не интересовало. Замуж за него Эстер не собиралась и была уверена, что женитьбу на ней он не планирует тоже.

— Извини, задержалась, милый.

— На целых четыре минуты, — Моше бросил взгляд на часы. — Опять по работе?

— Да. Вызывали к начальству.

— Так издревле оправдываются неверные жены, — Моше хмыкнул. — И не только жены.

Эстер вздохнула.

— У меня никого кроме тебя нет, — сказала она. — И пока мы с тобой, не будет.

Эстер закусила губу. Страшно даже подумать, что было бы, узнай Моше, как обстоят дела в действительности.

6. КРЕОЛ

Вертолет на бреющем прошел последние метры над Гибралтарским проливом и пересек северную границу Марокко. С полчаса летел вдоль береговой линии на юг в направлении Касабланки, затем резко взял на восток и направился в глубь континента. Еще через час пустынная местность внизу перешла в редколесье, а потом и в заросли. В Марокко их называли «маквис», но Креол, не утруждая себя запоминанием сложных экзотических слов, говорил «джунгли».

Над джунглями шли еще с полчаса, и, когда прибыли на место, уже начинало светать. Вертолет приземлился посреди небольшой, окруженной сте-

ной леса вырубки. Здесь у Креола была база, на которой группе предстояло отсидеться после успешно проведенной операции. Три приземистые бревенчатые хижины жались к лесу, в стороне был оборудован примитивный вертолетный ангар, с ним соседствовал навес, под которым прятались от солнца два джипа.

— Выходим, — скомандовал Креол. — С девчонкой обращаться по-хорошему и вежливо, все поняли?

— Поняли, поняли, — пробурчал громила Леон. — А девка ничего себе, босс. Смазливая.

Креол взглянул на забившуюся в дальний угол сиденья пленницу. К тринадцатилетней девочке эпитет «смазливая» подходил мало. Ухоженная, это да, и, по всему видать, избалованная. Отец какая-то важная шишка в Голландии, чуть ли не министр. Похищение, впрочем, прошло без осложнений, охраняли загородную виллу под Роттердамом из рук вон плохо, вся операция заняла двадцать минут. Креол лишь беспокоился, как бы с девчонкой не случилась от страха истерика, однако обошлось.

— Сколько нам тут торчать, босс? — поинтересовался Леон.

— Сколько надо, столько и проторчим, — отрезал Креол. — Я буду отлучаться по делам, в основном, ненадолго. Ты отвечаешь за своих людей и за то, чтобы во время моего отсутствия ничего не произошло. Ясно тебе?

— Куда яснее, босс.

Креол кивнул и пошагал к ближайшей хижине. Группа по-прежнему активно ему не нравилась.

После двух часов жуткой тряски в крашенном пятнистыми разводами внедорожнике Павлов чувствовал себя отвратительно. Встретивший его в касабланкском аэропорту смуглокожий кучерявый красавчик невозмутимо рулил, ему тряска была, видимо, нипочем.

— Выходи, нейтрал, — сказал красавчик, когда внедорожник наконец остановился на опушке окруженнной зарослями вырубки. — Приехали.

Павлов выбрался наружу и, щурясь на солнце, оглядел вырубку. Уродливое крытое пластиком решетчатое строение, примыкающий к нему навес да три покосившиеся лачуги поодаль. От одной из них споро бежал, отмахивая рукой, рослый малый, повадками и лицом смахивающий на гориллу.

Павлов поставил на землю привезенный с собой «дипломат». В нем лежал миллион долларов — nominalnyy vykup za poхищенную tremya nedelyami ranьше девочку. Сначала с обезумевшего от горя отца потребовали пятьсот тысяч, он уплатил, но вместо дочери получил в бандероли ее мизинец и требование заплатить еще миллион. Координатор намекал, что дело не только в деньгах и даже не столько в них. От отца девочки требовали нечто гораздо более существенное, и согласие уплатить выкуп было лишь формальным признанием капитуляции.

Из лачуг выбрались люди и вразвалку пошагали вслед за гориллообразным. Павлов насчитал четырех ублюдков. «Интересно, как они себя называют, — подумал он. — Наверняка какими-нибудь борцами за свободу или наподобие. Бандиты, раз-

бойники и убийцы, — вслух сказал он по-русски. — Дерьмо гребаное, вот вы кто».

Похожий на обезьяну малый тем временем подбежал к красавчику и зашептал тому на ухо. У красавчика внезапно перекосилось лицо, он отступил на шаг и с размаху ввалил собеседнику в челюсть. Обезьяноподобный едва устоял на ногах, кулаки у него сжались, морда побагровела, однако ответить он не рискнул, а лишь утерся и застыл, уставившись в землю. Павлов пожал плечами — его размолвки между этой сволочью не касались.

— Извини, брат, — пробормотал красавчик, — сделка отменяется.

— Сделка состоится, — сказал Павлов. — Я привез деньги. Где девочка?

— Брат, я же сказал, сделки не будет, — принял настаивать красавчик. — Однако наш уговор остается в силе. Тебе сейчас выплатят долю Братства Нейтралов. Это пятьсот тысяч грандов.

— В чем дело? — настороженно спросил Павлов.

— Понимаешь, парни в лесу одни, без женской ласки. Ну, и перестарались.

— Что?! — Павлов побагровел. — Где девочка? Я хочу ее видеть. Ну?!

— Брат, тебя сейчас отвезут обратно.

— Ты что, не понял, гнида? — Павлов рванул поясную кобуру, выдернул из нее «беретту». — Я сказал, что хочу видеть девочку.

— Хорошо, брат. Не волнуйся. Пойдем.

Павлов увидел ее в ближайшей из трех лачуг. Девочка лежала на полу навзничь, Павлов метнулся, рухнул перед ней на колени. Схватил за запя-

стье, пытаясь нашупать пульс. Разжал пальцы. Холодная детская рука бессильно упала на пол. Павлов сквозь рванувшиеся из-под век слезы вгляделся. Едва прикрытое лохмотьями тщедушное тельце. Изможденное, измученное лицо. Ей примерно столько же, сколько тогда было Леночке.

Павлов, не вставая с колен, поднял глаза, осмотрел шестерых столпившихся у входной двери подонков. Его неприкосновенность была гарантией жизни этих скотов. Всех шестерых. Его гибель — гарантией их смерти.

Павлов рывком вскинул «беретту» ко рту, судорожно закусил ствол.

— Не делай этого, брат, — бросился к нему красавчик. — Прошу, не делай.

Павлов рванул спусковой крючок.

8. ЭСТЕР

— Поздравляю, девочка, — Координатор протянул руку. — Вакансия на вторую ступень открылась. Я отправил в центр бумаги и текст приказа. Как только его подпишут, ты вступишь в должность.

— Кем он был? — быстро спросила Эстер. — Или она.

— Русским по имени Леонид Павлофф, — славянское имя далось Координатору с трудом. — Мир праху его. Убит бандой киднепперов в Марокко, ими сейчас занимаются.

Моше ждал Эстер, нервно расхаживая вдоль фасада ее дома.

— Опять опоздала? — набросился он, стоило Эстер приблизиться. — И где ты была?

— Задержалась на работе, милый. Вызывали к начальству.

— Снова к начальству, — раздраженно повторил Моше. — Ну-ну. Ладно, пойдем.

Звонок застал Эстер, когда Моше принимал душ.

— Его видели в Марракеше, — задушливо бормотнул в трубку Координатор. — Ты вылетаешь немедленно, срочно, ближайший рейс через полтора часа.

— Кого видели? — растерялась Эстер. — Почему я должна лететь? Вы же сказали... Сегодня, всего пару часов назад, что я больше не исполнитель.

— У нас нет выбора! Это тот самый. Главарь банды по кличке Креол. Это он его, Павлоффа. Креол может исчезнуть в любой момент. Прошу тебя, специалиста твоего уровня поблизости нет. Вылетай, девочка, вылетай прямо сейчас.

— Что это значит? — опешил появившийся на пороге ванной Моше, оторопело глядя на спешно собирающуюся Эстер.

— Срочная командировка.

— Что?! Куда?

— Извини, милый. В Марокко. Там у моей фирмы возникли проблемы.

— Какие проблемы могут быть в пятницу вечером, накануне шабеса?

— В Марокко шабес не справляют. Прости.

— Эстер, ты шутишь. — Моше подскочил, ухватил за предплечье. — Или издеваешься надо мной. Таких командировок не бывает. Чтобы вот так, в одночасье, без предупреждения.

— У нас бывает. И я тебя предупредила. — Эстер высвободила руку и наскоро застегнула мол-

нию дорожной сумки. — Не скучай без меня, это на день-два, не больше.

Коротко чмокнув растерявшегося Моше в щеку, Эстер сунула ноги в туфли, подхватила сумку и хлопнула входной дверью.

В аэропорту, рассмотрев в дамской комнате фотографию фигуранта, она едва сдержала удивленный возглас. Этот Креол был похож на Моше — такие же кучерявые черные волосы, смуглая кожа, тонкий, с горбинкой, нос, карие глаза.

Эстер удивилась бы еще больше, зная она, что, едва скрылась за дверью, Моше не остался стоять посреди коридора, обмотанный полотенцем, а сбросил его, откинул прочь и принял лихорадочно одеваться.

9. КРЕОЛ

Девица была хороша. Креол сам не верил, что удалось с легкостью подцепить такую. Тем более в столице Марокко, где белая женщина сама по себе чрезвычайная редкость.

«Ради такой стоит рискнуть и задержаться на сутки», — решил Креол, галантно придержав перед девушкой ресторенную дверь.

— У меня неподалеку запаркована машина, — сказал он, когда оказались на улице. — Прокатимся?

— С удовольствием.

Подсадив новую знакомую на пассажирское сиденье джипа, Креол забрался на водительское, тронул машину с места. Ночь опускалась на Марракеш, выталкивая, вытесняя вечер. Удушливая ночь, знайная, томная. Креол включил внутреннее освещение и еще раз оглядел попутчицу. Блондинка, и

похоже, что натуральная, фигуристая, явно чувственная, красивая...

И все-таки что-то настораживало Креола, что-то было во всей этой истории не так. Жизнь богата на совпадения, это третий и опытный Диего Энрикес знал не понаслышке. Однако совпадения совпадениям рознь. Он собирался этой же ночью рвануть отсюда и на долгое время залечь на дно где-нибудь в горах или на островах, благо средства позволяли и то, и другое. А теперь выходило, что придется поменять планы и отложить вылет на сутки из-за этой девицы, которая чуть ли не сама напрашивается к нему в постель. Европейка в центре Марокко, однокая туристка. Из Швеции, Бельгии или откуда она там.

— Откуда ты, детка? — озвучил последнюю мысль Креол. — Ты говорила, но я, прости, запамятаовал.

— Из Дании.

— Да, конечно. Напомни, из какого города.

— Копенгаген.

— Я был там однажды, — сказал Креол. — Проездом. Ничего не помню, кроме ресторочка на центральной улице. Как же она называется... Черт! — Креол хлопнул себя по лбу. — Забыл. — Он вопросительно уставился на попутчицу, но желания напомнить название центральной улицы датской столицы та не обнаружила.

— Вспомнил. Улица Андерсена, — торжествующе провозгласил Креол и широко осклабился. — Она выходит на площадь, эту, как ее... В общем, на главную площадь с собором. Ресторанчик был пря-

мо на углу, до сих пор помню вкус тамошних устриц. Ты в нем бывала?

— На улице Андерсена множество ресторанов, — улыбнулась девушка. — Откуда мне знать, про который ты говоришь.

— Про тот, что выходит на площадь. Как ее там. На Соборную.

— Вроде бы есть такой, — отзвалась попутчица. — Да, определенно есть, и именно на углу с Соборной. Но я ни разу в нем не была.

— Ну и ладно, не была так не была, — согласился Креол.

Мысленно он похвалил себя за находчивость. В Копенгагене Диего Энрикес бывал неоднократно. Никакой улицы Андерсена в центре города не было. Соборной площади не было тоже. Девчонка оказалась подставкой.

— Поедем ко мне? — вполоборота косясь на девушку, спросил он.

— С удовольствием.

«Интересно, как она собирается меня замочить, — думал Креол, уводя джип из центра Марракеша на периферийные улицы. — Вряд ли застрелить или зарезать: и то, и другое хлопотно и требует определенной сноровки. Судя по всему, я должен сдохнуть от яда».

— Куда ты меня везешь, милый?

— У меня домик на окраине города. Небольшой, но уютный, тебе понравится.

Креол взглянул в зеркало заднего вида. В дальнем конце улицы светила одинокая фара, видимо, мотоциклист. Машин нет, пешеходов не видать тоже, да они и не опасны.

— Взгляни на этот дом, детка.

— На какой дом?

— Вон туда.

Девушка потянулась вперед, и Креол с маху ру-
банул ее ребром ладони по горлу. Попутчица, даже
не вскрикнув, сползла по спинке сиденья на пол.

Креол поддал газу. Избавиться от тела можно
будет на пустыре в трех кварталах отсюда, вон он
уже чернеет впереди. Добивать не понадобится, то,
что удар в горло был смертельным, Креол по опыту
знал наверняка. Так что окраина пустыря, и сра-
зу — в аэропорт. Взять билет на ближайший рейс
неважно куда, там, по прибытии, он определится.

На перекрестке зажегся красный, Креол по-
слушно притормозил — нарушать правила движе-
ния в теперешних обстоятельствах было нецелесо-
образным. Свет от мотоциклетной фары в зеркале
заднего вида приблизился, затем исчез. Креол по-
вернул голову влево — мотоциclist обогнул джип
и поравнялся с водителем. Отблеск неоновой вы-
вески упал ему на лицо, и Креол едва не поперхнул
ся от неожиданности — человек за рулем мотоцикли-
ла был похож на него: так же плечист, смуглокож и
кучеряв. Форма лица другая, понял в следующую
секунду Креол, и это было последним, что он понял.

Мотоциclist взмахнул рукой, водительское
стекло разлетелось от удара пистолетной рукоят-
кой. В следующую секунду пистолет развернулся
стволом и плонул Креолу огнем в висок.

Мотоциclist выпрыгнул из седла, рванул двер-
цу джипа, ухватив Креола за ворот, выдернул его
наружу, отпихнул от себя и метнулся за руль. Мотор
взревел, машина вылетела на перекресток, взвизг-
нув покрышками, выполнила левый поворот и по-
неслась прочь.

Через минуту после того, как зарулил в глухой тупиковый переулок, Моше убедился, что Эстер мертва. Он с минуту посидел с закрытыми глазами, привыкая к тому, что ее больше нет. Затем вылез, протерев баранку носовым платком, уничтожил отпечатки пальцев. Запустил в темноту ненужный более пистолет. Засунув руки в карманы, пошагал прочь. Выбрался на оживленную улицу, поймал такси. Через час Моше уже забирался в кабину миниатюрного двухместного самолетика.

— Домой, — сказал Моше пилоту, пристегивая ремни. — Плакал мой шабес.

— Ничего, — утешил тот. — В следующую субботу будет новый. Что-то нехорошее случилось, капитан? Ты выглядишь немного не так, как всегда.

Моше, откинувшись на спинку сиденья и закрыв глаза, молчал.

Спасти объект разработки не удалось, ничего страшного, бывает. Ему, офицеру Моссада, приходилось терять агентов. А эта девица была даже не агентом. А так... В постели неплоха, но Моше каждый раз не мог отделаться от чувства брезгливости, ведь, по сути, его подопечная была шлюхой. Опасной, фанатичной, но все-таки шлюхой. Что ж... Моше не успел, этого Креола следовало спустить на выходе из ресторана, но тогда не удалось бы сделать запись разговора в машине. Как же Эстер умудрилась так провалиться с легендой? Видимо, датский паспорт братья-сестры готовили для нее в спешке. Обычное глупое дилетантство.

Братство Нейтралов уже давно сидело у израильской разведки в печенках, срываю операции и

препятствуя антитеррористическим актам и планам. Не он один собирает против нейтралов материалы, и не только в его стране от них хотят избавиться. Рано или поздно работа офицеров разведки себя оправдывает, не может не оправдывать, и этим квазигуманистам наконец дадут укорот.

— Капитан, — тормошил за плечо пилот. — Ты в порядке, капитан?

— В порядке, — Моше разлепил глаза, выпрямился. — В полном порядке.

ТУЗ, ДАМА И КОСМОС

— **В**ы позволите?

Голос звучал приятно, и я поднял взгляд на его обладательницу. Огромные зеленые глаза, коротко стриженная брюнетка. Как раз в моем вкусе. Как же мне до смерти надоела эта зелень радужек и смоль волос, хоть они и цепляли меня всегда — с тех пор, как я полюбил одну девочку, давным-давно, в неком княжестве у моря...

— Пожалуйста.

Она грациозно присела, свободно откинувшись в кресле, словно взгляды более половины присутствующих в баре не были прикованы к ее платью, выгодно подчеркивающему спортивную фигуру. Весомо полыхнули в неярком свете бриллианты браслета на правом запястье. Но я смотрел на другой браслет, на ее левой руке — простой, из красной пластмассы.

— Леди ошиблась палубой, — учтиво склонился над ее плечом стюард, — это бар для персонала, ресторан для пассажиров первого класса этажом выше. Разрешите проводить вас?

— Леди не ошиблась, — негромко произнесла она. Низкий бархатистый тембр. Как раз такой, какой надо. Лижет суставы и кусает сердце. Проклятие!

— Принесите «Звездный ветер». Только нормальный, не нужно разбавлять его никакими помоями. Словом, именно такой, как пьют здесь. Да... и можно сразу два. Побыстрее.

Она улыбнулась стюарду — широко и вроде бы приветливо, но парня сдуло как ветром. Потом начала рассматривать меня, внимательно и неторопливо. Я тянул свой апельсиновый сок и ждал, пока она заговорит. Либо пока зазвонит мой коммуникатор.

— Ты не пассажир, — сказала она наконец, — на тебе нет браслета. И ты не из команды, потому что не в форме.

Я кивнул, подтверждая очевидное. Лень было тратить слова.

— Значит, остается только одно. Ты — глюкер.

— Железная логика, — согласился я, и она улыбнулась. Хорошая улыбка. Как жаль, что сейчас эти прелестные губки сморозят одну из заезженных фраз. Что-нибудь вроде: «Наверное, это очень здорово быть глюкером».

— Ты не похож на очень счастливого человека. Видимо, не так легка ваша жизнь, как говорят.

Чтобы не быть невежливым, я пожал плечами и скруто улыбнулся.

Стюард принес два «Звездных ветра» и поставил на столик. В высоких бокалах подрагивала смесь всех цветов ртути — зеленый от абсента, красный от гранатового ликера, и много, еще много чего. Очень дорогая штука и очень убойная.

На чай зеленоглазая небрежно сунула ему банковтуру в сто кредитов, такую же радужную, как ее коктейль. Глаза стюарда округлились, но больше

ничем он не выдал своего удивления — сдержанно поблагодарил и испарился. Нормальные чаевые — два-три кредита, пять — это уже очень хорошо, десять — роскошно.

— Аннет, — наконец решила представиться она.

— Морис, — ответил я, и она слегка вздрогнула.

Затем махом опрокинула полбокала, и глаза ее засияли.

— Ты неразговорчив, Морис, — заметила она, — а это жаль. Твой голос — как музыка.

— Рад, что вам нравится.

— Брось эти сопли, я ведь уже перешла на «ты». Я слышала о вашем уставе, ты не обязан соблюдать адресс-код и правила поведения для команды. А главное — тебя никто не принуждает лебезить со мной.

— Просто пытаюсь быть вежливым с дамой, которая носит на руке мою трехмесячную зарплату.

Аннет снова засмеялась. «Звездный ветер» действует быстро.

— Врешь. Ты должен неплохо получать здесь, это не баржа и не рудовоз. Глюкер на пассажирском межзвезднике за три года зарабатывает на виллу в Райском Уголке.

Над барной стойкой мягко-красным вспыхнула предупреждающая надпись.

— Наверное, я не умею копить деньги. Возьми оба бокала в руки.

— Что?

— Возьми в руки свои бокалы.

Аннет повиновалась, и пару секунд спустя лайнэр вздрогнул. Инерторы погасили стремитель-

ность рывка, но бар немного тряхнуло — где-то зазвенело стекло, сосед слева вполголоса выругался, пролив напиток на одежду.

— Лайнер совершает маневр, — сообщил я, вставая, — через час с небольшим уходим в прыжок. Минут через десять еще раз тряхнет.

— Уже уходишь? — огорченно спросила она. — Мы не договорили. И, если честно, то второй «ветер» я взяла тебе. И ты только что спас его и заодно мой. А значит, заслужил. Или глюкеры пьют только сок?

— Труба зовет. Подходи в казино, там сейчас будет интересно, — сказал я и даже позволил себе улыбнуться — до того как, не оглядываясь, направился к лифту.

«Леди и джентльмены, — разнеслось за моей спиной по салону бара, — приглашаем вас в зал казино для знакомства с экипажем...»

Казино очень подходит для митинга с публикой. Во-первых, неофициальное помещение, люди расслабляются. Во-вторых, некоторая часть пассажиров так и остается за игровыми столами и после мероприятия, а иногда и до глубокой ночи. Кое-куда много легче войти, чем потом выйти.

Первым представили капитана, неразговорчивого русского. Серов раскланялся и почти сразу, извинившись, ушел — лайнером нужно управлять, это важнее. Затем настала очередь первого помощника, старшего навигатора и лидера анимационной команды. Потом состоялась программная речь на тему того, как мы рады видеть их всех у нас на борту. Заученно улыбаясь, темнокожий стюард шустро продемонстрировал, как надевать аварийный

скафандр в случае нештатной ситуации, например разгерметизации салона. Сущий бред, разумеется, — случись реально серьезный перепад давлений в помещениях, пассажиров размажет по переборкам раньше, чем они успеют подумать о скафандрах. Но — положено, заучено, традиция. И кого-то на самом деле успокаивает, говорят.

А для тех, кого не успокаивает, — есть я.

— Но, леди и джентльмены, скафандры — всего лишь предосторожность. Разумеется, никому не придется ими воспользоваться в действительности. И прежде всего потому, что с нами сегодня наш талисман, наш штатный глюкер, мистер Морис, попросим!

Под аплодисменты оживившейся в ожидании зрелица публики я встал и помахал рукой. Лица, костюмы и платья слились в одну шевелящуюся, хлопающую, смеющуюся пеструю массу. Когда-то мне остро хотелось быть одним из них, пить коктейли, которые стоят как средней крутости автомобиль, носить драгоценности, летать только первым классом. Но рейс следует за рейсом, и через жажду обладания, а затем ненависть к этим людям приходишь к скуке и равнодушию. Просто груз, который нужно доставить из точки в точку и получить за это деньги. Живой груз или мертвый — какая разница, килограммы и есть килограммы. Только живой груз нужно кормить, поить и развлекать.

Развлечением я и занялся. Для начала хороша рулетка — яставил на цифры, и шарик неизменно выпадал на нужную. Потом я пять раз подряд поставил на зеро, и пять раз выпало зеро. По толпе пассажиров пронесся легкий вздох, но это были

еще цветочки. Потом я взял в руки колоду карт и несколько раз сдал себе двадцать одно. Потом очко мне сдал крупье, и под конец — один недоверчивый коммерсант с палубы кают экстра-люкс. Забавно было смотреть, как он с подозрением разглядывает свои короткие, покрытые жесткими седоватыми волосками пальцы, словно они в чем-то виноваты.

Посыпались вопросы. Спрашивают всегда одно и то же — неудивительно, вопросы есть только у неопытных пассажиров, впервые путешествующих на межзвезднике.

- Как вы это делаете?
- Не знаю, я ничего не делаю. Само получается.
- Вы сильно устаете?
- Нет, я же ничего не делаю.
- Сколько вы выиграли в казино?
- Нисколько, закон запрещает мне играть на деньги.

- Это вас расстраивает?
- Ничуть, я неплохо зарабатываю.
- А сколько именно?
- А вот это уже некорректный вопрос.

Про себя: двенадцать тысяч за двухнедельный рейс. Некоторые из вас столько тратят за день на свои капризы. Но все равно это в несколько раз больше, чем доход менеджера среднего звена в банке.

- Сколько у вас индекс? Или это тоже некорректный вопрос?
- Вполне нормальный. Эта информация даже есть в путеводителе по лайнеру.
- А все-таки?
- Четыреста тридцать два.

— Ах!

Ух. Ну да, это много. С индексом от сотни уже можно получить приглашение на термоядерную энергостанцию. Но там можно сдохнуть со скуки. Здесь, впрочем, со временем тоже.

— А вы абсолютно неуязвимы?

— Абсолютно неуязвимых не бывает. Только не нужно это проверять.

Смех. Им смешно — а мне было совсем не смешно, когда в мой четвертый рейс какой-то психопат попытался сунуть нож мне в спину, чтобы проверить, что произойдет. Разумеется, он поскользнулся на ровном месте и заработал неприятный перелом бедра. Но отошел от нервного потрясения я тогда только после четвертого скотча в голову.

С глюкомером практически не может случиться ничего плохого. Ему всегда везет. Его хранит нечто, что способен измерить прибор Вайсмана, но не способен объяснить ни один ведущий ученый человечества — слепая, необъяснимая, временами даже путающая удача.

Именно поэтому «Космические линии Фомальгаута» платят мне эти двенадцать тысяч кредитов, не моргнув глазом, просто за то, что нахожусь на их элитном пассажирском лайнере. Потому что пока я здесь, в «Адмирала Нельсона» не угодит случайная каменюка в момент выхода из гиперпрыжка, не откажет движок в подпространстве, не дрогнет рука пилота, заходящего в посадочную глиссаду. Потому что я не могу погибнуть — а значит, и корабль хранит та же самая сила, что оберегает меня.

За что мне такой дар, ума не приложу. Но очень удобно в смысле заработков.

— Наверное, это очень здорово — быть глюкетром?

Блондинка с волосами до попы.

— Это просто потрясающее.

— Наверное, и с женщинами вам тоже очень везет? — игриво.

Надеваю на лицо радостный оскал крокодила. Все же я на работе и говорить в точности то, что думаю, не имею права. Нормалу трудно понять, каково это — постоянно есть свое любимое блюдо. Даже если ты очень любишь пельмени, есть их каждый день — затошнит. Но изменить меню ты не можешь и поменять свои пристрастия — тоже. Хотя второе — можно по крайней мере попытаться.

— А теперь, чтобы ни у кого не осталось сомнений, смертельный номер, дамы и господа...

За моей спиной возникает тихое вибрирующее гудение. Я не вижу его, но знаю, что сзади сейчас неярко мерцает разлитая в воздухе призрачная синева силового поля. Слабый запах озона щекочет ноздри, и почти сразу — взмыв горячей волны в животе. У меня уже условный рефлекс на связку озона — адреналин, как у собаки Павлова.

Стюард демонстративно заряжает и подает мне барабанный плазмоган — красивую блестящую штуку с длинным стволом. Такие используют в разного рода шоу. Не оборачиваясь, я направляю его назад через правое плечо.

— Если у кого-то чувствительная сетчатка, просят закрыть глаза. — И давлю на спуск.

Отдачи почти нет, только резкое шипение, когда поле поглощает сгусток плазмы, и вспышка синего цвета, отразившаяся на драгоценностях и моноклях публики. Кто-то морщится и отворачивает лицо, кто-то прикрывает глаза ладонью. Что же вы так, вас же честно предупредили, думаете — зря?

Включаю автоматическую прокрутку барабана, он вертится почти бесшумно, с металлическим шелестом. Становится так тихо, что слышен только этот шелест, гудение силового и позвякивание бокалов в баре. Бармен даже не смотрит в мою сторону — он уже видел номер с моим участием не раз, для него это просто отработанное сальто под потолком цирка. Но разница в том, что акробат по крайней мере знает — его жизнь и здоровье зависят от его мышц и координации. Не очень приятно зависеть от вещи, суть которой тебе не ясна.

Приставляю ствол к голове, и по публике проносится сдавленный вздох, кто-то отворачивается, кто-то, наоборот, смотрит с жадным любопытством. Сколько раз уже проделывал это, в первый раз — пил как лошадь после, потом нормально. Но все равно — сам момент... напряженный. Когда нажимаешь на спуск, не можешь не думать о стволе и о том, что сейчас находится в гнезде барабана напротив. Пустота жизни или связанный плазма вечного огня.

Пора давить. Длинногривая блондинка смотрит на меня, открыв рот, и я подмигиваю ей. «Наверное, это очень здорово — быть глюкераом?» Конечно, здорово, детка. Полные штаны непреходящего счастья.

Смыкаю пальцы, с некоторым усилием.

Холостой щелчок, красный индикатор и недовольный писк зуммера. Нет заряда. Тебе опять повезло, чертов глюкер. Дыши до следующего рейса. Я снова направляю плазмоган через плечо и дважды стреляю. Вспышка, шипение. Вспышка, шипение.

Грохот аплодисментов. Раскланиваюсь и думаю о том, что сейчас пойду и закажу себе «Черную дыру». Или сразу две. А потом спать, чтобы не помнить...

— Все это может быть фокусом.

Медленно оборачиваюсь на звук голоса. Крепко сбитый человек в черном военном мундире. Знаки отличия полковника бронепехоты. Внушительная череда орденских планок, и среди них — три черные полоски на красном фоне — за подавление дебеского мятежа. Я бы постеснялся носить такой, немного чести истреблять гражданское ополчение...

Смотрю прямо в свинцовые глаза под кустистыми бровями и протягиваю ему плазмоган рукояткой вперед.

— Сэр может попробовать на себе сам, — и обаятельно улыбаюсь. Кто-то из публики смеется. Отличный шанс обратить все в шутку, недоверчивая обезьяна. Просто улыбнись, и посмеемся вместе...

Полковник отрицательно мотает головой.

— Эта штука может быть дистанционно управляема, — упрямо бурчит он, — фокусы, видел я такое.

— Что вы предлагаете, сэр? — мягко спрашивает его итальянец Пако, лидер аниматоров.

Черный человек лезет в кобуру на пояссе, и в толпе происходит движение. Дамы стараются отодвинуться подальше, а двое секьюрити в серых смокингах оказываются позади полковника и, видимо получив в последний момент отбой, застывают у него за спиной.

— Моя пушка никогда меня не подводила, — говорит он, потрясая небольшим лазерганом в красивом наградном исполнении, — пару раз спасала мне жизнь, и в ней просто нечему ломаться, она надежна, как топор. Обойма заряжена, и я хочу выстрелить сам. Если ваш глюкер так хорош, пусть покажет это!

— Что это за чудо? — не переставая улыбаться, говорю я на ухо Пако под общий гомон. — Откуда у него ствол, почему не отобрали при посадке?

— Военная шишка, чей-то национальный герой, — шепчет Пако в ответ, — зовут Бакстер. У него персональная привилегия от султан-президента Фомальгаута на ношение оружия. Никто не может лишить его пушки, пока он жив.

Секьюрити, прижав пальцы к уху, хмуро слушают чьи-то указания и не двигаются с места. Проклятие.

— Вот ур-р-роды, — цежу сквозь зубы я.

Под моим левым ухом оживает коммуникатор.

— Мне доложили, — просто говорит он голосом Серова, — Морис, ты не обязан этого делать. Хотя я связывался с мистером Хокингом. Мистер Хокинг

за демонстрацию. Но, повторяю, ты не обязан. Ты мне нужен на борту живым, ясно?

— Ясно, — роняю я, — понял. Пусть стреляет.

Серов молчит пару секунд, потом говорит:

— Морис, Хокинг — просто жирная свинья, которая продаст за свое кресло родную мать, а у меня тут четыреста человек пассажиров, которым ты нужен живым. Хорошо подумал?

Моя очередь молчать.

— Да.

Серов отключается, и через пару секунд секьюрити делают пару шагов назад, оттесняя публику назад от полковника.

— Ну так что? — вопрошаet Бакстер.

— Стреляйте, сэр.

Он поднимает лазерган на уровень моей головы и немного прищуривает правый глаз.

— Сынок, если ты фокусник, честно признайся. Это твой последний шанс, мы тут не в игрушки играем.

Надо же, а он даже человечен по-своему. Как жаль, что я и вправду не банальный фокусник. Можно было бы расплакаться и убежать. Пиджак на мне стоит всемеро больше обычного — потому что подкладка в нем из дорогого адсорбента, так просто не продырявишь. Но ведь эта сволочь целится в голову!

Страшно-то как, чер-р-рт. Почему именно на мою голову принесло этого отмороженного быка со снесенной башней? Почему он не полетел на каком-нибудь другом корабле в свой персональный ад...

— Стреляйте, сэр.

В баре звенит разбитый бокал, но Бакстер даже

не вздрагивает. Он уверенно наводит мушку под мой подбородок, с полсекунды стабилизируется и плавно давит курок на выдохе.

За мгновение до этого лайнер дергается, совершая маневр перед входом в гиперпрыжок. Люди хватаются друг за друга, чтобы удержаться на ногах. Бакстер, опытный стрелок, пытается довести ствол, но все же до конца это ему не удается. Луч лазергана сверлит воздух в половине дюйма от моего виска и тонет в синеве поля.

Запах жженых волос и всеобщий облегченный выдох. Точно напьюсь сегодня.

— Как мы все могли убедиться, — перекрывает Пако своим баритоном шум аплодисментов, — глюкер всегда остается глюкером! Спасибо, Морис, спасибо, мистер Бакстер, а теперь...

— Нет! — ревет полковник. — Чертова фокусники, вы меня не обманете! Сделаем это еще раз!

И снова начинает поднимать оружие.

— Успокойтесь, ми... — начинает Пако, двигаясь к нему.

Секьюрити реагируют быстрее. Один из них прыгает сзади на Бакстера, другой — слева на меня, пытаясь закрыть собой или уронить на пол — что получится. Оба они безнадежно не успевают.

Но Бакстер почему-то не стреляет, я не успеваю увидеть почему, так как меня сбивают с ног и прижимают к полу, накрывая собой. С негромким хлопком срабатывает стационарный станнер под потолком, вырубая прижатого к полу старого вояку. Женский визг и шум голосов.

Встаю, отряхиваясь. Пако вещает что-то в микрофон в успокаивающей тональности, двое меди-

ков склоняются над лежащим на полу Бакстером. Быстрые, точные движения. Затем они коротко переглядываются, ловко подхватывают его и уносят в лифт.

Кто-то берет меня под локоть и ведет к другому лифту. Мне все равно, кто это, лишь бы уйти отсюда. Мы поднимаемся вверх, и я с некоторым удивлением обнаруживаю себя на палубе экстра-люкс. Поворачиваю голову вправо и спотыкаюсь взглядом об изумрудную зелень глаз Аннет.

Каюта роскошна, но такой она и должна быть. Большой эллипсоидный иллюминатор выключен. Я тону в кресле, Аннет молча возвращается от бара и ставит на прозрачный столик передо мной пузатый бокал с маслянисто-черной жидкостью. Я совсем не против и выпиваю его залпом.

Красивых самок много. Некоторые из них обладают волнующей знаковой внешностью. Но только настоящая женщина делает то, что тебе нужно, без явной просьбы с твоей стороны. Потому что чувствует тебя, а чувствует — потому что хочет этого. Настраивается на твою волну или уже настроена от природы.

В голове сразу приятно зашумело, я обнимаю Аннет и глажу ее по спине. Она со стуком ставит на столик свой бокал из-под «Дыры» и улыбается мне. Моя рука скользит ниже, долгие две секунды, и Аннет мягко отстраняется, мимолетно коснувшись пальцами моей щеки, а потом шеи. Прикосновение обжигает, как обнаженный электрод.

Она садится в кресло напротив, и я понимаю, что сначала мы будем говорить. Это хорошо, поболтать мне сейчас тоже нужно.

— Паршивый скот, — говорит она, нежно улыбаясь, — я надеюсь, он умер.

Я не сразу понимаю, что она о Бакстере. А по-няв, устало мотаю головой.

— Каждый четвертый-пятый рейс происходит что-то подобное.

— Не настолько серьезное, — возражает Аннет, — он вполне мог тебя убить. Просто пристрелить, как на бойне. К счастью, его долбаные мозги оказались менее крепкими, чем твоя удача.

— Мозги?

— Ну да. Я видела, что они ему вкололи перед тем, как унести. Нейростабилизаторы. Это инсульт. Старый хрен больше никогда не будет стрелять.

— Он сам напросился.

— Да, — говорит она и наполняет бокалы снова. Я с сомнением кошусь на свой — мне уже и так достаточно неплохо. Мы молчим минуту или две.

— Морис, — вдруг говорит она, — сыграем?

Я фыркаю:

— В шахматы?

— Нет. В покер.

Мне кажется, что я начинаю скалиться, как школьник, впервые услышавший тупую, но ядренную шутку.

— Мне не хочется быть нечестным с тобой. Но у тебя нет шанса.

— А мне нравится рисковать.

— Рисковать и не иметь шанса — разные вещи. Да в покер без ставки играть как-то не с руки. На что играем?

Она откинулась в кресле, свободно положив

тонкие руки на подлокотники. Блестки платья ма-
няще мерцали на животе и груди. Аннет казалась
особенно красивой сейчас, отчасти виноват был
коктейль, отчасти — недавно пережитый стресс, но
иногда не хочется копаться в причинах.

— На желание.

«Какой смысл играть на желание, если оба хо-
тят одного и того же? Тем более играть со мной», —
хотелось сказать мне, но вместо этого я махнул ру-
кой:

— Сдавай.

Она достала откуда-то снизу нераспечатанную
колоду и толкнула ее ко мне. Я надорвал обертку и
посмотрел на карты — никогда раньше не видел та-
ких. Очень красивые картинки, стилизованные под
рисунки майя в приятной цветовой гамме, радую-
щей глаз.

Пока я тасовал колоду, Аннет медленно потяги-
вала свой коктейль. Когда начал сдавать, небрежно
бросая карты в ее сторону — она поставила бокал
на столик и повела пальцем по ободку, извлекая из
него тонкий поющий звук. Я засмотрелся на ее па-
лец с недлинным, но изящным ногтем, представил
себе, как он впивается в мою спину... и чуть было не
сдал по шестой карте нам обоим.

Аннет засмеялась и погрозила мне пальцем.

— Что у тебя? — спросила, играво склонив го-
лову немного набок.

Пришлось вздохнуть и посмотреть в свои карты.

Четыре дамы и джокер. Покер, высшая комби-
нация. Я бросил карты на стол так, чтобы ей было

видно, откинулся в кресле и поиском правой рукой в пространстве свой бокал.

— Значит, так, — сказал развязно, вспомнив старую шутку, — желание у меня одно, но три раза...

Она молча положила свои карты передо мной. Очень аккуратно, на край стола, так, чтобы мне было удобно видеть. С трудом оторвавшись от ее смеющихся глаз, я медленно выдохнул и посмотрел на сдачу. Два раза моргнул, пытаясь понять и осознать...

Бокал упал из моей руки и глухо стукнулся о ковер.

Четыре туза с джокером нагло усмехались мне в лицо. Особенно смеялся пиковый, в виде дракона. Его оскаленная пасть плыла перед моими глазами, и казалось, что где-то на грани слышимости скрежещет издевательский нечеловеческий смех.

Я провел ладонью по лицу. Опьянение улетучивалось с воистину космической скоростью. Хреново, когда тебя бьют твоим же оружием. К тому же так, походя.

— Слово и дело, — услышал я незнакомый металлический голос и поднял глаза. Старая дуэльная формулировка устава глюкеров.

Куда делась ласковая самочка? Жестокий, целеустремленный и холодный боец неопределенного пола сидел напротив, вцепившись в подлокотники и исподлобья изучающе меня рассматривая. От зеленого льда ее зрачков веяло инем.

— Дело и слово, — с трудом ворочая непослушным языком, прохрипел я в ответ, и Аннет немного расслабила плечи. Теперь все происходящее — де-

ло нас двоих, и никого больше. Что бы ни случилось — разбираться с этим нам. Вдвоем.

— Буду говорить в лоб, Морис, потому что времени катастрофически мало. Лайнер заминирован, все находящиеся на борту обречены. По нашему уставу, я обязана сохранить тебе жизнь. Но мое предложение лучше. Условия для тебя: полтора миллиона кредитов и безопасный отход, вместе со мной. Альтернатива — смерть. Решай, и решай быстро.

Легко сказать — трудно сделать.

— У меня только один вопрос. Почему?

Аннет фыркнула.

— Я не знаю почему. У меня есть заказ, аванс переведен. Кто заказчик, не знаю даже я. Может быть, «Космические линии Денеба», или «Бригады мучеников за демократию», или сумасшедший миллиардер. Это не существенно. Существенны гарантии получения денег.

Я всматривался в ее лицо.

— Туз к даме, — сказал я, считая в уме, — значит, твой индекс — шестьсот, шестьсот пятьдесят...

Она покивала с пониманием.

— Не скрипи мозгами, Морис, смотреть тошно. Семьсот девять.

Очень мало нашего брата с индексом за пятьсот. И все они известны. И среди нас мало женщин. Вариантов практически нет.

— Джози?

— Да?

— Ты изменилась. Сильно изменилась.

Она разводит руками:

— Пластическая операция. Так было нужно.
Итак, ты согласен?

— Я не про внешность. Помнишь, в академии, когда мы все проходили тесты... ты была другой. Здесь несколько сотен пассажиров, в чем они виноваты?

— Это бизнес, — бесцветно парирует Джози, — ничего личного.

Мне нужно время, чтобы подумать. Совсем немного времени, черт! Ну и денежек!

— Полтора лимона — какой это процент от того, что получаешь ты? — спрашиваю я, чтобы протянуть время.

— Не твое дело. Какой бы ни был процент, даже миллион — это гораздо лучше, чем каждый рейс подставлять свой череп под пушки разных идиотов. А я предлагаю тебе полтора. Последний раз спрашиваю, ты согласен?

— Нас найдут, — не сдаюсь я.

— Не найдут. Официально мы погибнем при крушении «Нельсона». Конечно, в «Райском Уголке» светиться все равно не стоит, но с такими деньгами галактика полна мест, где можно жить привычающи.

— Как мы уйдем?

— Элементарно, Ватсон, — Джози позволила себе улыбнуться, — мы заберемся в одну из двухместных спасательных капсул. Таймер установлен так, что бомба должна сработать через несколько секунд после выхода из подпространства. За пару секунд до этого от лайнера отстрелят капсула с нами. Потом «Нельсон» взрывается, нас подбирают и... и я, пожалуй, рассмотрю твои желания.

На миг я вновь увидел в ней женщину сквозь чужую остекленевшую маску.

— Исключено, Джози! Кapsулы отстреливаются только по команде из рубки, при условии аварии на борту. Пожара или чего-то вроде.

Она торжествующе рассмеялась.

— Морис, я думаю, в этом смысле нам повезет и отстрел произойдет сам собой. Автоматически. Нам ведь будет грозить смертельная опасность, не так ли?

Надо было признать, что план хорош.

— А где бомба? — невинно хлопая глазами, спросил я.

Джози подалась вперед.

— Там, где ее никто не найдет. Даже ты. Потому что на борту я. И мой фарт в том, чтобы ты ее не нашел. Хватит ездить мне по ушам. Да или нет? Подожнешь или будешь жить?

Не люблю вопросов без альтернативы в ответе.

— Жить, — выдыхаю я.

Она принимает это как согласие и целует меня в лоб.

— Молодец. Выход в обычное пространство через двадцать минут. Нам еще нужно спуститься в спасательный отсек, надеть скафандры и выбрать подходящую капсулу. Пойдем!

Я медлю.

— Мне нужно попрощаться с одним человеком.

Ее глаза темнеют.

— С Бакстером? — язвительно бросает она.

Молчу. Она встает, обходит стол и склоняется надо мной так близко, что я вижу, как прыгают ее зрачки.

— Если ты что-то задумал — ты подохнешь. Подохнешь как собака, понял? Жду тебя в капсуле через десять минут. Если тебя там не будет в это время — пеняй на себя. Ты понял меня? Отвечай!

— Да.

— Что да?

— Ответ на твой вопрос — да.

Джози смотрит на меня еще некоторое время, раздувая ноздри. Потом разворачивается и уходит, бросив в дверях: «Десять минут!»

Я сижу в кресле еще минуту или две, чтобы она наверняка ушла, пытаясь собраться с мыслями. Затем начинаю стремительно двигаться. Дверь. Холл. Лифт. Верхний этаж. Предупреждающие надписи. Дверь в рубку. Шестнадцатизначный код доступа. Набираю от фонаря, совпадает — повезло. Вхожу в рубку. Шаг, поворот, шаг, поворот.

Серов оборачивается в мою сторону и жестом отпускает двух охранников с плазмогранами наголо, бесшумно возникших за моей спиной.

— Морис, присаживайся. Хреново выглядишь.

Принимаю его приглашение и осматриваюсь. Вокруг капитана светится несколько экранов. Некоторые из них показывают столбцы цифр и мерцающие схемы. Самый большой, сразу перед ним, выполняющий функцию обзорного, заполнен клубящейся серой мутью. Подпространство, место великого ничто и нигде.

— Долго до выхода?

Серов скавивает глаза куда-то вбок.

— Семнадцать минут двадцать одна секунда. Двадцать. Девятнадцать. Стоп, почему ты спрашиваешь?

Медленно набираю полную грудь воздуха через нос. Мне импонирует этот молчаливый, сдержанный русский. Все, что я о нем слышал, располагает к доверию. Рассказывают, что однажды он посадил тяжелый крейсер на ручном управлении главного привода, когда отказалось все, что можно, включая автопилот и маневровые двигатели.

Сейчас ситуация, в которой мы находимся, еще опаснее. На все про все у нас меньше семнадцати минут, и совершенно нет времени кого-либо убеждать в очевидном.

Серов смотрит в экран, на котором красная черточка перемещается в сером мареве, обходя черные пятна неправильной формы. Напрягаю память и вспоминаю все известное мне о навигации в подпространстве. Темные пятна — иначе области Соболевского, происхождение достоверно неизвестно, предположительно — проекция тел с большой гравитационной массой. Еще ни один корабль, угодивший в область Соболевского, не вышел потом на связь. Теоретически составляющая эти корабли материя должна появиться в нормальном пространстве в виде «процессов квантового рождения частиц из вакуума». Грубо говоря, людей размазывает на кванты. Превосходно... то, что надо.

— Антон, — медленно говорю я, — я похож на сумасшедшего?

Серов внимательно смотрит мне в глаза. Как слабый глюкомер с индексом около пятидесяти, он тоже ощущает, хотя и смутно, вибрации той слепой силы, что хранит всех нас. Или — не хранит.

— Немного есть, — отвечает он.

— Заверяю тебя, что я в здравом уме и твердой

памяти, — сипло выдавливаю из себя, — и вместе с тем нам надо туда, — и указываю на приличных размеров темную область прямо по курсу, которую «Нельсон» как раз настроился обходить.

Серов молчит и смотрит на меня.

— О чём ты думаешь, Антон? — спрашиваю и закашливаюсь.

— Думаю о том, сломать ли тебе шею...

— Не надо.

— ...или сделать, как ты говоришь.

— Да!

— Что происходит?

— Совершенно нет времени объяснять, Антон. Просто сделай, как я говорю.

Капитан «Нельсона» хмурится и кусает нижнюю губу. Мои шейные позвонки начинают предательски ныть, но в данный момент все зависит только от этого человека, который по всем инструкциям сейчас должен уложить меня носом в пол и надежно зафиксировать до конца рейса.

Через примерно полминуты Серов касается пальцами панелей, и красная черточка изменяет направление движения, неумолимо приближаясь к темному пятну. Рубка наполняется тревожным писком зуммеров. Справа мертвенно белеет лицо второго пилота, по его лбу градом льется пот.

— Всем оставаться на своих местах, — негромко говорит в интерком Серов, — сохранять спокойствие.

— Время до входа в область? — нервничаю.

— Минута и сорок одна.

— Морис, у тебя три минуты! — голос Джози в наушнике.

— Бегу уже! ... Антон, мы увидим, если одна из спасательных капсул отстрелятся?

— Конечно, увидим. Но этого не случится, на борту нет аварийной сит...

— Как только капсула отойдет, немедленно меняй курс! Отворачивай от облака!

— А если не отойдет? Мы все погибнем!

— Если она не отойдет, мы погибнем в любом случае. Сколько осталось?

— Пятьдесят секунд. Сорок девять. Сорок восемь...

Область Соболевского становится видна на переднем обзорном экране. Быстро увеличивающееся пятно мрака среди серой мутни. Понравится ли мне существование в виде квантов? Не думаю.

Капают секунды. Мрак наползает на нас с обзорного экрана, роняя тень на лица, серые не то от экранного отсвета, не то сами по себе. Кто-то истерически кричит со стороны штурманского пульта, и дважды беззвучно вспыхивают парализаторы охранников.

Серов считает:

— Десять. Девять. Восемь. Семь...

«Молодец парень, голос совсем не дрожит», — успеваю подумать я и вырубаюсь.

Прихожу в себя от того, что меня от души хлещут по морде. Открываю глаза и вижу улыбающееся лицо Серова.

— Капсула отстрелилась, — сообщает он, — на третьей секунде. Мы еле успели отвернуть. Повезло.

— Повезло, — одними губами шепчу я, — где она? Где... капсула?

Капитан показывает на крошечное темное пятнышко среди безбрежных серых всполохов, быстро остающееся позади.

Я с трудом встаю на ноги. Колени подрагивают и норовят подломиться. Серов встает тоже и пожимает мне руку.

— Морис, — говорит он, — моя настоящая фамилия Тер-Аствацатуров.

Недоуменно смотрю на него.

— Просто с такой фамилией карьеры в космофлоте не сделаешь, — поясняет Антон, и мы начинаем оба ржать, как молодые кони, сбрасывая дикое нервное напряжение последних минут.

Многое еще нужно сделать — найти бомбу и обезвредить ее, но теперь, когда Аннет-Джози вертится где-то далеко за кормой среди великого ничего, в хрупкой капсуле, с ничтожным, один на триллион триллионов, шансом на спасение — для меня сие не слишком трудная задача.

Я очень надеюсь, что ей повезет.

ХОЧЕШЬ МИРА?

уже гарнизонной гауптвахты только гауптвахта на космическом корабле.

Третий сержант Ковальский и раньше так думал, а теперь убеждался с каждой минутой все больше и больше. Собственно, гауптвахты как таковой на грузопассажирском «Фридрихе Дюрренматте» вообще не было предусмотрено, и в качестве нее использовался пустой хозяйственный отсек площадью примерно два метра на два. В углу этого отсека и сидел сейчас третий сержант, предаваясь печали и безделью.

Перед ним стоял пластиковый пузырь с водой, рядом с ним лежал пульт вызова — на случай, если Ковальскому понадобится в туалет. Правда, этим развлечением просили особенно не злоупотреблять, потому что дежурному только и было забот, что водить арестованного по нужде.

Ничего страшного третий сержант не сделал. Проник на пассажирскую палубу, напился в баре, подрался с какими-то напомаженными хлыщами, с виду педиками. Разумеется, ни первого, ни второго, ни третьего ему делать не разрешалось, и капитан Линн со вздохом вынес решение: трое суток гауптвахты, по суткам за каждое правонарушение, плюс затем ежедневные наряды до самого прибытия на

Ганимед. Излишнее, видите ли, проявление агрессии. За такое могли припаять и посильнее, так что Ковальскому негоже было сетовать, но он не мог удержаться.

Особенно обидной штукой выглядели наряды, потому что служба у Ковальского была непыльная — стрелок кормовой надстройки. Третий сержант любил это, наверное, самое уединенное место на корабле. Кормовая надстройка возвышалась над почти километровой тушей «Фридриха Дюрренматта», и Ковальский мог видеть сверху практически весь корабль, удобно устроившись в кресле за турелью лазерных пушек. Это настраивало на лирический лад — сияющий космолет, звезды и туманности в бескрайней черноте... А наряды предполагали собой тяжкий и неблагодарный труд на камбузе или на ассенизационно-регенерационных установках.

Третий сержант даже не задумывался о том, кто сменил его на время наказания в стрелковой капсуле. Вполне вероятно, что она вообще пустовала — межпланетные рейсы сроду не подвергались нападениям, потому схема боевых дежурств частенько перекраивалась капитанами кораблей на свое усмотрение, а уж времененная потеря какого-то стрелка жалкой лазерной установки и подавно не играла роли.

Два дня Ковальский спал. На жестком металлическом полу отсека это было весьма неудобно, но третий сержант пристроил себе под голову пузырь с водой и выспался. Кормили три раза в день, но прегадко — консервами из аварийного НЗ, который все равно собирались списывать по прибытии

на Ганимед. «Кстати, — подумал Ковальский, глядя на часы, — что-то они запаздывают с завтраком».

И нажал на кнопку пульта.

Спустя четверть часа никто так и не пришел. Ковальский тревожно заметался по своему узилищу, стуча кулаками в гулкие стенки. Потом устал, попил водички. Прошла еще четверть часа, еще полчаса... Третий сержант несколько раз нажимал на кнопку, а потом плонул и сел на нее, чтобы сигнал шел постоянно.

Черта с два — никто не появился.

— Слушайте! — закричал Ковальский, надеясь, что отсек оборудован микрофоном. — Вы что там, совсем охренели?! Тут, между прочим, живой человек сидит!

— А чего ты сидишь-то здесь, живой человек? — послышался незнакомый голос.

Третий сержант резко обернулся и увидел, что дверь гауптвахты открыта, а в проеме стоит бородатый человек со штурмовой винтовкой наперевес и приветливо смотрит на Ковальского.

— Ты еще что за хрен? — довольно грубо спросил третий сержант. — И что ты делаешь на корабле с оружием?

— Меня зовут Штирнер. Макс Штирнер, — ответил бородач. — А с оружием я потому, что мы захватили ваш корабль.

Штирнер оказался, в общем-то, сносным малым. Пока он вел третьего сержанта на пассажирскую палубу, то вкратце объяснил, что представляет анархо-террористическую группировку «Черный крест»,

которая и захватила «Фридриха Дюрренматта». Судя по всему, Штирнер плохо разбирался в космических и военных вопросах, но Ковальский понял, что к лайнеру анархисты подцепились на небольшом кораблике, подав ложный сигнал SOS.

— Эти обалдуи даже не успели среагировать, они-то поперлись к нам навстречу с аптечками и носилками, — веселился Штирнер, шагая позади третьего сержанта по коридору и подталкивая его в спину стволом винтовки. — Нескольких мы пристрелили — иначе нельзя, не будет должного эффекта. Остальных согнали в банкетный зал, никто даже не сопротивлялся, только полицейские. Пришлося и этих прикончить. А ты вроде военный, судя по форме?

— Стрелок-сержант, — не стал оспаривать очевидное Ковальский.

— А почему не на месте? Мы ваших вызвали туда же, в банкетный — наставили на капитана пистолет, он и дал приказ. Парни еще удивлялись — мол, чего это нас на пассажирскую палубу кличут.

Штирнер захихикал.

— Я под замком сидел.

— Что натворил?

— Нажрался, подрался с пассажирами.

— С чего это? — поинтересовался Штирнер, и третий сержант снова ответил чистую правду:

— Бог его ведает. А чего они?

— Из тебя выйдет толк, парень, — убежденно произнес Штирнер. — Видишь, внятный повод набить лицо буржуям нашел без труда.

Ковальский хмыкнул, но ничего не сказал.

Штирнер привел его в банкетный зал. Туда в са-

мом деле согнали всех обитателей «Дюрренматта» — от капитана Линна до последнего пассажира из эконом-класса. Они сидели, кто за столиками, кто прямо на полу, и выглядели крайне озадаченными. Третий сержант прекрасно их понимал — о захвате террористами межпланетного рейсового лайнера никто и слыхом не слыхивал. Стрелки вроде Ковальского полагались на подобных кораблях по инструкциям черт знает какого года, и расстреливать им приходилось в крайнем случае космический мусор или астероиды, да и теми в основном занимались роботы. Что касаемо полиции, то эти ребята занимались внутренними проблемами — утихомиривали драки между пассажирами, склоки среди команды, растаскивали по каютам пьяниц из баров и ресторанов, а также жрали пончики в кафетерии. Оружие полицейским полагалось, но хранилось в сейфе, в оружейной комнате; для повседневных забот вполне хватало шокеров.

Поэтому захват «Фридриха Дюрренматта» и произошел молниеносно. Капитан Линн не мог отказать терпящему бедствие кораблю — раз. Он никак не ожидал, что вместо благодарных спасенных на нем окажутся вооруженные террористы — два. Никто не давал капитану инструкций, что же делать в случае, если на лайнер нападут террористы, потому что такую возможность вообще никто никогда не рассматривал в Единой Компании Межпланетных Перевозок — три. Можно было назвать еще четыре, пять, шесть...

Штирнер пихнул третьего сержанта к стоявшим кучкой военным. На «Дюрренматте» таких на счетывалось двенадцать — стрелки, техники и по-

мощник Линна по обороне лейтенант Сметерс. Теоретически на любом лайнере такого класса находился еще офицер службы безопасности, который тоже относился к военным, но кто из экипажа им является, не знал даже капитан. А Ковальский был уверен лишь в одном — что это не он сам.

— Что за фигня?! — вполголоса спросил техник кормовой надстройки Андерсон. — Это какое-то шоу?

— Непохоже, — покачал головой третий сержант. — Этот бородатый сказал, что они нескольких убили. Кстати, кого?

— Откуда мне знать. Я вообще спал, когда меня растолкали и выволокли из каюты. Да знаю я эти штучки: заранее предупредили, кому надо притвориться мертвым... А вместо крови есть такие специальные мешочки с краской, которые взрываются.

Андерсон хотел добавить что-то еще в пользу своей версии насчет шоу, но один из террористов разубедил его самым простым способом — врезал по зубам прикладом. Техник с воплем схватился за лицо и, пуская сквозь пальцы кровавые слюни, прошамкал:

— Да это вше по правде!

Третий сержант мудро промолчал.

Несколько террористов тем временем вскарабкались на рояль. Низенький толстяк в черном берете набекрень громко провозгласил:

— Слушайте, пассажиры помпезного корабля! Я — команданте Фридман! А сейчас с вами будет говорить Ландстрайчер, руководитель группировки «Черный крест»!

Ландстрайчер оказалась сухопарой женщиной

неопределенного возраста с некрасивым лошадиным лицом. «Неудивительно, — подумал Ковальский, — что ее понесло по кривой дорожке; еще бы, с такой-то рожей!»

— Все, что я скажу, я скажу только один раз, — объявила Ландстрайчер хорошо поставленным голосом профессионального оратора. — Мы захватили корабль, и с этого момента он полностью принадлежит нам. Все претензии на него Единой Компании Межпланетных Перевозок и прочих эксплуататорских структур объявляются ничтожными. В случае изъявления протеста со стороны членов экипажа и пассажиров мы будем принимать крайние меры. Если кто-то не согласен, прошу — перед смертью он имеет право на последнее слово.

Черта с два кто-нибудь чего-нибудь сказал, ясное дело.

— Отрадно, — заключила Ландстрайчер, свысока оглядев притихший зал. — Вас поместят в отделении эконом-класса — это будет тесно, но так удобнее вас контролировать. Для богатеньких это окажется полезным знакомством с жизнью простейших, а для простейших, которые смиренно привыкли нести свое ярмо, и вовсе будет обычным делом. Еду и питье мы обеспечим. Теперь, если у кого-то имеются вопросы по существу, я на них отвечу. Наказания за это не последует.

— У меня вопрос, — поднял руку капитан Линн. Старик в белоснежном кителе с золотыми нашивками смотрелся куда солиднее лошадиной террористки, разве что портил дело разбитый нос.

— Да, капитан.

— Насколько я знаю, террористы обычно предъявляют требования. Что хотите потребовать вы?

— Разумный вопрос, — согласилась Ландстрайчер. — Мы ничего не станем требовать.

— То есть?! — не понял капитан. — Вы захватили грузопассажирский лайнер и ничего не станете требовать взамен?

— Капитан, вы давно на внутренних линиях? — поинтересовалась террористка.

— Сорок три года, без малого, — сказал Линн. — Какое это имеет отношение к...

— И сколько раз за это время совершались захваты космических кораблей? — перебила его Ландстрайчер.

— Я о таком не слыхал, — развел руками капитан и оглянулся вокруг, словно призывая присутствующих в свидетели.

— Так зачем же нам еще чего-то требовать?! — победно воскликнула Ландстрайчер. — Сам факт уже делает нас героями! Но не волнуйтесь, мы будем играть по правилам, которые были написаны за сотни лет истории нашими соратниками. Мы выдвинем требования.

— Вы же сказали, что ничего не собираетесь требовать, — осторожно уточнил капитан.

— Вот именно! Мы потребуем выполнить наши условия, не выдвигая их. И будем каждый день казнить несколько человек, когда власти не смогут наши условия выполнить, ибо нельзя выполнить условия, которые не выдвинуты. Представьте, как заболят головы у этих толстозадых чиновников из правительства! Они будут бросаться во все стороны, выпускать на свободу преступников, снижать налоги,

проводглашать гражданские свободы, надеясь, что рано или поздно попадут в точку. Потому что требования террористов принято исполнять, а ЕКМП попросту разорится, если на ее кораблях никто никуда не полетит из страха оказаться в плену.

— Они пришлют сюда крейсер, — неуверенно сказал капитан.

— На здоровье. И собьют собственный лайнер? Они не сделают этого хотя бы из жадности. Штурмом нас не взять, да и кто бы этим занялся? Земля не воевала в космосе никогда и ни с кем. Генералы размякли и обабились, спецназовцы в основном играют в наряды между несложными физическими упражнениями. Огромный корабль, на котором есть военные и полиция, мы захватили легче, чем отняли бы карамельку у ребенка. Поэтому я с удовольствием буду наблюдать, как корчится правительство, пытаясь сохранить и лицо, и деньги, и заложников.

— Вы сумасшедшая, — пробормотал Линн.

— А вот это уже оскорбление, капитан. А я обещала не карать только за вопросы.

С этими словами Ландстрайчер подняла руку с большим серебристым лазерным метателем, и голова капитана превратилась в разлетевшийся по сторонам пепельный шар.

Ковальского поместили в четырехместную каюту эконом-класса вместе с еще семью бедолагами. Троє из них были члены экипажа, четверо — пассажиры.

— Спать можете по очереди или в обнимку, —

шутливо сказал водворивший их в каюту здоровяк, которого звали Роккер. После этого он запер дверь снаружи.

— Твою мать, — сказал жирный неповоротливый кок Чарли. — Я только в книжках про такое читал. Они что, всерьез?

— Спроси у Дэвиса, — буркнул помощник навигатора Сноу. — Я видел, как он валялся весь в крови, с дырками по всему телу.

Дэвисом звали одного из корабельных врачей; видимо, он попал в число первых жертв, встречая в шлюзе «пострадавших» с якобы терпящего бедствие корабля. Уточнять третий сержант не стал, сообщив:

— Я, пожалуй, посплю. Разбудите, если принесут пожрать.

И он в самом деле уснул и спал до тех пор, пока не принесли пожрать. Как ни печально, это были все те же консервы из аварийного НЗ, потому что камбуз не работал, а кок сидел рядом с Ковальским.

— Это невозможно есть, — нервничал один из пассажиров, видимо, из VIP-класса, поддавая пластиковой вилкой непонятные волокна из распечатанного контейнера. — Какая-то дрянь!

Пожав плечами, кок, только что закончивший со своей порцией, взял у него контейнер и принял ся есть, вздыхая и хлюпая соусом. Опешивший пассажир не нашелся, что сказать, но тихо сидеть тоже не мог и через некоторое время принялся выдвигать свои варианты развития событий.

— Нас непременно освободят, — вещал он с уверенностью. — Здесь столько уважаемых людей! На Ганимед летел новый директор рудной добычи мис-

тер Гинзбург! Да и вообще, эти люди должны понять, что вся их затея — бессмыслица!

— Все так думали, — сказал Сноу. — Потому, собственно, мы здесь и сидим. Раньше их вроде бы уничтожали, пока какие-то умники не сочинили меморандум.

— Что за меморандум? — поинтересовался третий сержант.

— Я одно время занимался историей, пока не пошел на курсы навигации, — объяснил Сноу. — Лучше бы не ходил, сидел бы сейчас в кабинете и листал какой-нибудь пыльный трактат... Так вот, одно время от террористов буквально прохода не было. Их держали в узде, ловили по всему свету, а если удавалось поймать, то спуску не давали. Шлепнуть террориста считалось у тогдашних военных высшим шиком.

— И что же?

— Да то, что операции по освобождению заложников иногда заканчивались гибелью этих самых заложников. Не всех, но тем не менее. Борцы за всевозможные права не могли пройти мимо и тут же подняли бучу — дескать, не проще ли выполнить требования террористов, лишь бы заложники были живы? К тому же у террористов тоже есть права, которые следует уважать, и они порой вовсе не террористы, а совсем даже борцы за эти самые права, пусть даже, с точки зрения нормального человека, это вовсе и не права никакие, а совсем даже... Тьфу, — сказал помощник навигатора, запутавшись в своих «вовсе» и «совсем». — Ну, короче, вы поняли. Требования террористов стали выполнять. Правда, заложников они отпускали целыми и невредимыми далеко не всегда, но это никого не

волновало — права-то соблюдались, жертв стало поменьше.

— И что потом? — спросил Ковальский, поедая безвкусное месиво.

— А потом терроризм сошел на нет сам по себе. Потому что в большинстве случаев требования были совсем ни при чем. Терроризм существовал ради терроризма, как любой бизнес существует ради бизнеса, а не для того, чтобы, скажем, накормить людей повкуснее или там одеть потеплее.

— Ну так и хорошо, — сказал Ковальский. — Получается, эти парни сделали все правильно.

— Вроде бы да, — уныло согласился помощник навигатора. — Но к чему это привело, мы видим. «Хочешь мира — готовься к войне», — сказал какой-то умный человек черт знает сколько лет назад. Кстати, я уверен, вздумай некие инопланетяне вторгнуться к нам в Солнечную систему, они захватят ее точно так же, как эта скотина со своей бандой — нашего «Дюрренматта». Мы не умеем воевать. Мы не умеем бороться с терроризмом. И то, что его не было, не значит, что он исчез навсегда. Если с болезнью не бороться, если к ней не готовиться, она рано или поздно вернется.

— Да, Сноу, зря вы не пошли в историки, — заключил Ковальский, бросая пустой контейнер в мусоросжигатель. — Очень дельно нам все рассказали. Одна беда — вы не сказали, что же нам делать.

— А этого я не знаю...

— Зато я, кажется, придумал, — сказал третий сержант и снова забрался на верхнюю полку, ничего не объясняя.

На ночь — условную корабельную ночь, ясное дело — террористы гасили в каютах свет, только в

углу горела слабым голубым светом ночная лампа. В ее свете толстый кок казался похожим на вурдалака и дергал третьего сержанта за ногу с таким видом, словно собирался впиться в нее зубами.

— Но-но! — сказал на всякий случай Ковальский.

— Слезай, — попросил Чарли. — Есть разговор.

Третий сержант послушно слез и обнаружил, что пассажиры спят на нижней полке сидя и прижавшись один к одному, а помощник навигатора и еще один член экипажа, молчаливый техник-ассенизатор Гудвин, дрыхнут в обнимку на другой.

— Слушай, Ковальский, — заговорщически прошептал в самое ухо третьего сержанта Чарли, — ты сказал, что придумал, как нам быть.

— Допустим. А что?

— А то, что я — майор службы безопасности.

С этими словами кок что-то сделал с поварской нашивкой на рукаве своей замызганной куртки; она тут же заискрилась оранжевым и высветила голографическую эмблему СБ, тут же погасшую.

— Ни фига себе, — удивленно пробормотал третий сержант. — А я думал, сэр, что это кто-то из старших офицеров.

— Это мой последний вылет перед пенсией, и вот поди ж ты... — рассерженно сказал кок, он же майор. — Ладно, никаких сэров. Чарли я был, Чарли я и буду.

— О'кей, Чарли, — согласился с коком Ковальский.

— И что ты придумал?

— Все очень просто, Чарли, — сказал третий сержант, панибрратски кладя руку на жирное плечо

майора СБ. — Фишка в том, что мы отвыкли сопротивляться.

— Это я понял еще со слов Сноу.

— А от чего отвыкли эти чертовы террористы?

Майор посопел, соображая, и неожиданно расплылся в улыбке:

— А они отвыкли от сопротивления?!

— Да, Чарли. Да. Так оно и есть.

4

Завтрак им принесли, как обычно, двое террористов: старый знакомый Ковальского, Штирнер, и щедшного вида типчик, именуемый Махно. Махно выдал каждому по контейнеру, а Штирнер наблюдал за процессом.

— Что там с переговорами у Ландстрайчера? — добродушно спросил его третий сержант. — Правительство уже запрыгало?

— О, еще как! — заулыбался в ответ бородач. — Мы пригрозили расстрелять десяток пассажиров, если они не исполнят требования. Те сразу оживились: «Какие требования? Давайте скорее!» А Ландстрайчер им: «Да никаких!» Тут они и сели. Завтра пришлем им запись казни, если не получится с трансляцией. Расстрел вечером.

— Вы, я смотрю, слов на ветер не бросаете, — заметил Ковальский.

— Верно говоришь. Кстати, я замолвлю за тебя словечко перед Ландстрайчер, — со значительным видом сказал Штирнер, поглаживая бороду. — Я уже говорил ей, что если эти слизняки посадили человека под замок, значит, он чего-нибудь стоит. Так что не волнуйся.

— Да я и не волнуюсь, — пожал плечами третий сержант. — Кстати, у тебя что-то упало.

— Где?! — бородач нагнулся, и в тот же момент Ковальский ударили по затылку сложенными в замок руками. Штирнер пал на колени, потом ничком вытянулся на полу каюты. Кок в тот же момент всем своим жирным телом навалился на тщедушного Махно, прижав его к переборке. Махно придавленно заверещал.

При помощи Сноу и молчаливого техника-ассенизатора они связали руки террористам их же ремнями и забросили обоих на верхние полки.

— Лежите тихо, — наказал Ковальский и повернулся к пассажирам: — А вы за ними присматривайте!

— Это же насилие над личностью! — пискнул было тот, что утверждал, что их «непременно освободят», но тут же сник под тяжелым взглядом кока.

— Если рыпнутся — бейте по голове чем-нибудь тяжелым. Ботинком, например, — велел напоследок третий сержант. Когда члены экипажа, вооруженные трофеевым оружием, покинули каюту, он на всякий случай ее запер.

У Ковальского и кока теперь имелись штурмовые винтовки, у Сноу и техника — пистолеты. Чарли быстро продемонстрировал, как с ними обращаться, потом так же быстро объяснил третьему сержанту, как пользоваться винтовкой. Оказалось несложно — хотя, конечно, до автоматических лазерных пушек этому оружию было далековато.

— Что будем делать дальше? — поинтересовался Сноу, который явно вошел в азарт и, наверное, уже не жалел, что не пошел в историки.

— То, чего они не ожидают, — мрачно произнес третий сержант.

Естественно, никаких постов нигде выставлено не было. Заложники смирились сидели по каютам, вкушая очередную порцию аварийного НЗ, а террористы отдыхали в VIP-баре. По пути туда попался только один, валявшийся в луже собственной блевотины и ничего вокруг не замечавший.

Возле автоматических дверей бара Ковальский сделал спутникам знак остановиться.

— Входим и стреляем, — сказал он вполголоса.

— То есть?! — не выдержал Гудвин. — Там же люди!

— Они перебили медиков, которые шли к ним на помощь.

— Тем более нельзя им уподобляться...

Неизвестно, как далеко зашел бы диспут, если бы из женского туалета не вышла Ландстрайкер. Вытаращив на них свои бесцветные глазки, предводительница анархистов промямлила:

— А что вы тут...

Больше ничего она сказать не успела, потому что третий сержант поднял винтовку так, чтобы ствол оказался у виска Ландстрайкер и сказал:

— А теперь, кобыла, ты войдешь внутрь.

— Хорошо... — упавшим голосом согласилась террористка.

Появления столь странной компании вначале никто не заметил — хозяева «Дюрренматта» пили и гуляли. Кок, не дожидаясь чьих-либо советов, выстрелил в потолок, откуда посыпалось крошево фальшивой лепнины. Тут же наступила тишина, нарушаемая лишь бульканьем арманьяка, вытекавшего из оброненной бутылки.

— Чарли, возьми вон того, — Ковальский кивнул на ближайшего к коку террориста, которым оказался почти такой же толстый, как сам кок, комandanте Фридман, исполнявший обязанности заместителя Ландстрайчер. Чарли схватил Фридмана за плечо и сунул ему в ухо ствол своей винтовки.

— Сейчас вы исполните наши требования, — внушительно сказал третий сержант, обводя глазами напряженные лица анархистов. — Прежде всего — бросьте оружие.

— Не слушайте его! — храбро крикнула Ландстрайчер. — Вы же знаете, эти ублюдки не способны к активному сопротивлению!

— А давай поспорим?! — спросил Ковальский и выстрелил в голову атаманши. Ее тело еще падало, когда третий сержант направил винтовку в живот другому террористу. Тот, шокированный зрелищем, тут же выронил под ноги свой лазерный метатель и поднял заметно дрожащие руки вверх. Его примеру последовали товарищи, тогда как майор-кок зловеще ухмылялся, щекоча ухо побелевшего комandanте Фридмана стволовом винтовки.

— Молодцы, — одобрил действия террористов Ковальский, смахнув со щеки прилипший кусочек мозга. — Все в угол. Сноу, Гудвин, соберите оружие и вынесите вон.

Террористы послушным стадом собирались в дальнем углу. Ковальский дождался, пока техник с помощником навигатора вынесут трофеи, и попятился к двери, не опуская оружия. Кок, оттолкнув Фридмана, последовал за ним. В коридоре Ковальский врезал кулаком по защитному стеклу кнопки экстренного закрытия двери, и та с грохотом заблокировалась.

— Вот пусть и сидят там, пока мы не прибудем на Ганимед, — злорадно сказал он.

— Это же две недели! — воскликнул Гудвин. — Что они будут есть? Там ведь одна выпивка... А перегрузки при посадке?

— А это уже не мои проблемы, — покачал головой третий сержант. — Но предупреждаю, каждого, кто попытается открыть эту дверь до посадки на Ганимеде, я лично от сделаю так, что мало не покажется, пусть это даже будет первый помощник капитана.

— А я помогу, — присоединился к нему кок, снова произвел неясные манипуляции со своей нашивкой, и она опять засветилась.

— Да, сэр! — хором отозвались Сноу и техник.

— Вольно, — махнул рукой бывший кок. — Идите выпускайте пленников, и начните с первого помощника.

«Фридрих Дюрренматт» стоял на посадочной площадке ганимедского космопорта, а местная полиция — суровые люди с угрожающего вида промышленными лазерами в руках — выводили из него членов «Черного креста». Террористы выглядели жалко: в баре не было даже туалета, да и разлагающийся труп Ландстрайчер воздуха не озонировал, плюс диета из спиртного, плюс не слишком приятная посадка с усиленной перегрузкой... Кое-кто до этой посадки вообще не дотянул, судя по укрытым серой тканью носилкам.

— Вы не планируете сменить службу, сержант? — спросил майор Чарли, который стоял рядом с Ко-

вальским и тоже наблюдал за плачевным шествием побежденных врагов.

— Хотите переманить меня к себе в безопасность?

— Почему бы и нет? Вы нестандартно мыслите, хотя и излишне агрессивны. Нам такие люди нужны. Я боюсь, что пример «Черного креста» вдохновит кого-нибудь еще, а Единая Компания Межпланетных Перевозок к такому пока не готова, как и правительство, впрочем...

— А можно мне подумать, майор?

— Можно. Кстати, я уже полковник.

— Поздравляю, сэр, — учтиво поклонился третий сержант.

— Сноу уже согласился. Нам нужны историки с базовыми знаниями по проблеме, которым не придется вникать во все сначала.

— «Хочешь мира — готовься к войне», — задумчиво произнес Ковалевский.

— Именно. И, сержант, раз уж вы все равно собирались подумать, я вынужден вам напомнить, что почти целые сутки своей гауптвахты вы не досидели. А ведь приказ покойного капитана Линна согласно Уставу не утратил силы.

— С дисциплины, по сути, все и начинается, — беззлобно согласился с бывшим коком третий сержант. — Разрешите следовать на гарнизонную гауптвахту, чтобы отбыть оставшееся наказание, сэр?

— Отправляйтесь, сержант.

— Есть, сэр, — Ковалевский улыбнулся и добавил: — К тому же гарнизонная гауптвахта куда лучше гауптвахты на космическом корабле!

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА И СЕРГЕЙ БАЙТЕРЯКОВ

ПАНИКЕРША

ули выбили в бетоне неровные кратеры. Цементная пыль липла к стеклу маски, скрипела на зубах. И запах... Обугленная плоть и горевший порох.

Трупы террористов свалили у стены.

— Плотно засели... и коридор длинный. — Боец-наблюдатель почти не шевелился, устроившись со своей аппаратурой на останках боевого робота.

— Да что вы копаетесь!

Проигнорировав реплику штатского, капитан скомандовал:

— Подствольник!

Не высовываясь, спецназовец выдвинул автомат. Глухой хлопок вышибного заряда и... тишина. Взрыва не было.

— Мавр?

— Сеть поперек коридора. Мне не видно. — Пальцы спецназовца плясали по планшету. — Сейчас подгоню «паука» ближе...

Короткая очередь.

— Дьявольщина! — Боец повернул безглазое лицо в сторону командира. Прибор наблюдения казался монстром, присосавшимся к лицу человека. — Третьего «паука» сбили.

— На рывок возьмем?

Наблюдатель покачал головой:

— Пена.

— Что вы медлите? — Человек в мятом костюме сунулся к военным. Проскрипели гильзы под подошвами. — Капитан! Назар Олегович!

— Клещ! — Спецназовец, удерживающий штатского на месте, обозначил внимание поворотом головы. — Держи спеца за щитами, понял?

Солдат кивнул и взял рвущегося человека под локоть. Тот взвыл:

— Вы не понимаете... Даже если успели включить защиту реактора... С пульта управления они его выведут на критический режим за...

Сопротивление здоровенному спецназовцу было протестом левретки, что тащат на поводке. Но капитан поднял руку, останавливая усердного подчиненного. Подошел ближе.

— Михаил Евстафьевич, вы бегали в атаку по колено в kleю?

— Э...

— Там баллоны с мгновенно застывающей пленкой. Мы сунемся, и они зальют коридор. Ясно?

— Но отрицательная реактивность продержится еще максимум четыре часа. Максимум! А потом они с пульта разгонят реактор и...

— Я не пошлю людей на бессмысленную смерть...

Перфоратор, вгрызающийся в стену, взвыл так, что заныли зубы.

— Мы работаем. Не мешайте и не лезьте под пули! Клещ! — И показал рукой: выполняя предыдущий приказ.

Назар понимал: они не успевают. Никак не успевают.

И предотвратить взрыв способно только чудо.

* * *

За четыре месяца до захвата ядерной станции.

«Нехорошо, если в тридцать два тебя все называют Томочкой, — думала учительница, спеша по коридору. — Завалят мне квалификацию, скажут, молодая еще. А еще этот открытый урок... Стрелка на колготках поехала: спецназовец будет плятиться и думать, что училка дура».

Тамара всегда готовилась к худшему.

«Якишина отсадить к окну, пусть там рожи корчит. Девочкам про спецназ не интересно, начнут болтать. Отправить их назад? Антонова возмутится, дескать, не видно, а что тут видеть? Козевич будет читать под партой — отобрать книгу. И сегодняшний сон...»

Чертик под потолком смятой машины. Рухнувшая бетонная ограда, оборванная паутина колючей проволоки. Самолет на земле, крыло нелепо торчит в сторону, как у подбитой птицы. Человек в белом халате перерезает горло толстяку...

«Спецназовец наверняка не умеет разговаривать с детьми: мне придется их успокаивать и его подбадривать. Вдруг он будет ругаться? Или мямлить? Господи, ну почему я не взяла запасные колготки!»

— Томочка, он звонил. Будет через пять минут.

— Он нас найдет? Светлана Михайловна, вы сказали, что от остановки надо за угол...

Завуч ободряюще улыбнулась:

— Конечно. И не нервничай так, ты же умница. Все будет хорошо.

Залился звонок. Цунами из хохочущих и орующих малышей прокатилось по школе и расплеска-

лось по классам. Следом — авианосцем, ледоколом — шагнул в коридор гость. Темноглазый, сильный, обманчиво медлительный. «Тигр в клетке с курами», — подумалось Томочке.

— Здравствуйте, дамы. Я Бахметов. Капитан антитеррористической группы «Стрх».

* * *

«Все хорошо, все хорошо...» — Тамара искусала губы, хотя дети слушали, открыв рот...

— ...и слушаться маму и папу. Вот как стать спецназовцем! — Кто-то рассмеялся. — Да, что ты хочешь узнать?

Девочка в круглых очках поднялась из-за парты. Поправила жакет:

— Папа говорит, что террористов победить невозможно. Слишком много оружия и... технологий, которые... — она запнулась.

«О господи! — Тамара сжалась. — Он обидится...»

Но Назар Олегович улыбнулся:

— Слишком много технологий двойного назначения? Так? В чем-то папа прав. Как тебя зовут?

— Катя...

— Вы уже большие, — спецназовец обвел класс глазами, — Катерина, ты готова услышать сложное объяснение?

Та зачарованно кивнула.

«Сейчас они заснут. Начнут шептаться. Мне влетит, что не подготовила класс к важному занятию».

— Давным-давно все люди охотились, а потом?..

— Стали сажать пшеницу!

Учительница хотела напомнить Васечкину, что

надо поднимать руку, но спецназовец, похоже, был доволен.

— Верно! Переход к земледелию. Кто скажет, какие были технологические революции?

Дети загадали наперебой. Даже привычная Тамара с трудом разбирала отдельные реплики, а Назар Олегович — стоял, улыбался: веселые морщинки у глаз. Посреди бурного моря детского любопытства — непоколебимый, надежный утес, за которым можно укрыться в шторм. «Он, наверное, хороший отец...»

— Ага, — его голос легко перекрыл ребячий гомон, — вы почти все назвали. Повторю: сельскохозяйственная революция, техническая, информационная. Сейчас происходит четвертая: образовательная. Каждая решает свои проблемы. Терроризм, — спецназовец словно имя личного врага произнес, — порождение информационной эры. И мы его победим, когда образовательная революция завершится.

Тамара выдохнула. Даже она все поняла.

— Вот вы сказали... — «Васечкин!» — что революция решает проблемы. А какие проблемы?

— Отличный вопрос! — Назар показал парню большой палец. — Для чего нужен компьютер?

— Играть!

— Смотреть мультики!

— У меня папа на нем работает!

— Все верно. Но... что самое главное?

Дети притихли. Тамара представила: «Вот спросит он меня...»

— С ним любую информацию найти можно. Как сделать бомбу — тоже. Нужно, чтобы человек

знал — как, но не стал ее делать. Это и есть образовательная революция.

«Ох... Получается, если из моих учеников кто-то... это я виновата?»

— Еще вопрос?

— Ваш пистолет настоящий?

«Якишин!»

— О да! — Назар оттянул полу кителя и показал кобуру. Ученики повытывали шеи.

— А если вы его потеряете?

— Да выгонят меня из спецназа к чертовой матери! — Согласное «Ах!» класса. — Поэтому я спать ложусь, не снимая кобуры.

Тамара не выдержала, расхохоталась.

* * *

Она не знала, радоваться звонку или огорчаться.

— Ребята, стойте! Поблагодарим Назара Олеговича за интересный рассказ.

— Спаси-ибо! — нестройно проорали третьеклашки и рванули в коридор.

— Вы извините их. Они маленькие еще...

— Хорошие ребята. И вы замечательно вели урок.

От неловкости Тамара принялась подравнивать стопку тетрадей.

— Боюсь, они ничего не запомнили, а что запомнили — перепутают. Ноосфера, волны технической эволюции, геополитика... Представляете, что они дома расскажут?

Бахметов улыбнулся.

— «Бах-бах!» И тут он падает! А этот из автомата — «Тух-тух!».

— Ох... Наверняка что-нибудь поймут неправильно. Или будут шутить, а ваша работа — вовсе не повод для смеха. А родители потом...

Тамара оборвала себя. «Разболталась!» Но на лице спецназовца не появилось брезгливого недоумения. Наоборот, он будто обрадовался.

— Да вы профессиональный паникер, Томочка. Просто талант какой-то!

Щеки вспыхнули: «Томочка. Никто не принимает меня всерьез».

— У меня приятель был, Пашка, — Бахметов уселся на парту. — Снаряжение проверял по сто раз. Другие пиво пить, а он фильтры в противогазах развинчивает. Патроны вручную шлифовал. «Все, что может сломаться, — сломается!» — не иначе. Ребята звали его паникером, а эта мнильность мне жизнь спасла. Если бы он не перепроверил клапан...

Тамара ощущала себя девчонкой: хвалят за удачный рисунок вместо того, чтобы ругать за испачканное платьице.

— Люди стараются не думать об «ужасном», пока не станет поздно. Вы, Тамарочка, уникум. Такой человек обязательно должен быть в любой группе специалистов.

Воздух стал легким, а краски яркими. На секунду представилось: она — ценный спец. Bay! И ужаснулась: как можно доверять чужому мужчине! Да еще такому... тигру. Что бы он ни говорил.

— Спасибо, Назар Олегович. Не буду вас задерживать. Вы, наверное, торопитесь...

И почти выбежала в коридор, спиной чувствуя его задумчивый взгляд — встрепанная клуша со стрелкой на колготках.

* * *

Русик сегодня вернулся раньше нее. Сидел у телевизора, голодный и недовольный. Пока Тамара разбирала сумки, торопливо чистила свеклу, слонялся за спиной и снова читал лекцию:

— ...Ты должна ставить глобальные цели и последовательно их выполнять. Просиживаешь задницу в школе, где каждый год одно и то же, одно и то же. Ты плесневеешь в этой дыре.

— Это нужная работа, — неуверенно заметила Тамара и переглянулась с грустным Арлекином — своей первой куклой. Остальных она прятала в шкафу, но Арлекина удалось отстоять, и он жил на кухонном подоконнике.

— Не говори глупостей. Надо менять свою жизнь, ты должна сама измениться.

— Русик, ну как я могу измениться? Мне тридцать два...

— Вот-вот. Старая песня. Мыслить надо позитивно! И не зови меня Русиком.

Тамара вздохнула, куда ей до Руслана: положительный, позитивный. Без недостатков: не пьет даже пива, не курит, не болельщик, не бабник...

— Так и будешь до пенсии шить уродцев и всего бояться, — подытожил Русик и вернулся к телевизору. Арлекин печально блестел глазами-бусинами.

Тамара ссыпала овощи в кастрюлю и уставилась в окно. Русик прав, она лентяйка. И трусиха. Как одобрительно назвал ее Бахметов — профессиональная паникерша.

— Русик, а мне сказали, что предусматривать плохое — это талант.

— Вот поэтому у тебя и зарплата курам на смех.

Без конца думаешь о плохом и мне позитив сбиваешь. Слушай больше своих клуш!

Ей бы промолчать...

— Он не клуша, а из спецназа.

— Что?..

Бледный от негодования Русик возник на пороге.

— За моей спиной с мужиками, значит, крутишь?

— Нет, Русланчик, он к ребятам приходил, открытый урок...

— Он к тебе клинья подбивал, а ты и рада!

— Да нет, я...

— Я, значит, о ней беспокоюсь, а она... она... —

Не найдя слов, потряс кулаками. — Да ты сама — кукла безмозглая! — Швырнул об пол тряпичного Арлекина и протопал в спальню. Собрал «командирочную» сумку, долго одевался в прихожей. Тамара сидела в кухне, обняв тряпичного человечка, и глядела, как выкипает на плиту борщ.

Вздрогнула лишь, когда захлопнулась дверь.

* * *

— Эй, лежебока! — голос Светика был неприлично весел для утра субботы. — Ты знаешь, кто тебя ищет? Наш воин-красавец!

— Да ну тебя... Разбудила... Ой! — Сон как рукой смахнуло. — Бахметов?

— А то! В восемнадцать ноль-ноль сегодня в кафе на набережной.

— Я не пойду, это же неприлично! Надо отменить...

— По делу хочет встретиться. И не отменишь — предупредил, телефон будет выключен.

— Так внезапно...

— Это не он, это я. Он три дня назад звонил. Ты бы себя измучила глупыми страхами. Марш маникюр делать! — И положила трубку.

Тоже мне — подруга.

Тамара приехала на полтора часа раньше, гуляла по набережной, села за столик: ну и цены! Даже чай... «Как дать понять, что я практически замужняя дама и так нельзя...» Она пожалела, что Русик категорически отказывался расписаться. «Было бы на пальце кольцо...»

— Вам нравится? — Назар словно возник из воздуха. Широким жестом показал на речной простор, на черточки лодок на воде. — У меня это место счастливое, — и мгновенно изменил тон, уловив ее молчаливое неодобрение. — Я вам хочу работу предложить.

— А?..

— Не спешите отказываться! Конечно, профессия учителя — важнейшая, — он пожал плечами, — но моя работа тоже нужна.

— Я — в группу борьбы с террором? В спецназ? — Тамара не знала, плакать ей или смеяться.

«Наверное, он все-таки меня... как Русик сказал? Клеит?» Потянулась за кошельком, чтобы расплатиться и бежать отсюда. «Какая пошлость! А пальцы у него красивые...»

— Нет, конечно, не в спецназ. В группу раннего обнаружения угроз. Туда, где ваша способность предвидеть негативное развитие событий будет в полной мере востребована.

«Он это... всерьез? Мое «негативное мышление», мое паникерство...»

— Я когда выступал, не рассказывал всего, конечно. — Назар продолжал говорить, а она, как всегда, выключилась и прослушала что-то важное. — Образовательная революция — не только воспитание детей; это еще и возможность научить тому, что кажется чудом. Понимаете?

Тамара покачала головой.

— Теракт — резкое и неестественное вмешательство в нормальный ход вещей. Даже факт его подготовки уже будоражит информационное пространство. Согласны?

— Предположим, и что из этого следует?

— Теракты можно предвидеть, если «подключиться» к информационному полю ноосферы.

Тамара не понимала, но готова была поверить на слово. Однако... ведь ее опасения чаще всего не сбываются? Она так и сказала.

— Когда у катастрофы естественные причины — да, ее предвидеть нельзя. Но на авиарейсы, что потерпят крушение, всегда больше людей опаздывают... если беда по вине пилота. Значит, и подготовку теракта можно «считать» из ноосферного поля. — Назар широко улыбнулся. — Вот ваша будущая работа... если пройдете тесты и собеседование.

Эти слова успокоили Тамару. Чтобы она прошла тестирование? Да никогда! Значит, ответ: «Согласна попробовать» — ничего не значит. А Назар обрадовался, даже неловко стало.

За беседой пролетело два часа — незаметно. И только по дороге домой она поняла: тонкий аромат, окружавший спецназовца, не одеколон — запах сгоревшего пороха.

* * *

Тамара размывала в пальцах бумажную кашу, скатала шарик. Появился вздернутый нос, твердый подбородок. Новая кукла обещала быть с характером. «Работать паникершей глупо... но приятно. Может, это — мое? Если не соврали про зарплату, ипотеку смогу сама платить».

Левая щека вышла более круглой. Тамара добавила папье-маше и продолжила размышлять: «У меня, конечно, не получится, но вдруг... Может, тогда папа... все-таки серьезная работа...»

Она уже знала, какие глаза будут у новой куклы: синий и зеленый. «Да нет, не возьмут. Мало ли, что тесты показали? Просто они... ошиблись. Переоценили меня. Я не справлюсь».

Тамара начала кроить из старой футболки кукольное платье. На столе ожидали своего часа: сломанная заколка, россыпь потрепанных жизнью пуговиц и проволока для каркаса. «Слишком большая ответственность, от меня будут жизни зависеть. Я не смогу, тут одной старательности мало. Да и не предчувствия у меня — страхи: врач, перерезающий горло, — бред! Кошмарный сон — не более того».

От воспоминания ее передернуло.

«Полный рабочий день — обед придется готовить с утра. Приходить буду поздно, папа станет требовать, чтобы Руслан встречал у метро, а Русик против. Он по телефону возмущался моим легко-мыслием, а что будет, когда вернется? Нет. Нельзя ломать налаженное».

Она растопырила проволочные пальчики и на-

чала каждый оборачивать ватой. «Но так хочется попробовать...»

Звонок заставил ее вздрогнуть.

— Томочка, я тут прикидываю загрузку на следующий год. Ты ведь уходишь?

— Я, Светлана Михайловна... не знаю. Нет, на-верное.

— Почему это нет?

Тамара, смущаясь, принялась перечислять причины.

— Я как завуч требую: хватит страдать ерундой! Ты умница, у тебя все получится. Соглашайся. Нельзя пропускать такой шанс!

«Шанс. Может быть, единственный. Но родители... и Русик... и...»

— Сейчас самое время, конец учебного года. Не сложится — вернешься в сентябре. Или через год. Ты должна попробовать. Я приказываю!

Тамара вцепилась в недоделанную куклу, словно та могла придать ей храбрости.

— Хорошо. Я попробую.

* * *

Она знала, что на новом месте всегда нелегко, но раз уж решила все вытерпеть...

Сегодняшнее занятие вел Фриманис — «всем кассандрам он начальник и оракулам капец». Огромный, с пронизывающим взглядом, преподаватель спецкурса внушал Тамаре настоящий ужас. Она ждала: загипнотизирует и заставит сделать не-приличное или с треском выгонит.

— Мозгу постоянно требуется новая информа-

ция. Если ее мало, мозг генерирует недостающее либо обращается к ноосфере. На практикумах вы заметили...

Тамара вспомнила вчерашний визит родителей. Отец через слово обзывал гадалкой. Мать поджимала губы, когда Тамара рассказывала о научном базисе новой работы. Хорошо Русика не было — родители его недолюбливали. «Какая из меня ясновидящая, я в своей жизни разобраться не могу».

Другой ее проблемой был Стечкин — звезда группы. Юный, нахальный, он остроумно рассказывал о своих успехах и возводил напраслину: «Серафимова, ты ж наушники снимала, я видел», — и смотрит нагло. «Наверное, учительница в школе ставила ему двойки. А на мне отыгрывается».

Фриманис толстым пальцем нарисовал на сенсорной доске два кружочка и идущие от них перекрещающиеся ниточки — глаза, видимо.

— Восемьдесят процентов информации поступает в мозг через глаза. А сейчас вам предстоит испытать полную потерю зрения. Для этого используется специальный препарат. Через четыре часа вы снова начнете видеть.

— Вольф Ойович, химия-то небось экспериментальная?

— На себе испытывал.

Членов «группы раннего обнаружения» заставляли обходиться без зрения, слуха, осязания, погружаться в электросон и пребывать в невесомости. Будущие провидцы заполняли мегабайты отчетов и вели дневники сновидений. Разбор полетов им не устраивали, а результаты замалчивали.

— Вы можете оказаться в абсолютной темноте

или мозг попытается восполнить недостающие картины. Итак, прошу оставаться на местах. Врач сделает уколы.

Тамара, содрогаясь, подставила предплечье. «Экспериментальный препарат, а вдруг аллергия? Или я ослепну навсегда? Ничего не увижу, засну, не вспомню...»

Свет в комнате померк, в темноте распухали и лопались желтые пузыри. Фриманис превращался в Стечкина и грозил ей увольнением, а Светлана Михайловна сердито кричала, что штат укомплектован и такую бестолочь не возьмут даже в уборщицы...

* * *

Два месяца занятий. И зачем она только сменила работу! Нет, Руслан через неделю ходил гоголем и говорил: «Вот что позитивное мышление делает!» Наверное, новая зарплата как-то повлияла на его мнение.

Не в этом дело.

Вольф Ойвович был группой категорически недоволен. «Почему вы не предвидите будущее? — спрашивал он. — Потому, что боитесь! Страшно увидеть завтрашние катастрофы, вы вытесняете все, что снилось. Значит — страх будем перебарывать ужасом!»

Заставляли ходить по дощечке на высоте, неожиданно взрывали петарды, опускали в бассейн с натуральными акулами. Акулы были сытые (наверное) и никого из группы не сожрали, но натерпелась Томочка на всю жизнь. И ведь не расскажешь никому! Даже Светику.

А сегодня Фриманис как с цепи сорвался:

— Вы эгоисты! Вам наплевать на других! Пусть террористы убивают людей, вам лишь бы душевный комфорт сохранить!

И всякое такое несправедливое. У Тамары даже слезы на глаза навернулись. Тут Вольф Ойович выдохнул и уже спокойно говорит: «Для вас страдания людей, которых террористы убивают, — абстракция? Будет вам конкретика». И повел группу в испытательный корпус.

Комната со сновидческой кушеткой, за односторонним зеркалом — две кабинки. В одной — человек в маске за пультом; в другой — татуированный мужчина со злобным лицом привязан к массивному стулу. К стулу подходили толстые провода.

— Это, — Фриманис указал пальцем на зэка, — ваше наказание. Укладываетесь на кушетку и видите будущее. Если нет — его бьет током. Все понятно?

Через пятнадцать минут она уже стояла перед куратором — и молчала. Снов она опять не видела.

— Серафимова, Серафимова... — Вольф Ойович покачал головой. — Вы, наверное, думаете, что мы тут в бирюльки играем...

— Я... нет, но...

— Предвиденье второго шанса не дает, Серафимова. Смотрите, к чему ваша лень привела.

Тамара зажмурилась, но это ее не спасло.

...Как он кричал!..

Почудился запах гари, но нет, это был нашатырь. Слава богу, в себя Тамара пришла уже в лазарете. Фриманис стоял рядом и молча на нее смотрел.

— Довольны, Серафимова? Между прочим —

ваша вина. Не захотели предвидеть будущее? Вот лежите и думайте.

И вышел.

Только тогда Томочка заплакала.

* * *

Тамара стояла посреди коридора, обхватив себя за плечи. «Я не смогу. Я ничего не увижу, и... что будет завтра? Расстреляют?» Вцепилась зубами в губу и стиснула пальцы.

— Тамара? Тамара Игнатьевна?

Бахметов шел по коридору, белозубо улыбаясь.

— Давно не виделись. Скоро нам работу подкинете?

Она всхлипнула и, забыв о приличиях, принялась жаловаться. Назар молча выслушал и сказал:

— Томочка, вы зря боитесь. То есть, конечно, правильно боитесь — вас за этим и взяли. Но беспокойтесь напрасно: начинать всегда тяжело. Когда я пришел в антитеррор-группу, думаете, у меня все сразу получалось?

Тамара смотрела в ярко-синие серьезные глаза: «Почему он ко мне так относится? Внимательно слушает мои глупости, утешает. Русик никогда не... — И мысленно запнулась. — Получается, я сравниваю... мужа и Назара? Ой, как неприлично». И потупилась.

— Обучение здесь жесткое, но ведь с террористами боремся. Тяжело в ученье, легко в бою, а, Томочка?

Она замотала головой:

— Предвидение — это же не вышивка какая-нибудь. Для него талант нужен...

— Эх вы, — разулыбался Бахметов. — И что с вами такой делать? А ну-ка, пойдемте.

Назар потащил ее по каким-то коридорам. И оглянуться не успела, как оказалась в тире.

— Давайте-ка постреляем. Самое милое дело при душевном раздраже, вы уж мне поверьте.

— Я не могу.

— Можете, все вы можете. Просто надо не бояться. А ну-ка, надеваем наушники, берем пистолет, вот так.

— Я не...

— Спокойно. Снимаем предохранитель. Мушку с прицелом совмещаем, мишень видим. Дыхание задержать и мя-агенъко давим...

Пистолет дернулся, словно живой. Тамаре показалось, что ее ударило током; как того мужчину! Она швырнула пистолет на стойку и отпрыгнула к дверям.

— Томочка, погодите, давайте еще раз. Очень успокаивающее занятие, я вам точно говорю.

— Нет-нет, меня дома... не могу, извините... в другой раз. — Она допятилась до выхода и пропустила почти бегом, краснея от неловкости. Все выходило некругло, все шло наперекосяк.

* * *

Расстроенная, она прозевала приход Русика, и он застал творческий беспорядок на кухонном столе. Лоскуты, катушки, россыпь пуговиц: она в третий раз переделывала наряд для куклы с разноцвет-

ными глазами. Руслан промолчал, посмотрел укоризненно и отправился мыть руки. Тамара в ужасе забегала от плиты к холодильнику: показное благодущие могло означать что угодно.

Впрочем, на этот раз ее страхам было не суждено сбыться: Русик в красках расписывал, как убедил клиента купить большую партию мониторов, а Тамара слушала и не понимала. Он с аппетитом уплетал котлеты, а ей ужин не лез в горло.

— Уйду я с этой работы, — наконец ляпнула она. Русик поперхнулся.

— Сдурела?

— Я ничего не вижу. От меня никакого толку.

Ладно — подписька о неразглашении; но как рассказать об электростуле? Немыслимо!

— Снова-здорово! И не увидишь ничего, пока будешь ныть. Позитивно мыслить надо.

— Но Русланчик... От меня ведь люди зависят...

— Плевать на людей!

— Я не могу...

— Ну, раскудахталась. — Русик швырнул вилку на тарелку. — Где такую работу найдешь, чтоб нормальные деньги платили? Опять будешь за копейки с тетрадками сидеть?

— И буду, — прошептала Тамара, глотая слезы.

— Никогда ничего не добьешься. — Руслан с треском разгрыз сушку. — Непонятны мне эти упаднические настроения. Ты что думаешь, я тебя всю жизнь буду содержать?

— Русик, я...

— Не называй меня Русиком!

Сопя от негодования, он удалился в комнату, задумчиво уставился на шкаф (у Тамары сердце екну-

ло — «опять?»), но передумал. Назидательно ткнул в нее пальцем:

— Не имеешь права уходить, поняла?

Казалось, она спит под действием лекарства и видит тягостный кошмар, из которого нет выхода. Выяснение отношений затянулось: ночью Русик потребовал ласки, а она расплакалась. Он обиделся, обозвал курицей, все утро не разговаривал и демонстративно не доел омлет. Даже выставил на видное место «командировочную» сумку, и Томочка снова разревелась.

* * *

На работу — как на каторгу. Ночью ей снился давний кошмар о враче с ножом в руке.

Заявление на увольнение Дмитрий Владимирович отклонил: «На данном этапе обучение прерывать запрещается!» Самого шефа Тамара не видела; бумажку с резолюцией секретарша вынесла, словно дохлую мышь: двумя наманикюренными пальчиками.

Перед началом занятия группа была непривычно молчалива. Один Стечкин разглагольствовал: «А я чо? Буду я о всяких уголовниках беспокоиться...» Тамара чуть ему не врезала.

Вольф Ойзович собрал отчеты о сегодняшних снах, быстро просмотрел их. «Ага, — сказал он, — ну хоть что-то. Три автокатастрофы... так... у Серафимовой умышленное убийство, ага... Есть явный сдвиг. Продолжим».

Просьба «А может не...» демонстративно услы-

шана не была. Их снова повели в испытательный корпус.

— Значит, так, Серафимова, сегодня задание сложнее. Будет три оператора. Один из них нажмет на кнопку. — Тамара сглотнула. — Ваша задача — указать, кто именно. Понятно?

— А если...

— Выйдете через вторую дверь. Вперед.

И Томочка на негнущихся ногах вошла. Зеркало наполовину занавешено, три оператора, одинаковые в своих масках, стояли за пультами. «Как же я пойму из сна — кто?» Устроилась на кушетке, выпила лекарство. И тут занавеска отдернулась: к стулу привязан парнишка лет двенадцати. Рыжий, веснушчатый. Губы его тряслись, а на щеках блестели полоски от слез.

— Нет! — Тамара рванулась, но лекарство уже начало действовать, и ее потащило в сон.

Из сна Тамара вывалилась рывком. И сразу закричала, боясь, что не успеет:

— Это он, он! Справа который. Брови сросшиеся. Это он!

Ткнула в будущего мучителя пальцем и...

...из-за ширмы раздался выстрел. Оператора ударило в грудь, и на белом халате расплылось красное пятно. «Господи, да его застрелили!..»

Перед глазами блестела ножка кушетки. Болело ушибленное бедро. Тамара приподнялась с пола и заглянула в пыточную. И не сразу поняла — операторы аплодируют ей, а «расстрелянный» стягивает халат, — это же... маркер с краской!

Мальчишка в кресле хохотал и корчил рожи.

* * *

Тамара не помнила, как собралась, как добрезла до остановки и влезла в трамвай. Очнулась, когда здоровенная кондукторша потребовала оплатить проезд. Она полезла в сумку, долго рылась там, и сидящая рядом старушка уже прошлась насчет бесполковой молодежи.

— Обдолбалась, что ли? — рявкнула кондукторша. Томочка вздрогнула и разжала пальцы. Прозвенела по полу мелочь, закатилась под сиденье помада. И выпало удостоверение.

В трамвае повисла тишина, словно не книжечка «ФСБ. Антитеррор» оказалась на полу, а граната без чеки. Тамара бросилась спасать добро и... чуть не столкнулась лбом с мальчишкой. Тот протянул мелочь на ладошке:

— Держите, — и застенчиво: — А вы правда из антитеррора?

— Правда.

— Видишь тетю? Она с террористами борется, — донеслось сзади.

Ей протянули удостоверение, грозная кондукторша разулыбалась, словно старой знакомой. Тамара выросла сантиметров на двадцать: «Я не имею права сдаваться».

— Спасибо, — сказала она, выпрыгивая из трамвая.

* * *

Острый свет брызгал в глаза с хрустальных люстр, и зал расплывался, как в калейдоскопе. А может, виноваты были слезы. Голову стянул железный обруч. Она терзалась: потечет водостойкая

тушь, она споткнется на непривычно высоких каблуках, ее забудут внести в список или в последний момент сочтут недостойной диплома.

Хотелось сбежать. Как из художественного училища.

— Сегодня мы приветствуем первый выпуск, первый состав группы предвидения социальных катаклизмов. — Директор был особенно представителен. — Из пятидесяти шести кандидатов, прошедших первоначальный отбор, до сегодняшнего дня добрались лишь двадцать два. Нет, не стоит думать, что остальные пали смертью храбрых...

В зале засмеялись. У Тамары разламывалась голова, она старалась глубоко дышать. «Слава богу, Стечкин оказался среди отсеванных...»

— Когда мы создавали сектор предвидения, многие не верили в результат. Было даже предложение назвать его «сектором ненаучной фантастики».

Зал грохнул. Томочка украдкой вытерла ладони об юбку.

«Жаль, Русик не придет». Она просила, но у него совещание, и вообще «карьера не терпит расхлябанности и несерьезности». И Светланы Михайловны нет — уехала на учительский симпозиум. Зато они не увидят ее позора, если что стрясется.

— Не хвастаясь, могу сказать, что результаты нашей группы в два с лишним раза превышают...

Но родители увидят. Мама выглядела растерянной, отец смотрел скептически. А в третьем ряду стоял... Бахметов. Впервые он появился не в камуфляже, а в бежевой водолазке. Большой, уверенный. «Мне бы его спокойствие». Назар поймал ее взгляд и подмигнул.

«Это здорово — работать рядом с настоящими профессионалами».

— А теперь позвольте перейти к вручению. Диплом ясновидящего не даст нашим провидцам права выступать в суде в качестве метафизических свидетелей. Но судьбы нас с вами будут во многом зависеть от их невидимой работы.

«Да, я готова. Я буду стараться изо всех сил».

Ей предстоит хранить спокойствие родного города. Чтобы все жили мирно и счастливо: папа с мамой, Русик, Светлана Михайловна. И Бахметов, и Дмитрий Владимирович, и его противная Галочка.

— А раз наша группа необычная, то и дипломы начнем вручать с конца алфавита. Диплом вручается Шорину Денису Анатольевичу.

Аплодисменты разорвали духоту. У Тамары гла-за ломило, так болела голова. «Сейчас выйду и свалюсь в обморок. Юбка задерется. Все будут вокруг бегать, водой из графина брызгать. Стыдобища».

— ...Серафимова Тамара Игнатьевна.

«Господи...»

Она едва пролепетала «спасибо» дрожащими губами. Зал качался, грохотали аплодисменты, Назар хлопал, подняв руки над головой. «Он тоже за нас рад. Какой хороший человек».

Когда толпа двинулась в банкетный зал, Тамара нашла родителей.

— Ну, поздравляю, дочь, — отец смотрел оценивающе. — Все-таки заработала второй диплом. Немногим лучше, чем картинки малевать, зато будешь считаться сотрудником органов.

Тамара вспыхнула. «Молчи, будет хуже».

— Будь осторожна. Все-таки с террористами ра-

ботаешь, — вступила мама, поправляя ей воротник, как маленькой.

— Мам, не с террористами, а наоборот.

— Вот-вот, мало ли, во что тебя втянут.

— Это серьезная организация, мам! Пап!

— Понятное дело, работа непыльная, не за станком стоять.

Тамаре хотелось плакать. Диплом жег пальцы.

— Пойдемте, там обещали фуршет.

— Мне на завод пора, — отрезал отец. — Мне в отличие от гадалок за работу платят.

Она надеялась, что подойдет настоящий спецназовец Назар Олегович, он-то непременно реабилитирует организацию в глазах родителей. Но Бахметов растворился в толпе, и почему-то это казалось самым обидным.

* * *

А работа в антитеррористическом центре оказалась рутиной. Пришел, отметил пропуск и сиди двенадцать часов в пустой комнате. Два дня работы — день отдыха. Слушать радио или смотреть телевизор — нельзя, телефонный звонок — необходимо выйти в холл, читать — нельзя. «Чтобыничтонаводокнедавало», — так объяснил Вольф Ойвович. Три раза за смену — сон. Заполнение бланков и отчетов.

Никто не требует, чтобы каждый раз было предсказание. О, нет! Когда впервые ничего не «выспалось» — Тамара испугалась... Побежала к Фриманису виниться. Тот ее выслушал, сказал: «Теракты не каждый день затеваются, слава богу. Идите, работайте». Получается — ничего страшного?

Через две недели она решилась: а можно в Чистую комнату взять рукоделие? Тот заинтересовался: какое. Попросил принести, показать... Тамара от смущения чуть не отказалась, но пересилила себя. Принесла Арлекина и еще две готовые куклы. Бывший куратор поцокал, похвалил притворно — разрешил. Так что она теперь на работу — с чемоданчиком.

Через неделю уже все коллеги знали, какая чудачка в отделе работает. Некоторые даже в насмешку стали просить сделать им куклу для подарка кому-нибудь... Томочка не обижалась. Два раза попила чаю с Назаром Олеговичем.

Все устаканилось, кажется.

* * *

Светлана Михайловна откусила от сдобного печенья и зажмурилась.

— М-м-м, невероятное. Как тебе это удается?
Я объедаюсь всем диетам назло.

Тамара хихикнула:

- В следующий раз сделаю морковные котлеты.
- Гадость какая, терпеть их не могу!

Томочка любила посиделки со старшой подругой. Даже в вечных Светланиных нападках на Русику было что-то успокаивающее.

- Кажется, моя работа никому не нужна.
- Перестань, Томочка. Ты опять ищешь страхи на пустом месте.
- Я отчеты пишу, отдаю — и ничего. А ведь бывают несчастные случаи или даже катастрофы.

Стрельба по милицейскому посту. Рейсовый автобус с моста упал.

— Ты напрасно нервничаешь. Наверняка принимаются меры, а тебе о них сообщать просто незачем.

— Ну, не знаю...

— Слушай, я твой «Синий сон» на eBay выставила.

Томочка оторопела:

— Зачем?

— Ты сама никогда не соберешься, а знаешь, как люди заинтересовались? Один канадец предлагает двести сорок долларов, а аукцион только начался.

— Русик меня убьет! — вырвалось у нее.

— Насчет твоего Руслана ты знаешь, что я думаю. И пора уже вылезать из раковины. У тебя отличные человечки получаются.

— У меня и платья из обрезков, и краску я китайскую использую...

— А я говорила — надо переходить на хорошие материалы.

— Но ведь дорого.

— Сейчас продашь куклу, и будут тебе средства на пуговицы-булавки.

Тамара приложила ладони к горящим щекам. Поделки, вымучиваемые на работе, — ерунда. А кукла с разноцветными глазами никак не оживала.

— Нет, я не могу. Есть настоящие художники, а у меня просто...

— А у тебя есть я, которая знает, что ты умница и талантливая девочка. И не спорь!

* * *

Один и тот же сон мучил ее.

Он никогда не снился в Чистой комнате. Только дома, когда Руслан сопел под боком и луна заглядывала в окно сквозь ветки дерева, будто сквозь прутья решетки. Она приучила себя не кричать от ужаса — просыпалась молча, долго лежала, унимая дрожь. Слушала, как идут в тишине часы: ~~мерно~~, безнадежно.

...Ярко-оранжевый мусоровоз со смазанной синей надписью поперек кузова сминает борт легковушки. Пронзительный хруст металла. Стекло, распавшееся на белые кусочки. Человек в очках неподвижно повис на ремне безопасности. И под потолком машины — чертик, сплетенный из трубочки от капельницы.

Когда она увидела этот сон впервые — честно внесла в ежедневный отчет. И забыла. Точнее, постаралась забыть: мало ли какие аварии происходят нынче. Все больше по вине водителей, конечно. Но дело даже не в том, что все повторялось снова и снова: ужас плескался на дне этого сна.

Когда она третий раз вписала сон в отчеты — Дмитрий Владимирович вызвал ее «на ковер»: «Мы как называемся? Антитеррористический центр или ГИБДД?» — «Но...» — «Нам по вашим предсказаниям план противодействия составлять! Что прикажете писать: взять под контроль все мусоровозы в городе? Или в стране?» — «Я...» — «Идите и работайте! И не морочьте голову».

...Порванная паутина колючей проволоки в жухлой траве. Поваленные бетонные плиты забора. По ним пляшут отблески огня. Искореженный кусок

металла и рядом — бесстыдно распахнутый синий чемодан с детскими вещами.

«Это уже лучше, — ворчал шеф на планерке. — Как вы думаете, — обратился он к Фриманису, — авиакатастрофа?» — «Похоже». — Куратор на таких заседаниях был немногословен и, казалось, скучал. — «Ладно, возьмем в работу. Есть у кого-то еще такое?»

Предсказание считалось состоявшимся, если у двоих, а лучше — у троих предсказателей, совпадали детали. Общение между коллегами не поощрялось. И приятельствовать ни с кем не вышло.

Оставалось жаловаться на жизнь Назару. Они гуляли по парку, сидели в памятном кафе на набережной, катались на «чертовом колесе». Она показывала ему своих кукол, Назар называл их «маленьkim народцем» и все шутил: дескать, подаришь как-нибудь на память? Даже дал деформированную пулю — пусть будет сердцем у моей.

...Человек в белом халате перерезает горло толстяку, стоящему на коленях, и спокойно идет дальше. Огромный зал с рядами кнопок на пультах. Деловитая суeta: щелкают тумблеры. Зарево встает на полнеба.

...Это не три разных сна. Это одно предсказание.

Тамара так и не уснула этой ночью.

* * *

Вечер был... обычным. Руслан дулся, что у нее выходной, а Тамара ничего вкусного не приготовила. А ей просто не хотелось стоять у плиты.

Она закончила куклу, судьба которой — стать подарком Вольфу Ойвовичу; тот все-таки выпросил себе человечка: «Пугать клиентов». Тамара прыснула от воспоминания: прежде чем начать разговор, громадный Фриманис долго усаживался в хрупкое кресло, размещал руки на коленях... Прыснула и испуганно оглянулась на Русика, не принял ли ча свой счет. Но тот увлеченно щелкал «ленивчиком», выбирая каналы.

«Счет уже 3:0! Сумеют ли...» — «Итак, слово нашему сегодняшнему...» — «Два часа назад произошла автокатастрофа на шоссе...» — «Мы начинаем...»

— Верни назад!

— Что? — Русик смотрел на нее обиженно.

Тамара вырвала пульт у него из рук. «Какой же это канал? Так...» На экране: смятое железо, стекло на асфальте. Тело, накрытое простыней. Мусоровоз протаранил «Опель» и практически выбросил его с дороги...

— Отдай, ты чего?

— Отстань! — И пихнула Русика локтем.

...Над местом водителя — чертенок, сплетенный из прозрачных жгутиков.

Тамара бросилась к компьютеру: «Что за авария, где? Раз это были местные новости...»

— Ну, ты со своей работой совсем свихнутая стала! — Русик встал посреди комнаты и упер руки в бока. — Дошла до того, что криминальную хронику смотришь! Ты еще Петросяна послушай! Интеллектуалка!

«Так, где же это... сайт службы новостей... пока

ничего нет, выкладывают с получасовым опозданием... Кто же этот погибший, кто?»

— Ты меня игнорируешь! Замечательно! — Русик гордо развернулся и вышел в коридор.

— Редакция, пожалуйста...

Хлопнула входная дверь.

С третьего раза Тамаре удалось, придумывая несусветное вранье, получить информацию, кто жертва. Инженер по технике безопасности Ветлуцкой атомной станции. «О, господи! Шефа нет на месте, рабочий день кончился...»

— Я тут подумал, ты, конечно, не права...

«А это кто такой?.. Русик?»

Руслан стоял посреди комнаты, не сняв ботинки, и произносил прочувствованный монолог. Томочка невнимательная и неправильная, но он готов слизойти к ее нервному состоянию. Он же понимает, как ей сложно, она не привыкла работать по-настоящему...

«Кому же звонить? — Для подобного случая никакой процедуры предусмотрено не было. — Фриманису? Да, наверное, ему...» Но Русик, в завершение своей речи, полез к Томочке с нежностями.

— Руслан! Отстань, пожалуйста!

Но тот, умиленный своим великодушием, не унимался. Тогда Тамара пихнула этого идиота со всех сил — чтобы не мешал... Русик брякнулся на пол, зацепив журнальный стол и раскатив по полу орехи из вазочки.

Томочка отстраненно смотрела, как ее бывший гражданский муж... сожитель метался по комнате, швыряя вещи в чемодан и возмущенно что-то вопя. Звонить в разгар скандала было невозможно, Тама-

ра просто ждала, когда этот человек уберется из ее дома и ее жизни. Снова грохнула дверь.

Фриманис выслушал сбивчивый рассказ, помолчал и сказал: «Приходите на работу как обычно». Повесил трубку.

Ночью ей ничего не снилось. И это было страшнее всего.

* * *

— Галочка, Дмитрий Владимирович у себя?

— Занят, — скучно сказала секретарша. — Ждет важного звонка.

— Я быстро! Это очень серьезно.

— Понятное дело, — согласилась Галочка и демонстративно защелкала мышью. В оконном стекле отражался монитор и любимая игра секретарши — цветные шарики.

— Это касается предсказания. Кажется, террористический акт.

— Да что вы говорите, — протянула она. — Придется подождать.

Тамара куснула губу. Ну почему она не обладает даром убеждения. Или хоть уверенностью. Она зерзала на стуле. «Почему все так спокойно — осталось три дня!»

— Галочка, чаю мне. Лимончик не забудь, лапуля, — бархатно донеслось из селектора.

Тамара подскочила, крикнула отчаянно:

— Дмитрий Владимирович! Катастрофа! Теракт!

Повисла удивленная тишина. Галочка засверкала глазами, выставила гелевые когти — сейчас в глаза вцепится.

— Серафимова, ты, что ли? Зайди, — сказал начальник.

— Дмитрий Владимирович, я два дня назад передавала отчет. Где убийство начальника охраны, и самолет...

Директор смотрел непонятно. Как на диковинную рыбу в аквариуме.

— Ну?

— Дмитрий Владимирович, я четко видела дату: двадцатое. Через три дня.

— Серафимова, а ты чего нервничаешь-то?

Казалось, она бьется в пуленепробиваемое стекло.

— Теракт же!

— Ну да, я понял. Информацию получили, к сведению приняли, кому надо — работает. Ты, Серафимова, не паникуй.

Начальник был благодущен и действительно не понимал ее тревоги.

— Чаю хочешь?

— Нет, я...

— Не хочешь как хочешь. Иди, Серафимова, следующий доклад — через неделю. Иди, смотри сны.

Тамара выскочила как оплеванная. Галочка проводила ее злорадным взглядом.

* * *

Она надеялась, что окажется мгновенной клушей. Это — всего лишь ее кошмары, и ничего страшного не произойдет... Но телевизор в квартире не выключала. И приемник на кухне, даже на ночь. И, нарушив все инструкции, пронесла в Чистую комнату маленькое радио.

Самолет рухнул через два дня.

«Господи! — Тамара практически бежала: коридор, лестница, коридор... — Как далеко!» И лишь у самых дверей «предбанника» обнаружила, что не дошитая кукла намерто зажата в ее руке.

— А Дмитрия Владимировича не-ет... — лениво произнесла Галочка, хлопая ресницами.

— Как? — Голос был хриплым; не голос — карканье. Секретарша пожала плечами и уткнулась в компьютер.

Тамара стояла посреди присутственного места и не знала: заплакать, закричать, стукнуть дуру по затылку головке...

— Да... конечно, я тебя узнала. Еще трубку не подняла — вижу твой номер высыпался... Да, буду.

Томочка решилась. Подошла к двери начальственного кабинета, рванула за ручку, услышала испуганное Галочкино: «Ой!» Дверь не шелохнулась.

— Ты чего? Э...

— Как с шефом связаться?

— Его сегодня вообще не будет! — сказала секретарша ехидно и только что язык не показала.

— Буду тут его ждать! — И уселась на стул.

Минуты текли медленно. Томочка по третьему разу прослушала скучные сводки об авиакатастрофе. «Что делать-то?» Попыталась дозвониться Фриманису — «Телефон выключен или...». Покрутила в пальцах рукоделье.

«Может быть, просто совпадение. Странное. Произошла катастрофа, но не та. И как проверить?»

— О! Не ожидал увидеть...

Назар улыбался. Белозубый мужчина в ладно сидящей форме. С плавными и хищными движениями. «Почему я не замечала раньше, насколько

он красив? А главное, это мужчина, на которого можно положиться. Во всем!»

— Назар! Как хорошо, что ты... — Она и не заметила, как выскочила из приемной. — Мне надо рассказать, посоветоваться...

— Ну... у меня свободный день. В кафе?

Тамара подумала о дежурстве, с которого она сбежала. О ненаписанных отчетах. Об экстренных выпусках новостей каждые полчаса...

— А! — она тряхнула головой. — Давай!

До кафе она не утерпела. Начала говорить, и вышло, что рассказывать надо с самого начала, еще до их с Назаром открытого урока. Они шли по улице, она сбивчиво восстанавливалась всю цепочку событий, приведших к сегодняшнему дню. Как всегда, спецназовец слушал спокойно и внимательно. «Какой у него редкий талант...» Она уже добралась до сна с аварией...

— Извини, совсем забыл. Мне на секунду заскочить... Вот мой дом. Поднимешься со мной? — Тамара кивнула.

В лифте ехали молча. В железной коробке тонкий запах пороха был особенно терпким. И жар сильного мужского тела. И некуда спрятаться от взгляда его синих глаз. А Томочек не хотелось прятаться. Вот только все мысли куда-то разбежались, и не собрать...

Они замешкались в прихожей — не привыкла, чтобы мужчины помогали снимать куртку, — вывернулась неловко, оказалась прижатой к его груди, подняла голову. Его глаза оказались совсем рядом.

— Глаза... и губы. .

* * *

— И с этим баражлом вы явились на экзамены? Ни цвета, ни композиции... Заберите и не позорьтесь. — Мэтр захлопнул папку и поковылял дальше, тяжело опираясь на палку.

В глаза напихали острых льдинок. «Действительно, а чего я ждала? Вся затея с художественной школой — глупость, папа правильно говорил». — Сгорбившись, Томочка побрела к выходу.

«Ты даже не попробовала!» — «У меня не было шансов». — «Ну, хоть теперь-то решись, подружка!» — «Я такая глупая... Я не знаю, как сделать ему хорошо...»

* * *

— М-м-м... — Назар потянулся всем телом, и Томочка залюбовалась, как у него под кожей перекатываются мышцы. Как у большого зверя.

«Тигр, как есть тигр. Вот прямо сейчас — сытый и довольный!» — Она хихикнула.

— Знаешь, ты мне еще в классе понравилась...

— Да? — Она прижалась к его груди. Сердце Назара билось ровно и размеренно, словно не он только что... Она снова хихикнула и провела ногтем по коже.

— Щекотки я не боюсь! ...Так вот, ты мне понравилась. И я тебя Дмитрию Владимировичу порекомендовал в группу. Не сердишься?

— Что ты, глупыш! За что мне на тебя сердиться?

— Ну... денег тут, конечно, значительно больше, но приходится всякой ерундой заниматься.

— Почему ерундой? Знаешь, сколько мне на

еВау за куклу... — Томочка запнулась. — Ерундой?
Что ты имеешь в виду?

— Э... — казалось, Назар был смущен. — Пашин ваш, Дмитрий Владимирович, знаешь, чей сын? — И мотнул головой, обозначая, чей именно. — Папа ему выбрал синекуру. Сын при деле, и ответственности никакой.

— А отбор, тесты, обучение? — Томочка заледенела.

— Я почему это рассказываю, — «тигр» снова потянулся, — чтобы ты не волновалась. Это — игрушки великовозрастного мальчика. Немножко спектакля, немножко имитации деятельности. Ну и распил бюджетного бабла, конечно.

— А как же мои сны?

— Радость моя, бывают и просто сны...

Назар приподнялся на локте.

— У тебя, Томочка, есть замечательное свойство: ты профессиональная паникерша, да! — Он легонько щелкнул ее по носу, Тамара даже не отреагировала. — Треть отчетов группы — твои записи. А чем больше отчетов, тем больше финансирование! Не миновать тебе годовой премии, солнце мое! Ладно, я в душ.

И вышел, насвистывая бодрую мелодию.

Тамара села на краю кровати, обхватила себя руками за плечи. Кожа была липкая, противная. «Дура, дура, дура... Какая же я...» Она бездумно щелкнула пультом телевизора.

— ...Наш корреспондент побывал на месте катастрофы. Это ужасный случай...

Камера скользила по обломкам: жухлая трава, паутина колючки, поваленные плиты забора. Си-

ний чемодан, вывернувший нутро... «Синий чемодан? Так это же мой сон! Мое предвиденье!» — «Это твоя глупость, — голос был до обморока знаком, — тебя используют, как последнюю потаскушку. Хорошо, хоть деньги приличные платят!» — «Заткнись, пап! ...это не может быть просто совпадением: чертик в машине, чемодан на месте катастрофы... Мне нужно туда, увидеть все своими глазами. И еще...»

Она взяла трубку стационарного телефона. «Какой бы синекурой должность шефа ни была, его по головке не погладят. Медиумы предупреждали, а он и не почесался. Я, похоже, знаю, в чем дело — в ядерной станции. Ну же...»

— Галя, мне нужен Дмитрий Владимирович, это серьезно!

— Опаньки, сподо-обилась... Поздравляю. Ну и как он тебе?

— В смысле? — Мир вокруг Тамары окончательно свихнулся.

— Назарка. Хорош ведь в постели, зар-раза, правда? Хоть бы с другого телефона звонила... подруга.

Ее бросило в жар.

— Думаешь, ты у него одна такая? Ну, ты наивняк!

Комната качалась перед глазами: «А ты надеялась встретить принца?»

— Шеф на Багамах, я ему вчера срочно билеты покупала. Отвянь! Сучка.

Раздался треск брошенной трубки.

«Какая пошлость!» Томочка обвела взглядом комнату: разбросанная одежда, кобура аккуратно висит на спинке стула. «Я его даже в постели не

снимаю!» Недоделанная кукла на полу — сердце из свинца. Она быстро оделась. «Боже мой, какая пошлость!» Вытерла глаза рукавом. Вернулась из прихожей, решительно схватила пистолет. «В мусорку! Пусть тебя из спецназа выгонят... к чертовой матери».

Негромко щелкнул замок.

* * *

Возле помойки она потопталась и пошла дальше. Легко сказать: «Выкину пистолет». А если мальцы увидят? Выгудят, начнут играть, будет несчастный случай. Патроны-то вынимать она не умеет. Или бабулька, что смотрит подозрительно, милицию позовет.

«В реку выброшу. С моста».

Она долго топталась на автовокзале, пытаясь вспомнить — какой автобус едет к дачам; там и до моста недалеко. С трудом втиснулась в маршрутку и почти задремала. Очнулась, когда вдалеке показалась изуродованная громада самолета, окруженная военной техникой. «Значит, вот он, сон во плоти?» Томочка прилипла к окну.

— Тамаргнатьна! Здрасьте!

Она автоматически надела «учительскую» улыбку.

— Здравствуй, Якишин.

— А у нас самолет свалился, знаете? Крылья — во! Всю атомную станцию покурочило. Теперь вылезет радиация, и будут хищные растения мутиро-

— Артем, отстань от учительницы, — не оборачиваясь, проворчала бабушка.

— Ничего, мне интересно. Ты, Якишин, не бойся, не будет радиации. А как в школе дела?

— У, вместо вас такая пришла, жаба. Очки — во!

— Артем, не ругайся.

— А я чо? Она правда, как жаба, квакает: «Колов на вас не напасешься». Я в следующем году в виртуальную школу пойду, там на переменах можно в онлайне играться.

У Тамары слезы навернулись. Хулиган и раздолбай Якишин: цыплячья шея торчит из футболки, на щеке царапина. Взорвись реактор — никто не спасет таких якишиных. Потому что о катастрофе знает только она. «Пойти в милицию? Выгонят или вызовут «Скорую». Скажут: сумасшедшая. И начальник уехал. Обратиться наверх? Но к кому? И, главное, как успеть? Осталось несколько часов».

— А вы едете на самолет посмотреть?

«Действительно, куда я еду?»

— Я... по делу. До свидания, Артем.

За остановкой тянулся пустырь, следом лесок, развороченный упавшим самолетом, фургоны с надписями «Министерство чрезвычайных ситуаций». В воздухе висел резкий запах. «Если ничего не делать, через несколько часов полгорода разнесет в пыль. А остальным — умирать от радиации».

В сумке приглушенно запикал телефон. Она машинально поднесла его к уху.

— Куда ты дела пистолет?

Пьянящее отчаяние ударило в голову. Словно прыгнула с обрыва и ничего уже не страшно.

— Застрелила парочку твоих подружек.

Назар поперхнулся и заорал:

— Твою мать, ты дура! Немедленно...

Она расхохоталась сквозь слезы и оборвала связь. Равнодушно пролистала список: двенадцать эсэмэсок от Русика, восемь безответных звонков. Динамик снова разразился трелью, и она от души швырнула телефон в урну.

«Не верите? Не хотите вмешиваться? Ну и ладно. Я сама».

* * *

Тамара прошла мощеной дорожкой и оказалась возле проходной.

— Здравствуйте. Отдел по борьбе с терроризмом...

Она опомнилась посреди площадки с растрескавшимся асфальтом. Сердце прыгало. Тамара огляделась в растерянности: ей казалось, АЭС — это круглая башня с одним подъездом, а тут россыпь домиков, трубы какие-то, обшарпанные стенды — наверное, доска почета. Куда идти? Она зажмурилась, вспоминая огненный шар из своего сна, ветер, сметающий дома, как горстку пыли.

В зал управления ее провел юный лаборант-недотепа с охапкой картонных папок. Неуклюжий дылда мялся, дергал себя за козлиную бородку и не мог понять, что требует грозная тетка из антитеррора: «Мне нужно помещение со стендами, где много датчиков, кнопок. Светло-зеленые стены, без окон. Там дежурят два человека».

— А, вам в пультовую? — догадался он наконец.

Лаборант открыл дверь своей электронной карточкой.

— По коридору направо, последняя дверь, — и удалился как ни в чем не бывало.

«Вот из-за таких террористы и проникают на охраняемые объекты. Хорошо, это я была, а если бы злодей!» Негодуя, она открыла дверь и очутилась в собственном предвидении: зал, стены выкрашены масляной краской. Толстяк в белом халате жует бутерброд. Над пультом в полстены склонился блондин с торчащими в стороны вихрами. Стало трудно дышать: она столько раз видела, как толстяку перерезали горло...

«Прекрати паниковать! Все зависит только от тебя».

— Отдел борьбы с терроризмом, — звонко выкрикнула она и подняла удостоверение над головой. — Вы должны выключить реактор.

Дежурные переглянулись. Толстяк положил бутерброд на бумаги с графиками.

— Чье распоряжение? — деловито спросил блондин.

— Угроза безопасности. Распоряжение генерала Пашина.

«И гори оно...»

— Нет, ну так не делается. Что они там думают, в вашем управлении? Мы три области питаем. Начальник в отпуске, хоть бы за неделю распоряжение прислали...

Грохот сердца заглушал слова.

— Глушите реактор!

Толстяк дрогнул, но лохматый смотрел с недоверием. Загудел зуммер. Не отводя глаз от Тамары, блондин схватил трубку:

— Пульт. Что? «Скорая»? Кому? Петрович, «Скорая», говорят...

В глазах обоих читалось облегчение: «Да она сумасшедшая!»

«Это они, террористы, притворились врачами. Я не справилась! ...Я еще могу успеть». Она рванула из сумки пистолет:

— Глушите немедленно.

Толстяк отвалил челюсть. Блондин шагнул было к ней с самым решительным видом, но Тамара вздернула ствол и рванула спусковой крючок. В замкнутом помещении выстрел грохнул оглушительно. Она перевела дуло с одного дежурного на другого. Лохматый отпрянул, толстяк с грохотом сел мимо стула. Кресло, которое он толкнул, закрутилось на колесиках по полу, словно исполняя балетные па.

— Давай аварийное отключение. Срочно!

Опасливо косясь, лохматый набрал сложную комбинацию на кнопках пульта.

«Подтвердите блокировку реактора личным кодом оператора», — высветилось на экране.

— Давай!

«Аварийное отключение. Реактор блокирован».

Тамаре показалось, здание ощутимо дрогнуло.

— Чего вы добьетесь? — пробормотал блондин. — Его запустят через сутки.

— Откуда? С этого пульта?

Грохнуло, брызнуло стекло, запахло горелым пластиком. Лохматый шустро пополз в угол.

— Не надо... пожалуйста... — лепетал толстяк, забившийся под стол.

Тамара выстрелила в панель еще и еще раз. Она жала на спусковой крючок, пока пистолет, щелк-

нув, не замер, нелепо выпятив какую-то деталь над ее рукой. Вчерашняя учительница дернула ее несколько раз — железка вернулась на место. Казалось, эхо выстрелов никак не смолкнет. И она не сразу поняла: стреляют на улице.

«А-а-а!» — надрывно заорали снаружи, и что-то взорвалось. В помещение повалил черный дым. В ватной тишине, не понимая, что делает, Тамара вывалилась в задымленный коридор. Она бежала, как зверь в поисках убежища, без мысли, без чувства. За гранью страха.

* * *

Плакать сил не было. Она сидела, втиснувшись между швабрами и ведрами, и мучительно прислушивалась к шуму в коридоре. Если стучали тяжелые ботинки или раздавались гортанные голоса, Тамара подхватывала пистолет и ждала, держа его обеими руками. В конце концов террористы ее найдут, но она не собиралась сдаваться просто так.

«Спать нельзя... Нельзя! Я могу не услышать, как они...» Мысли путались. «Вот-вот рванет ядерная станция...» Одно точно — она совершенно разучилась бояться. Ужасы, которыми она себя пугала, выцвели и скукожились. Оказывается, паниковать из-за придуманных бук — хорошая защита от реальной боли и страха. «Меня посадят в тюрьму за порчу государственного имущества...» — Мысль вышла совершенно не жуткой, скорее смешной. «Камера в тюрьме больше этого чуланчика. И там не надо воду с трубы слизывать...»

Тамара доделывала куклу. Словно не было четырех месяцев косноязычия пальцев. Она распотро-

шила обмотку трубы и натаскала оттуда странной, скрипящей и колющей пальцы ваты. Ножниц не было, и ткань приходилось скусывать. Проволока в каморке нашлась. Нитки можно было натаскать из футболки или выдернуть из джинсов. А сердце у куклы уже было — из кусочка свинца.

Она застывала, прислушиваясь к голосам, грохоту или шагам. Иногда бралась за пистолет. И снова шила: стежок за стежком. «Злая ворона, не каркай тут...» Шуметь нельзя, Тамара напевала колыбельную беззвучно. «...И не буди нашу детку». Сороκаваттная лампочка начинала потрескивать: последний страх — осться совсем без света. На второй день она дошила куклу, и этот страх ушел. «В джунглях на ветках сливы растут...» Томочка укачивала дитя, а за тонкой фанерой двери грохотали выстрелы. «Тс-с-с! Не бойся, — молча уговаривала она крошку, — все будет хорошо».

Детям нельзя врать, они чувствуют и фальшь, и глупость, и трусость взрослых. Когда на коленях ребенок — надо быть сильной и бесстрашной: «...сливы растут, целый мешок за монетку». Где-то вдалеке — хлопки взрывов и скороговорка выстрелов. «Они могут не успеть?» — спросила ее кукла. «Могут, — ответила Томочка (детям врать нельзя), — но мы сделали все, что могли. Подпевай: «...целый мешок за монетку».

Она спала, и страха не было. По высокой траве бежала смеющаяся девочка, безоблачное небо обнимало их. Будущее было прекрасным.

Проснулась Тамара внезапно.

Шаги. Уверенные, злые шаги по коридору. «Не бойся, солнышко. Ничего страшного, просто: «Це-

лый мешок, огромный мешок...» Она перехватила пистолет. За три дня его тяжесть стала родной, знакомой.

— Нам просто повезло. У них после выхода реактора из ксеноновой ямы еще сутки были, чтобы заново его запустить.

— Ага, с раскуроченного пульта?

— Да уж... — смешок, — кое-кто сделал за нас половину работы... А этот коридор мы проверяли?

Она слушала звуки чужого голоса, как нечто инородное, не имеющее смысла. Как хруст веток в темноте ночи. Шаги остановились напротив двери. Тамара прикусила губу и подняла пистолет, совмещая мушку и прорезь. «Это совсем не страшно, поверь». Дверь скрипнула, в проеме — две фигуры.

Тамара плавно потянула за спусковой крючок...

* * *

Фотография облетела все новостные агентства. Автор, говорят, мог получить миллионы, но сдуру выложил ее в Сеть. Среди развороченных бетонных блоков, сквозь дыру в разрушенной ограде атлет в камуфляже выбирается с девушкой на руках. Спасенная крепко обнимает куклу с тревожными глазами: синим и зеленым.

Только ленивый блогер не запостил современный вариант «Девочки и солдата». Но никто не упомянул: спецназовец поставил девушку на землю, и та отвесила ему оплеуху. Да так удачно, что пустила юшку из мужественного носа.

Окружающие списали инцидент на постстрессовый синдром.

* * *

ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА ПОСЛЕ ПОПЫТКИ ВЗРЫВА РЕАКТОРА

«Эта оптимистичная девушка заражает энергией каждого, кто имеет счастье общаться с ней. Ее история — это не только история бизнес-успеха, но и история невероятного личного мужества. Кажется, что в каждой ситуации она способна найти новый шанс, увидеть вызов своему таланту. Сейчас Tamara Serafimova, вдохновитель нескольких мировых художественных проектов, руководитель международной школы и куратор ежегодной выставки «Вернуть надежду!». Сама Tamara утверждает, что ее цель — через творчество влиять на ноосферу, на мышление людей. И это, безусловно, ей удается.

Ее куклы стали художественным открытием прошедшего года и общепризнанным символом сопротивления человека разумного, человека чувствующего безумию терроризма...»

Журнал «*Time*»

ЗНАНИЕ ЛУЧШЕГО МИРА В КРОВИ

Люди в деревнях знают, что нет силы, которая могла бы остановить гонимого амоком... они кричат, предупреждая других, при его приближении. «Амок! Амок», и все обращается в бегство... а он мчится, не слыша, не видя, убивая встречных... пока его не пристрелят, как бешеную собаку, или он сам не рухнет на землю...

Степан Цвейг. «Амок»

ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ

Никогда не путайте террор и терроризм. Террористы — это подонки, асоциальные элементы, которые преступили закон, покусились на основы общественного порядка, которые захватывают и убивают мирных граждан, чтобы навязать обществу свою преступную идеологию. А террор осуществляем мы — представители государства. Именно в наши обязанности входит нагонять страх на тех, кто собирается или уже преступил закон.

С такого вступления Дед начинал курс лекций, который читал для студентов юридического факультета. Год за годом начинал. И, разумеется, всегда находился какой-нибудь ехидный парнишка, который спрашивал:

— Почему же ваша группа называется «Анти-террор»?

Но смутиить Деда было трудно. Он важно подкручивал ус и важно отвечал:

— Для краткости. На самом деле наша группа называется «Отряд планирования антитеррористических действий в составе Сил специального назначения Федеральной полиции России».

Полный вариант производил впечатление. Молодежь уважала. Но на самом деле мы вряд ли способны впечатлить серьезных людей, а уж тем паче нагнать страх на террористов. До «Грома» нам как до небес. Весь состав отряда — двенадцать человек, включая Деда. И только у Деда был хоть какой-то боевой опыт. Остальные — теоретики, штабные крысы, фантасты. Да, так нас и называют: фантасты. В этой шутке есть только доля шутки, наши отчеты иногда и впрямь напоминают фантастику. Но в этом и суть работы — заглядывать в будущее, анализировать тенденции, предсказывать, как новые технологии могут быть использованы при подготовке теракта. Приходится много читать, в основном специальную литературу, водить дружбу с учеными и шевелить извилинами, вникая в логику сложных процессов. КПД от такой деятельности не слишком высок, и нас, наверное, давно следовало бы расформировать, но сыграли роль соображения высшего порядка: даже в захудалом Люксембурге такой отряд есть — должен быть и в Питере. В конце концов от «Антитеррора» никакого вреда, кроме сплошной пользы — пресс-центру всегда есть кого показать на экране без опасения выдать государственную тайну.

Понятно, что на операции нас не посылают, но в тот июльский день все бойцы сорвались в Гатчину вязать очередного приурка с обрезом, и дежурный смог дозвониться только до Деда. Тот мог отказатьсь принять сигнал, но, выслушав подробности, решил мгновенно. Вызвал меня по интеркому и вел спускаться в гараж.

Почему меня? Ответ прост — Дед всерьез полагал, что когда-нибудь я стану его преемником. Считал, что я злее остальных и в случае чего не сверну с дороги. Но вряд ли он мог предполагать, что я окажусь настолько злее...

Впрочем, речь не об этом. Я вытащил из сейфа табельный «глок», сунул его в подплечную кобуру и спустился в подземный гараж. Дед, одетый по форме, уже ждал меня в нашем танке, всем своим видом выражая неудовольствие: дескать, ползаешь, как черепаха, преемник, — и сразу завел двигатель. На выездах шоферил всегда он — никому из отряда руль не доверял, считал нас велосипедистами; лишь, бывало, во время очередной поляны назначит трезвеника, чтобы тот постфактум развез остальных... В общем сели, поехали. От Управления до Дворцовой — пять минут без пробок, но куда их денешь? Дед вел рисково, уложились в пятнадцать.

По дороге Дед рассказал о деле и дал просмотреть ролик с камеры наружного наблюдения Эрмитажа. По принятой в отряде классификации нас поджидало «синее ведерко», но с гвоздями. Похоже, автономы придумали очередную пакость, на этот раз с использованием маг-технологий. Так я Деду и объявил.

— Эрудит, — уважительно отозвался Дед. —

Все-то ты знаешь, все ведаешь. А по мне, там чебурашка.

Пришлось объяснить, что «чебурашка» — серийная модель для России, морфизм лицензирован, рассчитан на детей от девяти до пятнадцати лет, в Минобразования рассматривается вопрос о внедрении «чебурашек» в школах и интернатах.

— Нафуя? — удивился Дед. — Он же страшный.

— Потому что страшный, — ответил я. — Учим толерантности.

— Во как! — Дед казался обиженным. — От девяти до пятнадцати, говоришь?

Танк мы бросили у автобусной остановки, цинично вперевшись на тротуар. Прошли под Триумфальной аркой и левее Александрийской колонны увидели толпу, стоявшую в круг. Толпу безуспешно пытался разогнать молоденький летеха. При виде целого полковника он сначала стушевался, а потом бросился громко рапортовать.

— Хвалю за бдительность, — сказал Дед без малейшей иронии. — Продолжайте.

Мы разомкнули круг. В центре стоял синтеморф поколения бета, бессмысленно таращился на окружающих. Со спины — типичный чебурашка из мультиков, но анфас карикатурно-безобразный. Я б такого Артемке точно не купил. В коротких волосатых лапках синтеморф держал плакат, на котором было небрежно намалевано: «Долой преступный режим! Да здравствует Ингерманландия!»

Дед обошел «чебурашку» по дуге, втянул ноздрями воздух:

— Мочой воняет?

— Старый, — объяснил я. — Года полтора. Старые всегда мочой воняют. Значит, скоро издохнет.

Дед еще походил, приглядываясь.

Он вообще не любил новшества и удивлялся тому, как быстро меняется мир. Если к персональным компьютерам и сетям он сумел привыкнуть, благо они появились во времена его молодости, то новая революция застала Деда врасплох. Только все устаканилось, и вот на тебе: маг-технологии, биопринтеры, репликаторы, экосфера, синтеморфы, ГМО, УСО, САД. У нас, разумеется, все это внедрялось с изрядной задержкой, но процесс, как говорится, пошел. Дед никогда не выказывал явного страха под ветром перемен, его тревожило другое. Периодически, слушая наши доклады и читая отчеты, он изрекал: «Свинья грязи найдет!» — подразумевая не нас, разумеется, а тех, кто из любой технологии способен извлечь мерзость. Но больше всего пугала, конечно, непредсказуемость, которую несли в себе новшества, — никакая аналитика вкупе с футурологией не могли заменить практический опыт, а практика в нашем деле зачастую оборачивается кровью.

Вот и сейчас Дед пребывал в явной растерянности. Уродливый синтеморф сам по себе не мог вызвать опасений, но ведь и инструкций по обращению с протестными «чебурашками» на тот момент не существовало. Что с ним делать? Отобрать плакат? Нацепить наручники? Кинуть в танк? А дальше что?..

Дед оглянулся на меня:

— Идеи есть, эрудит?

Перевел стрелку. Пришлось мне оправдывать высокое звание преемника.

— Модель недорогая, второе поколение, — сказал я. — Корейцы или китайцы склеяли. Значит, в башке у него микрокомпьютер с блоком оперативной памяти. Хватает часа на три записи, потом старые блоки затираются новыми. Рабочая информация архивируется — это типа «черного» ящика. Если быстро сдать экспертам, они, может быть, сумеют извлечь данные: кто его подготовил, кто запустил...

— Может быть? — переспросил Дед.

— Автономы — ребята умные. Наверняка все подтерли, но шансы есть.

— А как оформлять будем?

— Как биомеханическое устройство, используемое с целью антигосударственной пропаганды и возбуждения национальной розни. Тот же робот, хотя из другого теста.

— Понятно, — сказал Дед; в его голосе мне послышалось разочарование.

Дед остановился и присел перед «чебурашкой» так, чтобы видеть ее безобразную морду. Синтеморф никак не отреагировал на действия Деда, хотя по науке должен был сосредоточиться на новом юзере и сообщить свое имя и номер. Похоже, кто-то озабочился поменять базовые настройки. Это выглядело разумным, без ведущего синтеморф мог сбрендить и заметаться, нарушив всю игру.

С полминуты Дед изучал уродца, потом вытянул руки и положил ладони на его покатые плечи. Я до сих пор не знаю, что мой непосредственный начальник собирался сделать дальше. Потому что «че-

бурашка» оскалился и громко зашипел, словно злобный мелкий тролль из голливудского фильма. Подобное не могло входить в программу, но Дед понял это быстрее остальных. И моментально просчитал последствия — подсказали опыт и чутье. Посему вместо того чтобы отпрянуть, как это сделал бы любой нормальный человек, Дед подался вперед, обхватил синтеморфа руками и повалил на брускатку. Тут же грянул взрыв.

Потом эксперты установили, что в брюхе «чебурашки» была защита осколочная граната, предохранительную скобу которой фиксировало левое вспомогательное легкое. Шипением синтеморф активировал легкое, отжав диафрагмой скобу, затем сработали воспламенитель и замедлитель, взрыв разметал синтетика в клочья, но осколки принял своим телом Дед. Спас и меня, и туристов, которые толпились вокруг... А сам стал первой жертвой Химерической войны.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ЭПИЗОД ВТОРОЙ

Вообще-то Химерической войной серию терактов с использованием биотехнологий прозвали безграмотные журналисты. Видимо, само словечко пришлось по вкусу — «химера» звучит внушительнее и куда более угрожающе, чем «синтеморф» или «синтетик». Синтеморфическая война? Да, это и выговорить трудно. Однако если занудствовать, то между химерой и синтетиком нет ничего общего. Химера — это соединение генетически разнородных клеток в одном организме. В природе и в медицине весьма распространено. Если вам перелили чужую кровь или пересадили донорскую почку,

значит, вы — готовая химера. Бывает еще, что синтетиков путают с клонами, гибридами и генномодифицированными организмами. Это ни то, ни другое, ни третье. Синтеморфы делают с нуля, за ними нет миллиардов лет эволюции, как за любым из перечисленных видов, которые, по сути, являются всего лишь незначительными надстройками, созданными усилиями инженеров. Синтеморф полностью оправдывает свое название, он — синтез технологий: компьютерных, биологических, генетических. Геном синтеморфа сконструирован до последнего кодона, в нем совсем нет «мусора», все оптимизировано. Понятно, что без расшифровки генома человека и других существ, без определения функций тех или иных хромосом, рожденных природой, подобное конструирование было бы невозможным или затянулось на те же миллиарды лет, но все же есть заметная разница между доработкой и созданием нового.

Приведу здесь простейшую аналогию, которую можно найти в любой научно-популярной книге по современным биотехнологиям. Когда-то человек наблюдал полет птиц и вслед за ними стремился в небо. Он неоднократно пытался воспроизвести этот полет, делал искусственные крылья и махолеты, но каждый раз попытки взлететь, пользуясь мускульной энергией, заканчивались провалом. Тогда человек начал внимательно присматриваться к миру и совмещать несовместимое. Появилось воздушоплавание, которое в природе встретить, мягко говоря, затруднительно. Появилась авиация, которая в природе встречается еще реже. Появились жидкостные ракеты и межпланетные кораб-

ли, которых в природе не бывает. А вот действующие махолеты на мускульной энергии удалось построить только в начале XXI века. В стремлении к небу человек перепрыгнул через этап слепого копирования и вернулся к нему лишь из любопытства — чтобы тему закрыть. То же самое и с биотехнологиями: попытки копирования достижений эволюции пробуксовывали, и в этом направлении накопилась масса нерешенных проблем. И тогда человек принял созидать оригинальные формы жизни сам, опираясь не только на опыт, но на воображение и известные законы, выходящие за рамки биологии. Ученые сделали следующий шаг, оставив нерешенные проблемы будущему.

Во всем этом есть нечто магическое, поэтому не удивляет, что приставка «маг» закрепилась за новыми технологиями. На самом деле она происходит от аббревиатуры MAGE — это расшифровывается как Multiplex-Automated Genomic Engineering и уже не соответствует технологическим реалиям, но когда появляется общепринятое словечко, не до нюансов.

Маг-технологии проникли в нашу жизнь благодаря игрушкам. Пока политики и богословы еще только пытались осознать новую революцию и ее последствия, обеспеченные родители с удовольствием скупали на Рождество синтезморфов поколения альфа, выпущенных на рынок канадской компанией «GenSims». Сначала в серийное производство поступили всего два вида: грифон и дракон. Вы покупаете яйцо и берете в аренду старт-камеру, которая является особым инкубатором. Через некоторое время из яйца вылупляется маленький сим-

патичный синтетик с простейшими рефлексами — его надо кормить, за ним надо ухаживать. В результате можно вырастить домашнего любимца размером с пекинеса и с интеллектом курицы.

Ватикан увяз в спорах о морально-нравственной стороне вопроса, парламенты яростно обсуждали ограничения, которые нужно наложить на распространение маг-технологий, а «GenSims» тем временем выпустил синтетиков поколения бета — там разнообразие видов было куда больше: ползающие, летающие, водоплавающие. Кроме того, специалисты быстро научились интегрировать в тело синтеморфа управляющий компьютер, что позволило расширить возможности его применения. Тогда же открылись развлекательные биопарки: «Страна Чудес», «Пандора», «Парк Юрского периода», «Барсум». Экономика биотехнологий пошла в рост, аккумулируя огромные инвестиции. Маг-репликаторы и старт-камеры «GenSims» начали брать в аренду компании попроще. Синтетики врастали в культуру, символизируя собой наступление необычайной эры.

Все бы хорошо, но, как говорил Дед, «свинья грязь найдет». Уже через три месяца после массовых продаж первых синтеморфов их додумались использовать в криминальных целях. Натравить синтетика поколения альфа на человека невозможно — он слишком глуп, однако организм этих существ устойчив к повреждениям и инородным телам: из выращенных домашних любимцев делали контейнеры для контрабанды алмазов и наркотиков. Не получилось — выявить запретный груз просто, и «GenSims» тут же сработала специальный

сканер. Но второе-то поколение поддавалось программированию, и хотя взлом и перенастройка поведенческой программы — сложный процесс, требующий навыков и дорогостоящего оборудования, появились боевые синтеморфы, которых и окрестили «химерами».

Сначала все выглядело невинно. То там, то тут в Европе правоохранители вылавливали дешевых синтетиков с протестными плакатами. В подготовке этих акций сразу заподозрили автономов, а точнее, так называемый «Institute for Applied Autonomy» — хорошо известную международную группировку «несогласных», использующих современные технологии. До того автономы баловались производством роботов, которые выезжали на людные площади, а затем либо громко через динамики материли власть, либо расписывали асфальт всякими непотребностями. Выявить автономов и пресечь их деятельность не удавалось — прежде всего потому, что они не представляли серьезной угрозы: на протестные акции в Европе смотрят сквозь пальцы. У нас к протестам относятся более нервно, но и акции автономов были редки — «несогласные» предпочитают высказывать свое мнение лично, а не посредством железного истукана. Только после того как начали взрываться «чебурашки» и появились первые жертвы, за автономов взялись всерьез: удалось внедриться, вскрыть сеть, вычислить наиболее активных и произвести аресты. Оказалось, дохлый номер — автономы были безобидны: студенты, молодые научные сотрудники, не имеющие даже устойчивых политических взглядов. Пришлось пере-

сматривать базовую версию, и тут, как будто по заказу, сказал свое слово «Биоджихад».

Террористическая группировка «Биоджихад» имеет весьма отдаленное отношение к исламу. Собственно, под этим названием объединились люди разного вероисповедания, но вставшие на путь борьбы с биотехнологиями. Идеология «Биоджихада» была проста, как молоток: ученые запустили новую эволюцию, синтеморфы уже стали совершеннее людей, когда-нибудь искусственные существа обособятся и сожрут человечество, грядущее противостояние необходимо предотвратить, показав людям, на что эти существа способны. О возможных жертвах члены группировки не задумывались.

«Биоджихад» предпочитал масштабные резонансные акции и тоже в людных местах. Первый удар был нанесен по паркам. В техасском «Парке Юрского периода» взбесился молодой синтеморф «тирекс»: проломил ограждение, потоптал туристов. Наверное, этот инцидент списали бы на случайный сбой в управляющей программе, однако в тот же день в мюнхенском парке «Пандора» вырвался за контролируемую зону синтеморф «танатор» и, прежде чем его остановили, убил семейную пару. Разумеется, два чрезвычайных происшествия подряд взбудоражили всех спецов «GenSims», которые принялись искать причину. Наверное, они провозились бы несколько месяцев, но «Биоджихад» сразу взял ответственность за бунт синтетиков на себя, опубликовав в Сети многословное заявление. К заявлению прилагались требования: полный и бессрочный запрет на конструирование

и воспроизведение синтеморфов, уничтожение магнитологического оборудования, отказ от биоэкспериментов. Требования, конечно, совершенно невыполнимые, но террористы редко выдвигают нечто выполнимое. Своим обращением «Биоджихад» добился только одного — все антитеррористические центры тут же занялись разработкой этой группировки. Чтобы предсказать дальнейшие ходы «Биоджихада», аналитические группы были усилены специалистами, прошедшими подготовку в «GenSims». Наш отряд «фантастов» тоже усилили — дипломантом биофака Санкт-Петербургского университета Тимофеем Хлестаковым. Назначение было предопределено ходом предшествующих событий, но я, к сожалению, не мог тогда этого знать. А если бы даже и знал, то вряд ли бы сумел предотвратить Василеостровскую бойню...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ЭПИЗОД ТРЕТИЙ

В детективных романах имя преступника обычно скрывается до последних страниц — в этом суть и смысл жанра. В криминальных историях иначе, там главное — не тайна личности преступника, а особый антураж расследования. Будем считать, что я рассказываю криминальную историю. Поэтому сообщаю здесь и сразу: Тимофей Хлестаков был «кротом».

Вообще же внедрение агента противника — редкость в истории антитеррористических подразделений. Объяснение простое. Подобные подразделения создаются для оперативного реагирования, серьезным планированием занимаются службы

безопасности, к ним сходятся все нити, а потому если и внедряться, то именно туда. И еще один немаловажный фактор — террористы не обладают достаточными ресурсами для поддержки «крота», максимум, на что они способны, — это завербовать второстепенного сотрудника, причем никогда нет гарантии, что завербованный не поведет двойную игру, скормливая откровенную дезу. Терроризм бросает открытый вызов всему обществу, сверху донизу, и мало кто из силовиков решится сотрудничать с теми, кто не признает никаких законов.

Я до самого последнего момента не мог поверить, что Хлестаков — «крот». Хотя смутные подозрения появились рано.

Место погибшего Деда во главе «фантастов» занял полковник Песков — довольно заурядный офицер, интересовавшийся в основном юбками и привилегиями. Он с радостью свалил на меня большую часть работы по непосредственному руководству «Антитеррором», требуя лишь выжимки и итоги. Мне пришлось впрыгаться в новые обязанности прямо на ходу, но зато Хлестаков был у меня как на ладони.

Сначала новый член команды казался адекватным парнем, даже приятным. Он ничем не походил на своего однофамильца из гоголевской пьесы. Я думаю, если бы в Управлении решили вдруг поставить «Ревизора», Тимофея стал бы последним, кому предложили роль Хлестакова. Ширококостный до массивности, рыжий, с круглыми, чуть на выкате, глазами. Какой из него ревизор? В лучшем случае — слуга Осип...

Еще у Тимофея было хобби. Очень удобно иметь

в сослуживцах человека с хобби: не нужно мучительно размышлять, что подарить ему на день рождения или под Новый год, он предсказуем в своих желаниях и всегда будет благодарен за оказанное внимание. Тимофей собирал военные миниатюры и делал из них диорамы различных исторических сражений. Поскольку этим увлекаются многие и есть даже специализированные магазины, то всегда можно было порадовать нашего эксперта по биотехнологиям набором солдатиков.

Еще Тимофей сочинял стихи. Это были плохие стихи, но он все равно потчевал нас своим творчеством. «Фантасты» терпели, а кое-кто публично выражал восхищение, но, разумеется, в памяти ничего не оставалось.

Только одна строчка засела почему-то: «Роса на губах и слезы любви. И знание лучшего мира в крови...» Строчка до сих пор вертится у меня в памяти, словно заезженная пластинка. Что в ней такого?.. Не знаю... Осколки чужих чувств, связанных банальной рифмой?.. Я ведь не знаю даже, любил ли Хлестаков кого-нибудь по-настоящему. Он ни разу не предъявил фотографию любимого человека, ни разу не выставил ее на рабочем столе...

Быть может, бесконечное воспроизведение вырванного из контекста двустишия связано не с Тимофеем, а с моими сомнениями по поводу принятого решения. Совесть — хитрая тварь и умеет к человеку по-разному подбираться. Но однажды Хлестаков задал мне вопрос, который не способен задать кто-либо, познавший любовь... Он спросил: «Ты не можешь забыть их?» Значит ли это, что эксперт по биотехнологиям лишь мимикрировал, вос-

производя чувства, которых не понимал? Создавал диораму, не видя, что за любым игрушечным солдатиком стоит чья-то канувшая в Лету жизнь?.. Думаю, что так. Надеюсь, что так. Но легче не становится...

А еще Хлестаков выбрал странный лозунг. Для тех, кто не в курсе, поясняю, что между членами отряда «Антитеррор» заведена традиция вешать плакат с лозунгом над служебным столом. К примеру, у меня висела картинка, которую я отыскал в Сети: на ней изображен боец САС, целящийся из снайперской винтовки в невидимого противника; подпись гласит: «Тerrorизм — это болезнь. Встречайте доктора!» По-моему, тут все ясно. А вот Тимофей водрузил нечто многозначительное, отягощенное подтекстами, а именно — черный квадрат из картона, на котором белым шрифтом была процитирована старая песня «ДДТ»: «Я террорист, я Иван Помидоров. Хватит трепаться, наш козырь — террор!» Выбор своеобразный, но и ему никто не придал значения.

Чем занимался Тимофей в нашей группе? Тем же, чем и остальные: изучал статистику, читал научную литературу, следил за веяниями, сочинял отчеты, рисовал бесконечные графики и диаграммы. Я не вникал в тонкости его специальности, мне хватало других проблем, однако заметил, что в своих рекомендациях Хлестаков придерживается определенной и очень строгой линии. Это тоже не было чем-то особенным — идеологически подкованных в отряде хватало: взять хоть нашу оружейницу Милю — суровую валькирию с ярко выраженными феминистическими убеждениями. Однако идеологи-

зированный взгляд мог помешать делу, и я решил провести профилактический разговор.

Я не стал вызывать Тимофея к себе, хотя имел на это право как старший по званию. Сам пришел в кабинет, который он делил с Игорем, нашим главным спецом по энергетике и экологической безопасности. Поинтересовался ходом работы и последними новостями из «GenSims», поведал свежий анекдот о синтетиках, который Хлестакову был наверняка известен, а потом спросил между делом: а что Тимофея самолично думает и может сказать по поводу перспектив борьбы с «Биоджихадом» — не для отчета, а по-дружески для меня? Люди с убеждениями обожают публично излагать свои взгляды. Не заставил себя упрашивать и Тимофея.

Если отбросить кровавую практику «Биоджихада», говорил Хлестаков, то отчасти его руководители правы: «GenSims» действительно запустила новую эволюцию. Конечно же, опасность синтеморфов на данном этапе сильно преувеличена. Они ведь не роботы, способные выдержать град пуль и снарядов, бытовые виды синтеморфов чувствительны к отравляющим веществам и электромагнитному импульсу. Но кто даст гарантию, что какая-нибудь американская биотехнологическая компания типа «BioArts International», которая изображает из себя цивилов, штампующих «банши» для любителей пандорианских извращений, не занимается в настоящий момент созданием боевого синтеморфа, который станет неуязвимым солдатом будущего? Бесконтрольное распространение синтеморфов необходимо остановить, другой вопрос — как

это сделать без разрушения основ современной цивилизации? Ведь цивилизация зиждется на конкуренции между государствами и корпорациями, в том числе в военной сфере. А значит, кто-то всегда будет действовать на упреждение, конструируя новые поколения синтеморфов. А значит, в «Биоджиках» будут и впредь вливаться те, кого пугает будущее под властью развитых синтетиков.

— Какие конкретные шаги ты предлагаешь? — спросил я.

— Такой опыт уже был в истории, — сразу ответил Хлестаков. — Человечество сумело ограничить распространение атомного оружия...

Игорь, сидевший в своем углу и прислушивавшийся к диалогу, аж крякнул.

— Ну да, конечно, — иронически сказал он. — Го-то клуб ядерных держав с каждым годом расшат...

Тимофей вскинулся, заговорил с горячностью фанатика:

— Мы в самом начале пути! Бесконтрольное распространение синтеморфов можно остановить. Принять резолюцию ООН. Передать все права регулирования рынка биотехнологий надежной компании. Обязать государства под угрозой применения военной силы заморозить национальные проекты развития синтетических форм жизни.

— Радикально, — оценил Игорь. — И какой же компании ты предлагаешь передать исключительные права на биотехнологии?

— Разумеется, «GenSims»! — брякнул Хлестаков.

Эксперт по энергетике фыркнул. А я вздохнул с

облегчением, решив, что этот ответ все объясняет. Хорошо их муштруют в Канаде — отскакивает, как от зубов, и даже смахивает на убеждения.

— Послушай, Тимофей, — сказал я, — ты, конечно, вправе продвигать такую точку зрения; но не забывай, что мы прежде всего копы, мы находимся вне политики и идеологий. А то, к чему ты призываешь, называется лоббированием финансовых интересов. Да и выглядит непатриотично, согласись, отстаивать интересы каких-то канадцев. Поэтому хочу дать тебе дружеский совет: не думай о том, как улучшить мир, а просто выполни свой работу. Поможешь уничтожить «Биоджихад», и мир, гарантирую, станет лучше.

Тимофей насупился, замкнулся, но меня не удивила его реакция. Я полагал, что преподал урок Хлестакову: он поразмыслил и когда-нибудь признает мою правоту.

Гордыня многих губит — сгубила и меня.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Химерическая война тем временем разгоралась.

«GenSims» осчастливила мир синтеморфами поколения гамма — теперь не было нужды хирургически интегрировать управляющий компьютер в мозг искусственного существа: его нейронная сеть программировалась напрямую. Стоили поумневшие синтетики астрономически дорого, но индустрия уже была налажена, и рынок принял их с энтузиазмом.

Одной из заявленных целей выпуска третьего поколения было преднамеренное усложнение про-

цедуры перезаписи управляющих программ — в рекламных проспектах «GenSims» утверждалось, что террористы никогда не смогут овладеть соответствующим оборудованием. В ответ «Биоджихад» устроил крупный теракт в Токио — в знаменитом торговом центре «Daiba Little Hong Kong». Туда завезли свежую партию синтеморфов-садовников вида «тоторо» поколения гамма; потом неизвестный злоумышленник сумел активировать все старт-камеры, и за одну ночь армия неуклюжих пущистых монстриков превратила комплекс зданий в дымящиеся руины. К счастью, обошлось без жертв, но суммарный ущерб скакнул за сотню миллиардов долларов. Корпорацию «GenSims» завалили судебными исками, а японское правительство ввело временный закон, запрещающий использование синтетиков на территории островов. Больше того, напуганные японцы начали сдавать синтетических любимцев в приемники и даже убивать их. Президент вызвал цепную реакцию во всем мире, и тут бы, наверное, «GenSims» каюк, но быстро выяснилось, что партия бешеных «тоторо» пришла на склад слева, то есть невинный садовник, питающийся опавшими листьями, слизняками и гусеницами, был превращен в боевого синтеморфа еще на стадии роста.

Этот теракт дал спецслужбам массу нитей для расследования. Клубок распутали за месяц и наконец-то к вяющей радости прогрессивной общественности обнаружили в Гонконге подпольные лаборатории по переработке серийных синтетиков в боевых. Там же повязали легендарных террористов — Ханса Бурдаха и Абу Зун-Нуна, которых Интерпол

немедленно объявил руководителями «Биоджихада».

Казалось, все закончено. Массовые акции с жертвами сошли на нет. Можно было пожинать лавры, но именно тогда я начал подозревать Хлестакова по-настоящему.

Что послужило толчком? Хорошо помню. После того как Тимофей с Милой смотались в Гонконг на стажировку, я накрыл поляну в память о Деде и в честь того, что виновники его смерти найдены. Как обычно, во время возлияний у всех развязались языки, а поскольку чужих там не было, то и беседы пошли откровенные. Мы с Тимофеем заговорили о природе амока.

Амок — известное психическое заболевание, выраженное в слепом желании убивать. Охваченных амоком нельзя отнести к террористам, у них нет цели внести сумятицу в общество, вызвать страх, однако традиционно ими занимается полицейский спецназ. А кто еще остановит безумца с окровавленными руками?

В том памятном разговоре я первым употребил это слово. Сказал, что боевые синтетики напоминают мне амок.

Хлестаков возразил:

— Амок присущ только людям. Потому что только люди боятся будущего.

— Где связь? Многие боятся будущего.

— Многие боятся, но для немногих страх перед будущим становится невыносим до помрачения рассудка.

— А ты не путаешь амок с самоубийцами?

— Все зависит от психологического склада. Ко-

го-то страх перед будущим толкает к самоубийству, кого-то — к убийству.

— Ты хочешь сказать, что все террористы охвачены амоком? Тот же «Биоджихад» боролся с будущим...

— Не совсем так. Тут можно говорить об амоке более высокого порядка — о вечном амоке.

— Не понимаю тебя.

— Природная эволюция основана на естественном отборе. Но человек навсегда остановил естественный отбор внутри своего вида. Эволюция, конечно, продолжается — как искусственная. При этом эволюционирует не вид, но связи внутри вида. Вечный амок — это тяга к разрушению связей или социопатия, доведенная до крайности. Действие рождает противодействие, вечный амок проявляется там, где рождается будущее. Амок может охватить самого обычного, заурядного человека. Вечный амок покоряет группы, общества, страны.

— Что ж, — сказал я, — коли так, мы выбрали правильную работу.

Хлестаков посмотрел на меня с острым любопытством:

— Ты был хорошим кибернетиком. Ты не можешь забыть их?

Он проговорился. Выдал и свою тайну, и свое равнодушие к тем, кого должен защищать.

Я действительно был лучшим в выпускне ФТК Политеха 2004 года, но моя научная карьера прервалась в тот день, когда в небе над Тулой взорвался «Ту-134» с террористкой-смертницей на борту. Этим рейсом, номер 1303 Москва — Волгоград, ле-

тели на отдых к родственникам моя жена Ольга и семилетний сын Артемка. После опознания и похорон я заявился на Литейный, 4 и потребовал, чтобы меня приняли в отряд по борьбе с терроризмом. Фээсбэшники отмахнулись от сумрачного чудака, но потом, узнав, чем я занимаюсь, направили к Деду, который собирал команду «Антитеррор».

Тимофея мог все это выведать, но лишь приложив определенные усилия. Получалось, он «копал» под меня, а возможно, не только под меня. А зачем ему «копать», если он не «крот»?..

После вечеринки я занялся отчетами Хлестакова всерьез, по-взрослому. Разобраться в многоэтажном нагромождении специальной терминологии оказалось непросто, пришлось подключить сторонних ученых, но в итоге сложилась неприглядная картина: штатный эксперт по биотехнологиям целый год потчевал нас псевдоученными сведениями — то ли почерпнутыми из фантастических романов, то ли высосанными из пальца. С тем же успехом он мог выдавать нам чистые листы.

Впору было садиться писать донос в Службу внутренней безопасности, но меня останавливало одно — я никак не мог понять, зачем это нужно. И если Хлестаков — агент «Биоджихада», то какой смысл в его «подрывной» деятельности? Санкт-Петербург — место спокойное, сонное, синтеморфов здесь днем с огнем...

Чтобы ответить на последний вопрос, мне нужно было всего лишь приглядеться к городским новостям за последние три дня. Но я этого не сделал. А потом началась бойня.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ЭПИЗОД ПЯТЫЙ

Теперь уже и не выяснишь, кому персонально в городской администрации пришла идея воспользоваться услугами «GenSims» для очистки Финского залива. Но в необходимости срочной очистки никто к двадцатому году не сомневался.

Армагеддон локального масштаба подкрался незаметно. То, о чем кричали «зеленые» и что воспринималось властями как «панические бредни», вдруг стало реальностью. Аэрационные станции захлебывались, не справляясь с растущим потоком бытовых и химических отходов. Недостроенная дамба мешала нормальной циркуляции. «Маркизова лужа», оправдывая народное название, зацвела и запахла. Купания в заливе запретили еще десять лет назад, но в двадцатом заходить в воду стало понастоящему опасно. Рыба дохла. Курортные зоны погибали одна за другой. Когда в летний день ветер дул с «моря», петербуржцы задыхались в ядовитых парах. В городе резко возросла смертность. На туризме можно было поставить жирный крест.

Справиться с экологической катастрофой традиционными способами уже не получалось, и тогда администрация обратилась в региональное представительство «GenSims». Канадская корпорация придумала развернуть в акватории Финского залива очистительную экосферу поколения гамма, включающую целый набор синтетиков: микроорганизмы, грибы, водоросли, ракчи и даже развитые синтетоморфы вида «ермунганд» — причудливых морских змееев, сконструированных для поиска и переработки донного мусора. Понятно, что выговорить, а тем более запомнить имечко змея из древнескандинавской мифологии, было бы глупо.

навской мифологии нашему человеку трудновато, посему этих синтеморфов прозвали «невскими крокодилами», или попросту «генами», — получилось забавное созвучие: «Гена-гены». Только вот в самих «генах» не было ничего забавного.

За создание и поддержание искусственной экосферы менеджеры «GenSims» запросили сумма-сшедшие деньги — десять миллиардов долларов. Город потянуть такую сумму не мог, поэтому для спасения региона была разработана Федеральная целевая программа, реализацию которой взял под личный контроль губернатор. Взять-то он взял, однако финансовые вопросами занимался вице-губернатор Костин, который, как оказалось, был нечист на руку. На горизонте вдруг нарисовался конкурент «GenSims» — некая «заслуживающая доверия» китайская компания, предложившая аналогичную экосферу за пять миллиардов долларов. Выгоды сделки были налицо, однако чтобы продавить ее, Костин решился на подделку экспертных заключений — вероятно, с самого начала был в курсе, что подсовывает городу опасный товар. На что рассчитывал? Вряд ли на русское «авось». Скорее всего, Костин надеялся, что успеет смыться, если что-то пойдет не так. Не успел.

Проверкой чистоты крупных сделок в области биотехнологий должен был заниматься Тимофей Хлестаков. Именно он обладал достаточной квалификацией, чтобы обратить внимание на смену генерального подрядчика, на сомнительность сделки, затребовать документацию по ней, провести повторную выборочную экспертизу. Он мог даже не делать всего этого, а лишь прийти к полковнику

Пескову и сообщить, что сухогруз «Русич», на котором в Петербург идет большая партия синтеморфов третьего поколения, загружался в Гонконге, где, как мы знаем, на днях были ликвидированы подпольные лаборатории «Биоджихада». Песков — совсем не дурак и сумел бы увязать одно и второе. Но Хлестаков поступил иначе. Я нашел потом его отчет по экосфере «Чистый залив» — та же многословная белиберда, что и в других подготовленных им документах.

Четырнадцатого сентября «Русич» пришвартовался у Василеостровского грузового терминала. А дальше история токийского торгового центра повторилась: старт-камеры распахнулись, и в прогретую воду Гавани нырнули двадцать тысяч боевых «ген». Будучи земноводными, эти твари захватили не только акваторию, но и Васильевский остров. Только в отличие от японских «тоторо» они не разрушали инфраструктуру, а сразу нападали на людей.

Началась паника. Жители побежали с острова, на мостах встали пробки, мобильная связь легла от обилия звонков, за ней легла Сеть. Те, кто не успел сбежать, взбирались на крыши, баррикадировали люки и тщетно взывали о помощи — эвакуировать их можно было только с помощью вертолетов, но всю авиацию бросили на локализацию расползающихся синтеморфов.

Надо отдать должное службам спасения, городской обороне и полиции — хотя никаких специальных учений на такой случай не проводилось, организовались они быстро: блокировали Васильевский остров, включая ветку метрополитена; по руслам

Большой и Малой Невы оперативно натянули сетку, не дав синтеморфам проникнуть к сердцу города. Однако уже к вечеру список жертв и пропавших без вести превысил тысячу человек.

Ночью в Петербурге царило форменное безумие, потом в город начали подтягиваться военные, а с зарей на Васильевский высадились первые истребительные десанты. На ликвидацию последствий биоатаки бросили всех офицеров Управления, включая отряд «фантастов». Только Хлестаков остался в стороне — его как специалиста по синтеморфам сразу забрал штаб. Нам выдали костюмы химической защиты, «АКМы», ножи, электронные планшетки с оперативными картами — и даже без инструктажа отправили через Тучков мост на набережную Макарова.

Я не стану смаковать ужасы Василеостровской бойни — не умею и не хочу. Скажу только, что было очень страшно и очень мерзко. Такие вещи хочется поскорее забыть, но, к сожалению, они не забываются до конца жизни, преследуют вочных кошмарах, напоминают годовщинами...

В бойне мы потеряли энергетика Игоря, а оружейница Мила получила тяжелое ранение брюшной полости. Общие потери населения составили шесть тысяч сто двадцать семь человек. Говорить о материальном ущербе в данном случае неуместно.

Все эти жизни отняли не боевые синтеморфы, а человек, которого мы считали своим товарищем, стихи которого мы слушали и которому дарили исторических солдатиков на день рождения, — Тимофей Хлестаков.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ЭПИЗОД ШЕСТОЙ

Хлестаков не был профессиональным разведчиком, иначе держался бы до последнего. Но ему хотелось поделиться восторгом победы, его распирало от гордости за содеянное, и он не преминул воспользоваться случаем, хотя даже намек на признание грозил ему суровыми караами.

Случилось это через неделю после Василеостровской бойни. Город оплакивал погибших, везде царила траурная атмосфера, на погребальную церемонию прилетел президент, но Управление работало в обычном режиме.

Я зашел к Хлестакову, глянул на сиротливый стол, за которым совсем недавно сидел Игорь, и, обойдясь без приветствий, протянул Тимофею тонкую пачку страниц, еще теплых после принтера.

— Что это? — спросил Хлестаков.

— Твой отчет по «Чистому заливу», — ответил я, стараясь сохранить невозмутимость.

— Ага. И что там?

— Там бред. Полная а-хи-не-я.

— Ты намекаешь, что я некомпетентен? — Хлестаков прищурился.

— Ты компетентен. Более чем компетентен. Поэтому и писал бред. Ты ведь, Трофим, агент под прикрытием, не так ли?

Эксперт по биотехнологиям откинулся в кресле и посмотрел на меня со смесью любопытства и безумного веселья.

— Я не агент, — заявил он. — Я выполняю свою работу. И выполняю ее хо-ро-шо.

— Ты работаешь на «Биоджихад»?

— Ты знаешь, на кого я работаю.

Тут бы ему и остановиться, но Хлестаков как будто невпопад добавил к сказанному:

— Слышал, надеюсь? Совет Безопасности ООН принял сегодня резолюцию — распространение маг-технологий будет ограничено. «GenSims» остается единственным производителем синтеморфов. Война закончена, будущее принадлежит нам.

Меня затошило, перед глазами замелькали картинки из прошлого: растерзанные тела на линиях Васильевского острова; горящие автомобили с разбитыми стеклами; блестящая жиром лента синтеморфа, обвившаяся вокруг опрокинутой детской коляски; кричащая от боли Мила; шипящий в лицо Деду «чебурашку»; и где-то совсем далеко — уходящие к самолету фигурки: Ольга и Артемка.

— «GenSims», — я впервые произнес это слово с отвращением. — Будущее. Вот, значит, ради чего...

Хлестаков кривовато ухмыльнулся, но тут же овладел собой:

— Мне надо работать, Песок наседает. Если я напутал в отчете, пиши рапорт.

Показывая, что разговор окончен, эксперт по биотехнологиям демонстративно повернулся к экрану компьютера, на котором застыла хищно раззяленная пасть «ермунганда».

Покойный Дед научил меня принимать мгновенные решения. Я сходил в свой кабинет, вытащил из сейфа табельный «глок», вернулся и выстрелил Тимофею Хлестакову в затылок.

Я убил его.

Наверное, Тимофей ничего не успел понять. Надеюсь, ничего не успел почувствовать. Но вообще-то это не имеет принципиального значения. Он заслужил.

НАКАЗАНИЕ: ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ

Наказания не будет.

Я убил человека, но отдалаюсь всего лишь увольнением.

При всех недостатках полковник Песков обладает одним важным достоинством — не сдает своих. Дед был законником и посадил бы меня без колебаний. Кто-то скажет, что Песков просто прикрывает задницу, ведь подчиненный, которому он фактически доверил руководство «Антитеррором», стал убийцей без видимых причин. Пусть так, но результат тот же: расследование прошло в закрытом режиме, все материалы по нему засекречены, официальная версия гласит, что случился самоубийства на почве нервного срыва. Самоубийство в затылок, да. Судмедэксперт подписал заключение, не моргнув глазом.

Теперь это проблема только моей совести. Смогу ли я с этим жить? Смогу. Мне не важно, как мотивировал свои действия Хлестаков. Эволюция, естественная и искусственная, необходимость контроля, вечный амок... Чушь! Болтовня!

Ведь на самом деле все просто. Нельзя во имя будущего лишать будущего других людей. Тимофей Хлестаков и те, кто послал на волгоградский авиарейс смертницу, считали, что можно. Поэтому я буду убивать их. Как бешеных собак.

МАГИЯ

упавшая вышка электропередачи лежала по-перек шоссе, заросшего сизым северным мхом. Пришлось лезть через перекрестья ржавых балок. Но почти сразу дорога стала шире. Справа и слева начали попадаться черные скелеты выгоревших дач. Наконец у обочины замаячила монументальная бетонная конструкция, наверху которой все так же стоял чугунный танк времен Второй мировой, а внутри на прутьях толстой арматуры были распяты буквы из бетона, такого же седого и пыльного, как борода путника, остановившегося у этого постамента: «МИРНЫЙ». Путник обошел бетонную конструкцию по кругу — хулиганская надпись маркером на задней стороне монумента, что он видел здесь много лет назад, еще виднелась на бетоне, только стерлась от времени. Теперь разобрать можно было лишь отдельные слова: «Две части пластилина... раскатать в плоский блин... не менее локтя... водительского удостоверения... латинскими, крупными... оставить лучи пустыми... паралельно небесам... безопасное расстояние... Энди Патрик».

Вскоре вдоль дороги потянулись мусорные кучи и ржавые остовы перевернутых автомобилей, а затем измученный асфальт уперся в городские ворота старого военного образца — стальные, с выцвет-

шими красными звездами на створках. Видно, уже потом строили вместе с забором, наспех.

Ворота были заперты. Шума над городом не ви- село, но город точно был обитаем. Путник прислу- шался: где-то клокотали куры, где-то плескался ру- комойник, а вдали слышался приглушенный гомон, какой бывает на базарной площади. Поправив на- мордник на лице, путник постучал в ворота руко- ятью посоха — звук гулко раскатился по железу, но ничего не произошло. Он постучал снова. Тогда что-то заворочалось, скрипнула дверь, раздались шаги, и в створке ворот повернулась железная за- глушка, приоткрыв круглую дырку размером с ку- лак — то ли глазок, то ли бойницу.

— Что за добрый человек идет? — раздался не- довольный голос, молодой и хрипловатый.

— Я странник, иду дальше на север, — разме- ренно и привычно заговорил путник, — мне нужен ночлег и еда. Знаю водопроводное дело, столярное и электрику, могу копать огороды...

— Электричества у нас в городе нету, — с лен- цой пробасил охранник, — а беглых и бродяг мы се- лить не любим.

— Я был в вашем городе пять лет назад, помогал чинить дизель.

— Значит, плохо помогал, дизель уже давно не работает. Так что вали прочь, добрый человек, мо- жет, ты разбойник или колдун.

— Много кточинил наш дизель, только соляры нет... — проворчал другой голос, дребезжащий и старческий. — Отойди-ка в сторону, Дозорный, дай гляну, кто там...

В стальной дырке мелькнула седая бровь, а за-

тем появился изучающий глаз. Подслеповато щурясь, он осмотрел лицо путника, завязанное серой мешковиной до самых глаз, такой же серый плащ, посох, бороду и широкополую шляпу. Затем внимательно оглядел пустую дорогу и убедился, что путник один и рядом никто не прячется.

— Откуда идешь-то, добрый человек? — спросил он.

— Из Москвы.

— Ого, — уважительно вздохнули за воротами. — И как там, в Москве?

— Плохо. — Путник пожал плечами.

— А звать-то тебя как? — спросил из-за ворот молодой.

— Не паясничай! — сурово одернул молодого старик.

Путник усмехнулся:

— Разве я обидел вас чем-то, добрые люди, или сделал что-то плохое, такие вопросы мне задавать? Пришел с миром и уйду дальше на север.

— Ладони покажи, — потребовал молодой, заглядывая в дырку.

Путник усмехнулся и продемонстрировал левую ладонь. Переложил посох и показал правую.

— Вроде бы чистые, — подтвердил молодой, — хотя, стой-ка... А ну, покажи ладонь ребром! Вон там у тебя сажа!

Старик за воротами охнул. Путник удивленно осмотрел свою руку, а затем повернул ее ребром к глазку.

— Не сажа, а ржавчина, — объяснил он. — Там вышка поперек дороги повалена, видать, схватился, пока перелезал.

— Поднеси руку, я понюхаю! — потребовал ста-
рик.

Железный глазок заслонила маска из черной ткани, посередине которой вздымался и сопел бугор. Путник поднес руку вплотную. Бугор долго ворочался в глазке и сопел. Что он там сумеет унюхать через свою маску, оставалось неясным, но путник был совершенно спокоен за свои ладони. Наконец за дверью послышался скрежет засова.

— Ладно, — просипел старики, — заходи, вещи показывай.

Левая створка ворот приоткрылась, за ней стояли двое. Оба были одеты в бесформенные плащи из камуфляжного брезента, а лица их были замотаны до самых глаз черной тканью. Путнику показалось, что левый глаз у молодого слегка припух и отдавал желтизной. Голова у молодого была по-мальчишески выбрита, а у старика торчали во все стороны жидкые клоки седых волос. У каждого за поясом висел топор.

— Называй меня Сторожем, — представился старики и кивнул на молодого: — а моего помощника — Дозорным. Теперь расскажи толком, кто такой, сколько лет, куда идешь и что тебе здесь надо. Да смотри, не соври!

— Люди зовут меня Погодник, — представился путник. — Мне пятьдесят четыре года. До магии я работал инженером на погодных станциях.

— Погоду предсказывать умеешь? — заинтересовался Дозорный, шмыгнув носом.

— Так, в общих чертах. Станций-то уже нет, техника не работает.

— И что там у нас с погодой, в общих чертах? — передразнил Дозорный.

— Похолодание будет скоро, дожди, осень.

— Так и я могу, — хмыкнул молодой.

— Ладно, продолжай, — кивнул Сторож.

— Странствую с самого начала магии, ищу друзей и родных, останавливаюсь в городах и поселках, иду дальше. Дошел до Москвы, бывал даже в Европе, теперь иду обратно на север. Если найдется для меня в вашем городе работа — хотел бы оставаться на пару дней, а там двинуться дальше к северу.

— Художник нам нужен, — проребезжал Сторож и быстро глянул Погоднику в глаза. — Рисовать-лепить умеешь? Отвечай быстро!

— Нет, — покачал головой Погодник, усмехнувшись. — Таких талантов, слава богу, у меня нет.

— Все так говорят, — цыкнул зубом Дозорный и сплюнул себе под ноги. — Выкладывай, что несешь в котомке.

Погодник перевел взгляд на старика. Сторож кивнул:

— Показывай, показывай. Времена сейчас дурные настали, может, у тебя там пластилина полный мешок...

Оба охранника как по команде положили руки на рукояти топоров и отступили на шаг.

Погодник не стал спорить — пожал плечами, положил посох, снял с плеча котомку, поставил ее на асфальт, сел рядом и принялся раскладывать свои пожитки: фляжка, целлофановый мешок с сухарями, старая зубная щетка, свитер, кожаная планшетка, компас, аптечка с бинтами и пузырьком йода, набор гаечных ключей, стамеска и моток изоленты.

— Все? — спросил Сторож. — А там на дне что за штука?

Погодник чуть помедлил, а затем вытащил сверток и развернул. В мешковине лежал бережно завернутый маленький ноутбук с самодельной передальной зарядкой.

— Ого! — присвистнул Дозорный. — А это тебе зачем? Он что, еще работает?

— В сухую погоду работает, — ответил путник. — Карты у меня в нем, книги да старые письма родных. Привык с собой носить ноутбук, инженером я был раньше.

— С роскошью живешь, — пробормотал Старик осуждающе. — Не каждый бы согласился такую вещь иметь при себе.

— Игрушки есть? — жадно спросил молодой. — А фотографии? Ну-ка, включи!

— Игрушек не имею, а уж фотографий тем более, — сухо ответил Погодник. — А чтобы включить его, придется подня педали крутить. Если согласен — включу.

Дозорный тут же потерял к штуке интерес.

— Выкинул бы ты это барахло, добрый человек, — посоветовал старик, зевая. — Кончилось время инженеров.

Погодник молчал.

— А что в планшете? — вдруг спросил молодой, ткнув пальцем в кожаную папочку.

Погодник поднял на него взгляд:

— Маловато там места, чтоб пластилин хранить. Всего лишь мои бумаги.

— Покажи! — потребовал Дозорный.

— Может, тебе еще мое лицо показать? — спокойно ответил Погодник.

— Будет надо — и лицо покажешь, — кивнул Дозорный и крепче взялся за ручку топора.

Погодник перевел взгляд на Сторожа. Старик сурово кивнул:

— Покажи, если хочешь войти в город.

— Хорошо, — усмехнулся Погодник, — как скажете...

Он поднял кожаную планшетку и расстегнул. Сторож и Дозорный тревожно замерли. Погодник распахнул папку, и оба разом отпрянули назад, словно увидели змею.

— Черт! — воскликнул Дозорный. — Это ж листы из паспорта! Алексей Петров, город Москва, вроде и глаза на фотографии похожи, беловатые... Да и год рождения, — Дозорный задумался, прикидывая, — вроде его. Только номер паспорта срезан.

— А ну, тихо! — шикнул на него Сторож. — Такие вещи вслух не произносят!

— Он же сам нам показал! — возразил Дозорный.

— Вы велели — я и показал. — Погодник захлопнул папку. — Я ж объяснил, что там мои документы, а вы все равно велели показать. Теперь если со мной чего случится, на вас вина.

— Черт, — выдохнул старик. — Ты-то сказал, там бумаги, мы думали, там просто какие-то твои бумаги...

— А на что вам чужие бумаги? — спросил Погодник.

— Ну... мало ли, — старик, казалось, был растерян, — может, у тебя там обряд записан?

— Можно подумать, есть люди, которые не знают обряд наизусть, — усмехнулся Погодник. — Он у вас даже на постаменте при въезде в город написан.

Сторож и Дозорный переглянулись — видно, знали об этом.

— Сам-то много народа наобрядовал? — спросил Дозорный строго.

Погодник решительно помотал головой:

— Никогда таким не занимался.

— Все так говорят, — Дозорный погрозил кулаком. — Смотри у нас, Алексей Петров...

— Заткнись, дурень! — шикнул на него старик и кивнул Погоднику: — А ты никому больше свою папку не показывай, не все в мире добрые люди, сам понимать должен, раз до седин дожил... — Он кашлянул и продолжил ворчливо: — Ладно, добро пожаловать в город. Был, говоришь, у нас? Порядки наши знаешь? Лица своего не открывать, за чужими лицами не подглядывать, имен не выспрашивать, фотографий и рисунков не хранить, если заметят, как чего-то лепишь из глины, теста или земли — за все это у нас полагается смерть через раскрытие лица. Понятно?

— Что ж тут непонятного, — кивнул Погодник. — это уж как везде. А подскажи-ка лучше, добрый человек, где найти работу и ночлег?

— Ну, это твое дело, — отмахнулся старик, — пройдись по домам, постучись, может, где найдешь. Только сейчас все на площади.

— Случилось у вас чего-то? — догадался путник.

— Случилось, — сквозь зубы сплюнул моло-дой. — Обрядовальщицу поймали.

* * *

Городская площадь оказалась наполнена людьми, но было их тут немного — количество горожан сильно поуменьшилось за те годы, что он здесь не был. Одеты все были одинаково: в старые, с показными заплатами куртки серых неброских оттенков, в мешковатые штаны, делавшие фигуры некрасивыми. Лица были замотаны неизменными повязками до самых глаз. В некоторых городах носили серые намордники, в некоторых из мешковины, здесь же повязки были у всех черными, и Погодник со своим серым намордником выглядел чужим — на него бросали настороженные взгляды.

Посредине площади высилось пятиэтажное здание, хранившее следы былой администраторской строгости — видно, тут до магии располагалась городская мэрия или суд. Теперь здание стояло нежилым — окна зияли черными зубьями битых стеклопакетов, крыльце с облупленными колоннами было завалено мусором. Кто же из горожан рискнет поселиться в таком видном здании, показав тем самым свои амбиции и любовь к роскоши? Стены над окнами последних этажей левого крыла были закопченными — здесь сжигали городские документы в первые месяцы магии.

Толпа еще шумела, но потихоньку расходилась по домам. Погодник осторожно пробился поближе и, привстав на гыпочки, заглянул поверх голов.

В центре площади стоял бетонный столб — бывший фонарный, а к нему старыми цепями была привязана женщина. Намордника не было — лицо ее было совершенно открыто, а коротко стриженные русые волосы лишь подчеркивали его красоту.

Погоднику это лицо показалось необычайно красивым, но, возможно, потому, что он уже много лет не видел открытых человеческих лиц. На груди у женщины висела большая картонка с надписью «ANTONINA SAVINA, MIRNYI», а ниже русскими буквами с пятью восклицательными знаками «обрядовала!!!!». А затем Погодник заметил маленькую девочку лет шести — она сидела на земле в двух шагах от столба, закрыв лицо руками, и тихо плакала.

— Тесто я месила, люди добрые, — повторяла женщина усталым и безнадежным голосом, — не было там золы, не было и быть не могло... Может, подгорело чего-то снизу, но обычное тесто было, обычное, как у всех, как у вас...

— А кто Мельника убил? — крикнули из толпы.

— Не знаю, люди добрые, — безнадежно откликнулась женщина, не поднимая глаз, — тесто я месила, не было в нем золы, не могло быть... Может, из печи что насыпалось, крошки какие, но золы не было... — Она на миг запнулась, обвела глазами толпу и произнесла: — Позаботьтесь о Зайке, люди добрые... Позаботьтесь, Христом богом молю...

— А Мельника зачем убила? — снова крикнули из толпы. — А сына Кирпичницы?

— Не я это, не я... Тесто я месила простое, не было в нем...

Закончить она не успела: хлестнул оглушительный разряд, тело женщины вмиг окуталось синим пламенем, а когда пламя рассеялось, на цепях висел обугленный скелет, от которого вверх валил клубами белый пар. В воздухе едко пахло озоном, пале-

ным волосом и чем-то кислым, чем пахнет всегда, когда срабатывает обряд.

— Ну вот и все, — вздохнул кто-то в наступившей тишине. — Отмучилась.

— Упокой господи душу! — охнула какая-то старуха и с поклоном перекрестилась.

Толпа принялась расходиться.

И тут девочка, сидевшая в пыли, дико закричала.

* * *

Погодник порылся в мешке с сухарями и нашел еще один большой кусок шоколадки и несколько мелких крошек.

— Кушай, кушай, — приговаривал он, глядя, как девочка жадно просовывает кусочки шоколадки в рот под намордник. — Кушай. Сколько тебе лет-то, Зайка?

— Шесть сегодня... — всхлипнула девочка. — Мама пирожок мне хотела на день рождения испечь, не было там золы... А они вбежали...

— Не было золы, не было, — поспешил согласился Погодник. — Мы же договорились больше о маме не говорить, чтоб она не расстраивалась на небесах, слыша, как ты плачешь. Верно?

Зайка шмыгнула носом и кивнула.

— А что ж, у тебя родни совсем нет в городе? — задумчиво спросил Погодник.

Она помотала головой.

— А дом-то есть? К дому тебя проводить?

Она снова помотала головой.

— Ну... придумаем чего-нибудь. А не знаешь ли,

есть у вас в городе работа? Огород там вскопать, курятник поставить...

Зайка помотала головой в третий раз.

— Ладно, — Погодник решительно встал. — Пойдешь со мной, покажешь город?

Зайка кивнула.

Они долго ходили — прошли по центральным улицам среди нежилых домов, мимо сквера, где вместо тополей, давно порубленных на дрова, торчали гнилые пеньки, а бетонная чаша фонтана была завалена мусором. Но вскоре начались одноэтажные дома и потянулись огороды. Здесь уже была жизнь — окна в домах закрыты занавесками, за заборами лаяли собаки, копались в грязи куры, сушились на веревках тряпье. Навстречу шла бабка, с натугой катя по улице тележку, сделанную из старых велосипедных колес. На тележке стояли пластиковые ведра, в них плескалась колодезная вода. Бабке было тяжело — она поминутно останавливалась и принималась обмахивать лицо рукой, намордника, впрочем, не снимая.

— Помочь ли вам, добная женщина? — обратился к ней Погодник. — Могу таскать воду, чинить колонку, копать огород, рубить дрова.

— Это еще зачем, помочь? — насторожилась бабка.

— Я проездом в вашем городе, иду дальше на север, — терпеливо объяснил путник. — Ищу работу за еду и ночлег, зовут меня Погодник, потому что до магии работал инженером на погодной станции.

Бабка задумалась, а Погодник тем временем вежливо взял ручки тележки и неспешно покатил вперед. Зайка шла рядом.

— Мне бы, конечно, работник нужен, — размышляла бабка вслух, — да вдруг соседи позавидуют, что живу зажиточно?

— А вы им объясните, — терпеливо растолковывал Погодник, — что приютили на ночлег доброго проезжего человека и девочку-сироту. А проезжий за это помог вам по хозяйству. В чем же тут повод для зависти?

— Ну ладно, — решилась наконец бабка, косясь на девочку. — А надолго ли в наш город?

— Денька на три, — объяснил Погодник. — Отдохну, еды с собой возьму и дальше пойду своей дорогой.

— Далеко пойдешь?

— Да уж совсем близко. Километров пятьдесят.

— А ведьмину дочку мне кинуть собрался? — насторожилась бабка.

Бабка была права, но ответить Погодник не успел — Зайка вдруг сказала:

— Я с ним пойду.

Бабка удовлетворенно кивнула и задумалась:

— А разве ж на севере еще кто-то живет? Там же море и тайга.

— Я жил, — ответил Погодник. — Там станция у моря, на которой я инженером работал до магии.

— А чего ж ты ушел оттуда? — заинтересовалась бабка.

— Так... Ходил человека одного искать.

— Нашел?

— Нашел, — ответил Погодник. — Нашел.

Бабка оглядела его с опаской с ног до головы и больше вопросов задавать не стала.

Сперва бабка попросила Погодника нарубить

дров, затем довольно щедро накормила его и Зайку горячей картофельной похлебкой с лепешками, а после велела копать яму под новый нужник. Зайке старуха дала гребень и поручила вычесать обеих своих коз от репьев. Коз девочка не боялась — видно, привыкла обращаться с ними в городке. От репьев вычесала, а больше ей работы не нашлось, поэтому она пришла к Погоднику, молча села на землю и снова тихо заплакала, обхватив руками коленки.

— Ну-ка, — с наигранным энтузиазмом предложил Погодник, — а давай-ка лучше с тобой поиграем... э-э-э... а вот в города! Помнишь, как играют в города?

— Не... — покачала головой девочка.

— Я тоже не очень помню. Но мы попробуем. Вот смотри, я загадаю город, а ты назови город на ту же самую букву. Вот я загадал, слушай: Москва... Это на какую букву? На букву «м». Ты знаешь какой-нибудь город на букву «м»?

— Не...

— Ну а ваш город как называется?

— Мирный.

— Вот! А говорила, не знаешь. А вот смотри, я еще загадал: Плесецк. Это теперь на букву «п». Знаешь какой-нибудь город на букву «п»?

— Не...

— Хорошо, давай тогда ты мне загадай какой-нибудь город.

Девочка задумалась.

— Мирный, — сказала она наконец.

— А ты в других городах была?

— Не... — покачала головой девочка.

— Ну... — Погодник с досадой воткнул лопату в неподатливую глину. — А есть у тебя любимый стишок или песенка?

— Не, — ответила девочка.

— А читать-писать ты умеешь?

Девочка замерла и молча уставилась на него испуганными глазами, влажно блестевшими над черным намордником.

— Я не здешний, обычаев местных не знаю, — быстро проговорил Погодник. — Если что-то не то спросил — извини, не со зла.

Девочка воровато оглянулась — бабка гремела кастрюлями в доме, больше поблизости никого не было.

— Меня мама научила буквам, — шепотом сказала Зайка. — Но только правильным буквам, нашим, русским.

— У вас в городе детям запрещают грамоту учить? — удивился Погодник.

— Мама не велела никому рассказывать.

— Считаем, что ты мне не рассказывала, — подмигнул Погодник. — Ладно, давай-ка лучше ты у меня что-нибудь спроси. Я человек бывалый, в разных местах бывал, по разным лесам ходил, разных зверей видел...

— Что надо написать, чтобы убило того, кто убил мою маму?

— Что? — Погодник от растерянности отпустил лопату и выпрямился.

— Что надо написать, чтобы убило того, кто убил мою маму? — упрямо повторила девочка.

Погодник выбрался из ямы и сел рядом с ней на корточки.

— Убивать людей нельзя, — сказал он, заглядывая ей в глаза. — Это очень плохо, это хуже всего в мире. Ты обрядовала хоть раз?

— Нет, — покачала головой девочка и зачем-то добавила: — И мама моя не обрядовала.

— Вот и не надо.

— Как узнать, кто убил мою маму? — снова спросила девочка.

Погодник вздохнул.

— Этого никак не узнать, — объяснил он. — Вспомнили и написали ее имя, открыли лицо — и кто-то из города выполнил обряд, но кто — мы никогда не узнаем. Это мог быть любой человек. Когда мы с тобой уйдем из этого города, ты больше никогда не встретишь этого человека, а его накажет бог. Понимаешь?

Зайка снова покачала головой.

— Он убил мою маму, — повторила она. — Я хочу его убить.

Погодник вздохнул и долго молчал.

— Посмотри, — начал он, обводя рукой покосившиеся заборы и лоскуты рваного белья на веревках. — Тебе всего шесть лет, ты родилась уже после магии. А ведь не всегда было так! Когда-то, до магии, люди много работали, у них были красивые дома, в домах днем и ночью был свет, у них были машины, которые ездили на бензине, и вкусная еда. И все ходили с открытыми лицами и не боялись называть свои имена, и никого не убивала небесная молния. А знаешь, что случилось потом?

— Знаю. Великий Энди Патрик подарил людям магию.

— Да, американский программист Энди Патрик

опубликовал в Интернете обряд, с помощью которого можно убить любого человека, где бы он ни находился, зная только его имя, место рождения, номер паспорта или водительского удостоверения и ИНН, а если это все неизвестно, то хотя бы лицо.

— Надо слепить фигурку с его лицом и поставить посередине звезды...

— Тихо! — Погодник прижал палец к ее губам. — Помолчи. Дело не в этом. Энди Патрик не для того дал нам обряд, чтобы все люди убили друг друга. Понимаешь? Он хотел, чтобы погибли только те люди, которых все ненавидят.

— Его убили самым первым, — сказала Зайка.

— Конечно, — согласился Погодник, — он того и хотел, поэтому опубликовал свое имя и фотографию в манифесте. Ты слышала про его манифест? Или только про обряд?

Зайка покачала головой.

— Надеюсь, в вашем городе это рассказывать не запрещено, — пробормотал Погодник. — В некоторых городах запрещено, а где-то запрещено даже вспоминать имя Патрика. Где-то его считают богом, где-то дьяволом. Но он был простым человеком и верил, что делает нужное дело. Знаешь, что он написал в своем манифесте? Он писал, что с каждым годом в мире все больше оружия, и это оружие делается все мощнее и все более доступно. Что раньше у человека был только камень, топор или нож, которым человек смог бы убить одного, двух людей, троих... но не больше. Потом люди изобрели оружие — луки, стрелы, порох, ружья. Потом был такой ученый — Альфред Нобель, он изобрел взрывчатку и сказал, что люди больше не смогут воевать,

потому что война станет очень опасной. Но люди стали воевать еще больше. Потом появилось ядерное оружие... Ты знаешь, что такое ядерное оружие? Впрочем, неважно. И вот Патрик писал, что любой мерзавец теперь способен без труда раздобыть такие приспособления, чтобы убить разом тысячу людей, десятки, сотни тысяч. Но оружие совершенствуется все быстрее, писал Энди Патрик, и скоро техника убийства станет такой доступной, что любой человек будет в силах тайком организовать убийство миллионов. И в конце концов найдется негодяй, который уничтожит весь мир. Энди Патрик писал, что если раньше войны вели государства и страны, то уже давно наступил век, в котором война государствам не нужна, а ведут бои не государства и страны, а отдельные люди. Потому что при современной технике вести свою войну оказалось по силам любому человеку, который этого пожелает. И теперь, писал Патрик, все государственные спецслужбы давно заняты лишь системами слежения, сканирования, опознавания и поиска террористов, ученыe изобретают все новые и новые способы слежки за каждым человеком. Но все они в итоге не справятся, и все окажутся бессильны, потому что проблема не в технике для убийства, а в самих негодяях, которые всегда найдутся среди людей и всегда сочинят себе оправдание, почему они имеют право убивать и почему должны это сделать. Понимаешь? Если душа человека готова убивать других людей — он без труда найдет себе и оправдание, и объяснение, в чем другие люди виноваты перед ним или перед богом, и цитату из священной книжки найдет подходящую, и повод

гордиться. И поэтому у человечества пути назад, как считал Энди Патрик, нету, а есть только путь вперед. И выход может быть только один — довести идею терроризма до логического конца: раздать каждому человеку Земли такое оружие, с которым бы он мог тайно, анонимно, а значит, совершенно безнаказанно убить не миллионы, а какого-то вполне конкретного человека — того, кого подозревает и считает негодяем. И тогда, считал Энди Патрик, в мире выживут только такие люди, к которым ни у кого не нашлось претензий, которых любят и уважают все, и поэтому ни у кого не поднялась рука сделать против них обряд. И он дал людям это оружие — анонимный обряд уничтожения. Понимаешь?

— Нет, — ответила Зайка.

— Энди Патрик ошибся, — продолжал Погодник с горечью, погрузившись в свои мысли. — С помощью терроризма невозможно построить счастливый мир и порадовать бога. Когда Энди Патрик опубликовал манифест в Интернете сразу на множестве сайтов, люди решили, что это шутка, потому что в магию никто не верил, и обряд выглядел чушью. Но в тот же день Энди Патрика убили обрядом, а следом небесная молния стала поражать всех, кто был знаменит: всех политиков, всех музыкантов, всех телеведущих — каждого из них хоть кто-то ненавидел, а их имена и лица были известны многим. А следом стали гибнуть простые люди — чьи-то начальники, чьи-то соседи, личные враги. Трупов стало так много, что обугленные останки не успевали вывозить и хоронить, началась паника, вспыхнули эпидемии. Тогда про обряд узнали все —

он ведь очень простой, обряд. И тогда даже самые спокойные и добрые люди бросились мстить за своих друзей и близких. Они не могли точно уз-нать, кто именно сделал обряд, поэтому от отчаяния и горя принялись тайком убивать всех, кого подозревали. Ведь когда обряд так прост, а личное горе заслоняет все на свете, очень трудно удержаться от мести. Ну а были и просто те, кто бросился уничто-жать всех, кому завидовал, кому жилось хорошо и кто казался довольным жизнью. И столько погибло народа, что уже через несколько месяцев жизнь по всей земле во всех странах остановилась: переста-ли работать заводы, перестало добываться топливо, закрылись больницы, остановились машины и электростанции. А те, кто уцелел, стали носить на лицах маски, скрывать свои имена и бояться чем-то зани-маться и как-то выделяться среди остальных, чтобы не злить никого и не вызывать ни в ком зависть. А потом родилась ты, и тебя назвали Зайкой, чтобы не давать тебе человеческого имени, потому что никто не знает точно, как работает обряд и как от него защититься.

— А как от него защититься? — серьезно спро-сила Зайка.

— Никак, — покачал головой Погодник. — Если кто-то узнал настояще паспортное имя или просто сумел вылепить куклу с точным портретом, небес-ная молния найдет свою жертву и в доме, и в погре-бе, и на земле, и под землей, и под водой. Поэтому и нельзя показывать людям своего лица.

— А имя называть можно?

— Тебе, — усмехнулся Погодник, — уже мож-

но. Ты родилась после наступления эры магии, у тебя нет ни имени, ни фамилии, ни паспорта.

Зайка шмыгнула носом.

— Я хочу, чтобы небесная молния сожгла того, кто убил мою маму. И еще я хочу, чтобы небесная молния сожгла всех тех, кто прибежал в наш дом и стал говорить, будто у нас тесто с золой.

— Нельзя это делать, Зайка. И хотеть этого нельзя.

— Почему?

Погодник крепко взял ее за руку и заглянул ей в глаза.

— Знаешь, я тебе открою по секрету одну страшную тайну, которую узнал в своих путешествиях. Только ты никому не скажешь, хорошо? Обещаешь?

— Хорошо.

— Слушай меня. На небесах хранится большая-большая Книга Судеб. И в ней записаны поступки каждого человека — всех живых и всех, кто уже умер. И когда-нибудь в один страшный день небесные молнии сами ударят на землю без всякого обряда и сами сожгут каждого, кто хоть раз в жизни делал обряд.

Глаза Зайки загорелись чистым детским любопытством.

— Правда? — спросила она. — Дедушка Погодник, это правда?

— Правда, — кивнул Погодник.

— А он скоро наступит, этот день?

— Я бы отдал все, чтобы этот день не наступил никогда, — вздохнул Погодник. — Но далеко-далеко в дальних странах остались умные люди, вол-

шебники, как и Энди Патрик, которые очень хотят этого и мечтают придумать такое заклинание для небесных молний.

— Они злые волшебники? — спросила Зайка, думая о чем-то своем.

Погодник покачал головой.

— Они не злые и не добрые, они просто глупые, и жизнь их ничему не научила. Они тоже верят, что хорошая жизнь начнется, если убить всех плохих людей. Но у них пока не получается составить такое заклинание. Но если вдруг получится, то такой день наступит.

Зайка помолчала.

— Я очень хочу, чтобы этот день наступил.

— А я нет, — ответил Погодник.

— Почему?

— Потому что тогда на земле останемся только мы с тобой, и нас съедят волки.

Зайка надолго погрузилась в размышления, а Погодник снова взял лопату, шагнул к яме и принялся копать.

— Дедушка Погодник, — снова раздался детский голосок, — а ты тоже волшебник?

— Немножко, — ответил Погодник.

— А тоже хочешь составить свое заклинание для небесных молний?

Погодник замер.

— Нет, — сказал он, — нет. Я вообще не хочу иметь дела с небесными молниями, я ненавижу их.

Зайка долго сидела тихо, а Погодник копал. Он решил, что она успокоилась, но потом заметил, что Зайка снова тихо плачет. Тогда он сходил к своей

* *

котомке за ноутбуком, включил его и показал Зайке, как играть в шарики. На два часа заряда хватило, а Зайка, никогда не видевшая компьютеров, забыла про все на свете.

* * *

Работой старуха осталась довольна — вечером она снова досытая накормила гостей и много хлопотала вокруг них. Правда, спать положила гостей в сарай к козам, запервшись в доме изнутри — боялась, что кто-то ночью прокрадется в спальню и подсматрит ее лицо. Обижаться на такую разумную предосторожность давно было не принято. Зато она принесла в сарай пару старых матрасов и подушек, много теплых одеял и даже постелила свежие простыни.

Погодник заснул сразу — сказалась усталость и бессонные ночи, проведенные в долгом-долгом пути. Но спал по привычке чутко — несколько раз просыпался от шороха, но вспоминал, что он не в лесу, вокруг не дикое зверье и не разбойники, а всего лишь козы хрюпят и топчутся за загородкой. Проснувшись в очередной раз после полуночи, когда вместе с лунным светом из щелей ползли в сарай ледяные осенние сквозняки, он вдруг понял, что девочки на соседнем матрасе нет. В этом не было ничего удивительного — мало ли, понадобится человеку сходить во двор, или воды попить, или просто посидеть на скамье под яблоней, кутаясь в бабкин плед и глядя на звезды. Но Погодник, почувствовав неладное, откинулся на спинку и тихо вышел из сарая.

Во дворе было тихо, в соседних домах не горели

свечи, и лишь где-то вдали тоскливо лаяла собака. Погодник обошел темный двор, постоял под яблоней, наполненной тихим звоном комарья, прошел до нужника и обратно по тропе из кирпичной крошки. Девочки нигде не было. Пришла мысль, что Зайка могла отправиться к себе домой — туда, где жила с мамой. Ведь где-то она жила в этом городе, где-то у нее был свой дом, кроватка, комната с любимыми игрушками... Днем она туда идти не захотела — может, испугалась остаться там одной, без мамы. Но проснулась ночью, встала и через весь город... Погодник с сомнением покачал головой, а затем вдруг зашагал к яме, которую рыл вчера весь день, да так и не закончил. Почему-то он уже знал, что там увидит. Еще не дойдя до ямы, он услышал шепот. Много повидал Погодник в жизни, а особенно за последние семь лет, но сейчас ему стало страшно. Луна щедро освещала замерший двор — кирпичную крошку, заросли черной пожухлой крапивы, кучу вырытой глины и темный провал ямы. И из ямы полз шепот — детский шепот, такой старательный, каким дети читают вызубренное стихотворение: строчка за строчкой, не понимая смысла. Только это было не стихотворение. Жутко было слышать детский голосок, повторяющий совсем не детский текст, переведенный кем-то наспех в первые дни магии: «*Две доли пластилина, глины или теста, одна доля золы. Перемешав, раскатать в плоский блин и выпечь ровную пятиконечную звезду шириной не менее локтя и толщиной в палец. Нанести надписи буквами латинскими, крупными, заглавными, прорезая массу звезды глубоко до основания. На пяти лучах звезды следует написать имя,*

фамилию, место рождения, номер паспорта или водительского удостоверения, ИНН. Если паспортные данные неизвестны — оставить луци пустыми, в центр звезды поставить вылепленную из того же материала фигурку, стараясь придать ей и чертам лица максимальное портретное сходство с человеком. Звезду расположить параллельно небесам и отойти на безопасное расстояние. Энди Патрик».

В яме всхлипнуло и снова послышалось с отчаянием: «*Две доли пластилина, глины или теста, одна доля золы. Перемешав, раскатать в плоский блин...*»

Погодник поднял с земли лопату, подошел к краю ямы и спрыгнул вниз. Девочка испуганно взвигнула, а узнав его, отползла подальше и закрыла лицо ладошками. В яме было темнее, но в свете луны на утоптанной глине отчетливо виднелась странная конструкция: небольшой и не очень ровный глиняный блинчик, круглый и плоский. А по его краям — пять вылепленных из глины пальцев, нелепо торчащих в стороны. Маму Зайки обвинили зря — ее дочка не просто понятия не имела, как делается обряд, но даже не представляла, как выглядит звезда. Зато фигурка на блинчике имелась, и не одна: три глиняных человечка были вылеплены с большой старательностью и стояли на глиняной тарелочке в разных позах, как музыканты на сцене. Лицо каждого из глиняных человечков было завязано маленьkim куском тряпочки, а в руку была воткнута щепка, на другом конце которой виднелся сплюснутый глиняный шарик. Погодник вдруг

понял, что Зайка пыталась изобразить топоры в руках.

Не говоря ни слова, несколькими взмахами лопаты он брезгливо сгреб весь этот ужас и тщательно вкопал, забил сапогами в глинистое дно ямы, накидал сверху еще пару лопат чистой глины и затоптал, чтобы ничего было не видно. Только после этого он перевел взгляд на девочку.

Зайка теперь не закрывала лицо ладошками, не боялась и не плакала, ее лицо без повязки было очень похоже на лицо матери, а в свете луны казалось спокойным и отрешенным.

— Наверно, у меня ничего не получилось, — произнесла она угрюмо.

Погодник кивнул.

— Научи меня, как надо правильно? — тихо попросила Зайка.

— Я тебе рассказывал вчера, что это все — неправильно. Я же объяснил, что небесные молнии когда-нибудь убьют каждого, кто делал обряд.

— Ну и пусть, — серьезно ответила Зайка. — Но чур сначала — тех, кто маму...

Ее глаза блестели в полумраке спокойной недетской решимостью, а лицо было перемазано в слезах и золе.

Погодник вздохнул.

— Вылезай, горе мое. Мы сейчас с тобой пойдем мыть руки и чистить одежду.

* * *

Бабка пришла доить коз, гремя эмалированными бидонами.

— Слыхали новость-то? — сообщила она, косо-

лапо протискиваясь в узкую дверь саая. — Убило ночью Сторожа.

Погодник охнул и сел, откидывая одеяло.

— Сторожа? Старика?! — спросил он. — Того, что ворота города открывал?

— Его, его, — закивала старуха. — Уж кому он мог помешать — ума не приложу. И жил бедно, и работу для города делал полезную, ворота сторожил, разбойников высматривал... А ты ж вчера в город пришел, говорил с ним, наверно?

— Говорил, — кивнул Погодник. — С ним и с помощником его, Дозорным. Парень такой молодой.

Бабка подхватила низенькую деревянную табуретку, стоявшую у стенки саая, и отправилась к козам за выгородку.

— А скажи, добрый человек, — продолжила бабка странным тоном, — как он говорил с тобой? Не обидел ли чем? Сразу ли в город пустил или не хотел?

Погодник аккуратно свернула постель, сверху положил подушку и закрыл все покрывалом, чтоб не налетело мусора.

— Никак нет, — ответил он отчетливо, — досмотрел мои вещи и пустил в город. А если вы на меня плохое думаете, то я ни лица его не видел, ни имени не знаю, ни зла к нему у меня не было.

Бабка долго не отвечала, и Погодник решил, что она увлеклась дойкой, но старуха все же ответила:

— Бывают люди, что без зла обряд лепят. А что касается имени, так люди рассказывали, будто есть в мире и такая магия, чтобы человека убить можно было и без имени, и без портрета. Надо только в

центр звезды взамен фигурки компас положить, номер дома шепотом произнести да заклинание нужное.

— Чушь какая! — фыркнул Погодник. — Нет такой магии, и компас тут вообще ни при чем.

— А тебе откуда знать, добрый человек? — быстро переспросила бабка. — Или ты магию хорошо изучил?

— Кто сплетни про компас рассказывает, тот, значит, и магию изучает, — возразил Погодник. — Вы бы лучше подумали, кто из горожан мог его по имени знать и обиду хранить.

— Кто ж его не знал по имени, Федора-то нашего, бывшего участкового, — откликнулась бабка. — Все его знали, городок маленький. Хороший был, твердый да не злой. Мы с ним еще детишками были, в один класс ходили... — Бабка вдруг осеклась, поняв, что болтает лишнее.

— Мне б умыться, чайку попить да за работу, — произнес Погодник. — Вода еще осталась или пойду принесу из колодца?

— Не торопись с работой, — строго осадила его старуха, — на площадь сейчас всем городом идти надо.

— Зачем? — удивился Погодник.

— Принято так, — объяснила старуха. — Всем народом решать будем, кто виноват и что делать дальше.

Погодник кивнул, перевел взгляд на Зайку и вдруг увидел ее круглые испуганные глаза, затравленно глядящие из-под натянутого на голову одеяла.

* * *

Площадь гудела, а в центре раздавались крики.

— Понять тут надо! Понять! — надрывался чейто бас. — Имя его знал — значит, из наших, из старых кто-то. А кто зуб на него имел? Тут уж ясно, раз участковым работал до магии, то надо искать из хулиганов бывших, из алкоголиков...

— Ага, найдешь их сейчас, под масками, — готовнул кто-то.

— А почему сразу из наших? — возражал рассудительный голос. — Может, он не пустил кого в ворота постороннего?

— Ага! — откликнулись сразу несколько голосов. — Ага! Сам не пустил, и лицо свое показал, да? Фамилию назвал постороннему?

— Только не надо забывать, — бубнил кто-то, — что до этого сына Кирпичницы убили, а потом — Мельника.

— А знаю, кто его убил, — вдруг послышался тихий бабий голос, — это старуха Козодойка с Парковой улицы, у ней вчера на участке рукомойник до утра плескался, небось сажу отмывала.

Несколько масок разом обернулись на Погодника, девочку и старуху.

— Лжешь! — крикнула бабка, вскинув сухенький кулачок. — Не было такого!

Погодник поднял руку.

— Это я плескался, — негромко, но убедительно сказал он. — Я проездом через город издалека, остановился у Козодойки, одежду свою стирал.

— А ты кто такой? Что-то голос незнакомый... — спросил кто-то.

— Погодником меня зовут, — ответил Погодник таким тоном, словно это все объясняло.

Толпа действительно потеряла к Погоднику интерес — принялись обсуждать какого-то Мешка, который как раз сегодня ночью, как говорили соседи, дома не ночевал. Мешка на площади не оказалось, и это сочли еще более подозрительным — кто-то уже собирал команду идти обыскивать его дом.

— Проезжий человек, значит, — протянул тихим голосом вдруг толстяк в драном свитере, оказавшийся около Погодника. — А в город тебя пустил, значит, Сторож?

— Да, — сказал Погодник. — И что?

— Да так, ничего, — ответил толстяк себе под нос. — Есть о чем подумать.

— Вот и подумай, — посоветовал Погодник. — Зачем мне, проезжему человеку, делать обряд на Сторожа, который меня в город пустил. Бред ведь!

Толстяк пожал плечами и отвернулся.

— Может, и бред, — процедил он себе под нос, не поворачивая головы, — а может, и не бред. Может, он вещи твои досматривал или про тебя что-то такое прознал, вот ты и решил убрать человека от греха подальше. Всякое бывает...

— Сходи к его помощнику молодому, Дозорному, да спроси, как дело было, он тоже присутствовал, — обиделся Погодник.

— А я говорил с ним, — ответил толстяк, вдруг повернувшись и цепко заглянув Погоднику в глаза. — Дозорный сказал, что ты паспорт свой показал им. Показал ведь?

Погодник смущался:

— Они сами полезли в мои вещи, а мне скрывать нечего. Я и тебе паспорт могу показать.

— Ох ты! — всплеснула руками старуха Козодойка, и Погодник понял, что все это время она следит за беседой и бдительно сверлит обоих глазами.

— Нет уж, спасибо, — усмехнулся толстяк и добавил: — Смотри лучше, добрый человек, как бы всей площади твой паспорт показать не пришлось...

— Там все равно серийный номер вырезан.

— И что с того, что вырезан? — удивился толстяк, прищуриваясь. — И что, магия не работает?

— Этого не знаю, — сухо ответил Погодник, — но люди говорят, что не работает. Что слышал, то и говорю. А я магией не занимался. А ты, выходит, занимался? Сработает, говоришь, магия, без номера паспорта? Пробовал, признаешься?

Тут смущился уже толстяк, а бабка снова сдавленно охнула.

— Наговариваешь, — проворчал толстяк, надувая щеки, — наговариваешь на меня. А ты скажи-ка мне лучше, зачем Дозорного ударил? Что вы там не поделили у ворот?

— Я?! — Погодник отшатнулся. — Это он, что ли, про меня такое сказал? Как это — ударил?

— Уж не знаю как, — усмехнулся Толстяк, — да только вчера, когда говорил с ним, на глазу его синяк красовался.

— А... — протянул Погодник, припоминая, — синяк и я видел.

Толстяк задумчиво почесал свитер на пузе.

— Интересное дело получается, если не врешь, — произнес он. — Есть о чем подумать.

— Подумай, — кивнул Погодник.

— Подумаю, подумаю, — пообещал Толстяк. — Я, знаешь ли, обычно думаю долго, зато потом говорю, как есть.

— А ты кто сам будешь, добрый человек? — спросил Погодник.

— А это тебе, добрый человек, — в тон ему откликнулся Толстяк, — знать и не надо. Ты же проезжий в нашем городе, говоришь? Вот и проезжай себе.

Оба так увлеклись разговором, что не сразу заметили, как обстановка на площади переменилась — несколько молодых парней в темных куртках волокли через площадь какого-то человека, а он орал и отбивался. Парень, что шагал впереди, торжественно и брезгливо держал в вытянутой руке толстую книжку розового цвета, демонстрируя ее всем. Погодник прищурился, но так и не смог разглядеть, что это такое.

— Библия, что ли? — пробормотала Козодойка. — Не разгляжу я чего-то...

— Альбом, альбом! — раздались крики на площади. — Альбом нашли с фотографиями!

Мужика доволокли до столба и сорвали с лица намордник.

— Вырезаны! — кричал мужик, заслоняя рукавом лицо. — Вырезаны все! У меня все лица наших там вырезаны, что ж я порядков не знаю! Только жена-покойница да сослуживцы армейские!

— А сослуживцы не люди, что ли? — резонно возразил кто-то.

— Так, это... — Мужик растерялся. — Они ж неведомо где, может, и в живых давно нет... Что ж я

обрядовать на них стану, на сослуживцев бывших, через столько лет-то?

Тем временем принесли цепи и принялись его деловито приковывать к столбу.

— Это наш Колька-Мешок, — спокойно и даже с каким-то злорадством объяснила старуха Погоднику. — Пропойца и вор по мелочи, в город прибlundился уже после магии. Небось наобрядовал где-то и бежал от грехов... — Старуха задумалась и цыкнула зубом. — Его у нас много кто не любил, да только повода не было и фамилии его никто не знает.

— Пойдемте отсюда скорей, — вдруг испуганно сказала Зайка, молчавшая все это время.

— И то правда, нечего нам тут делать больше, раз обрядовальщика поймали, — согласилась бабка Козодойка и первой заковыляла прочь.

Погодник оглянулся: Толстяка поблизости уже не было — он давно стоял в центре площади рядом со столбом, а вокруг него толпились парни в темных куртках.

— Фамилию кто знает? — громко и властно вы кликал Толстяк. — Фамилию этого человека знает кто?

Площадь гудела.

— Никто не знает? Тогда лицо запоминайте, — закончил толстяк и добавил презрительно: — Художники...

* * *

Яму Погодник закончил к обеду и принял сколачивать деревянную раму под основание нового нужника. Зайка сидела рядом и молча вязала венок из какой-то сорной травы. Пару раз Погодник пы-

тался завести с ней беседу, но она не отвечала или отвечала рассеянно. Затем пришла бабка Козодойка и позвала к столу. Расщедрившись, Козодойка вместо картофельной похлебки сварила куриный суп. Ели все втроем за одним столом, хотя хозяйке было явно непривычно и неудобно есть с кем-то рядом, просовывая ложку под намордник.

В разгар обеда скрипнула калитка, и в дом постучалась соседка — судя по голосу, женщина не старая, однако мешковатая куртка и обмотанный вокруг попы коричневый платок делали ее похожей на старуху.

— Отмучился Колька-Мешок, — сообщила соседка. — Я прямо уж сидела на площади до последнего, думала, не дождусь, вот только что его и стукнуло...

— Что ж ты сидела-то? — спросила Козодойка.

— Так чтоб у всех на виду быть, чтоб не подумали, будто это я ушла домой и обрядую, — с чувством пояснила соседка.

Козодойка пожала плечами.

— Ему ж для того и лицо открыли, чтоб кто-нибудь пошел и наобрядовал.

— Кто-нибудь, да не я! — строго ответила соседка. — Пусть все видят, что не я. А ты, значит, дочку Савиной к себе взяла? — Соседка цепко посмотрела на Зайку. — Добрая ты, Татьяна, добрая...

Козодойка зыркнула на нее яростно.

— Что ж ты меня, Оксана Петровна, — Козодойка выдержала многозначительную паузу, — по имени-то вслух называешь при чужих людях?

— Ой, — соседка притворно схватилась за сердце. — Прости, пожалуйста, я ж думала, тут все свои

у тебя, родственник приехал... — Она кивнула на Погодника.

— Не родственник он мне, — ответила Козодойка. — А просто хороший человек проездом, помог мне на участке по хозяйству. Послезавтра с утра продуктов им дам в дорогу, и дальше поедет. И девочка с ним.

Соседка покивала головой.

— Вон оно что, — произнесла она. — Дело хорошее, доброе, продуктов-то дать. Я вон как на площади сидела с утра, так и не ела ничего. А ты, я смотрю, хорошо живешь, суп вон сварила. Иду мимо калитки, смотрю — чем-то пахнет, не иначе кто куруварит...

Козодойка нехотя поднялась, достала из буфета тарелку и налила соседке половник.

— Угощайся, соседка.

— Вот спасибо, добрая ты...

Соседка придвинула стул к столу, ослабила узелок намордника, подсунула под него левую руку, приподнимая ткань, а правой принялась ловко закидывать в рот ложку за ложкой.

Некоторое время все молчали.

— Вот ведь не было печали, — начала соседка снова, когда тарелка наполовину опустела. — Сколько лет уж, почитай, у нас магии не было... — Она задумалась, теребя брошку на кофте. — Да уж года два, наверно...

— Два года, точно, — подтвердила Козодойка. — Два года в городе тихо было, а тут — на тебе.

— Сын Кирпичницы, — продолжала соседка, — потом Мельник, теперь вот Сторож... Сын Кирпич-

ницы-то хороший был парень, смирный, его все любили. Не пил, не дрался.

— Да уж прямо не дрался! — ворчливо перебила Козодойка. — Только недавно подрался с кем-то за мельницей, может, девку какую не поделили...

— Это кто сказал-то? — заинтересовалась соседка.

— Мельник сказал, царствие ему небесное, он видел из окна. Ну, сын-то Кирпичницы парень рослый, прогнал того. Хороший был парень. А у Кирпичницы один он и был, жаль ее.

— Жаль, — согласилась соседка, — жаль. А тут, вишь ты, Сторожа убило. Значит, опять кто-то обрядует, неймется кому-то. Вон тесто с золой нашли у Савиной...

Погодник вежливо кашлянул и показал глазами на Зайку. Соседка осеклась:

— Я и говорю, дела нехорошие снова в городе, если кто-то снова начал обрядовать, то не остановится. Толстяк-то, конечно, клянется, что выяснит...

— А кто он такой у вас, Толстяк? — спросил Погодник.

Соседка и Козодойка переглянулись.

— Да так, — ответила Козодойка, — уважаемый человек.

— Вроде старосты? — уточнил Погодник.

Козодойка покачала головой.

— Старосты у нас нету — опасно быть старостой. Кто позавидует, кто разозлится, кто просто недоволен жизнью в городе — и наобрядует.

Погодник пожал плечами.

— А если старостой не местного брать, который имени не говорил и лицо вечно закрыто?

Козодойка вздохнула:

— Да кто ж ее знает, эту магию. Было б желание — и признают, и подсмотрят, и наобрядуют...

Погодник уже поставил каркас нужника и теперь сколачивал его досками, когда пришла Зайка. Глаза у нее были снова заплаканные, намордник весь вымок от слез.

— Ну, ну. — Погодник отложил молоток и присел рядом на kortочки. — Мы же договаривались про маму не вспоминать. Хочешь, научу тебя забивать гвозди?

Зайка всхлипнула в голос, потерла глаза кулаками, а затем оглянулась и, убедившись, что никого нет, схватила Погодника за плечи и прошептала ему в ухо:

— Я не хотела убивать Сторожа! Честно-честно!

Погодник сперва не понял, о чем она, но потом до него дошло.

— Ну что ты, это не ты! — уверил он.

— Но я же... вчера ночью... я... — Зайка снова всхлипнула.

Погодник вздохнул:

— И не думай. То, что слепила ты, сработать не могло. Так что ты тут ни при чем.

— Ты меня утешаешь... — всхлипнула Зайка. — Но я-то знаю, что это из-за меня...

— Ну что с тобой делать... — проворчал Погодник, а затем решился: — Хочешь, расскажу тебе, как по-настоящему работает магия?

Зайка кивнула.

— Никому не скажешь?

Зайка убедительно помотала головой.

— Представь, — начал Погодник, усаживаясь

перед ней на стопку напиленных дощечек, — что в небесах висят над землей демоны и это они стреляют молниями.

— Демоны? — переспросила Зайка.

— Ну да, демоны. Это очень сильные демоны, их на небе целая тысяча, они висят за облаками неподвижно и смотрят вниз на землю. И они такие сильные, что могут в небе жить не пять лет и не десять, а целых пятьсот лет. Представила?

Зайка кивнула, а затем подняла на него глаза:

— А зачем они это делают, дедушка Погодник? Зачем они стреляют в людей молниями? Они злые на людей за что-то?

— Они не злые, — вздохнул Погодник, — просто безмозглые. У них нет души, они не умеют ни думать, ни чувствовать, ни понимать. Они глупее любой курицы. Они вообще не живые, они железные и круглые. У них нет ни рук, ни ног, и они глухие — не слышат звуков. Но зато у каждого демона есть молния и большой круглый глаз, которым демон днем и ночью смотрит вниз на землю. Эти глаза видят сквозь воздух, сквозь небо и даже сквозь саму землю. Где бы ты ни был — в доме, в реке, в колодце, ты все равно виден демонам.

— И даже в темноте? — спросила Зайка.

— Да, — кивнул Погодник, — даже в темноте. Потому что демоны видят не тот свет, который видим мы. У них другие глаза, и они видят совсем другой свет. В мире много лучей — обычный свет мы видим глазами, другие лучи — невидимые, они поворачивают стрелку компаса, третий — передают тепло... А есть и такой невидимый свет, который излучает само ядро земли, а все люди светятся в этом

свете, потому что в людях много углерода... Ну, золы, проще говоря. А зола в этих лучах светится, и специальный глаз может разглядеть любые контуры. Люди про эти лучи долго не знали, а потом узнали и построили демонов. И выпустили их в небо, чтобы те оттуда следили за каждым человеком и записывали в свои книги судеб, где кто находится и куда движется.

— А демонов выпустил в небо Энди Патрик? — жадно спросила Зайка.

— Нет, — покачал головой Погодник, — не он, другие люди. Этим демонам люди передали все свои списки паспортов с фотографиями, все водительские удостоверения, все налоговые номера, — все, чтобы демоны точно знали, где какой человек находится по имени. Понимаешь? И... как бы тебе объяснить... каждому демону люди дали специальную пушку, стреляющую синей молнией, чтобы самый главный начальник безопасности у людей мог в любой момент... ну, скажем, позвонить демону по специальному секретному телефону со специальным паролем и приказать сжечь какого-то очень плохого человека, убийцу и преступника.

— Главный начальник — это Энди Патрик? — спросила Зайка.

— Нет же, — раздраженно откликнулся Погодник. — Энди Патрик был мелким, молодым и самоуверенным человечком, он просто работал у главного начальника программистом в одном отделе. У главного начальника было много программистов, и каждый что-то делал, чему-то обучал демонов. Просто Энди Патрик тайком от всех сделал модуль распознавания и вставил в обновление прошив-

ки... — Погодник умолк, недоверчиво качая головой. — Нет, так ты не поймешь... Как же тебе объяснить-то? Раньше демоны умели принимать команды только по специальному телефону, и никто посторонний к нему доступа не имел. И Энди Патрик доступа не имел. Зато он придумал тайком обучить демонов принимать команды и надписи прямо с земли — из рук любого человека. Потому что демоны видят все, что происходит на земле, и Энди Патрику осталось только придумать какие-то специальные сигналы для демонов и научить демонов обращать на них свое внимание. Понимаешь? Энди Патрик придумал, что если человек вылепит из золы штуку в форме звезды и нацарапает на ней имена и номера документов, то такая звезда станет сигналом для демонов. Демоны смогут разобрать надпись, найдут того человека по своим книгам, выяснят, где он находится, и уничтожат. А если имена не известны, но в центре звезды стоит кукла, вылепленная из золы, то демоны рассмотрят ее внимательно и попытаются найти похожего человека. И если демоны решат, что нашли его, что этот человек очень похож лицом на свою куклу, то они уничтожат молнией и его. Но Энди Патрик не рассказал никому про демонов. Он сказал, что это магия, и опубликовал обряд. И поэтому никто не знает, как это работает и откуда берутся небесные молнии. А если рассказать, то не поверят, потому что про демонов — сложно и непонятно, а про магию — понятно.

— А ты откуда знаешь про это, дедушка Погодник? — спросила Зайка серьезно.

— Ну, я-то, — кивнул Погодник, — знаю пото-

му, что раньше у меня работа была такая: знать подобные вещи. И еще остались в мире люди, которые знают. Но когда во всем мире начались смерти, разруха и паника, погибли все начальники, остановился транспорт и электростанции, исчезли почти все специалисты и думающие люди, а остались в основном... — Погодник вздохнул. — В общем, знающих людей почти и не осталось, и связь между ними исчезла. Но я знаю тех, которые сидят в далеких землях и до сих пор пытаются подобрать шифр от демонов, чтобы связаться с ними и приказать, чтобы те сначала уничтожили всех людей, кто когда-либо делал обряд, а потом рухнули на землю и разбились. Есть люди, которые прячутся и верят, будто демоны сами упадут на землю через несколько лет. Есть люди, которые пытаются изобрести защиту от глаз демонов, чтобы стать для них невидимыми.

— А ты? — спросила Зайка.

— А я... — Погодник задумался, но все-таки закончил: — Мы с моими друзьями хотим уничтожить всех демонов. Понимаешь? Ведь это демоны убили молнией твою маму.

Зайка задумалась.

— Я хочу помогать тебе убивать демонов! — заявила она решительно.

Погодник улыбнулся:

— Ты еще маленькая и много не знаешь, поэтому помочь ты мне, увы, ничем не сможешь. Да у нас уже почти все готово.

— Смогу! — произнесла Зайка капризно и схватила его за рукав. — Смогу помочь! Смогу! Смогу! Смогу! Вот увидишь, смогу!

— Хорошо, хорошо, — снова улыбнулся Погодник. — Конечно, сможешь. — Он взял ее за плечики и внимательно заглянул в глаза: — Только запомни самое главное: ты никогда не должна пытаться кого-то убить. Потому что в этот момент ты помогаешь не мне, а демонам.

Зайка кивнула.

— Я больше не буду, — сказала она. — Честно-честно. — Помолчала и добавила совсем тихо, но Погодник все-таки расслышал: — Клянусь мамой.

* * *

В это утро бабка почему-то запаздывала к своим козам с гремучими бидонами, хотя солнце уже встало. И Погодник, перевернувшись на другой бок, решил поспать еще немного. Проснулся он от грохота. Но не успел вскочить, как на него набросились сразу человек шесть, выкручивая руки.

— Попался, гад! — надсаживался знакомый хрипловатый голос, срывая с его лица маску.

— Руки вроде не в золе... — заметил кто-то.

— Вымыл уж небось!

— Что случилось? — возмутился Погодник, тщетно пытаясь вырваться. — Кто вы такие?!

— А то случилось, — злорадно произнес над его головой знакомый хриплый голос, — что ты за эту ночь и Толстяка убил, и бабку Козодайку!

— Я?! — растерялся Погодник, но его тут же резко дернули и поставили на ноги.

В следующую секунду он уже пришел в себя.

— А ну, отставить! — скомандовал Погодник

по-военному — тоном, которому трудно не подчиниться.

Это сработало — парни притихли.

— Я скажу вам, кто у вас обрядует, — произнес Погодник и кивнул вправо: — Это вот он, Дозорный. У него глаз подбит, потому что подрался с сыном Кирпичницы за мельницей, а ночью убил его. А потом убил Мельника, потому что тот его мог видеть. А потом его застукал Сторож, и пришлось убить Сторожа. А потом убил Толстяка, потому что тот догадывался, и заодно бабку Козодойку, чтоб на меня все свалиТЬ. Это он же вам предложил за мной идти, да? Ему просто мой ноутбук понравился.

— Врет!!! — заорал Дозорный. — Парни, он врет все! Он вообще врет! Он и паспорт с собой поддельный носит!

— Ах, паспорт у меня поддельный? — повернулся к нему Погодник. — И откуда же тебе знать, поддельный у меня паспорт или нет? А я скажу откуда: ты сейчас признался, что обрядовать на меня пытался, да ничего не вышло у тебя. Верно, да?

Дозорный отшатнулся.

— А и то правда, парни, — произнес кто-то рассудительно, — идея-то Дозорного была сюда идти. Да и зачем этому проезжему обрядовать?

Все посмотрели на Дозорного.

— Ребята, да вы что? — заметался он. — Вы что, ребята? Кому вы поверили?

— Снимите с него маску, — властно скомандовал Погодник, — увидите синяк на скуле, который он скрывает.

Настала звенящая пауза, но тут раздался тихий голос.

— Пацаны, смотрите-ка, у бородача пистолет в куртке лежал... Небось и патроны в нем сохранились...

Погодник резко обернулся:

— А что в этом такого? Я путешествую через дикие земли...

— Добрые люди оружие для убийства не носят, — перебил кто-то рассудительно. — Если оружие взял убивать, значит, и обрядовать готов.

— А в город входил, соврал, что оружия нету! — торжествующе закончил Дозорный.

* * *

С полудня зарядил мелкий моросящий дождь и накачивал воздух влагой до самого вечера. Народ быстро разошелся по домам, а когда солнце село, на площади появилась Зайка с мешком и, воровато оглядываясь, подбежала к самому столбу.

— Дедушка Погодник, я еды тебе принесла, и воды попить, и куртку теплую, — затараторила она шепотом.

Погодник кивнул и потянулся вперед — цепи на нем громыхнули.

— Спасибо, Зайка, — проговорил он торопливо. — Скажи главное — вещи мои они все растащили?

— Книжку твою электронную забрали, — кивнула Зайка.

— Бог с ним, с ноутбуком, — торопливо проговорил Погодник, — он свое уже отработал. Планшетка там кожаная была в мешке моем, они ее забрали?

— Нет, — ответила Зайка, — поковыряли и бросили. Я могу принести... А что там?

— Конверт черный — остался?

Зайка задумалась.

— Остался, — сказала она наконец. — Бумажный, да? Остался.

Погодник перевел дух.

— Это я виноват, — сказал он, — расслабился совсем. Столько земель прошел, столько городов, со столькими людьми общался, от стольких разбойников уходил, столько неправедных судов видел, и всегда уходил свободным. А тут, уже рукой подать... потерял бдительность. А мне никак нельзя было сейчас.

— Уже день прошел, а они тебя пока не убили! — сказала Зайка. — Значит, никто не желает тебе зла. Значит, они тебя, наверно, скоро отпустят...

— Это вряд ли, — покачал головой Погодник. — Просто на меня трудно обрядовать — бог дал мне самое распространенное имя и самое неприметное лицо. А художники среди ваших горожан неумелые, они вылепят белые глаза и бороду, а черты лица изобразить не смогут.

Зайка снова оглянулась. Площадь была пуста, хотя из окон окрестных домов наверняка за происходящим кто-нибудь наблюдал.

— Я могу принести инструменты, мы снимем цепь, и ты сбежишь! — прошептала она.

Погодник невесело усмехнулся.

— Не получится, — покачал он головой. — Город сбежится сразу.

— А хочешь... — Зайка снова оглянулась. — Я слеплю звезду и отомщу Дозорному?

Погодник снова покачал головой.

— Я могу прокрасться к нему в дом и подсмотреть его лицо! — продолжала Зайка. — Или... Прослушай, а можно убить человека без лица и имени?

— Можно, — неохотно произнес Погодник. — Если написать спутниковые координаты. Эту лазейку Энди Патрик тоже оставил.

— А ты знаешь эти кор... корадинаты?

— Знаю, — кивнул Погодник. — Но мы с тобой не будем никого убивать.

— Почему? — огорчилась Зайка.

— Я же объяснял тебе, — вздохнул Погодник, — ты опять все забыла. Невозможно сделать хорошо, убивая плохих. Многие пытались, никому не удалось. И все равно пытаются. Да и не во мне сейчас дело, и не в Дозорном...

— Я ничем не могу тебе помочь, дедушка Погодник? — всхлипнула Зайка.

— Можешь, Зайка. Помнишь, ты обещала помочь убить небесных демонов? Послушай меня внимательно, — торопливо произнес Погодник, видя, что она что-то хочет спросить, — послушай и не перебивай. То, что я скажу, — очень важно. Возьми тот черный конверт, возьми еду и воду, что ты мне принесла, и прямо сейчас, прямо ночью, уходи из города на север — не через те ворота, где Сторож дежурил, а через другой конец города. Проберись, пока все спят, и уходи по дороге прямо, и никуда не сворачивай. Тебе придется идти тридцать километров через плохую дорогу и лес, а потом ты выйдешь к морю. Ты была на море?

Зайка покачала головой.

— Не доходя до моря, увидишь красную мачту

над лесом — иди туда. Там живут хорошие добрые люди, мои друзья. Скажешь им, что пришла от Алексея Петрова, скажешь, что он добрался до Москвы и нашел конверт. Ты поняла?

Зайка кивнула.

— Ты сделаешь это? Обещаешь?

Зайка снова кивнула.

— Твои друзья придут и тебе помогут? — спросила она.

— Ну... — Погодник отвел глаза, — и мне тоже помогут, и всем помогут. Только принеси им черный конверт.

— Хорошо, — кивнула Зайка, и глаза ее были сейчас совсем взрослыми. — Тебе правда нужно, чтобы я сделала именно это?

Погодник кивнул.

— Я расскажу тебе, — сказал он. — Расскажу — и сразу уходи, ладно? Глубоко в земле есть три колодца. В них с незапамятных времен сидят три ракеты с именем «Протон». Знаешь, что такое ракеты? Их когда-то сделали, чтобы они полетели за океан и принесли туда бомбы, которые взорвут всех людей. А за океаном сделали демонов, которые умеют сжигать людей небесной молнией и не боятся бомб. Поэтому бомбы из ракет мы с друзьями вынули, а взамен насыпали много-много мешков гвоздей, очень много, несколько вагонов. И задали ракетам цель полететь навстречу восходящему солнцу и подняться высоко-высоко над землей, на три тысячи дюжин километров — в самое царство демонов. И двинуться демонам навстречу, рассыпая гвозди по небосводу. Чтобы отныне дважды в день демоны встречались с облаком гвоздей на ог-

ромной скорости и гвозди пробивали насеквоздь их стальные тела. И тогда скоро демоны все погибнут, и на земле перестанет действовать магия. И сотрудятся все книги судеб, в которых демоны писали, кто где был, кто что делал и кто кого убил. Люди смогут открыть свои лица и назвать свои имена, починить дороги, запустить электричество и построить дома. И даже если кто-то позавидует кому-то, или на кого-то обидится, или захочет отомстить, он больше не сумеет насекрести в печи золы, спрятаться с куском глины и тайно сделать обряд. Но для того чтобы три ракеты смогли взлететь в небо, нужен ключ. А он лежал далеко-далеко, в железном ящике, в самом глубоком подвале самого высокого дома самого большого города Москва, где улицы завалены скелетами, гуляет чума и шайки разбойников. Я ходил по миру семь лет, чтобы найти этот ключ, и он в этом черном конверте. Отнеси его моим друзьям. Понимаешь?

Зайка кивнула.

— А как же ты? — спросила она.

— Со мной будет все хорошо, — ответил Погодник, и цепи на нем снова громыхнули. — Иди, Зайка, иди скорей.

МИХАИЛ КЛИКИН

КОГДА ГОРЫ ЗАСНУТ

ВРЕМЯ «Ч»

Человек не помнил, когда появились чудовища. Он не помнил, что это за место и как он здесь оказался. Человек даже своего имени не помнил. Но странные провалы в памяти сейчас ничуть его не беспокоили. Человек был занят выживанием — и ничто другое не могло отвлечь его от этой исключительно важной задачи.

Необычайно яркий и острый звук заставил его крепче прижаться к горячей крыше невысокого сарая. Тая дыхание, он осторожно прополз вперед по волнистому шиферу, прислушиваясь, не повторится ли шум, и заглянул вниз.

Там стояло чудовище.

Оно мало чем отличалось от обычных людей. Но человек видел то, что обычным людям было недоступно, — черная аура обволакивала таящуюся внизу зловещую фигуру, смутно различимые алые зерна пульсировали под черепной коробкой монстра, кургужие пальцы время от времени удлинялись и превращались то в когтистые щупальца, то в пучки тонких, словно волос, жгутиков.

Человек перестал дышать, крепко сжимая скользкую рукоять кухонного ножа, и, зависнув над головой чудовища, начал медленно сползать с края кры-

ши. Он был похож на питона, готовящегося броситься на жертву с высокой ветви.

Человек знал, что чудовища меньше всего ожидают нападения сверху.

Старый шифер предательски треснул.

Монстр отшатнулся, вскидывая руки, но это уже не могло его спасти. Человек рухнул на чудовище, сбил его с ног, в падении воткнул нож в короткую голую шею, повернул лезвие в ране и выдернул его, выпустив струю черной и тяжелой, будто нефть, крови.

Они оба свалились на землю: охотник, ставший жертвой, и жертва, превратившаяся в охотника.

Кровь растекалась лужей, мешалась с горячей пылью.

Поверженное чудовище умирало, но обливающийся потом, задыхающийся человек будто не замечал этого, с дикой иступленной яростью продолжая терзать вздрагивающее тело монстра.

Потом — когда черная аура растаяла, а алые зерна погасли, — человек отступил. Он подобрал лежащий у поленница топор, залег в канаве и оглядел окружающие строения.

Пока все было тихо.

Но человек точно знал: чудовища здесь, близко, они повсюду; он знал — чудовища ищут его, и потому он должен найти их раньше.

«Баня», — вспомнилось вдруг.

Нужно было идти туда. Зачем, для чего — человек не помнил. Было только ощущение важности, необходимости, правильности.

«Баня!»

Он пополз вперед.

Баня была готова, но они не торопились уходить с открытой веранды. Полотенца и чистое белье стопкой лежали на краю стола, два эмалированных таза стояли возле входа, два дубовых веника валялись под лавкой. Небольшой пузатый телевизор, вынесенный из комнаты, опять тревожно о чем-то вещал, и они одновременно потянулись за пультом, чтобы прибавить громкость.

— Уже четвертый случай, — негромко сказал он, глядя в экран.

— Мы могли оказаться там, — тихо заметила она.

— Теперь не жалеешь о переезде? — Он взял ее за руку.

— Давно уже не жалею. — Она улыбнулась, но лицо ее выражало страх. — Здесь тихо. И ты каждый вечер дома.

— Мы могли оказаться там, — повторил он ее слова, слушая скрупульную речь диктора.

— Это болезнь? — спросила она, отворачиваясь от ужасной телевизионной картинки. — Помешательство? Они все сошли с ума?

— Похоже на кино, правда? — сказал он, сильно хмурясь. — Есть такой фильм — «Безумцы». Отдельные жители американского городка теряют разум и начинают убивать родственников и соседей.

— Если бы мы оказались там... — Она поежилась. — Возможно, ты бы меня убил.

— Или ты меня.

— Ужасно... — Она выключила телевизор. Но вечер был уже испорчен. — Ужасно...

— Забудь, — сказал он. — Выкинь из головы.

Это безумие случалось лишь в крупных городах.
Здесь нам ничто не угрожает.

— Но там мои подруги, — напомнила она, указывая на серый экран телевизора. — И твои друзья.

— Там прошлое, — сухо сказал он. — И не самое доброе.

Самовар остывал; остывал дом, остывало небо, и остывала земля. Со стороны невидимых сейчас гор тянуло свежестью — это холодный воздух сползал в долину с далеких скалистых склонов. Примерно через полчаса — когда совсем уже стемнеет — недолгий шквал взметнет пыль, взобьет кроны деревьев, ударит в окна, сшибет припозднившихся птах — и уляжется, успокоенный. В это время года в этой местности каждый вечер заканчивался так — местные говорили, что это горы вздыхают, засыпая.

— Тебе не скучно здесь? — спросила вдруг она. — Не скучно на новой работе?

Он, немного удивленный, посмотрел на нее. Ответил, пожимая плечами:

— Нет, конечно же. Я не скучаю. Ребята здесь любознательные, на уроках задают много вопросов, иногда получаются интересные беседы. Вчера договорился с директором насчет зала, с пятницы начну вести секцию самообороны.

— Научишь школьников убивать врага голыми руками?

Он нахмурился, улавливая нотки знакомого недовольства в ее голосе. Встал, зашел ей за спину, приобнял, положил руку на мягкие волосы. Вздохнул:

— Зачем ты так говоришь? Это из-за телевизо-

ра? Ты же знаешь, с прошлым покончено. Я теперь обычный обыватель, сельский учитель, очкастый интеллигент. У меня свой домик, небольшое хозяйство, красавица жена... Что еще простому человеку для счастья нужно? — Он резко выпрямился, хлопнул в ладоши: — Хватит киснуть! Пойдем в баню, пока она не остыла! В парилке, наверное, под восемьдесят уже. Сегодня я тебя пересижу — точно говорю!

Она слабо улыбнулась:

— Ты каждый раз так говоришь.

Он услыхал негромкий металлический стук и успел заметить неясное движение за окном. Рефлексы, как и раньше, оказались быстрей разума: схватив со стола кухонный нож, он приготовился дать отпор ночным гостям. Но двумя секундами позже, разглядев выходящих к веранде людей, понял, что любым сопротивлением подпишет смертный приговор себе и своей жене. Выронив нож, он медленно поднял руки.

Красные точки целеуказателей дрожали на его груди.

— Добрый вечер, Олег Иванович, — обратились к нему из вечернего полумрака.

Высокий человек, одетый в песочного цвета камуфляж, вышел на свет садового фонаря и, чуть помедлив, будто позволив себя рассмотреть, встал на скрипучее крылечко. Он улыбнулся напряженному хозяину, кивнул побледневшей хозяйке и сказал:

— Не хотел вас так пугать. Вы уж извините меня за поздний визит.

В опущенной руке он держал пистолет. Простой

сельский учитель вряд ли бы его опознал — это был итальянский Бенелли.

— Дело в том, — проговорил высокий человек в песочном камуфляже, — что нам срочно понадобился учитель информатики и английского языка. Добрые люди подсказали, где его найти... Вы не откажете в небольшой консультации, Олег Иванович? Очень просим!

ТРИ ДНЯ ДО...

Скорей всего, это была база отдыха, в советское время принадлежащая какому-то из местных, теперь уже разорившихся заводиков. А возможно, это был детский лагерь. Разруха и запустение царили на его территории — прогнившие бараки по самые крыши заросли крапивой и лопухами, асфальт дорожек растрескался и всучился, бетон столбов и постаментов раскрошился, будто слоистая халва, оголив ржавые петли арматуры. Спортивная площадка превратилась в болото, в глубокой чаше фонтана тянулись к свету чахлые березки, дощатая трибуна циклопических размеров провалилась сама в себя и стала похожа на остов доисторического чудища. Лишь несколько кирпичных зданий не поддались действию непогоды и времени — за ними, кажется, изредка ухаживали. Да металлический забор, щедро увитый колючей проволокой и еще более щедро обвешанный маскировочной сеткой, выглядел почти как новый — наверное, он и был новый: вряд ли советских пионеров или отдыхающих трудяг огораживали глухой трехметровой стеной с «колючкой».

За несколько дней Олег успел изучить почти

всю территорию лагеря, не углубляясь, впрочем, в совсем уж дремучие дебри — дабы не тревожить раньше времени постоянного сопровождающего из числа бандитов. Особых препятствий Олегу не создавали: ему лишь было запрещено выходить за ограду. Внутри же периметра свободу его практически ничто не ограничивало. Он как-то раз даже обедал вместе с бандитами — когда они после бани жарили шашлык, используя в качестве мангала длинные корыта умывальников. На него посматривали косо и недобро, но прочь не гнали — только разговоры в его присутствии стали более осторожными, русских слов он почти не слышал. Тогда же удалось Олегу поглядеть и местные новости — телевизор ловил местную программу на обычную «комнатную» антенну, из чего можно было сделать вывод, что не так уж и далеко увезли их с женой от райцентра. Дорогу Олег помнил смутно — от дома его, слегка побитого и помятого, увозили в багажнике. Он только успел увидеть, как Татьяну — его жену — усаживают на заднее сиденье старой «девятки». А потом ему закрыли глаза, дали дохнуть какой-то вонючей гадости, и он потерял всякое представление о времени, хоть и оставался вроде бы в сознании — частично.

Повязку он снял сам, когда вернулся в разум. Морщась от головной боли, осмотрел незнакомое помещение: решетки на грязных окнах, оклеенные рыжей миллиметровкой стены, обшитая фанерой дверь, засиженная мухами лампочка, два хлипких табурета, тумбочка, койка... На подоконнике сидел обряженный в камуфляж громила, кончиком ножа вычищал грязь из-под ногтей.

— Где моя жена?

Громила только бороду поскреб, отвернувшись в сторону. Даже учителю английского языка и информатики сразу бы стало ясно, что надзирателю в переговоры с похищенным вступать запрещено.

И Олег решил ждать.

Не прошло и часа, как за ним пришли. А к вечеру, ознакомившись с документами своего предшественника, Олег уже отлично понимал, в какую нехорошую историю он вляпался. Милая доброжелательность главаря банды могла бы обмануть провинциального учителя, но Олег обещаниям бандита не поверил — он знал, что живым из этого лагеря его не выпустят.

— Помогите нам, Олег Иванович, — ласково просил главарь, поигрывая пистолетом «бенелли». — Чем скорее вы закончите, тем быстрей мы вас отпустим. А о жене своей не беспокойтесь. Она в полной безопасности и в большем комфорте, чем мы с вами. Ваша жена — наша страховка. Ведите себя благоразумно, и с ней все будет в полном порядке...

— Я хотел бы знать, что случилось с моим предшественником, — спрашивал Олег на следующий день, гадая, знают ли похитители о том, что написано в англоязычных дневниках, к которым он получил свободный доступ.

— В этом нет секрета, — разводя руками, признавался одетый в песочный камуфляж собеседник. — Это был наш человек. Но одна маленькая оплошность убила его и двух моих людей. Будьте осторожны, работая с материалом, Олег Иванович. Не повторяйте чужих ошибок.

«Материалом» бандиты называли стальные пу-

затые контейнеры, формой напоминающие тыквы. Их блестящие бока когда-то были промаркованы темно-синей краской, но шлифовальные круги сточили все надписи, по недосмотру пощадив несколько букв и непонятных знаков, похожих на восточные иероглифы. К маковкам металлических тыкв надежно приросли черные ребристые нашлепки электронных замков. На каждом — три светодиода, разъем с семью контактами, две серые кнопки и крохотный сегментный индикатор. Одолеть эту электронику и предлагалось Олегу Ивановичу — учителю информатики и английского языка. В помошь ему придавалось все хозяйство предшественника: три коробки с бумагами, два ноутбука, стопка компакт-дисков, электронный ключ и набор смарт-карт.

— Научите нас открывать эти штуки, — говорил бандит, которому Олег уже дал прозвище Бенелли. — Нам нужно, чтобы они программировались на автоматическое открытие в заданное время. Наш технический специалист не успел поделиться своими знаниями, да и не очень-то он к этому стремился. И его нечаянная смерть, прямо скажу, поставила нас в весьма затруднительное и щекотливое положение — мы ведь люди простые, университетов не кончали, с такой техникой работать не умеем. А у нас есть некоторые обязательства, и мы не можем подвести заказчика. Понимаете, Олег Иванович? Конечно же, понимаете! Не можем! А значит, и вы не можете подвести нас...

Два дня Олег только и делал, что разбирал бумаги, среди которых оказалось огромное количество невнятных инструкций на странной версии анг-

лийского языка, да просматривал файлы, доступ к которым открывали смарт-карты, ключ и по-детски наивно зашифрованные пароли, написанные на желтых и красных стикерах.

На некоторые закрытые разделы диска, впрочем, Олег так и не сумел забраться, но это не слишком его заботило — и без того информации было больше, чем он мог усвоить.

На одном из ноутбуков Олег нашел подборку материалов о чудовищных событиях последних двух месяцев, всколыхнувших весь мир. Триста гигабайт видеороликов, аудиологов, фотоснимков, сканов газет, скринов веб-сайтов, всевозможных текстов — все файлы были тщательно разобраны, поименованы, снабжены комментариями, пометками и перекрестными ссылками — тот, кто проделал эту работу, словно отчет готовил.

Олег посмотрел несколько документальных роликов, похожих на те, что он уже видел в сети: резня в школьном дворе; ужасная бойня у станции метро «Комсомольская»; смертельная автомобильная давка на Кутузовском — обезумевшие люди, рвущие друг друга на куски, озверевшие, потерявшие человеческий облик обыватели — офисные работники, менеджеры, бизнесмены, домохозяйки...

«Это болезнь? Помешательство? Они все сошли с ума?..»

Танин голос так ясно прозвучал в его голове, что он вздрогнул и обернулся. Стоящий у двери соглядатай встретил его взгляд, нахмурился и шевельнул дулом автомата.

— Это похоже на кино, — тихо сказал Олег.

«Если бы мы оказались там... Возможно, ты бы меня убил».

— Или ты меня...

Он закрыл ноутбук.

Он должен был что-нибудь придумать.

ОДИН ДЕНЬ ДО...

На этот раз Бенелли пришел сам.

Он, немного сутулясь, по-хозяйски шагнул в холодное каменное строение без окон и с единственной дверью, которое Олег называл «лабораторией». Раньше, скорей всего, это был продуктовый склад-холодильник — он и стоял-то в пятнадцати метрах от длинного барака с облупившейся надписью «Столовая» на фасаде. Здесь, в «лаборатории», на бетонном полу под брезентом хранился «материал» — никак не меньше сотни баллонов. Работать с ними Олегу было запрещено, и даже приближаться к ним ему не позволяли. Все свои эксперименты он проводил на трех тыквообразных контейнерах, помеченных красным кругом. Они, будто цветочные горшки, были водружены на сваренные из ребристой арматуры треножники — эта композиция называлась стендом; эти баллоны считались учебными.

— Как дела? — спросил Бенелли. Даже по голосу чувствовалось, что он сильно чем-то раздражен.

Здоровяк-охранник вскочил, опрокинув складной шезлонг, вытянулся по стойке «смирно», вытаращил глаза.

— Плохие новости, Олег Иванович, — не дожидаясь ответа на свой вопрос, объявил Бенелли. —

Вы должны ускорить свою работу. Результат нам нужен через три дня.

— Но я ничего не могу гарантировать, — Олег медленно повернулся. — Я же, кажется, уже много раз говорил об этом. Я просто учитель. А здесь военная техника непонятного назначения и неизвестно чьего производства.

— Зато у вас очень хорошая мотивация, — сказал Бенелли. — Почти такая же хорошая, как у меня самого. Думаю, вы все же справитесь.

Олег пожал плечами и вернулся к работе. Он, подключив ноутбук к интерфейсу электронного замка, в очередной раз считывал инженерные коды и пытался их расшифровать.

— Ваша жена просила передать вам привет, — как бы между прочим сказал Бенелли.

— Спасибо, — ответил Олег, листая замасленную брошюру с таблицами кодов.

Минут на пять в «лаборатории» установилось напряженное молчание.

Олег не выдержал первый.

— Как она там? — спросил он, откладывая брошюру.

— С ней все хорошо, — недобро улыбнувшись, сказал Бенелли. — Думайте не о ней, а о своей работе.

— Да я только об этом и думаю! — раздраженно ответил Олег.

Ноутбук пискнул. Олег посмотрел на монитор, потер лоб, квитировал появившееся на экране предупреждение и, сверяясь с потертой и помятой распечаткой, ввел нужную последовательность команд. Один из светодиодов на корпусе замка моргнул и

сменил цвет с зеленого на желтый — контроллер перешел в режим программирования.

— Отлично, — не сдержал радости Олег.

— Что? — тут же подался вперед Бенелли. — Получилось?

— Кое-что начало получаться, — сказал Олег. — Но говорить о каком-то успехе рано.

— Три дня, учитель! — напомнил Бенелли — Три дня!

— Послушайте, — Олег повернулся лицом к своим похитителям. — Давайте играть в открытую. Я знаю, что за вещество находится в ваших контейнерах, и догадываюсь, как вы собираетесь его использовать. А вы, видимо, знаете, что я все это теперь знаю. Я уверен, что вы убьете меня, когда я закончу работу, — независимо от ее результата. И жену мою вряд ли пощадите. И я задаюсь вопросом: ради чего я помогаю вам? Почему я должен стать соучастником очередного вашего преступления? Таким же убийцей, как и вы...

— Кажется, вы собираетесь торговаться, Олег Иванович, — хмыкнул Бенелли. — Вот уж не ожидал. А впрочем... Вы ведь не очень давно здесь, да? Раньше жили в Москве? Это заметно по вашему говору — я хоть университетов и не кончал, но в университетах учился. Да-да, мы с вами, можно сказать, земляки. Я двадцать лет прожил в столице. Изучал, так сказать, врага изнутри... Значит, хотите играть в открытую? Пожалуйста! Да, в скором времени мы планируем очередную акцию. Да, мирные люди погибнут, простые горожане, — но они постоянно гибнут, тысячами, как лемминги. Планировал ли я убить вас после того, как вы закончите работу?

Скорее да, чем нет. Вашу жену? Скорее нет, чем да... Чем мы можем принудить вас к сотрудничеству? Пытками и угрозой страшной смерти. Обещаниями отыскать всех ваших родственников. Этого разве не достаточно?.. — Бенелли показал зубы. — Что еще вы хотите знать? Спрашивайте.

— Зачем вы это делаете?

— О, это очень непростой вопрос, Олег Иванович. Лично я этим занимаюсь исключительно ради самого себя: мне уже обещана высокая должность в неком государстве на побережье Африки и круглая сумма наличностью и золотом. А те, кто стоит за нами... У них свои цели... Политические. Финансовые. Военные. И, даже страшно сказать, научные.

— Что это за газ?

— Вам назвать формулу? Способ производства? — Бенелли рассмеялся. — Для меня, Олег Иванович, это не газ. Это просто материал.

— Откуда он у вас?

— А вы знаете, что такое грант? Так вот, я и моя команда в долгой и кровавой борьбе выиграли очень большой грант. И теперь те люди, что выбрали меня, требуют своего.

— Вам вот так запросто передали это оружие?

— Запросто? — Саркастически улыбающийся Бенелли мотнул головой. — Передали? Нет, конечно! Длинная цепь тщательно спланированных случайностей, чтобы никто ничего не мог заподозрить, — и материал оказался у меня, здесь, на этой территории. Думаете, почему я не могу вызвать еще одного технического специалиста вместо погибшего? Да потому что люди, устроившие мне доступ к материалу, обрубили все концы.

— И кто эти люди?

— Да откуда мне знать, Олег Иванович! Вы что, смеетесь надо мной?! Думаете, я какой-то там мировой воротила? Мне лишь на секунду дозволили заглянуть под уголок огромного одеяла, под которым идет такая возня, что вся планета содрогается... И я, знаете ли, теперь не уверен, что буду жить в этой своей Африке. Возможно, мы с вами сейчас находимся в одинаковом положении. У меня, впрочем, есть план...

— Да, план обычно есть у всех, — негромко сказал Олег.

— Что?

— Нет, ничего... Просто... — Олег вернулся за клавиатуру ноутбука и сформировал управляющий код. — Я подумал тут, а почему бы вам просто не взорвать эти баллоны. Можно их распилить, в конце концов. Зачем вам нужен я? Зачем вся эта возня с электроникой, с замками?

— А вы разве не знаете? — искренне удивился Бенелли. — У вас же куча документации — там должно быть написано, что материал защищен от подобного грубого вмешательства. Повреждение внешней оболочки приводит к уничтожению материала. Это какая-то химия, что ли — температура внутри мгновенно поднимается, и газ разлагается.

— Да... — вспомнил Олег. — Читал что-то такое... Там очень странный язык. Похожий на английский. Но другой...

— В цивилизованном мире химическое оружие запрещено, — заметил Бенелли. — Все разработки ведутся в странах третьего мира. Под контролем, конечно же, тех, кто дает на это деньги. Вы думаете, почему американцы убили Саддама и какое такое оружие они искали в Ираке?

— Высокая температура... — пробормотал Олег, уже не слушая словоохотливого собеседника. — Да-да... Я же читал... Это такая защита...

— Что? — не сразу понял его Бенелли. — А, ну да. Защита, если кто-то непосвященный полезет туда, куда ему не положено. А еще эти электронные нашлепки посылают сигналы своим хозяевам. И те контролируют, где находится материал, сколько его было использовано, когда сработали замки, и черт знает что еще. Потому открывать контейнеры нужно только так, как велит инструкция, — это одно из условий сделки. А мы, черт бы побрал, лишились единственного человека, кто умел это делать.

— Что же с ним случилось?

— Он дохнул газа.

— И? — Олег нажал клавишу ввода.

— И убил двух моих людей.

— Вы его застрелили?

Ноутбук пискнул.

— Нет. Те двое тоже надышались. Они разодрали друг друга в мясо. Мы их трупы даже растащить не смогли, так они сцепились.

Светодиоды на черной нашлепке погасли. На сегментном индикаторе засветились цифры — пошел обратный отсчет — «10», «9», «8»...

— Что это? — спросил Бенелли, подавшись вперед и вытянув шею. — Ты сумел, да? Смог?!

— Кажется, да, — тихо ответил Олег, не зная, должен ли он сейчас радоваться. — Открывать их я вроде бы научился. Но как настроить таймер, я даже не представляю.

Черная нашлепка треснула. На сегментном индикаторе загорелся «0».

Странный человек был этот Бенелли. Совсем не похожий ни на расчетливого террориста, ни на равнодушного убийцу. Он выглядел как бизнесмен средней руки, вел себя словно герой шпионского боевика, говорил как выпускник МГИМО. Причудливо, должно быть, сложилась его судьба, раз теперь он занимается тем, чем занимается.

А вот люди, что его окружали, выглядели как обычные бандиты...

Олег покосился на своего охранника. Тот зевал: ночь у них обоих выдалась бессонная, трудовая; они провели ее в «лаборатории» — Олег копался в файлах и бумагах, так и этак двигая разложенные на полу документы, словно пасьянс из них складывал, а приставленный к нему бородатый здоровяк шумно боролся со сном, иногда проигрывая и ненадолго затихая.

Под утро пасьянс окончательно сложился...

Олег еще раз все внимательно оглядел, бегло перечитал не по-русски писанные строки, еще раз все обдумывая, отыскивая слабые места в своем плане.

«...в малых концентрациях — тревога, страх, тоска, злоба... расстройства личности... психоз: галлюцинации, бред, сумеречное помрачение сознания... немотивированная агрессия, неистовая злоба... полная трансформация психики...»

«...физические свойства... бесцветен, не имеет запаха... фазовая диаграмма... сжижение... абсорбция... быстро разлагается при температурах выше 140 по шкале Фаренгейта... мгновенное разложение при температуре 167 градусов и выше...»

«...программирование контроллера осуществляется... консоль управления... во время авторизации генерируется 128-битовое слово... ответный сеанс со станцией... раунд шифрования... подтверждение пароля...»

Олег понимал, что не сумеет выполнить поставленную перед ним задачу, не сможет запрограммировать контейнеры с «материалом» на открытие в определенное время. И не только потому, что это было технически очень сложно, а в данных обстоятельствах практически невозможно. Нет. Проблема была не в технике. Основная проблема крылась в нем самом — теперь он боялся ответственности. Его в дрожь бросало от мысли, что он может стать соучастником страшного преступления. И он не планировал продолжать работу, чем бы там ему ни угрожали.

Пора было ставить точку...

Олег смешал бумаги, встал и потянулся, хрустя суставами.

Он мог бы сейчас в две секунды расправиться с зевающим, всякую бдительность потерявшим охранником, завладеть оружием, вступить в перестрелку с бандитами, не подозревающими о боевом опыте очкастого учителя английского языка... Но Татьяна... Танечка... Танища...

Нет, действовать нужно иначе. Хитрей. И надежней.

Он не зря прожил эту бессонную ночь.

У него был план.

Олег понимал, что шансов выжить у него немного.

Но он собирался спасти свою Татьяну.

А с ней и сотни незнакомых ему людей.

Просить встречи долго не пришлось. Олег лишь сообщил охраннику, что хочет увидеть главного, и уже через десять минут Бенелли принимал его в своих апартаментах.

— У меня хорошие новости, — с ходу сообщил Олег, цепко осматривая помещение, в котором ему еще не приходилось бывать. — Я, кажется, разобрался с таймером.

— Отлично, Олег Иванович, — сказал Бенелли, поднимаясь с продавленного низкого кресла и протягивая обе руки гостю. — Я, когда только вас увидел, сразу понял, что с задачей вы справитесь.

— Ну, я еще не вполне справился...

— Но и время у вас пока есть.

— Это да...

Они помолчали, внимательно осматривая друг друга, сдержанно друг другу улыбаясь — сейчас они были похожи на двух оскалившихся хищников. Олег, вспомнив, что он обычный учитель, первый опустил глаза.

— Вы пришли, чтобы сообщить мне это? — спросил Бенелли.

— Да... — кивнул Олег. — Нет. Не совсем... Я... Я хочу поговорить...

— Поторговаться? О, я вижу, что сегодня вы настроены более решительно.

— Я хочу попросить о свидании, — выпалил Олег заготовленную фразу. — Я должен увидеть свою жену и поговорить с ней наедине.

— Это невозможно, — качая головой, сказал Бенелли, но Олега было уже не остановить.

— Мне нужно знать, что с ней все в порядке. Я должен убедиться! Я знаю, что вы не отпустите меня живым, так что считайте, что это мое последнее желание! Да, я ставлю вам условие. — Он задрожал всем телом. — Ставлю ультиматум! И вы ничего от меня не получите, если не выполните мою просьбу!

Бенелли, скрестив руки на груди, внимательно слушал нервные вопли пленника и саркастически улыбался.

— Вы ни черта от меня не получите! — продолжал истерить Олег. — И ничего вы со мной не сделаете! Я знаю, что обречен! Мне уже не страшно! Вот сейчас я пойду и повешусь! И гори все синим пламенем! И ничего вы не сможете! Вы меня скрутите, а я откусу себе язык! Я вены себе перепилю! Ничего не получите! Вы...

Бенелли медленно размахнулся и несильно шлепнул Олега по скуле. Тот дернулся головой и подавился непроизнесенными словами.

— Хватит паясничать, — сказал Бенелли. В глазах его читалось холодное бешенство. — Чего конкретно ты хочешь?

— Вы взяли нас, когда мы собирались идти в баню, — прохрипел Олег. — Я хочу в баню. С женой. Париться.

— Это и есть твое последнее желание? — недоверчиво хмыкнул Бенелли. — И в чем тут подвох, учитель? Уж не надумал ли ты вместе с женушкой красиво уйти из жизни? Если так, то ты должен знать — я решил отпустить ее, когда все закончится и если все пройдет гладко. Она ничего не видела,

она ничего не знает и не представляет для нас никакой опасности, — пускай живет... Может, этот добрый поступок зачтется мне на том свете... Так что ты подумай сейчас, Олег Иванович, всем своим высшим образованием подумай. Хорошо поразмысли. Не мы ее убьем, если что-то пойдет не так. Не мы. Ты...

— Я хотел бы получить гарантии, что ее не тронут, — севшим голосом сказал Олег. — Но я понимаю, что гарантий быть не может.

— Верно. Кроме моего слова — никаких гарантий.

— Истопите баню. Устройте свидание с женой. — Олег снял очки, потер переносицу пальцем. — А чтобы вы не подозревали обман, я проведу демонстрацию. Перед самым свиданием я покажу вам, чего добился, объясню вкратце, как работать с материалом, чтобы сделать эту вашу проклятую часовую бомбу. Но потом дайте мне возможность как следует попариться. Мне и моей жене. Только после бани я подготовлю полный отчет. А уж тогда делайте со мной, что хотите, — но чтобы быстро. Без мучений. Ладно?.. Я... — У Олега перехватило дыхание, он заморгал, выжимая слезы из глаз. — Боюсь... Боюсь боли...

Долго, очень долго смотрел Бенелли на ссущулившегося, будто бы сломавшегося учителя. Видимо, чувствовал какой-то подвох. Сказал, наконец:

— Ну хорошо, баню со свиданием мы вам устроим. Но не пытайся нас обмануть. Я распоряжусь, чтобы к тебе приставили еще одного сторожа. А ба-

нию, пока вы там паритесь, мои люди возьмут под охрану.

— Это пожалуйста, — легко согласился приободрившийся Олег. — Только интим наш не нарушиите. И вот еще что: устройте нам холодное пиво, какую-нибудь закуску и пару веников, лучше чтобы дубовые были.

— Наглеешь, — одобрительно сказал Бенелли.

— Беру от жизни все, — ответил Олег и надел очки.

СОРОК МИНУТ ДО...

За подготовкой бани Олегу позволили следить лично. Он, впрочем, не слишком этим злоупотреблял: единственный раз попросил вооруженного до зубов истопника нагнать жару не только в парилке, но и в моечной, пояснив, что они с женой только так и моются — жена с детства к русской бане привучена, а он сам в студенческие времена, будучи членом сборной университета по шахматам, частенько посещал сауну на спортивной кафедре — так вот и привык.

Вернувшись в «лабораторию», Олег еще раз переворошил бумаги и занялся подготовкой стендов к последней демонстрации. Думал он, впрочем, совсем о другом, так что дело двигалось плохо. Смутили его и новые надзиратели — молчаливые смуглые близнецы с обритыми татуированными черепами — очень уж серьезно они относились к своей работе: ни на секунду не выпускали его из вида, далеко не отходили, оружие держали наготове. Олег попытался было разговорить их, но тщетно — они

лишь мрачней стали да, переглянувшись, стволы повыше подняли. Кажется, они не понимали по-русски...

Помыкавшись по «лаборатории» какое-то время, Олег решил еще раз прогуляться до бани, проверить, все ли там идет так, как было договорено. Особенно его интересовало, сделали ли уже скобы под навесной замок на дверь парилки.

Бенелли, когда услышал про эти скобы, сильно удивился. Но Олегу удалось его убедить, что просьба эта вполне невинная и понятная: запертая дверь парилки должна была защитить Татьяну от возможных выходок одичавших бандитов.

— Я два месяца был на военных сборах, — упрямо насупясь, говорил Олег. — Я представляю, на что способны лишенные женского общества мужики, тем более такие, как у вас здесь. Не понимаю, что вам не нравится — дверь же будет заперта снаружи. Вы лично закроете Татьяну в парилке и принесете мне ключ...

Скобы уже стояли. Олег подергал их и остался вполне доволен. Придирчиво осмотрел он и навесной замок, испятнанный ржавчиной, но щедро смазанный свежим солидолом. Примитивный механизм можно было открыть куском проволоки или гнутым гвоздем, но Олег решил не заострять на этом внимание — откуда бы обычному учителю разбираться в устройстве замков?

Он заглянул в парилку — там уже было достаточно жарко. Под потолком теплилась лампочка, одетая в толстенное стекло водонепроницаемого плафона. Чистые стены — видно, что новые, —

обильно потели смолой. Чуть слышно похрустывали разогревающиеся от электрических тэнов булыжники — или это окалина слетала с бока железной печи?

Олег плотно прикрыл дверь.

После парилки моечная показалась ему прохладной. Он присел на лавочку, сбитую из досок, зачерпнул воды из ведра с проволочной ручкой, плеснул на печь — клубы обжигающего пара ударили в низкий потолок. Один из бритых надзирателей закашлялся, закрывая рот ладонью, и отступил. Олег с усмешкой на него посмотрел и вернулся из моечной в раздевалку. Стальной кочергой открыл дверцу печи, разбил догорающие поленья, разворотил угли, напихал в полыхающее чрево дров, сколько влезло.

— Устрою здесь маленький ад, — пробормотал он, глядя в набирающий силу огонь.

Ему не мешали.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ МИНУТ ДО...

На лужайке перед баней пятеро бандитов жарили шашлык. Это им, скорей всего, было поручено сторожить парящихся пленников. Но пока баня пустовала, работы у них не было, и они расслаблялись. Девять шампиров с мясом роняли сок в горячие угли. На раскладном столике горкой лежала зелень, стояли бутылки с минеральной водой и газированкой, большой пакет с кетчупом и здоровенное блюдо с хлебом.

Олег не стал скромничать. Он быстро и уверенно шагнул к мангалу, снял один из шампиров. Со

стола прихватил пучок зеленого лука и ржаную горбушку. Но задел открытую бутылку колы, ругнулся, когда шипящая газировка полилась на землю, неловко повернулся, зацепил ногой стол, смешно задергался, растерявшись...

— Скажите главному, что все готово, — поспешил сказать он поднимающимся со своих мест бандитам.

Он отступил, унося добычу — мясо на остром шампуре, зелень и краюху, меж которыми спрятался ловко прихваченный хлебный нож.

Его могли остановить.

Но его не остановили.

ДВАДЦАТЬ МИНУТ ДО...

Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы завершить подготовку. Теперь он был сосредоточен, и посторонние мысли не мешали его работе.

Жужа пахнущую дымком бааранину, Олег обошел стенды, погладив полированные бока каждой стальной тыквы, стоящей на железном треножнике. Он в последний раз проверил все соединения, статусы контроллеров, состояние программ. И покосился на бритоголовых телохранителей.

Те настороженно следили за его действиями. Они, наверное, отлично понимали всю опасность опытов с «материалом». Вот бы они задергались, если б узнали, что успел сделать пленник в короткие предрассветные минуты, когда уставший от скучного бдения надзиратель ронял голову на грудь и, всхрапывая, задремывал в разложенном возле двери шезлонге.

Олег, не сдержавшись, подмигнул головорезам.
Да, он не зря прожил прошлую ночь.

Стальные тыквы, помеченные красными кружками, лежали сейчас под брезентом в общей куче. А на боках установленных на треножниках тыкв красных пометок не было.

ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ до...

Он несколько раз оставлял «лабораторию» и перебегал на сторону, откуда можно было видеть баню. Он надеялся высмотреть Татьяну — хотя бы издалека; ему хотелось, чтобы и она его заметила. Но ему не повезло: он успел увидеть лишь ее спину. Два человека затолкнули его жену в баню и вошли следом. Один из них был Бенелли — он задержался в проеме, не позволяя тугой пружине закрыть дверь, обернулся и что-то сказал отдыхающим на лужайке бандитам. Те сразу же подобрались.

Олег зубами снял с шампера последний кусок мяса и высоко поднял руку. Он не сомневался, что Бенелли его заметил.

Пока что все шло по плану.

Олег дождался, когда Бенелли с товарищем выйдут из бани, призывно помахал им шампуром и, развернувшись, быстро зашагал в «лабораторию».

ПОЛТОРЫ МИНУТЫ до...

Сканирование смарт-карты, нажатие двух клавиш, подтверждение команды — дело нескольких секунд.

Бритоголовые сторожа и понять ничего не успе-

ли — черные нашлепки на блестящих тыквах треснули по незаметным ранее швам, раскрылись, словно бутоны; тихо и тонко засвистел вырывающийся на свободу невидимый газ.

Олег перестал дышать.

Он увидел, как изменились лица кинувшихся на него охранников. Они еще не осознали, что произошло, и газ еще не успел на них подействовать — они просто испугались.

Он убил их.

Это было несложно: они находились слишком близко, и все то оружие, что висело на них, только им мешало.

Первому Олег загнал шампур в глаз. Второму ножом-хлеборезом вспорол горло.

Стащив автомат с дергающегося трупа, Олег бросился к выходу. Оказавшись на улице, он прыгнул влево — в дремучие заросли лопухов и крапивы, откуда можно было по стволу подгнившей у корня осинки вскарабкаться на плоскую крышу стоящего рядом сарая, прежде чем Бенелли с сопровождающим покажутся из-за угла.

ВРЕМЯ «Ч»

Газ распространялся стремительно. Незримое облако безумия должно было накрыть территорию лагеря за пять-семь минут. Поднимать шум раньше не стоило — Татьяна все еще оставалась заложницей.

Олег не дышал полторы минуты.

Больше не дышать он не мог.

Почему-то он думал, что первый же вдох сделает его кровожадным безумцем. Но нет — растворившийся в воздухе яд на него не подействовал.

Олег видел, как из «лаборатории» вывалился окровавленный Бенелли. Он размахивал пистолетом, будто молотком, избивая воющее существо, вцепившееся ему в глотку.

Олег поднял автомат. И тут же отложил его по дальше — шуметь сейчас было нельзя.

Кругом были враги. Нельзя было выдавать себя.
Ведь в бане пряталась жена...

Олег, приподнявшись, жадно смотрел, как катаются по земле его мучители. Они совсем потеряли человеческое обличье. Рвали, грызли друг друга — будто бешеные псы.

Поделом! Поделом!..

Олег вдруг понял, что хрипит, вторя дерущимся. Пригнулся, припал к плоской крыше, зажимая рот руками, нервно хихикая.

Тихо! Нельзя шуметь! Эти бешеные теперь везде!

Отомстил! Отомстил!

Теперь они будут его искать!

Ни за что теперь не отстанут!

Тихо, тихо, тихо...

Он сипел, задыхаясь от накатившей вдруг ненависти, корчась от страха и злобы.

Да они же нелюди! Чудовища! Как он раньше этого не понимал?!

Ждут, выискивают, стерегут...

Тихо надо, тихо... Подкрасться, вцепиться намертво... И рвать, рвать!

А она в бане спряталась...

Нож! Есть же нож!
В бане...
Резать! Рвать тварей!
Баня... Рвать!.. Баня...

ДЕСЯТЬ МИНУТ ПОСЛЕ...

Из темного проема вывалилось очередное чудовище, зарычало, оскалясь, выпустило когти.

Он махнул топором.
Черная жижа выплеснулась ему на руки.
Чудовище, подывая, повалилось на бок.
Он ударили его ногой — точно, жестко, сильно.
Топор выпал.

Он, тут же забыв про топор, подобрал острый булыжник, взял его обеими руками, поднял высоко.

И опустил.

Рыло неведомого монстра превратилось в мерзкую кашу.

Он встал, весь дрожа от неконтролируемой ярости. И завыл, потрясая камнем.

Он был уже рядом, близко.

Уже никто не пытался его остановить.

Мертвые чудовища лежали на земле.

Он перешагивал через уродливые трупы.

Он шел к маленькому домику. С черной крышей. С железной трубой.

Там было что-то важное.

Ему нужно было попасть туда...

Он налетел на дверь всем телом. Она не поддалась. Он ударил ее кулаками. Она даже не дрогнула. Он захрипел, заколотил ее руками, ногами, головой; ломая, срывая ногти заскреб ее пальцами.

Там что-то пряталось!

Он зацепился за кованую ручку, случайно потянул ее на себя. Тугая пружина скрипнула, дверь хлопнула. Он встал, тупо на нее глядя. Потом открыл. Вошел.

Было жарко, и он содрал с себя рубаху.

В печи плескался огонь.

На стенах висели шкуры чудовищ.

Еще одна дверь мешала пройти.

Он ударил ее ногой. Она распахнулась. Он кинулся вперед, а она ударила его в лицо. Он зарычал, заметался по тесной комнатке, круша все подряд. Спиной вперед ввалился в проем. Обрушил на себя громыхающую жесть, упал в воду, обжег о раскаленное железо руку. Закрутился на скользком полу, высматривая то, ради чего он сюда стремился.

Пот струился по его лицу.

Дыхание перехватывало.

Он увидел еще одну дверь. И встал на ноги.

Наверху жар был совсем невыносим.

Он ударил в запертую дверь.

Он потянул ее на себя.

Покрытый слизью замок надежно ее держал.

Он впился в замок зубами, кроша их и не чувствуя этого.

Он вцепился в замок и повис на нем, задергался, закрутился, ломая себе пальцы.

Он выдрал тяжеленную скамью и швырнул ее в дверь.

Он себя швырнул в дверь.

И бился, и бился, и бился в нее, сотрясая всю избенку, задыхаясь от ярости и жары.

Потом он упал. В ушах звенело. Перед глазами

кружились черные мухи. Что-то быстро и неровно пульсировало в груди.

«Возможно, ты бы меня убил».

Он замер, не понимая, что это за голос родился в его голове.

Ярость угасла, проснулась боль, и ему стало очень страшно.

Жар выедал его изнутри.

Он потянулся к ведру, в котором было немного воды. И вспомнил — «Ключ»!

Глаза его закатились, он захрипел, пытаясь подняться на вдруг ослабевших руках, пытаясь совладать с нахлынувшими воспоминаниями, мыслями, но потерял создание и ударился лбом о залитые кровью доски пола.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ МИНУТ ПОСЛЕ...

Что-то холодное присосалось к его шее, касалось щеки и виска.

Пахло смолой, дубовыми листьями, железной окалиной и кровью.

Было мокро и очень жарко...

Олег застонал и попробовал подняться. Это оказалось непросто. С трудом повернувшись на бок, он сумел немного приподнять голову. Никак не удавалось вспомнить, где он находится. Перед глазами плавала бурая пелена — будто пенистая ржа на болоте.

Он кое-как привалился к стене, нащупал то холодное, что привело его в чувство, поднял, поднес к глазам.

Это была бутылка пива.

Их тут было много.

Ясно вспомнилось, как они с Таней готовились к бане, сидели на веранде. Полотенца и чистое белье стопкой лежали на краю стола, два эмалированных таза стояли возле входа, два дубовых веника валялись под лавкой. И тревожно вещал пузатый телевизор...

Что-то случилось в бане! Что-то недоброе.

Олег, преодолевая боль и слабость, растер опухшее лицо, смочил липкие волосы прохладной водой из стоящего рядом таза.

Да, это была баня. Но чужая. Вверх дном перевернутая.

Он вспомнил выходящие из ночи фигуры в камуфляже. Танцующие точки целеуказателей на груди. Пистолет «бенелли» в руке вставшего на ступеньках человека.

— Таня! — захрипел Олег, неловко дергая онемевшими мертвыми ногами, расшвыривая пивные бутылки. — Таня! Таня!

Он пытался повернуться, ему нужно было увидеть дверь парилки, он должен был убедиться, что она сейчас там — живая, невредимая, а значит, все было сделано правильно, все было верно просчитано, продумано — и парилка, и замок на двери, и даже холодное пиво...

— Олег!

Он услышал ее испуганный голос и беззвучно заплакал. Собравшись с силами, он дополз до двери, прислонился к ней, стукнул в нее затылком.

— Таня!

— Олег!

Теперь они были вместе. Рядом.

ПЯТЬДЕСЯТ МИНУТ ПОСЛЕ...

Терпеть такой жар так долго было непросто даже привычным людям. Но они пока держались. Олег сидел на нижней полке, аккуратно бинтовал пальцы, промывал раны и ссадины холодной водой. Татьяна тихо лежала наверху, слушала его негромкий и сбивчивый монолог. Старый замок, густо вымазанный солидолом, висел на крючке вместе с ненужными дубовыми вениками. В его личинке торчал кусок проволоки. На булыжниках одним концом калилась тяжелая кочерга — Олег принес ее из раздевалки, чтобы иметь под рукой хоть какое-то оружие. Он планировал в скором времени выйти на улицу — секунд на сорок. Этого должно было хватить, чтобы снять оружие с ближайшего к бане трупа.

— Они перестреляли друг друга в первые минуты, когда безумие только начало ими овладевать, — спокойно рассказывал Олег о том, чего не помнил. — А потом выжившие по-звериному рвали друг друга. Те, кто еще не надышался газа, спешили на шум и выстрелы. И незаметно для себя тоже превращались в одержимых убийц, в психопатов...

Ничего такого он не видел, но он знал, что именно так все и было.

— Если бы я была там...

— Да. — Он кивнул. — Но тебя там не было...

Они уже несколько раз ненадолго выходили в моечную, чтобы перевести дух. Здесь было чуть менее жарко, здесь была прохладная вода и пиво.

— Две недели тому назад мои ребята писали программу, переводящую градусы Фаренгейта в градусы Цельсия, — забравшись в кадку с водой,

говорил Олег. — И я, нам на счастье, не успел забыть ту формулу. Сто шестьдесят семь градусов по Фаренгейту — это всего-то семьдесят пять градусов по Цельсию. Стоило осознать это, и остальное пришло само собой — я придумал, где и как тебя можно спасти...

Таня качала головой — она не одобряла такого самопожертвования.

Чуть остынув, они возвращались в парилку. Забирались на полки — уже без всякого удовольствия.

— Еще немного, — хрипло смеялся Олег, — и я возненавижу баню.

Они затихали, экономя силы. Но с каждой секундой молчания тишина сгущалась, наливаясь осозаемой тяжестью. Все ощутимей, все сильней она давила на уши. И уже чудились живые поскрипывания на чердаке и царапанье за бревенчатыми стенами.

— Нам нужно уходить, — размышлял Олег, ни ногой, ни рукой не шевеля. — У банды, скорей всего, есть сообщники. И они могут наведаться в лагерь. Мы вооружимся, когда выберемся отсюда, но мне не хотелось бы вступать в бой. Пойдем тихо, через лес, в стороне от дороги. Но сперва надо будет связаться с Громовым или Зориным. Лучше с полковником, он всегда хорошо ко мне относился, даже когда я решил уходить... Да. Первым делом нужно будет найти телефон...

— Так сколько нам ждать, Олег? Как мы узнаем, что опасности больше нет? Как определим, что можно выходить?

— Слушай, Таня. Просто лежи, жди и слушай.

— Что слушать? Чего ждать?
— Жди, когда горы заснут. Мы должны услышать их вздох...

Они опять замолчали, не зная, что со стороны невидимых сейчас гор уже вовсю тянет свежестью — это холодный воздух сползает в долину с далеких скалистых склонов. Темнело, и уже недолго оставалось до той минуты, когда недолгий шквал взметнет пыль, взобьет кроны деревьев, ударит в окна, сшибет припозднившихся птах — и уляжется, успокоенный.

В это время года в этой местности каждый вечер заканчивался так — местные говорили, что это горы вздыхают, засыпая.

ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

Солнце сияло в зените. Блестело белым шаром в безоблачном небе. Так и шпарило жаром, сейчас бы на море — купаться. Первого июня, в первый день школьных каникул, совсем не хочется умирать. И убивать не хочется.

Никита Дорошниченко снова посмотрел в бинокль. Не помогло. Ничего не изменилось. По главной городской улице, от центральной площади и прямо к морскому пирсу, к недостроенной набережной, ощетинившейся нержавой еще арматурой, двигалась эта чертова кукла. Лиловая неваляшка размером с двухэтажный дом раскачивалась вправо-влево-вперед-назад, и характерный звук, трель, знакомая всем детям, булькала в ее проклятом бронированном нутре. Трень-брень, трр-рень-брень... Резонируя от стен онемевшего от страха города, звук множился, ломался, переплетался в какую-то немыслимую какофонию. И в такт ей шевелились толпы разноцветных бантиков, панамок, вихрастых, коротко стриженных, белобрысых, черненьких и рыжих голов. Дети раскачивались влево-вправо-вперед-назад, бездумно переставляя ноги. Плотное живое кольцо окружало лилового монстра. Бездушное солнце блокировало на его глянцевом боку. «Сколько их там? Не меньше тысячи. — До-

рош, так звали Никиту члены его штурмовой группы, убрал бинокль. Нечего глаза ломать, они скоро пригодятся. — Стандартное количество потерь захваченных при штурме — 30 процентов. В среднем. Тридцать процентов, триста пацанят. Реально уцелеет еще меньше».

— Дорош, из штаба в мэрии сообщают, что пять карет «Скорой помощи» и реанимации уже на позиции, еще семь будут в течение 15 минут. — Голос рапортавшего Данилы почти не изменился. Если бы Дорош не знал, как он на самом деле говорит, когда не волнуется, то и не догадался бы. И если бы командир не знал, что у местного Данилы здесь сестра и племянник. Такой же фамильно-горбоносый мальчик-второклассник и его мамочка Софья, по мужу Лыкова. Черноглазая и стройная, она была очень светской и деловой для восточной красавицы-горянки. Была. Софико, маленькая как подросток, одна из первых догадалась схватить своего мальчика в охапку и силой выволокла его из толпы зомби. Утащила на руках бьющегося в конвульсиях сына. Силы материнских объятий хватило оттащить его на сто метров от невалашки. Затем был взрыв. Мать и сына на небесах, наверное, так и встретят — обнявшись. Этих двоих и еще два десятка таких же мучеников. Все взрослые, кто волей судеб оказался в кольце живых мин, все погибли. Одни, вытаскивая своих детей, как Софья Скоридзе-Лыкова. Почему взрывались другие, так и осталось загадкой, но некоторое время в кольце зомби зияли просветы, густо покрытые красным. Затем дети смыкали ряды и шли дальше. Только бурье

пятна оставались кое-где: никто и не думал стирать с себя кровавых брызг.

Буквально на несколько минут опоздало сообщение из центра: по всей стране в других городах — то же самое. Попытки вынести детей из зоны сигнала всегда заканчивались неудачей — при отдалении от источника больше чем на сто метров срабатывает бомба в игрушечном браслете на ребенке. На руке у каждого ребенка в толпе висел такой браслет. Красный, синий, розовый, белый — пластик с пластидом.

Было еще кое-что. Через оцепление как-то прорвался Счастливчик-папашка. Счастливчик, потому что выхватил девчушку без браслета. Но на этом счастье его и закончилось. Под палящим солнцем он остался лежать, истерзанный маленькими ручками и ножками. Девочка с жиdenькими косичками билась насмерть, как одержимая, и расцарапала ему лицо, целясь в глаза. Она верещала, как дикое животное, и с нечеловеческой силой пиналась ногами. Подывая в такт удаляющейся смерти, девочка зыркала невидящими глазами и пыталась вывернуться. Страшнее этого существа Никита Дорошниченко никогда в жизни своей не видел. Он мог бы свернуть ей шею одним движением, но не имел права, и дьяволенок, засевший в детских мозгах, пользовался этим: брызгая слюной, девчонка попыталась вцепиться солдату в горло. Ее напор и наиск сбили с ног взрослого мужчину, она, ощетинившись, как зверек, готовилась вырвать глаза человеку, пришедшему ее спасти. Он истекал кровью, когда армия улыбающихся сомнамбул прошла по нему, а затем еще проутюжила ноги многотонная

неваляшка. Мог ли Дорош помочь хорошему человеку тогда?

— Оцепление никого больше не пропускает, эвакуированы все жители в районе десяти кварталов, — продолжал Данила. — Группа к штурму готова. Ждем приказа.

«Стандартные потери из числа заложников при штурме — одна треть», — снова подумал Дорош. И посмотрел на Данилу. Тот просто молчал. И это было хуже всего. «Трень-брень, трр-рень-брень», — неслось над городом.

— Как сам думаешь, Данилыч, скольких мы реально спасем?

— Меньше половины, даже если повезет. Многих побьет осколками, когда взорвем объект, плюс многих порвут шрапNELью, которой начинен корпус игрушки. Взрыв, ударная волна, и неизвестно, не сработают ли браслеты на самоуничтожение, когда прекратится сигнал. Не резонируют ли они на заряд в самом объекте. Я думаю, будет месиво. Гуманнее, наверное, просто дать им утонуть. — И вот тут он стал снова похож на человека: Данилу затрясло, и боль словно пропорола его насеквоздь. — Соньку с мелким даже не похоронишь. Нечего. — Последние слова аналитик боевой группы Даниил Скоридзе скорее простонал, чем сказал. И нечего ответить. Все верно. И прогноз, и... И выбора нет.

— Из других городов тоже ничего хорошего? — Дорошниченко мог сейчас только спрашивать хоть что-то, чтоб хоть как-то отвлечь друга. Спрашивать и надеяться на чудо и на то, что его дочки-двойняшки в Вологде сочли себя слишком взрослыми в свои

одиннадцать, чтобы идти на детский праздник на городскую площадь...

Трень-брень, трр-рень-брень... Монстр, запаянный в пластик, двигался медленно и монотонно. Ка-чался, словно маятник, отсчитывал время, уничтожал расстояние, убивал надежду на чудо. И на-всегда отформованное лицо смертоносной куклы бугрилось мертвой улыбкой. А вокруг музыкальной ловушки, так же улыбаясь, шагают мальчики и девочки. Башмаки, лица и платье многих уже забрызганы кровью. Потому что ничто не отвлекает их от музыки-ловушки. Ничто, даже взрыв, даже плоть под ногами. Дети улыбаются и подпевают, маршируя к обрыву над морем. Маленькие зомби просто идут, завороженные звуками. Они счастливы и почти мертвые.

И у взрослых нет выбора. Потому что даже сто, даже десять выживших ребяток лучше, чем тысяча мертвых тел. Потому что взрослые уже сделали свой выбор десять лет назад, не допустив к власти человека с бугристым лицом и целлулоидной улыбкой. И он ушел из политики, оставшись успешным бизнесменом и щедрым благотворителем. И каждый год он спонсировал праздник — День защиты детей. «Я вкладываю в будущее!» — говорил он, улыбаясь на камеры. И все вокруг сначала думали, что он надеется снова баллотироваться на выборах. А потом просто привыкли к его многочисленным подаркам и сувенирам на детских праздниках: звонким невалышкам, цветным браслетикам и бесплатному мороженому целый день в обмен на старую игрушку. Вот оно, детское счастье! И вдруг — сюрприз! — через десять лет сразу во всех городах

в одиннадцать часов по Москве с праздничного постамента сползает неваляшка-декорация с мертвой улыбкой и ведет осчастливленных детей к обрыву, в горы, в пустыню, в болото — в несчастливое будущее...

В Анадыри, первом принявшем участие в смертоносном шествии, ошеломленные взрослые дали детям упасть в воду. Часть заложников разбилась о камни, часть утонула в холодной воде. Первое июня для Чукотки совсем не купальный сезон. Тогда щедрый благотворитель впервые вышел в эфир и заявил, что это его рук дело.

— Свое триумфальное возвращение я готовил практически десять лет. Два президентских срока, в которых вы мне когда-то отказали. Целью моих действий является показать беспомощность и коррумпированность представителей сегодняшней власти, — говорил он в своем обращении. — Доверив им свое государство, граждане, вы сделали огромную ошибку. Никто из властей предержащих не смог и не сможет эффективно защитить вас. Они не смогли даже разглядеть приготовления, происходящие под носом, в центре каждого города. Вам, граждане, и вашим детям нужна защита, и я готов ее предоставить, забыв старые обиды. Думаю, вы не верите в серьезность моих намерений: конечно, странно, чтоб человек в здравом уме и твердой памяти вложил колоссальное состояние в самый масштабный в мире террористический проект. Но выглядните в окно: по вашей площади уже маршируют ваши дети под звуки моей музыки. Под мою дудочку. Я был честен с вами, граждане, когда отвечал, что вкладываю в будущее. Сейчас оно в моих ру-

ках, вот в этом пульте. — И человек с целлULOидной улыбкой продемонстрировал браслет на руке. Почти такой же, как у детей на площади. Дальше шел какой-то параноидальный бред, перемежающийся техническими подробностями об устройстве заминированных неваляшек и требованиями действиями подтвердить свою преданность и готовность сотрудничать. В частности, отдать Японии северные территории и весь Сахалин и перевести на его личный швейцарский счет десять миллиардов. Отключить неваляшек, по словам маньяка, можно было бы только с его пульта-брраслета.

Лиловые куклы смерти тем временем продолжали свой марш по всей стране. Начав с востока, где исторически живет меньше людей, используя разницу во времени с центральной частью и столицей, рвущийся к власти безумец «отыграл» несколько малых, но очень впечатляющих сцен.

Во Владивостоке неваляшку установили на центральном пляже. Там до моря — рукой подать. Дети шли за ней прямо в прибой, по дну. В Интернете почти сразу же появилось видео, где захлебывающийся пеной мальчишка полз на руках в воду, зачарованный звуками, а сотни детских ног наступали на него, втаптывая в песок и ракушечник. Лиловый монстр, чуть покачиваясь, плыл по поверхности, заливаясь смертельной трелью. Пограничники подогнали вертолет и, зацепив монстра тросами, выдернули его вверх. Подводные взрывы в Амурском заливе были оглушительной силы...

В Чите неваляшка завела детей в заброшенный песчаный карьер, где взорвалась, похоронив всех

заживо, когда военные попытались использовать электромагнитную пушку...

А во многих других городах смертельная игрушка просто взрывалась через какое-то время. Никто не знал, через какое точно. Каждый раз взрыв происходил неожиданно, и тогда не выживал никто.

Второй раз, примерно через час после первого эфира, Крысолов вышел на связь снова. Он уже не скрывал своего безумия. Глаза на бугристом лице лихорадочно блестели, ворот рубашки, еще час назад безупречно белой и застегнутой на все пуговицы, был измят и растерзан.

— Граждане, ваше правительство не пытается защитить ваших детей. Я только что проверил счет — денег на него не поступило. Официальных документов братьям из Страны восходящего солнца тоже не отправлено. Видимо, будущее страны для ваших избранников, жизни ваших детей стоят меньше нужной мне суммы. Трагедии могут прекратиться, как только будут выполнены мои требования и мне вручат знаки инаугурации и верительные грамоты, гарантирующие полную безопасность. Я дам еще один шанс одуматься. И времени — один час...

Самым безумным оказался третий, последний эфир Крысолова. Весь в испарине, с прилипшими ко лбу седыми прядями волос, с запавшими глазами, он стоял на фоне белой стены и держал в руках револьвер. Свет падал сбоку, словно Крысолов стоит в простенке у окна.

— Десять лет назад вы лишили меня будущего, — пересохшими губами сказал он. Дицция была нечеткой, как у больного диабетом в начале приступа. — Сегодня я лишу его вас. И помните — вы сами

виноваты, вы заслуживаете этой беспомощной власти и этих адских мук.

Он снял с руки браслет-пульт и сделал шаг вправо, к свету. Там действительно располагалось огромное окно с широким подоконником. Крысолов положил браслет на подоконник. Каждое движение давалось ему с трудом. За окном, застенчиво-белесое, сияло безоблачное небо. Были видны куранты на Спасской башне. Золотистые стрелки на них показывали пять часов. За мгновение до того, как заиграли колокольные переливы, безумец выстрелил в браслет. Звук выстрела потонул в густых трелях Интернационала. Потом Крысолов еще раз посмотрел на воображаемых зрителей и улыбнулся улыбкой лиловой неваляшки, произнеся: «Моих кукол больше не выключить!» Последнее, что он сделал в кадре, так это выстрелил себе в рот.

Крысолов заставил взрослых играть по своим правилам. Когда вся страна замерла от страха и в ожидании смерти или спасения, когда в каждом городе звенела смертельной песней лиловая неваляшка ростом с дом, созывая детей прогуляться в последний в их жизни раз, когда каждая минута была на счету, оказалось, что выхода нет. Три драгоценных часа, тысячи детских жизней и — нет надежды. Нельзя договориться или заставить измениться мертвого. Но хуже всего, что теперь придется самим рисковать одними детскими жизнями, чтобы спасти другие.

У взрослых нет выбора, потому что сегодня — День защиты детей, защиты любой ценой. Даже ценой жизней. Даже ценой свободы... Даже?

И Никита Дорош должен отдать приказ:

— Штурм по плану, как только объект выйдет на позицию в центре Приморской площади. Огонь бронебойным — по команде. Медикам — приготовиться!

Но совсем другим голосом он произносит: «Из центра нет вестей? Не придумали, как эту штуку выключить?» Глупый вопрос: было бы — доложили бы сразу. И остается только ритмично дышать и отвернуться от чердачного окна, где ждешь со своими бойцами выхода объекта на позицию. Остается жалеть, что бросил курить, унимать дрожь, не думать, не смотреть, чтоб не видеть лиц тех ребят, что кровавыми будут являться во сне, и вязнуть в звуках приближающейся мертвецкой трели из подлой игрушки. Трень-брень, трр-рень-брень.... До Приморской площади еще сорок минут маэтной ходьбы. Еще есть надежда на умников из спецлабораторий...

— Командир, командир, смотри! — заорал кто-то из бойцов. — Там двое детей вышли из кольца...

И точно, по гладкому, парившему от жары асфальту из кольца смерти со всех ног улепетывали двое. Мальчик лет двенадцати тащил за руку другого лет семи на вид. Тот не упирался, не истерил, как другие насильно спасаемые, он просто не успевал за длинноногим подростком, но семенил ножками сам — подальше от чертовой куклы. Тридцать метров, шестьдесят, сто и... дальше! Трень-брень, трр-рень-брень, трень-брень, трр-рень-брень — но никакого взрыва. Двое убегали целыми и невредимыми.

— Ко мне их! Срочно! — заорал Дорош. Так кри-

чат счастливые отцы, когда им говорят о рождении сына...

Все оказалось просто как в сказке. Вовка Лазарев, ничем не примечательный на вид — лохматый, в ярких шортах и модных громадных кедах, в меру худой и еще бледный, не загоревший, общался с миром посредством вживленной в гортань маленькой коробочки-ревербератора. Она заменяла ему голос. А слуха у парня не было. Никакого. Вовка родился глухонемым. Он читал по губам, но никогда ничего и никого не слышал.

Сегодня они с братом-первоклашкой решили загулять в первый день каникул: на Центральной площади в День защиты детей обожраться дармового мороженого, накататься на бесплатных каруселях, посмотреть концерт, приз какой-нибудь в неважно каком конкурсе выиграть, а потом на море — купаться. Вовка так всегда делал, с детского сада еще, когда мама или папа его на площадь водили. И неваляшек там тоже каждый год новых выдавали за просто так.

— Ты, как старший брат, своди Вадюху на площадь, — попросили родители вчера вечером, — а к шести мы с работы вернемся и айда! Вас, деточки, «защищать» за город шашлыками!

Разве это важно сейчас, когда он, Вовка, сидит сейчас здесь, на стареньком диване, и испуганно смотрит на Дороша, который готов парня на руках носить. А Вадька держится за палец брата, несерьезный такой и даже нагловатый для только что спасенного ребенка.

— Я просто снял с Вадика браслет, когда понял, что там — бомба. И подальше отбросил, — говорит

парнишкой своим неживым дребезжащим голосом. — Вадик не понял ничего, он же маленький. А себе я браслет не брал, на фиг он мне сдался? Я на этих каруселях уже в детстве накатался...

Да, взрослые бывают удивительно глупыми, когда они игнорируют своих детей и то, что вокруг них происходит. А ведь напрасно. Крысолов вот детей не игнорировал. Вкладывал в будущее, сволочь, не скучился! И ясно теперь, как конкретно он это сделал. Вот и инструмент зомбирования — «ежегодные» неваляшки! Что может быть безобиднее, чем знакомый с детства звук, казалось бы?!

— Ну, этот браслет всем давали, кто на площадь пришел. Он как билет на все аттракционы и мороженое бесплатно, — объяснял Вовка. А Вадик кивал головой и заинтересованно разглядывал бронекостюм Скоридзе. Попытался даже потрогать нашивку, но смущился и одернул чумазую ручку.

Когда все началось, старший мальчишка не понимал, что происходит что-то страшное, пока не почувствовал первых встрясок от взрывов. Думал, что танцы с неваляшкой — часть праздника. Потом все понял. Потом нашел братика, а потом сделал то, что не догадался бы сделать ни один взрослый. Вовка разжевал пачку жвачки и залепил ей уши младшему.

Ну, кто бы догадался? Это же негигиенично! Но сработало же!

Дальше — ясно, что делать! Послать группу с затычками для детских ушей и выводить, выводить ребятню, пока не поздно! И дать знать в центральный штаб. Вовка, ты молодец! Только не путайся сейчас под ногами, а? Мы справимся, нам теперь

этот трень-брень-хрень не страшен! Сиди здесь или иди домой. Езжай! Да хоть на танке, хочешь, мы тебе такое устроим? Но что ты там звенишь своим ревербератором... Что-то про взрослых? Потом, потом объяснишь! Группа, на выход. Скоридзе — главный, двое остаются на позиции. Ликвидация объекта — в силе, без команды не стрелять!

Через десять минут начались новые взрывы. Группа Дороша потеряла троих бойцов. Аналитик Скоридзе — один из погибших. Как выяснилось, как пытался прохрипеть Вовка Лазарев с самого начала, на невалашке стоял внешний сканер. Новоявленный Гамельнский крысолов подстраховался и тут. Браслет на детской руке срабатывал не только на отдаление от источника сигнала. Он срабатывал на прикосновение к нему тела массой больше пятидесяти килограммов. Ни один взрослый не смог снять бомбу с ребенка. Ни один взрослый не сможет спасти заложников. И сейчас Вовка погладил младшего брата по голове и что-то объяснил мальчику руками, тот замотал головой и, так же отчаянно жестикулируя, вцепился в футбольку старшего. Старший силой разжал его пальцы и снова замахал руками, словно танцуя. Младший топал ногами и визжал. А за окном все громче раздавался проклятый механический зов. Все ближе.

Вовка опустился на колени перед Вадиком и обнял его. Сграбастал своими длинными худыми руками и держал, пока маленький не успокоился. А потом отпустил, сыграл что-то в воздухе пальцами, сложил ладони как для молитвы и повесил мальчику на шею шнурок с ключом. Вадик зашмыгал

носом и подошел к Дорошу, взглянул на взрослого исподлобья.

— Вадика домой отправьте, родители с ума сойдут, если узнают, где мы были, — попросил Вовка Лазарев. — А я пойду вниз, к другим детям. Вы же не найдете взрослого, чтоб моего бараньего веса. Вы пока поищите, как эту штуку выключить, вы же умнее. Тут до моря осталось полчаса ходу. Надо успеть защитить как можно больше ...

Длинноногий тощенький подросток вгрызлся в толпу улыбающихся живых мин. Он срывал с них браслеты и тут же ронял пластик под ноги, чтоб не терять ни мгновения. Взрослым оставалось лишь вложить «обезвреженным» беруши и вывести за периметр поражения. Но это — словно идти по минному полу. Вовка спешил, и страшнее всего было потерять его из виду. Его или кто не носил больше заряда. Даже безвредные сомнамбулы продолжали так же уверенно маршировать за ближним на солнце лиловым монстром. Риск того, что дернешь за руку не того ребенка, грозил обернуться новым взрывом. Лазарев работал, как машина.

Дорошниченко уже сбился со счета маленьким детским ушам, когда обнаружил, что его затычки закончились. Девочка-восьмилетка с пышными бантиками в жидких косичках вырывалась у него из рук. Та самая, что два часа назад разъяренной фурией загрызла взрослого человека.

— Рита! — закричал кто-то сверху и сдернул визжащую фурию с Никиты. Штатский сорокалетний мужчина с интеллигентскими залысинами держал девчонку мертвой хваткой. — Я ее отец! — Это уже

для Дорошниченко. И тут подоспели медики с берушами и седативным уколом.

— Почему здесь гражданские? Кто пустил? — не успел спросить офицер Дорош, но решил, что это неважно в данный момент. Раз уж мы все влипли в это крысятничество, то защита детей — дело и родителей тоже.

Вовка Лазарев успел снять почти пятьсот браслетов, когда кто-то из ополоумевших от горя родителей догадался проиграть через все городские динамики на улице трель неваляшки, записанную задом наперед. У сотни детей из ушей хлынула кровь, несколько потеряли сознание, кто-то даже упал с микроинсультом. Но основная масса просто остановилась. Лиловый монстр, качаясь, продолжал движение. Кто-то из детей дал по уху Вовке за то, что тот отобрал браслет. Растроенно хлопая глазами, очнувшиеся дети смотрели на суровый взрослый мир и ждали.

ЧЕТЫРЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЧЕРНОЙ ТЕТРАДИ

лейтенант внимательно изучил документы, пропуск, буркнул:

— Сейчас.

Лениво взял с пульта трубку. Доложил:

— Дежурный. Тут адвокат пришел. К задержанному Ивлеву...

Дальнейшего разговора Влад не слышал — лейтенант развернулся в кресле, широкая спина в про- потевшем милицейском кителе скрыла все звуки.

В следственном изоляторе было жарко и душно. Прикрученный к стойке китайский вентилятор лениво ворочал лопастями, гоняя по коридору раскаленный воздух.

— Проходите, — процедил лейтенант сквозь зубы. — Второй этаж, комната двести шесть.

Следователь поначалу вел себя сухо и официально, но расстегнутый на две пуговицы ворот рубашки и темные пятна под мышками не слишком шли к суровому тону. Постепенно он расслабился, а узнав, что они с Владом заканчивали одну и ту же академию, даже проникся к адвокату сочувствием:

— Вот ведь как бывает, а? В каком году ты академию-то закончил? Во-во, на два года позже меня, только я уже старший следователь, а ты за босса своего бумажки носишь. Знаю я такие расклады!

Вашему бюро предложили защищать этого гнидника Ивлева, зеленых пообещали отсыпать. Начальство заинтересовалось...

— Аркадий Наумович сказал...

— Наумыч твой... — следователь понимающе хохотнул, — сын юриста, да? Ха. Прежде чем все-рьез браться за дело, решил тебя вперед послать, чтоб посмотрел — можно ли из него чего-нибудь извлечь: по ТВ раскрутить, если дело громкое, или же, если защиту легко будет построить, еще кусочек славы себе отхватить. Ну, как всегда у вас, по обычной схеме — справедливость, милицейский произвол, правовое государство! Только гиблое это дело, Слава, гиблое...

Влад поморщился: с самого детства терпеть не мог, когда называли Славой, — слишком уж похоже на какой-нибудь лозунг.

— Ладно, — следователь поднялся, отпер сейф, достал тоненькую пластиковую папку. На корешке мелькнула белая наклейка с номером дела. — Чего я тебе мораль читать буду? Дело возбуждено, первичная экспертиза проведена, свидетели опрошены. Читай. Сам все поймешь.

Кивнув, Влад придинул папку к себе. Следователь иронически улыбнулся и, не спуская с адвоката глаз, закурил, стряхивая пепел в форточку.

Из протокола опроса свидетельницы Козинец Аллы Тарасовны, соседки, выходило, что подозреваемый позвонил в квартиру своей жертвы — некой Татьяны Вилановой:

«...да я, сынок, мусор собралась вынести, подошла к двери с ведром-то и слышу: лифт к нам на этаж приехал. Кто бы это, думаю? Игорек мой,

сын, значит, только к концу недели обещался приехать, у Борьки Веснина все на работе сейчас, разве что к Танечке кто-нибудь... Ну, я на всякий случай в глазок посмотрела. Времена опасные, сам знаешь, у нас второй год на подъезде объявление висит: угроза, мол, террористических актов... Гляжу, значит, парень из лифта вышел, невысокий такой, в темной рубашке, статный, — ну, думаю, у Таньки-то нашей ухажер новый объявился!»

Показания свидетельницы лаконичностью не отличались, да еще помощник следователя попался молодой, дотошный, записывал дословно, поэтому Влад стал читать быстрее, пропуская рассуждения и многочисленные «значит».

«Статный» парень что-то сказал — что именно, свидетельница не услышала, — а когда Виланова, видимо успокоенная его словами, открыла дверь, выхватил пистолет и застрелил Таню. Перепуганная Алла Тарасовна моментально задвинула засов, накинула «на всякий случай» еще и цепочку и побежала вызывать милицию. Вернувшись, она осторожноглянула в глазок — убийца все еще стоял в дверях Таниной квартиры и разговаривал с кем-то по мобильному телефону. Застигнутая в неестественной позе Танечка лежала на пороге, вытянутая вперед рука все еще сжимала очки, которые близорукая хозяйка так и не успела надеть. Застиранный домашний халат побурел от натекшей крови.

«...га-га, сынок, трубку около уха держал вот так, слушал. Потом вдруг как закричит: «Что?! Опять?! Нет уж, хватит!» и — хресь — телефон об пол! А он небось не одну сотню... этих... долларов стоит. Да еще ногой по нему со всей силы вма-

зал, только клочки во все стороны полетели. Потом вошел в Танюшкину прихожую, огляделся, значит, по сторонам — и застыл. Так и простоял все время, пока ваши не приехали».

На счастье, недалеко от места происшествия проезжал патруль, дежурный перебросил вызов, и буквально через пять минут после звонка соседки у подъезда тормознул бело-синий «уазик».

Удивительно, но преступник все еще находился в квартире. При виде решительно настроенных милиционеров он бросил на землю пистолет и поднял руки. Старший патруля признался в рапорте, что не успел ничего крикнуть, преступник разоружился сам: «При задержании сопротивления не оказал».

— Ну что, — спросил наблюдавший за Владом следователь, — влип твой клиент?

Адвокат пожал плечами:

— Посмотрим. Экспертиза оружия есть?

— Есть, как не быть. В этот раз быстро обернулись. И оружия, и пули, и следов пороха на одежде Вилановой, и смывов... все есть. Писец твоему клиенту.

— Это как суд решит.

Следователь хмыкнул, перебросил Владу еще несколько листков:

— Читай дальше.

Действительно, экспертные заключения все, как один, обличали Ивлева в преступлении. Пуля, найденная в теле погибшей, была выпущена из представленного на экспертизу пистолета марки «ПМ», производства Тульского оружейного завода, года выпуска — 1981, номер 4356789443. На рукояти «пээма» наличествуют отпечатки пальцев, иден-

тичные контрольным отпечаткам Ивлева. Фото и химические пробы, смывы с рук и одежды Ивлева явно показывают, что из пистолета стрелял именно он. Медэксперт заключил, что смерть наступила от огнестрельного ранения в область сердца. На теле и одежде Виленовой найдены следы несгоревшего пороха, и можно однозначно утверждать, что выстрел произведен с расстояния не больше полутора метров.

Влад вопросительно посмотрел на следователя:

— А это зачем?

— Был такой случай. Лет пять тому назад. Взяли одного — тоже с пушкой, прямо над трупом. Так он на суде изо всех сил пытался доказать, что убивал, мол, не он, а некий снайпер с километровой дистанции. А он как раз у жертвы телохранителем был, да вот не сберег — подстрелили. Над трупом стоял, потому что бросился к упавшему, посмотреть, не нужна ли помощь. Пушку достал только когда увидел, как клиент падает, — для защиты. Никому ничего он не доказал, конечно, но с тех пор подстраховываемся.

Мимоходом Влад отметил, что следователь разговорился. Хорошо. Значит, не считает серьезным противником. Есть шанс, что прямо сегодня разрешит встречу с подозреваемым. А это не помешало бы. С такими уликами об оправдании или условном сроке нечего и думать.

Протокол допроса подозреваемого, наоборот, оказался верхом лаконичности. На казенном бланке после сухих протокольных фраз о месте и времени допроса снизу было приписано: «Задержанный отвечать на вопросы следствия отказался».

Влад усмехнулся. Ну да, «отказался»! Если бы не грядущая встреча с адвокатом, дали бы ему в молчанку играть! Били бы до тех пор, пока всю подноготную не рассказал, включая детские страхи и комплексы. Да и не только били — может, чего и похуже. Это только в сериалах милиция переполнена тупыми костоломами, а на деле бравые сотрудники органов вовсю используют достижения технического прогресса. Электрошок, например, а от длительного воздействия тока начинаются произвольные конвульсии — действует почище любого детектора лжи.

— Хорошо, — Влад поднялся, спрятал в «дипломат» органайзер, — когда я могу переговорить с Ивлевым?

— Через час будет готов пропуск. Подожди, если хочешь.

Он совсем не был похож на убийцу. Невысокий, скорее даже щупловатый, с неряшливой трехдневной щетиной, Ивлев скорее напоминал загулявшего после получки шоферюгу.

Конвоир расстегнул наручники, кивнул и вышел. Загремели засовы.

— Добрый день, Семен Алексеевич, я — ваш адвокат, Владислав Хмельницкий, адвокатское бюро «Щепетов и партнеры». К нам обратился независимый Фонд «Демократия и правосудие» с просьбой...

— Я знаю.

Голос Ивлева показался Владу странным — бесконечно усталый и какой-то отрешенный. Так обычно разговаривают люди, которым все равно, что будет с ними дальше. Неужели успели чем-то нака-

чать?! Нет, вряд ли. Дело прозрачное, все как на ладони, с такими уликами следователю, по большому счету, и признание не нужно. Скорее Ивлев просто испугался, стоя над трупом, не ожидал, что все будет именно *так* — кровь, бездыханное изломанное тело. Потому и застыл на пороге...

Хорошо. У него сейчас единственный шанс — написать признание и сотрудничать со следствием. Суд это учтет.

Влад еще в кабинете следователя понял, что Аркадий Наумович дело Ивлева не возьмет — слишком уж проигрышное. Явно проигрышное. Так что придется самому тянуть эту лямку до конца.

— Знаю, мне говорили...

Влад приложил палец к губам, указал на потолок, покачал головой. Быстро написал в блокноте:

«Разговор наверняка записывается. Говорите осторожнее. Если хотите сказать что-то важное — пишите», — и придинул блокнот к Ивлеву.

Тот помотал головой:

— Мне все равно.

— Хорошо, — Влад кивнул, но блокнот не убрал. — Давайте сразу проясним один вопрос. Вы согласны, чтобы я был вашим адвокатом?

Одновременно Влад писал: «Вы убили Виланову?»

— Да, — Ивлев посмотрел адвокату прямо в глаза и чуть заметно кивнул.

— И хотите, чтобы я представлял ваши интересы во время следствия и в суде?

«*То есть вы признаете, что стреляли в Виланову?*»

— Да.

Влад быстро приписал снизу:

«*Случайно или намеренно? Не отвечайте вслух!*»

Ивлев взял протянутую ручку, хмыкнул и написал:

«Намеренно. Именно ее я хотел убить и убил».

— Фонд обещал нам финансовую поддержку, если мы займемся вашим делом, так что об оплате не беспокойтесь...

«Улики против вас очень сильные. Вы, скорее всего, будете признаны виновным, ни о каком условном приговоре здесь речь идти не может. Если удастся скостить срок хоть немного — и то будет большая победа. Я искренне советую вам написать полное признание, это поможет мне...»

Жестом попросив блокнот, Ивлев написал:

«Мне очень жаль, но процесс вы проиграете. На суде я собираюсь отрицать свою вину. Хочу получить по полной».

Он поставил жирную точку после слова «полной» и добавил вслух:

— Пора уже.

Разговор не заладился с самого начала. Дальше — хуже. Ивлев отвечал односложно, писать отказывался, но, когда Влад уже засобирался в контору, вдруг неожиданно попросил блокнот и быстро-быстро написал:

«Вы мне понравились, Владислав, но помочь вам я ничем не могу».

Влад потянулся было за ручкой, но Ивлев, словно поддавшись какому-то внезапному порыву, добавил:

«Впрочем, если вам интересно, в камере хранения Киевского вокзала в ячейке номер 14265 лежит тетрадь. Прочитайте — вам все станет понятно. Код ячейки — 2312».

Никаких других пояснений Влад так и не добился. Пока конвой выводил Ивлева, Влад закурил и, улучив момент, сжег в пепельнице — измятой банке из-под пепси — последнюю страничку блокнота.

Домой он добрался только к вечеру. Пока договорился со следователем, пока заехал в бюро, отчитаться перед Аркадием Наумовичем, да и на Киевский — торопись не торопись, крюк вышел немаленький.

Код подошел, внутри ячейки действительно оказалась тетрадь. Старая, советских еще времен, черная коленкоровая тетрадь с изрядно потрепанной обложкой.

Не удержавшись, Влад наскоро пролистал страницы — ничего особенного. Какая-то таблица, густо исчерканные записи.

Ладно, дома разберемся.

Телефон зазвонил именно в тот момент, когда Влад стаскивал в прихожей ботинки. Пришлось бросить на стул «дипломат», тетрадь, бежать в комнату, лавируя между коробками. Рубашку Влад скинул немыслимым акробатическим движением, умудрившись не выпустить из рук трубку.

— Хмельницкий слушает.

— Пап, привет!

Маришкин голос показался Владу немного рассерженным. Впрочем, она большая выдумщица, на воображала себе бог знает что, теперь притворяется сердитой.

— Привет, доча!

— Ты почему меня сегодня из школы не забрал?

Договорились же! Я целый час после уроков проси-
дела, а ты так и не приехал.

Влад мысленно хлопнул себя по лбу: конечно!
Сегодня как раз был его день, а он, лопух, замотал-
ся совсем, даже и не вспомнил.

— Пап, ты слышишь?

— Ох, я старый маразматик! Склероз на мою
голову, цирроз на мою печень, ревматизм мне в
ребро!

В трубке хихикнули.

— Доча, прости, милая, совсем забегался. Давай
договоримся на вторник, хорошо? Мне завтра и в
выходные надо с бумагами посидеть, а во вторник я
тебя заберу.

— Ладно, пап. Только ты не забудь!

— Нет, никогда! Крест на пузе!

Любимая дочкина поговорка развеселила ее
еще больше. Влад понял, что почти прощен.

— Да, — как будто вспомнив нечто важное, вос-
клиknул он, — у меня есть для тебя кое-что инте-
ресное...

— Ой, а что?

— Не скажу! Во вторник узнаешь!

— Ну, пап!

— Нет, не проси даже. Секрет. А если я тебе
скажу, то уже не будет секретом, правда? Потерпи.
И... Мариш, не обижайся. Папа исправится, обе-
щаю. Простишь папу?

— Ладно, — милостиво согласилась дочь, — но
только в самый последний-распоследний раз. Пока,
пап.

Влад открыл шкаф, девственно пустой, если не
считать идеально вычищенного делового костюма

«для процессов» — единственной дорогой вещи в доме, — повесил на треснувшие плечики рубашку. Кивнул своему отражению в матовом зеркале на дверце шкафа, постучал пальцем по лбу:

— Эх, ты, растяпа!

Маришке, конечно, не место здесь, в его пыльной берлоге. Влад огляделся — типичная нора холостяка, занятого только работой и ничем больше: пыльные углы, отклеившиеся кое-где обои, голый крюк на месте люстры (Катерина при разводе забрала свадебный подарок матери), заваленный бумагами стол. Да и на кухне не лучше — стопка немытой посуды, холодильник с прогорклыми полуфабрикатами.

Надо будет на выходных хоть немного прибраться. Маришка ничего не скажет, даже носик не наморщит: лишний день, проведенный с папой, для нее дороже всего на свете, но самому как-то неудобно.

Конечно, когда Влад заканчивал академию, ему грезились совсем другие картины. Многомиллионные дела олигархов, давление прокуратуры, и он, Влад Хмельницкий, спокойный и вальяжный, дает интервью телевизионщикам.

Вышло не так.

После не очень удачной дознавательской практики в милиции Владу ничего не оставалось, кроме как идти в бюро, работать на чужой имидж и чужую славу. Где он и прозябал вот уже пятый год. Как на самого молодого и неопытного, на него спихивали, естественно, всю рутину, все малозаметные дела, где не было никаких шансов раскрутиться. Амбиции остались в прошлом, теперь Влад тянул

бесконечную лямку мальчика на побегушках. Иногда ему доверяли вести государственные дела по 48-й статье или вот такие малоперспективные процессы вроде сегодняшнего.

На кухне Влад поставил чайник, кинул в кружку пару пакетиков заварки, скормил микроволновке шмат промороженной пиццы. Еда — не удовольствие, еда просто необходимый для поддержания жизни процесс. И уже почти забылись те дни, когда Катя встречала его вкусными ароматами борща, котлет и пельменей.

Чайник засвистел, Влад плеснул кипяток в кружку, притащил из прихожей тетрадь, пододвинул стул. Ну-ка, посмотрим.

Первые четыре страницы тетради занимала аккуратно разграфленная карандашом таблица в два столбца, в одном ровным почерком отличника вписаны фамилии, в другом — странный перечень катастроф и шифрованные пометки. Против каждой фамилии — одна-две, редко больше.

«Шибаев Юлий Николаевич — отказ правого двигателя рейсового ТУ154 Нр-Вл, ж142;

Амбарцумян Ашот Нагибович — взрыв бытового газа, ул. Коммунаров, 16, Липецк, ж12, п24; оползень в районе курортного поселка «Отдых», Краснодарская обл, ж63;

Северцева Анна Игоревна — отказ бортовых систем СУ-25, Северокавказский ВО, учебный полет, ж2; авария в насосной системе 4-го цеха «Уралхиммаш», поселок (зачеркнуто), ж4, п250;

Яковлев Константин Максимович — ДТП: столкновение рейсового «Икаруса» с большегруз-

ным трейлером «СуперМАЗ», федеральная трасса Уфа-Челябинск, ж8, п27; теракт в вагоне метро, Санкт-Петербург, ст. «Черная речка», поражение эвакуированных эл. током, ж12, п29;

Игнатьев Борис Степанович — землетрясение на Сахалине (эпицентр — 7 баллов, в районе Углегорска), ж89, п300...»

У левого столбца таблицы рядом с каждой фамилией стояла жирно выписанная галочка, видно было, ставили их с удовольствием от выполненного дела.

Странно, но ни одной из катастроф и чрезвычайных происшествий, указанных в левом столбце, Влад, как ни старался, вспомнить не смог. Все они были без дат, кое-где даже указания на конкретные географические пункты сокращались до одной-двух букв. Вот, например, самолет, против фамилии Шибаева, написано: «ТУ154 Нр-Вл» — что это: Норильск — Владивосток? Или Новосибирск — Владивосток? Или даже Новороссийск — Владимир? Хотя во Владимире вроде бы нет аэропорта... С «Икарусом» этим тоже непонятно — «федеральная трасса Уфа — Челябинск». Да в ней километров 400, если не больше!

Зато пометки «ж8, п27» Влад расшифровал легко: «ж» — это, скорее всего, «жертвы», «п» — «пострадавшие». При крупных авариях, когда число пострадавших точно неизвестно, стоит значок «», «приблизительно».

И все-таки что же это за катастрофы такие? Про ДТП в Уфе еще можно было не услышать: проскользнуло по региональным новостям раз-другой — и

все. Но теракт в Питере и аварию на химкомбинате СМИ раскрутили бы так, что народ ночью в холодном поту бы просыпался!

Влад читал дальше:

«...Непейвога Олег Тимурович — оплавление активной зоны реактора АПЛ «Псков» СФ (на стоянке), ж4, п37; ДТП: столкновение ВАЗ2106, ВАЗ2110 и «Мазда», 212-й км Новосимферопольского шоссе, ж3, п7; сход с рельс (теракт, подрыв, повреждение полотна) электропоезда «Мо (замазано)-Сергiev Посад», ж2, п29;

Железнякова Антонина Григорьевна — обрушение жилого дома (ветхий фундамент), проспект маршала Жукова, 7, Краматорск, ж6, п17; ДТП: авария очистных сооружений первой очереди, химкомбинат АО «Росбытхим», пос. Вознево, Воронежская обл, ж8, п500; прорыв грунтовых вод, шахта «Дальнняя», объединение «Саха-уголь», ж12, п19;

Солодовников Иван Сергеевич — столкновение ремонтной дрезины и грузового состава, участок Фролово — Михайловка, 140 км от Волгограда, ж19, п3; пожар на нефтяной скважине, месторождение «Полярные Зори», вышка №29, ж2/14, п7/19».

Всего в списке было двадцать шесть фамилий. Прочитав последнюю, Влад от неожиданности вздрогнул, не поверил, перечитал еще раз:

«Виланова Татьяна Андреевна».

Против фамилии недавней жертвы стоял целый список катастроф: пожар на крупном складе боеприпасов где-то в Курганской области, обвал автомобильного тоннеля на Военно-Грузинской дороге, взрыв на аэропорту Якутска, еще од-

но ДТП с туристским автобусом, землетрясение на Камчатке. На привычном месте слева от таблицы вместо галочки едва угадывалась карандашная пометка — маленький вопросительный знак.

Ниже кто-то начал писать новую фамилию, но передумал. Можно было прочитать только две буквы — большое «Р» и «а». Дальше — зачеркнуто.

На этом все записи в тетради обрывались. Остальные страницы оказались девственно чистыми. Влад в недоумении пролистал дальше, перевернул тетрадь и только теперь обнаружил, что с обратной стороны густо исписаны еще десятка полтора страниц.

Мелкий и убористый почерк разбирать было тяжело. Но первая же запись настолько захватила Влада, что он уже не мог остановиться.

«Сегодня работал по Шибаеву. У цели есть машина, так что на этот раз все получилось быстро и удачно. Ослабил крепления колес, надрезал тормозной шланг. Завтра утром он поедет на дачу, как-никак 180 километров».

Следующая запись лаконично отмечала:

«Шибаев отработан»

И еще — строчкой ниже:

«Менты посчитали, что во всем виноваты тормоза. Машина так обгорела, что почти невозможно провести качественную экспертизу. Сегодня сообщили: ТУ154 благополучно сел во Владивостоке».

Это был отчет, нет, даже скорее дневник Ивлева. С каждой строкой брови Влада поднимались все выше.

«Вышел на Амбарцумяна. Цель — пенсионер, торгует на рынке».

Дальше:

«Снял место рядом с Амбарцумяном, разговорился. Завтра надеюсь подружиться».

«Сработались хорошо, когда ему нужно отойти, просит присмотреть за товаром. Вечером он надарил мне персиков, звал к себе выпить за знакомство. Еле отговорился».

«Сегодня угостил Амбарцумяна в ответ».

Небольшой пропуск — и та же лаконичная приписка:

«Амбарцумян отработан».

«Посыпал на рынок человека, на вопрос, где армянин с персиками, мол, очень вкусные были, хочу еще купить, ответили: не будет больше армянина, вчера умер. Грибами отравился. Вечером подтвердили — ботулизм, тяжелая форма».

«Ночью сообщили: в Липецке все в порядке».

Шибаев... Амбарцумян... Влад раскрыл тетрадь с начала. Это же первые две фамилии из списка!!

Влад нетерпеливо читал дальше, сердце стучало как сумасшедшее, на лбу выступила испарина: он что, их всех убил?! Ивлев писал короткими, точными фразами, словно отчитываясь перед самим собой, иногда сбиваясь на доверительный тон. Кое-где перед записями стояла дата, иногда просто — «вторник», «следующее утро», «вечер»...

Из тетради явственно следовало, что Ивлев убил отнюдь не двух и даже не десять человек. Он — сотрудник некоей глубоко законспирированной организации, которая странным образом вычисляет связь между ничем не примечательным человеком и страшной, разрушительной катастрофой. Пока человек жив, катастрофы и аварии неизбежны. Ес-

ли его уничтожить, то катастрофу можно остановить.

Влад отхлебнул из кружки давно остывший чай, скривился, выпеснул остатки в раковину.

Получается, что подзащитный — фактически самый настоящий серийный убийца, пусть и считает себя лишь палачом, приводящим в исполнение приговоры!

Изредка, правда, Ивлева мучили сомнения:

«*Почему они не хотят говорить, как вычисляют цели? Почему я не могу знать правду?*»

«...*А если все это случайность, простые совпадения?! Тогда я — самый обыкновенный убийца! Господи, прости меня, грешного!*»

После шестого убийства Ивлев заполнил такими размышлениями целую страницу. Неделей спустя он старательно записал подслушанный разговор между двумя «спецами» из организации. Странно, но Ивлев ни разу не назвал ее, даже сокращенно или аббревиатурой, просто «организация», с маленькой буквы — и все.

«*Услышал сегодня в приемной, что Энгл и Грэйнджер обнародовали доказательство своего метода корреляции статистических моделей Шевера и что теперь стало легче работать, вероятность ошибки не более одной на тысячу. Кто такие эти двое — не знаю, но, говорят, им дали Нобелевку. Молодцы, заслужили.*»

В тот день Ивлев узнал совсем уж страшные вещи, оказывается, организация иногда ошибается, подводит их какая-то там статистика.

Последняя запись гласила:

«*Вышел на Виланову. Торопят. Ничего точно не*

ясно, но цель надо ликвидировать, первая строчка из списка через два дня. Попросил день на отработку цели — запретили. Придется ликвидировать грязно».

«Подтверждения все нет, а ждать больше нельзя. Надеюсь, эта цель — не ошибка».

Отодвинув от себя тетрадь, Влад постарался припомнить показания соседки. Вроде бы что-то такое, по ее словам, Ивлев кричал в трубку. Как же там было? «Опять?! Нет уж, хватит!»

Влад потер виски ладонями, зажмурился.

Выходит, подследственный убил не просто невинного человека, он убил невинного человека по ошибке, так и не предотвратив надвигающуюся череду катастроф?!

Тьфу, черт! Что за чушь лезет в голову! Не хватало еще поверить во всю эту галиматью!

Хотя. Фамилии есть, даты смерти тоже. Кто мешает проверить?

Влад открыл органайзер, пробежался пальцами по клавишам: ну-ка, кто у нас в такое время еще на работе и может базу сводок по городу поднять? Юрка!

Сотрудник пресс-службы МВД города Юрий Сеченов действительно оказался на месте:

— Старик, все понял, сделаю, если так надо. Только не сейчас, о'кей? У меня через пятнадцать минут совещание, ты мне скинь пока по почте письмешко — фамилии, даты, а я, когда вернусь, прошлю по базе и тебе сообщу.

— Юр, спасибо, век не забуду!

— Да, ладно, какие вопросы!

Поздно вечером Влад получил письмо от Сече-

нова. Все указанные в списке (до Вилановой) жертвы погибли или в результате несчастных случаев, или просто умерли своей смертью. Никаким криминалом ни в одном случае и не пахло. У следствия даже подозрений ни разу не возникало.

Влад еще раз пролистал тетрадь, перечитал некоторые записи. Теперь он ясно видел в каждом слове «дневника» почти клиническую ненормальность.

Господи, неужели можно было хоть на секунду подумать, что весь этот бред имеет под собой какие-то основания!

У подзащитного просто не все ладно с головой. Маньяки частенько присваивают себе лишние жертвы, а то и просто зачисляют в трупы прекрасно здравствующих людей.

Бывает.

Влад хмыкнул, сказал вслух:

— А ведь это не так плохо...

Если удастся доказать, что Ивлев психически нездоров или хотя бы был таковым в момент совершения убийства Вилановой, то...

Ну, загадывать пока рано. Первым делом Влад решил отвезти завтра тетрадь своей институтской подруге, Инге Костюковой. Она сейчас работает в институте Сербского, не откажет в помощи в память о прошлом. Ингуля точно определит диагноз, в этом деле она профи. Вот тогда можно будет вокруг черной тетради и защиту строить, экспертизу назначить сначала почерковедческую, чтобы доказать авторство, потом — психолого-психиатрическую. А дальше — посмотрим. Вдруг клиент и вправду из той же категории абсолютных психопатов, что слы-

шали голоса, приказывающие убрать того или иного человека, либо действовали якобы по распоряжению «директора КГБ»...

Утром Влад созвонился с Ингой, та согласилась помочь. Договорились на вечер.

В двенадцать его ждал следователь, потом надо было наведаться в изолятор, еще раз переговорить с Ивлевым.

После вчерашней духоты ночью прошел дождь, температура упала, Влад пожалел, что не взял куртку или пиджак. Впрочем, когда двигатель «шестерки» прогрелся, в машине стало тепло и уютно. Влад положил на соседнее сиденье «дипломат», включил радио.

Со двора он выезжал под хрипловатый голос Северянина — играло «Радио Шансон».

За три квартала до изолятора, в тот самый момент, когда Влад стоял на последнем светофоре, динамик вдруг оборвал песню. Зазвучала тревожная заставка выпуска новостей. Голос диктора ворвался в салон, как таежный снежный заряд:

— Мы прерываем нашу программу. В эфире — экстренный выпуск новостей. Как только что стало известно, в Курганской области горит склад боеприпасов длительного хранения у поселка Сипаево. До наблюдателей доносятся взрывы, раскаленные обломки разлетаются в радиусе более полутора километров. Власти Курганской области приняли решение об эвакуации нескольких десятков жилых домов, вплотную примыкающих к опасной территории. Официального сообщения о погибших и раненых пока не поступало, но, по непроверенным

данным, пропавшими без вести числятся двенадцать человек — охрана внутреннего периметра, начальник караула и три человека из обслуживающего персонала. Несколько местных жителей уже госпитализированы с обширными ожогами кожи. Солдаты размещенных поблизости воинских частей приступили к тушению пожара. К восемнадцати часам ожидается прибытие взрывотехников из УФСБ по Курганской области.

Влад с силой ударил по тормозам. Сзади протестующе гуднули, новенькая «десятка» с ревом пронеслась мимо.

Именно эта катастрофа первой стояла против фамилии Вилановой! Не веря себе, Влад достал из дипломата тетрадь, просмотрел таблицу еще раз.

«Виланова Татьяна Андреевна — пожар на крупном складе боеприпасов в поселке (зачеркнуто) Курганской области, ж12/1, п3/8».

Получается, что те двенадцать, что сейчас числятся пропавшими, уже мертвы и еще один человек погибнет при тушении?

Влад выключил приемник, отшвырнул на сиденье тетрадь, задумался. Дай бог, если Ивлев действительно сумасшедший...

В изоляторе Влада встретили совсем иначе, чем вчера. Лейтенант испуганно вскочил при его появлении:

— Извините, следователя Родимова сейчас нет на месте, будет через полтора часа. Он просил передать вам вот это.

«Это» оказалось заключением медэкспертизы. Подследственный Ивлев ночью, приблизительно в

4.15 утра, покончил с собой. По всем признакам — самоубийство через повешение. Подпись, печать.

Пообещав, что заедет к концу дня, Влад собрался уходить и уже на пороге поймал неуверенный, чуть испуганный взгляд дежурного. Вздрогнув, тот быстро отвел глаза.

В изоляторе повеситься практически невозможно. У задержанных отбирают все, включая шнурки и ремни, а в камере нет даже простыней, которые можно порвать на полосы, чтобы свить веревку. Влад знал это не хуже лейтенанта.

Ночью Ивлева убрали. Кто — теперь уж неважно.

Дома Влад первым делом включил телевизор и чуть не выронил пульт. Ярко накрашенная ведущая вещала на фоне карты Кавказа с большой пульсирующей точкой посередине:

— ...обрушение сводов тоннеля произошло из-за местного карстового землетрясения. По данным Северо-Кавказского МЧС, сместилось около семи миллионов тонн грунта. Пока трудно установить, находятся ли внутри заваленного тоннеля люди, хотя некоторые свидетели утверждают, что видели, как перед самым обвалом по дороге в сторону тоннеля проследовала колонна большегрузных трейлеров...

Тетрадь невозмутимо подтвердила:

«*Вилanova Татьяна Андреевна — обвал автомобильного тоннеля на Военно-Грузинской дороге, ж17, п2».*

Вторая катастрофа из списка. Влад рухнул в кресло. Если верить черной тетради, скоро должно

случиться еще несколько ЧП — гибель авиалайнера, ДТП, землетрясение на Камчатке. И это только по Вилановой, а сколько еще?!

Боже, если они знают, почему не остановят! Не хотят? Или не могут?

Всю ночь и весь следующий день, отпросившись у Аркадия Наумовича, Влад провел у телевизора. Небритый, с воспаленными глазами, он с содроганием переключал каналы. До вечера ничего не случилось. Часов в семь, поддавшись навалившейся бесконечной усталости, Влад задремал прямо в кресле. Он так и не понял — проспал ли хотя бы час. Сквозь сон донеслись слова: «...взрыв на борту... крупнейшая катастрофа...». Влад вздрогнул, проснулся, прибавил громкости на пульте.

На экране горел в ночи самолет, вокруг сутились пожарные бригады. При посадке в аэропорту Якутска взорвался лайнер со ста восемьюдесятью тремя пассажирами. Почти все они погибли, только семерых спасатели смогли достать из огненного хаоса. Специалисты ищут останки взрывного устройства, почти никто не сомневается, что это был теракт.

Выходные Влад просидел почти без движения, намертво прилепившись к телевизору, сжимая потными, дрожащими руками пульт и злополучную тетрадь. А катастрофы шли одна за одной. Точно так же, как описано в тетради, только пятая по счету — российский танкер налетел на скалы у берегов Японии — не указана в списке. Но потом была и шестая, и седьмая... и десятая. Список давно закончился, а катастрофы все продолжали происходить.

Почти неосознанно Влад повторял про себя: «Найдите его, найдите... Пожалуйста, найдите».

Теперь он мог только мечтать о том, чтобы неведомая ему организация определила, наконец, нужного человека и устранила его. Собственные мысли временами пугали Влада: как же так, он — адвокат, законник, готов чуть ли не овациями приветствовать убийство!

Наверное, так сходят с ума.

Он не походил к телефону, а после особо настырных звонков — отключил его, ни разу не вышел из дома, почти ничего не ел, только сидел и покрасневшими глазами в жилках лопнувших сосудов неотрывно глядел на экран.

Телевизор превратился в цель его существования.

И вот на третий день... Ночью Влад почти не спал, ворочался с боку на бок, представлял все новые катастрофы, под утро вскочил на час раньше начала телетрансляции, слонялся по квартире из угла в угол, дожинаясь первой новостной передачи. Когда она началась, Влад жадно вцепился взглядом в экран, ожидая и одновременно боясь новых катастроф, но за утро НИЧЕГО не произошло.

Он не мог поверить: неужели нашли?!

Всю первую половину дня он привычно просидел перед экраном, но опять — ничего. В стране все спокойно, ничего не падает с неба, не горит и не взрывается. Влад понемногу начал приходить в себя, выкарабкиваться из трехдневного кошмара.

Господи, наконец-то! Значит, нашли. Погиб ничем не примечательный человек, отдал свою навер-

няка бесполезную жизнь, чтобы прекратилась эта ужасная карусель аварий и катастроф.

Влад встал с кресла, потянулся, все еще с опаской поглядывая на экран.

Впервые за три дня он со вкусом поел, в холодильнике, правда, ничего не оказалось, пришлось готовить что-то на скорую руку из дрянных полуфабрикатов, но разве это важно? Влад побрился, надел свежую рубашку, поколебался немного и достал таки из шкафа «деловой» костюм.

Сегодня можно.

Влад решил выехать пораньше: днем Маришку забирать, а ведь он ей «кое-что интересное» обещал. Наврал, конечно, ничего такого у него не было, но раз уж обещал — надо купить.

Перед выходом Влад открыл форточку — пропустить, подвинул в угол коробки с книгами, которые за два года после развода он так и не удосужился разобрать, подхватил «дипломат» и вышел.

За его спиной тревожно мигала на телефоне лампочка «call». Звонок был выключен.

В конторе все прошло гладко — шеф даже похвалил за четкий доклад по Ивлеву. Как выяснилось, неведомый Фонд «Демократия и правосудие» все-таки перевел деньги, и бюро вышло из всей этой истории с некоторой прибылью. Владу даже выписали небольшую премию, и, пользуясь хорошим настроением Аркадия Наумовича, он отпросился пораньше.

Подарок лежал на заднем сиденье, красиво упакованный в блестящую фольгу, перевязанную ленточкой. Нарядный вязаный шарфик с изображением

любимого Маришкой хоббита Фродо Влад купил в «Детском мире» час назад. Должен понравиться. Да и практически — сентябрь идет к концу, осень в самом разгаре, зима не за горами.

Два года назад, когда они с Катериной разводились, Влад выторговал себе одну неделю в месяц на общение с дочерью. Жена, теперь уже бывшая, на удивление быстро согласилась. С разводом жестко стояла на своем: «Я устала ждать от тебя успехов, понимаешь, устала! Я хочу жить нормально!» — а тут почему-то не противилась. В глубине души Влад надеялся, что дело не в свободной неделе, которую можно провести с... — ну, кто-то же там есть у нее! — а в том, что Маришка действительно любила отца чуточку больше. Впрочем, Катерине наверняка было все равно.

Так и повелось: Маришка поочередно живет то у отца, то у мамы. И ни он, ни дочь никак не могут привыкнуть к тому, что она больше не Хмельницкая, а Рамазанова. Маришка то и дело жалуется — учителям приходится по два-три раза ее вызывать. Ну не лежит душа к новой фамилии!

Радио, будто бы объявившее сегодня мораторий на плохие новости, наигрывало легкие танцевальные мелодии. Влад, развалившись в кресле, легко покручивал руль, насвистывал в такт музыке.

Четырехчасовые новости прошли незаметно — никаких тревожных вестей и катастроф. В конце дикторша радостно сообщила:

«...сегодня после ремонта открылся Кукольный музикальный театр. Главный режиссер театра сказал в интервью нашей программе...»

Влад подумал, что надо бы сводить Маришку на

какой-нибудь спектакль. В принципе, если попытаться выполнить все, что он наобещал дочери за последнее время, то и месяца бесконечных походов не хватит. Но надо же с чего-то начинать.

У дверей школы Влада встретили заплаканная учительница и директор, внешне собранный, но с растерянным лицом.

— Владислав Игоревич, успокойтесь, у нас плохие новости...

— Что случилось?!

— Мы с утра пытаемся вам дозвониться. Никто не брал трубку, и мы...

— Да в чем дело!

— Марину сегодня утром сбила машина. Почти у самого входа.

Влад почувствовал, как земля под ногами, только что такая твердая и крепкая, вдруг стремительно ухнула куда-то вниз.

— Что?! Какая машина?

— Мы не успели рассмотреть, она была вся перезапана грязью... Иностранная какая-то...

Крепко, до боли сжав кулаки, Влад выдохнул, помотал головой.

— Ладно, после разберемся. А куда Маринку повезли, в какую больницу?..

Директор странно посмотрел на Влада и хрипло произнес:

— Вы не поняли. Марины больше нет. Она погибла.

СТАЛЬНЫЕ ТРИАДЫ

1. ЛОВЕЦ

ечеров в состоянии полного спокойствия поднялся на борт транспортно-пассажирского корабля «Фаэтон» в шесть часов пополудни. Стояла жара, но зал космопорта насквозь продували ледяные сквозняки кондиционеров. Черная сумка исчезла, унесенная лентой транспортера, экран сканера, скрытый от непосвященных, отразил имя, идентификатор и общий контур тела человека.

После погрузки восемь пассажиров разбрелись по разгрузочным капсулам, и корабль стартовал, выбросив в раскаленную землю прощальную струю огня.

В этом и заключался первый, пока едва заметный шаг к катастрофе.

Ужинали все вместе в кают-компании. Квазигравитация, хрусталь и белая скатерть создавали иллюзию земного праздника. Вечеров не воспользовался компьютером, он и без того помнил досье каждого пассажира, слева направо, в том порядке, в котором они уселись за столом. Мужчины и женщины принадлежали к «золотому миллиарду» Земли. Они были счастливы в той мере, в какой счастьем может считаться гарантированный комфорт больших городов. Одни — молоды и привлекательны,

другие опытны и успешны. Один человек уже приближался к финалу (такому же безболезненному, как и вся остальная жизнь). Пассажиров проверяли заранее, и никто из них, конечно, не носил оружия.

Тем не менее среди них прятался враг.

Всего один. Сэт. Фигура без лица. Организатор терактов и убийца тысяч.

Вечеров незаметно для других гляделся в спокойные, благополучные профили.

— Черт, как это сложно — три дня не курить, — ворчал бульварный журналист, который сидел от Вечерова по левую руку.

Он был насмешлив и довольно популярен. У него была открытая манера держаться, но этот человек тоже мог оказаться Сэтом.

— Зато для здоровья полезно, — отозвался пожилой банкир, который совсем не стремился к известности.

Блондинка в маленьком платье для коктейля тут же сверкнула в его сторону взглядом. Тем временем еще один мужчина, русоволосый, без особых примет, искоса уставился на ее грудь.

— Правила безопасности пишутся кровью, — ернически добавил юноша, который работал программистом в «Фобос инкорпорейтед».

— Мне все равно, я только сопровождаю груз, — тихо отозвался курьер.

С точки зрения Вечерова Сэтом мог оказаться даже он.

Альда промолчала.

Эта девушка со странным именем, отдаленно знакомая Вечерову по жизни, не связанной с работой, устроилась поодаль, потягивая через соломин-

ку «Мохито». У нее были длинные ресницы и идеальный овал лица.

«Итак, Сэт. Мы не знаем о нем ничего, что не могло бы оказаться ложью, не знаем даже, мужчина это или женщина, в этом смысле даже Альда может оказаться Сэтом. Одно известно наверняка — этот всегда уходит живым».

Вечеров хорошо помнил свою последнюю, заочную встречу с самым удачливым террористом мира. Тогда горела трава (короткая и густая трава городского газона, вовсе не подходящая для пожара), а высотка информационно-аналитического центра Койпера сложилась, будто карточный домик. Вечерову почти сразу попалась оторванная рука с печаткой на среднем пальце, прочие мертвецы оставались под завалами, бетон и стекло спеклись и перемешались, лифты рухнули с верхних этажей, и удущивый дым поднимался над руинами.

Смертника так и не нашли, даже если он существовал. Остатки взрывного устройства исчезли бесследно. Технология преступления осталась неясной.

Подобные случаи повторялись время от времени, и все они имели одинаковый почерк.

Объектами становились высокие технологии, число жертв, огромное или малое, очевидно, не играло для Сэта особой роли. Взрыв на коллайдере тоже приписывали ему, но никогда, ни единого раза этот человек не поддался тщеславию, не сделал публичного заявления и не показал лица.

«Просто загадка какая-то, преступник без примет и слабостей».

Вечеров допил мартини и ушел к себе в каюту. Через два часа он связался по внутренней связи с другим пассажиром, после короткого разговора дождался его появления, впустил гостя и нагло защелкал дверь. Собеседник Вечерова, тот самый,русоголосый, без особых примет, устало опустился в кресло.

— Вымотался я, извини.

— Есть что-нибудь?

— Пока почти ничего. Мысли всех шестерых прочитал, но в основном там шелуха. Секс, деньги, интриги, жадность. Банкир чего-то боится, но напрямую с насилием это не связано. Курьер живет на таблетках, но это не по вашей части. Девушки, как я понимаю, не в счет?

— В счет.

— С ними все чисто. Брюнетке нравишься ты.

— Не густо, Миш.

— Да, не густо, не густо... У меня к тебе встречный вопрос. Есть ли вероятность, что этот тип не на борту?

Вечеров задумался только на секунду.

— Сэт на борту, — мягко сказал он.

— Откуда информация?

— Другому бы не сказал, но от тебя скрывать бесполезно. Информация от американцев.

— Как они ее добыли?

— Не знаю, но, думаю, жестко на кого-то надавили.

— Черт! Так и подумал.

— Миша, это не твое дело. Ты сенс, твое дело поймать мысли Сэта, мое дело — его взять, *до того*,

как пассажиров выгрузят на Марсе, сам знаешь, оттуда нам его не выдадут.

— Надо было снять их с рейса еще на Земле, всех шестерых.

— Нельзя. Юридически против них ничего нет, через сутки пришлось бы выпустить с извинениями. Скандал гарантирован, и толку ноль.

— Все так. Но вот только этот Сэт сейчас на борту, и он меня не слабее.

— Знаю. Поэтому и ношу вот эту штуку.

Вечеров дотронулся до браслета ментальной защиты на левой руке.

— А мне-то эта побрякушка читать тебя не мешает, Саша.

— Знаю. Но лучшего пока нет. Да и не сбежит этот человек с «Фаэтона», потому что некуда...

Вечеров проснулся под утро, будто разбуженный толчком, выбрался из каюты, ориентируясь по световой линии, дошел до конца коридора. Стояла тишина, нарушаемая только шумом вентиляции. Силуэт Альды замер возле panoramicного окна, девушка, не отрываясь и не мигая, в неестественной неподвижности рассматривала пустоту.

— Ты напугал меня, Саша, — обернувшись, почти сурово сказала она.

— Разве?

— Да.

— Почему?

— Так, не знаю.

— Это синдром космоса, ты боишься пространства, а вовсе не меня.

— Да, говорят, бывает у многих.

— Кстати, не ожидал встретить тебя на «Фаэтоне».

— Всегда думала, что нами вертит случай.

Девушка была красива яркой природной красотой, пахла цветочным лугом и тоже могла оказаться Сэтом. Вечеров промолчал, теперь они стояли чуть касаясь друг друга краем одежды.

«Вот черт», — подумал он, прежде чем уйти.

Экстрасенс Миша Маевский, несмотря на ранний час, уже был на ногах, и выглядел он еще более хмурым и утомленным, чем накануне.

— Я поработал, пока они спали, и выяснил кое-что. Кем бы ни был наш объект, он не блондинка и не банкир.

— Почему?

— Судя по мыслям, старик вложил большие деньги в хай-тек. Он не из тех, кто будет оплачивать уничтожение материальной культуры. С блондинкой ситуация еще пикантнее...

— Что?

— Она совершенно точно замаскированный телохранитель старика.

— Больше похожа на любовницу.

— Это только видимость. Я бы из списка подозрительных исключил не только блондинку, но заодно и журналиста.

— Почему?

— Мысли, сны... В общем, боязлив. Боится крови. Трус, хотя и честный.

— Миша, мне нужен один конкретный человек. У тебя два дня на поиски. И это все.

— Вот я так и знал, что ты мне эту грубость скажешь вместо «спасибо».

Маевский, похоже, обиделся, а Вечеров, попрощавшись с ним, ушел. Альды в коридоре не было, и время до завтрака он скоротал, в мельчайших подробностях вспоминая еще одну свою встречу с Сэтом, такую же безличную, как и все остальные.

В тот день долго выла сирена. Возможно, ее просто забыли отключить. У подножия холма валялась сбитая «вертушка», ее пилот матерился, придерживая раненую руку. Завод горел и прикрывал горизонт клубами ядовито-желтого дыма. Небо, лица и техника уже окрасились в этот цвет. Пожар не тушили, потому что единственный проход к нему по эстакаде уже час удерживала вооруженная группа людей Сэта. Маевский находился неподалеку от Вечерова, тщетно пытаясь разглядеть лица в бинокль.

«Я не могу работать, если совсем не вижу лиц. Это уже не диверсия, это какая-то война». Маевский тоже ругался, беззвучно шевелил губами.

«Не высовывайся, Миша, — безо всяких эмоций попросил его Вечеров, — у них тут снайпер, да и не только». Людей Сэта пересчитали при помощи биодетектора, их оказалось всего семнадцать, но заложников — втрое больше.

Штурм начался через час и оказался таким тяжелым и кровавым, что Вечеров старался о нем не вспоминать. Трупы в черных мешках унесли. Из группы Сэта не сдался никто, но этих тел насчитали только шестнадцать. Завод биопрепаратов догорел сам собой и превратился в покрытые копотью развалины. Мертвых заложников пересчитали отдельно — их легко было опознать по униформе компа-

нии. Особенно запомнились двое: старый мужчина лежал ничком, защищая собой мертвую девушку лет двадцати. В него стреляли с близкого расстояния, пуля вошла в затылок старика и разворотила лицо. Девушка задохнулась в дыму. Возможно, в момент убийства старика она уже была мертва. «Внучка», — осмотрев нашивки с именами, пробормотал Маевский.

«Не имеет значения, чего добивается преступник, — сказал Вечеров через день или два, когда напряжение спало. — Понимаешь, Миша, никакие причины, даже те, которые у некоторых вызывают сочувствие, не могут оправдать террориста».

Возразить было нечего.

Сейчас, на «Фаэтоне», Вечеров вернулся к тому, что ему не требовалось возле руин догоравшего завода, к логике. Стремление Сэта выехать в марсианскую конфедерацию объяснялось лишь одной причиной — кто-то сильный и опасный подошел слишком близко. Такие поездки называются бегством и не предполагают обратной дороги, по крайней мере, в течение месяцев или лет. Журналист, банкир и его охранница отпадали. Программист «Фобос инкорпорейтед» имел алиби, о котором не догадывался Миша, — он провел последние месяцы вне Земли. Оставались только Альда и курьер.

Вечеров попытался вспомнить все, что он знал об Альде, но понял, что не знает почти ничего. Он не сомневался, что в возрасте семи-восьми лет они часто играли вместе. Чуть позже начинался провал в событиях, он не мог припомнить ничего из отрывочных разговоров, происходивших раз в несколько лет. Девушка уже давно не жила на его улице,

точнее, это сам Вечеров много раз менял адреса. Оставалась возможность задержать ее и курьера за пару часов до высадки на территории Марсианской конфедерации. Суток, которые давал в таких случаях закон, хватило бы на уход «Фаэтона» в обратный рейс. План выглядел ясным, четким и выполнимым, он обеспечивал дополнительное время, а ярость и отчаяние Сэта могли выдать его Маевскому.

«Если Миша не найдет решения, я так и поступлю».

Вечеров вытащил, осмотрел и проверил пистолет, хотел убрать его в кобуру, скрытую под пиджаком, но не успел. В дверь глухо и мягко ударило.

— Кто?

Ответа не было. Лампы на короткое мгновение погасли, но потом включились, хотя свет потускнел, разом превратив в сероватые потемки искусственное утро корабля. По корпусу «Фаэтона» пробежала дрожь, она почти заглушила повторный стук в двери со стороны коридора.

— Альда, ты, что ли?

В коридоре стояла темнота, чуть окрашенная блеклой световой линией на полу. Миша Маевский, перечеркнув собою эту линию, замер ничком, уткнувшись лицом в согнутые руки. Экстрасенс был мертв, нож по рукоять вошел в спину, удар нанесли только что, и кровь еще не запеклась. Вечеров успел уловить звук быстро удалявшихся шагов, и в этот момент удар заставил качнуться корпус корабля, сильный толчок бросил людей на пол, раздался скрежет и треск, вздыбившийся пол ударил в висок, тьма стала абсолютной и через секунду поглотила все.

2. ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

Мара привыкла жить в состоянии привычной, строго контролируемой тревоги. Это было правильно, а поэтому хорошо. Утром и днем она сопровождала Келлермана в его машине, вечером охраняла по дороге домой или в увеселительные заведения. На публике держалась в стороне, оценивая возможные угрозы, или (если первое оказывалось невозможным), прикрывала клиента, изображая его любовницу.

Тело Мары довели до совершенства годы тренировок. Холодная логика, заменявшая ей большую часть эмоций, делала прекрасно-невозмутимым правильное лицо. Она умело скрывала свою сущность, поэтому в ее поддельную женственность верили. Банкир Келлерман ценил своего телохранителя и платил щедро. Два или даже три раза она, по всей вероятности, спасла ему жизнь.

Мара знала о клиенте многое, хотя, конечно, не все. Она понимала его страх, который стал для этого человека второй сущностью, потому что Келлерман панически боялся смерти и темноты. Ужас последнего, безысходного конца личности был сильнее, чем прочие страсти, и уступал только жажде контроля над невидимыми финансовыми потоками.

Впервые Мара спасла клиента в тот самый день, когда горел завод биопрепаратов «Юниверсал технолоджи». Пожар не тушили, потому что вооруженная группа боевиков Сэта блокировала единственный проход. Келлерман, который владел контрольным пакетом акций «Юниверсала», в это время находился за тысячу километров от места действия. Он из-под отечных век наблюдал за видеорядом но-

востей на огромном экране, и, хотя квадратное лицо не выражало ничего, Мара кожей ощущала нарастающий страх клиента.

На запланированную встречу они отправились через полчаса.

Убийца ждал в окне дома напротив, он выстрелил, когда Келлерман подходил к автомобилю, и пуля, пройдя сквозь бледно-серое гламурное пальто, ударила о бронированную сорочку. Клиент упал, скорее от страха, чем от боли, и Мара рывком оттащила его под прикрытие кузова машины. Это движение спасло ей жизнь — вторая пуля оставила длинную ссадину на шее ниже уха. Третий выстрел разнес стекло машины, убитый водитель ткнулся лицом в рулевое колесо, и банкир тонко, по-заячьи, закричал.

Сотрудник Келлермана, сидевший за рулем, был первоочередной мишенью, машина встала, а второй из нападавших уже заходил сзади. Мара развернулась и выстрелила ему прямо в лицо, потом открыла дверцу автомобиля, вытащила наружу обмякшее тело водителя и сама села за руль, довольно быстро очнувшись от ужаса Келлерман уже плюхнулся на заднее сиденье. Автомобиль тронулся под скрип покрышек, последняя пуля бесполезно проткнула асфальт.

— Ты молодец, девочка, — сказал поздно вечером банкир, который к тому же был пьян. — Я этого не забуду.

Мара молчала, слова никогда не были ее сильной стороной.

— Они хотят меня убить, потому что я создаю будущее, — грустно добавил Келлерман, которому

алкоголь развязал язык. — Это хай-тек, огромные возможности. Мы даем деньги, чтобы модифицировать людей для проекта космической колонизации. Представь себе, Марионка, все твои физические таланты, помноженные на сто...

Она представила и дрогнула. Но не от страха, перспектива выглядела мучительно-прекрасной, и Мара уже хотела ее. Позже она еще дважды спасала Келлермана — один раз от превосходно организованного похищения, второй раз, с огромным трудом, от безымянного киллера, которого не сумели взять живым.

Это было хорошо, потому что было правильно, однако яркая внешность Мары успела примелькаться и журналистам, прилетевшим как мухи на мед, и, конечно, врагам Келлермана.

— Ты становишься узнаваема, — брюзгливо посетовал он.

После поездки в Марсианскую конфедерацию охранницу ожидало увольнение и, возможно, смена профессии, однако круглая сумма в банке должна была послужить некоторой компенсацией за обиду.

На борт «Фаэтона» они поднялись вдвоем, Мара и Келлерман. Она — в имидже блондинки и в платье, выгодно подчеркивающем грудь, он — хмурый и печальный, уже ощущивший обострение старой болезни сердца.

Ужинали в кают-компании, в относительном комфорте квазигравитации, Мара ела с аппетитом, однако вино не попробовала. Попутчиков оказалось немного, и они выглядели неопасными.

Самый главный разговор с Келлерманом состо-

ялся ближе к ночи, наедине, за запертыми дверями его каюты.

— Прошу понять меня правильно, — холодным, ничего не выражаящим голосом сказал банкир, переодетый в халат. — Я, Мариничка, не требую вашей любви. Однако я бездетен, и мои два прежних брака расторгнуты, и долго я не протяну. Предлагаю вам официальный брак, деньги в большем количестве, чем вы можете себе представить, комфорт и уважение. Взамен вас клонируют. Мне нужен ребенок столь же совершенный, как и вы.

— Но...

— Моральная сторона не имеет значения. Состоятельный человек женится на девушке, спасшей ему жизнь, такое понравится публике...

— А если...

— В любом случае подпишите бумаги и согласитесь на модификацию моего и вашего наследника.

— А с чего вы взяли, что я соглашусь?

— Потому что вы не глупы и должны понимать, что такой шанс выпадает только один раз.

Утро до завтрака Мара коротала, рассматривая на своем безымянном пальце новое кольцо, огромный бриллиант переливался насыщенными оттенками льда и едва заметными — крови. Свет в каюте мигнул, потом погас, потом ненадолго загорелся вновь. В коридоре колыхалась тьма. Эту темноту, впрочем, слегка рассеивал светящийся указатель на полу. Темная согнувшаяся фигура мелькнула, скрываясь за поворотом, Мара скользнула следом, в этот момент корпус «Фаэтона» дрогнул от мощно-

го удара, толчок бросил девушку на пол, но она вскочила, перевернувшись, будто кошка.

— Откройте!

Дверь каюты Келлермана оказалась запертой изнутри, он молчал, не отзываясь ни на сигналы, ни на стук. Тогда она ушла и вернулась с электронной отмычкой и возилась до тех пор, пока не клацнул, открываясь, замок.

Келлерман лежал у самой двери, по всей вероятности, он ударился, падая, правой половиной корпуса и лицом. Однако он был ее клиент, и он был до сих пор жив. Мара подхватила босса и потащила его к двери.

3. СХВАТКА

Первыми ощущениями после того, как к Вечерову вернулось сознание, были влага, холод и падение в никуда. Влага и холод происходили от салфетки, приложенной к голове, чувство падения — из-за отключившейся квазигравитации. Альда была рядом. Тускло светил фонарик. В полутьме кто-то стонал. Стены будто бы сдвинулись, сдавив уцелевших людей. Чужое лицо вплотную приблизилось, внешность этого человека сильно меняли синяк и рассеченная бровь.

— Моя фамилия Полянов. Узнаете? Я журналист, летел с вами на «Фаэтоне».

— Да, помню... Как все произошло?

— Ударило около часа назад. Из команды никто не уцелел. Вас нашла в коридоре Альда и затащила сюда. Насколько я понимаю, по ту сторону двери воздуха сейчас почти не осталось. Внутренняя связь

не работает. Паники пока нет, однако я рад, что вы очнулись.

Кажется, Альда беззвучно плакала, но она не разжимала рук, продолжая удерживать Вечерова. Девушка не была Сэтом, но это знание пришло поздно, как с опозданием приходит слишком многое.

— Тот парень, который сопровождал груз, — он с нами?

Полянов отрицательно качнул головой.

— Тут еще одна девушка, с нею ее раненый босс, а с ними еще тот человек, который говорил, что работает на «Фобос».

Полянов ткнул пальцем куда-то в угол. Альда разжала руки, и Вечеров, осторожно перемещаясь в невесомости, приблизился к блондинке.

Она больше не походила на дорогую куклу. Лоск слетел, зато прорезалось нечто жесткое. Ее спутник, которого звали Келлерман, дышал часто и тяжело, под глазами залегли тени, полное лицо осунулось и «потекло», сделавшись бесформенной сероватой маской.

— «Юниверсал технолоджи»? — коротко спросил Вечеров.

— Да.

— Вы ранены?

— Не стоит обсуждения. Внутреннее кровотечение и, видимо, конец. Времени у меня немного, так что слушайте внимательно. Я разговаривал с капитаном примерно за пять минут до того, как все произошло, по внутренней связи.

— Почему?

— «Фаэтон» — моя собственность. В одном из отсеков стюард заметил бомбу. Он не прикасался к

ней и сообщил капитану. Пассажиру пронести что-то такое на борт почти невозможно. Команда проверена. И все-таки она там была, а через пять минут произошел взрыв. А через некоторое время — второй...

Келлерман промолчал, опустив отечные веки. Вечеров нашел пульс на его холодном запястье, пульс был совсем слабо.

— Очнитесь. Вы видите в этом смысл?

— Да... Метили в меня...

— Почему?

— Они хотят остановить исследования по усовершенствованию человека...

— Зачем?

Келлерману было больно смеяться, поэтому он только криво ухмыльнулся с непередаваемой иронией.

— Господи... Нет, не бессмертие, но... можно восстановиться после смертельных ран... неуязвимость... Кто их испугается, если... это... будет так.

Келлерман замолчал.

— Вам нужна помощь, разрешите вас осмотреть.

— Оставьте! Мне больше ничего не нужно. Но если хотите помочь, отодвиньтесь, дайте мне побывать наедине с собой.

Келлерман отвернулся и больше не двигался.

— Умер, — минут через пять хмуро сказал Мара.

— Вы ему поверили?

— Да. Мой босс был помешан на совершенстве.

— С корабля можно сбежать?

— В спасательной капсуле. Тот, кто заложил бомбу, наверное, уже сбежал. Когда его подберут, он расскажет любую версию, какую захочет.

— Остатки «Фаэтона» в любом случае проверят.

— Нам это не поможет, — вмешался Полянов. —

Вода кончилась.

— Ничего, мы еще выпьем с вами и воды, и водки. Когда все кончится. Нужно добраться до уцелевших капсул.

— Думаете, тот, кто сбежал, их не уничтожил?

— На «Фаэтоне» капсулу можно запустить, но она не отстыкуется без живого человека внутри. Сломать физически очень сложно.

— Воздух остался только здесь.

— Можно надеть скафандры.

— Их всего два, а нас пятеро.

— Двое наденут скафандры, доберутся до центрального компьютера и закачают воздух из резерва в аварийный проход.

— Если пойдете, то я с вами напарником, — отозвался парень, который работал на «Фобос инкорпорейтед», — меня зовут Андрей Лазарев. Я разбираюсь в бортовых компьютерах.

— Не боитесь? Там может быть опасно.

— Нет, не боюсь. Сидеть на месте тоскливо.

Лазарев был спокоен, держался уверенно, но несколько отрешенно. А что, если досье лжет? Возможно, этот парень никогда не работал на «Фобос инкорпорейтед», возможно, с «Фаэтоном» никто не улетал и Лазарев — расчетливый террорист, замаскировавшийся среди уцелевших. Тогда его желание взять скафандр и добраться до капсул более чем понятно.

Руки у Андрея были сильные, уверенные, в таких легко представить нож. «Сэт всегда уходит живым».

— Ладно, пошли.

Они одновременно надели скафандры и плечом к плечу прошли шлюз спасательного отсека. В пространстве коридора плавали поднятые невесомостью мелкие обломки и крошево. Луч фонаря выхватил из темноты застывшее тело Маевского с ножом в спине, оно медленно перемещалось под самым потолком. Глаза мертвого экстрасенса оставались открытыми.

Виновным в гибели Маевского Вечеров считал себя. До сих пор он шел вслед за событиями, не опережая их, и расплата не замедлила наступить. В случае еще одного промаха эта цена обещала увеличиться многократно.

— Надо бы его снять с потолка и прикрыть, — пробормотал в рацию программист «Фобос инкорпорейтед».

— Конечно, но позднее.

Перемещаясь в невесомости, Вечеров старался держаться от Андрея чуть в стороне и сзади. Тот ничем не выдавал ни настороженности, ни агрессии.

— Добрались, вот оно, здесь.

Разрушения, причиненные взрывом, едва не коснулись просторного отсека, однако здесь, точно так же как и в коридоре, дрейфовала туча мусора. Темноту рассеивали только фонари скафандров. Компьютер нашелся с трудом и выглядел безжизненным.

— Ищи, в чем тут дело, я подожду.

Вечеров постарался принять позу поудобнее, борясь с накатившей от невесомости тошнотой. Андрей возился, повернувшись к нему спиной. «Если он Сэт, то сейчас пытается прочитать мои мыс-

ли. Во всяком случае, запуск капсулы в его интересах».

— Все, осталось только перезагрузить.

«Странно, я никогда не стрелял в невесомости, едва ли стоит пробовать. Но в рукопашной я с этим типом справлюсь».

Вечеров слегка переместился вправо, приготовившись, это и спасло ему жизнь.

Стреляли сзади, на свет, из лазерного выжигателя. Луч не мог оставить на теле смертельного ожога, но порвал скафандр Андрея возле плеча, и воздух в ту же секунду устремился наружу.

— Не задерживай дыхание! Зажми дыру! — зарорал Вечеров в рацию, выключая фонарь и не надеясь, впрочем, что парень поймет. — Выключи фонарь! Молчи, не двигайся!

Попытка не дышать в вакууме означает немедленную смерть. Отсутствие такой попытки может отсрочить конец на пару минут, изредка их хватает для выживания.

Вечеров постарался уйти с линии огня, но не рассчитал влияния невесомости и отлетел куда-то в угол, за скопище ящиков. Было тихо и темно. Потом лазер, нащупывая мишень, чиркнул по панели, оставив на ней неглубокий зигзаг. Луч продолжал отплясывать по стенам, плавя то, что можно расплавить и покрывая стены беспорядочными росчерками. Все это происходило без дыма и в неестественной, абсолютной тишине.

«Он все же боится попасть под выстрел».

Теперь Вечеров переместился в сторону, укрываясь за завалом сломанного оборудования, пытаясь поймать противника в прицел. Полыхнуло со-

всем близко, и он сразу выстрелил в ту сторону, из которой пришел луч. Он не понял, попал ли, не слышал ни крика, ни стука падающего тела, все происходило в абсолютной тишине, в отсеке, для которого понятия верха и низа утратили смысл, единственным звуками оставались похрустывание обломков, задевавших скафандр, и собственное дыхание Вечерова. Больше не стреляли. Потревоженные схваткой коробки медленно и хаотически перемещались. Вечеров, потеряв точку опоры, перемещался вместе с ними, он ждал долго и терпеливо, чувствуя себя дрейфующей мишенью и пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в мешанине предметов при слабом отлеске аварийной лампы, который проникал из коридора. Коробки, задевая скафандр, приглушенно шуршали. Сэт, если он сейчас умирал, делал это поневоле беззвучно для других. Если он оставался жив, то, вероятно, пытался понять, насколько точен оказался его собственный выстрел.

«Два охотника в темноте», — подумалось Вечерову.

Что-то круглое и одновременно бесформенное скользнуло мимо. На пару секунд в конусе тусклого света появился чужой скафандр. Трещины на пробитом пулей щитке шлема разбегались веером. Выжигатель оказался прикреплен к скафандру троциклом.

— Это же курьер, мать его.

Пуля прошла у виска, не задев его, однако враг был мертв уже пару минут. Кожа на щеках покраснела от удушья.

Вечеров разжал руки, мертвый Сэт медленно поплыл в сторону и замер у потолка.

«Вот и все. Это тебе за Мишу».

— Эй, Лазарев, ты жив?

Рация молчала. Беспорядок в отсеке и тусклый свет мешали отыскать программиста.

— Лазарев, Андрей, отзовись!

Вечеров нашел в поясной сумке ремонтный комплект и подготовил липкий пластик, понимая, как это безнадежно поздно; он «плыл» и искал среди обломков крушения «Фаэтона», отталкивая хлам свободной рукой до тех пор, пока не сверкнуло красным и острое жало не кольнуло его пониже локтя. Через краткую долю секунды он услышал характерный свист воздуха. «Сэт всегда уходит живым. А вот мне осталось всего несколько секунд».

Вечеров не стал выключать фонарь и постарался дышать ровно. Отверстие оказалось круглым, размером с мелкую пуговицу. Он прижал к нему кусок пластика и замер в таком положении, продолжая внешне расслабленно плыть в пространстве. Шум утечки воздуха не прекратился ни через секунду, ни через две, ни через десять, однако сознание оставалось ясным. Удушье так и не наступило. «А ведь это не воздух свистит, это кровь звенит у меня в висках».

Тот, кто был Сэтом, приблизился к жертве только через пять минут — время, вполне оправданное, если учитывать обстоятельства. Он двигался уверенно и был спокоен — и продолжал оставаться спокойным до тех пор, пока пистолетная пуля не пробила в его скафандре дыру.

Через полминуты, уже после того, как противник потерял сознание, Вечеров заклеил дыру, свя-

зал пленника тросом, этим же тросом прикрепил неподвижное тело к уцелевшим поручням на стене отсека. Мера, возможно, сильно запоздала, но он больше не собирался рисковать.

Лазарев скорчился в углу, довольно далеко от места начала схватки. Как ни странно, он был еще жив.

«А ведь парень молодец, понял меня и не растерялся». Вечеров сделал все, что мог, и дотащил программиста «Фобос инкорпорейтед» до отсека спасательных капсул. Воздух в помещении был, значит, все сработало. Там он открыл крышку шлема Андрея и внимательно всмотрелся в лицо. Мелкие сосуды лопнули, но закатившиеся глаза под плотно сомкнутыми веками выглядели целыми. Аварийный коридор, отделенный люком, узкий, будто собачий лаз, тем не менее содержал теперь необходимый людям воздух. Капсулы были целы и пригодны к запуску.

— Готово, Мара, можете выдвигаться, — пробормотал Вечеров в рацию.

«Вот и все, — подумал он устало и отстраненно. — Кто бы из тех двоих ни был настоящим Сэтом, он ликвидирован. Задача выполнена, однако Маевский погиб. С точки зрения арифметики спасения тысяч это приемлемая цена, но я не хочу соглашаться со статистикой, потому что знаю — смерть этого ушлепка несоизмерима с потерей Миши».

— Эй, Мара, как там?

— Все в порядке, — донеслось из рации. — Мы тут пытались еще раз связаться с командой «Фаэтона».

— Получилось?

— Нет. У них никто не выжил.

— Обсудим это потом. А пока можете выдвигаться.

— Лазарев в порядке?

— Ранен, но, надеюсь, выживет. Возьмите с собой медикаменты — все, которые есть.

— Кто его ранил?

— Тот, кто все это устроил.

— Он жив?

— Может быть, но больше не повредит.

Вечеров откинул щиток шлема и сел, прислонившись к стене.

Он понимал, что победил, но после краткой эйфории спасения не испытывал ничего, кроме крайней усталости. Люди, ради которых он пошел на риск, по одному выбирались из аварийного коридора, в котором могли передвигаться лишь вплотную к стене.

Бледная от тревоги Альда появилась первой, на ее прекрасном, но застывшем лице жили одни глаза — яркие, наполненные непонятным Вечерову огнем.

В углах рта измученной Мары прорезались незаметные раньше морщинки. Она молча опустила на пол контейнер аптечки и склонилась над Лазаревым.

«Жаль, что тут нельзя покурить, — пробормотал Полянов. — Впрочем, все равно нечего».

— В капсулы по двое. Мара с Лазаревым. Альда с вами. И ни во что там, внутри, не вмешивайтесь,

навигационная автоматика сработает после запуска.

Альда подошла вплотную, коснувшись плеча Вечерова узкой ладонью. Он в который раз подумал, как она красива, и вместе с тем своим отточенным сверкающим совершенством девушка внушала смутную тревогу.

— Я с тобой хочу, — прошептала она.

— Нельзя. Я должен забрать из другого отсека... человека, который в этом виновен.

— Зачем?

— Если он скажет правду, в будущем можно спасти многих людей.

— Пусть с ним летит Мара.

— Нельзя.

— Почему нельзя? Он до сих пор опасен?

— Да. Он умеет воздействовать на мысли людей. Но только не на мои мысли.

— Почему?

Альда придвинулась вплотную, почти касаясь Вечерова.

«До чего громадные у нее радужки... и черные — будто космос»

Он ощущил обжигающий жар в груди, потом такой же жгучий холод на своем запястье — в том месте, где его охватывал браслет ментальной защиты. Острые ногти Альды уже царапали по его руке, пытаясь стащить этот браслет, но сделать это не позволял рукав скафандра. Вечеров с силой оттолкнул девушку, перехватив за плечи.

— Быстро по капсулям! Не ждать! Полянов, вы летите один!

— А как же... — начал было журналист.

Он, по всей вероятности, не понял ничего, но Мара поняла, ее скулы жестко оцепенели.

— Мара, не ждать!

— Но...

— Помощь мне не нужна.

Альда уже поднялась, она шла к Вечерову, протягивая руки, но в этом жесте присутствовала уже не просьба, а только угроза. Боль, частично уменьшенная браслетом, накатила на него, бросила в сторону. Картинны самых мучительных воспоминаний — от старых и полуза забытых до тела Маевского, плывущего в невесомости с ножом в спине, разом обрушились на сознание, но, очевидно, Альда добивалась совсем другого.

— Ты будешь меня слушаться — глухо сказала она. — Отстегни перчатку. Сними браслет.

Болтаясь в невесомости, Вечеров снова рассматривал ее лицо. Оно уже не казалось слишком красивым и, вероятно, не было таким никогда — измученное, хмурое, с тонкогубым напряженным ртом. «Внушение. Вот так она получала сторонников».

Сила созданной Альдой иллюзии поражала. Эта иллюзия растворила все — логику, долг, стремление выжить. Как ни странно, в этой сумятице уцелели только жалость и ненависть.

Ненависть и жалость была той нитью, за которую держался Вечеров. «За Мишу».

Он встал на ноги удивительно легко — легче, чем надеялся. Воздух в отсеке был, и выстрел выжигателя лишь слегка опалил Вечерову щеку. Двигаться получалось, хоть и медленнее, чем всегда, скорее всего, помогал браслет.

«А точно ли Альда — Сэт?»

— Не подходи, у меня пульт, опущу переборку, и воздуха не станет! — истерически кричала она.

— Ничего ты такого не сделаешь... Иначе сама умрешь.

Она тем не менее явно собирались сдержать обещание.

— Вы все тупое, грязное стадо скотов.

— Я, значит, тоже?

— Ты еще хуже.

— Почему?

— Они только овцы, а ты... Ты — пес.

— Раз есть волки, должны быть псы.

— Я не волчица.

— Ты Сэт?

Вопрос повис в пространстве.

— Мне плевать... — пробормотала Альда. — Я не боюсь...

— Погоди, это не твои слова. Ты под внушением.

Переборка упала, за нею зиял провал открытого космоса, обрамленный рваным металлом, исковерканным взрывом. Альда смеялась, подставляя лицо порывам уходящего воздуха. Она падала в бездну спиной вперед. Капля крови отделилась от губ девушки и повисла в невесомости. Щиток на шлеме щелкнул, автоматически опускаясь из-за перепада давления, Вечеров инстинктивно схватил чужую руку и потянул на себя и, не имея точки опоры, сам чуть не сорвался в бездну. Он все же удерживал эту мертвую руку какое-то время, наверное, совершенно избыточное. Еще позже отпустил и смотрел, как коченеющий труп медленно уплывает в пустоту.

«Ну, вот и все. Может быть, все. Наверное, ее

самоубийство к лучшему. Террористические триады, три человека — в этом и была разгадка. И все же я никогда не буду знать в точности, была ли она Сэтом».

Позже Вечеров не мог припомнить, каким образом попал в спасательную капсулу.

— Не переживай, — посоветовал журналист Полянов, когда их обоих спасли. — Что было, то прошло. Все образуется и устаканится, только до места доберемся. Ты же обещал, Саша, что выпьешь со мною водки.

Фонд «Взаимодействие цивилизаций»

то же ждет нас в будущем — взаимное уничтожение или сосуществование посредством гармонизации общественных отношений ненасильственными методами? Но сосуществование невозможно без конструктивного взаимодействия и взаимообогащения представителей различных цивилизационных общностей.

Фонд «Взаимодействие цивилизаций» и создан для содействия глобальным процессам, объективно отвечающим жизненно важным интересам человечества. Противодействие экстремизму и терроризму, которые, без преувеличения, сотрясают устои многих стран, является одним из важнейших направлений деятельности Фонда. Наша неправительственная и некоммерческая организация стремится внести свой посильный вклад в поиск адекватных ответов на глобальные вызовы современности и стать неотъемлемой частью в муках рождающегося гражданского общества России.

Описание будущего всегда фантастично. Скорость научно-технического прогресса, заданная еще в середине прошлого века, процессы, диктуемые глобализацией, стремительное развитие информационных систем — все это приводит к фантастическим представлениям о ближайшем будущем. Од-

новременно все завоевания человеческой мысли могут быть использованы деструктивными силами, что не может не вызывать обеспокоенность в завтрашнем дне.

Религия также является плодом человеческой деятельности. Осмысление и принятие этого факта очень важно сегодня. Возраст всех мировых религий исчисляется тысячелетиями. Религии эволюционировали вместе с обществом, использовались в политических баталиях, делились на множество направлений. То сакральное, которое предполагается в религиях и делает их религиями, можно выразить двумя словами — есть Бог, все остальное делалось людьми. Святые писания авраамистических религий не могли разрешить все нюансы общественных отношений и дополнялись святыми преданиями, которые по объему в разы превышали сами писания. Армия священнослужителей находила в этом оправдание своему существованию.

Западная цивилизация выстрадала принцип отделения церкви от государства. Это дало возможность свободному развитию церкви, пересмотр прошлых ошибок, воспрепятствовало диффамации религии. В то же время государство стало светским — общим домом для всех своих граждан, что очень важно в многоконфессиональных обществах.

Сегодня остро стоит проблема экстремизма и терроризма, которым пытаются придать религиозную мотивацию. Конечно же, речь идет в основном об использовании деструктивными силами исламской религии.

Коран, являясь святым писанием Ислама, как и писания других аврамических религий, имеет мно-

жество толкований. Значительную часть того, что сегодня называют Исламом, составляет так называемое «святое предание» и различные толкования святого писания.

Тот факт, что в Исламе нет понятия «церкви», аналогичной христианской, и нет института священнослужителей, приводит к хаосу в проповеднической деятельности. Мир столкнулся с особой группой людей, которые, называя себя мусульманами, на самом деле абсолютизируют свое видение религии и противопоставляют себя всему остальному миру, включая и мусульман с другим видением Ислама. В разных странах совершаются жестокие террористические акты, уносящие жизни ни в чем не повинных людей, в том числе террористические акты совершаются в местах поклонения шиитов, суфииев.

Ислам — самая молодая мировая религия и переживает критический период развития. Примерно в этом возрасте в свое время в христианстве произошли эпохальные события — Реформация на Западе, реформы Патриарха Никона в русской православной церкви. В политике всегда использовались все доступные средства. В свое время большевики использовали в политических целях мощное оружие — утопическую идеологию, которая на первый взгляд отвечала идеалам добра и справедливости.

Религиозное учение и сегодня не может не использоваться в противостоянии мировых центров силы. Поэтому очень важно понимать, что террористы не относятся ни к одной мировой цивилизации, не могут рассматриваться приверженцами ни

одной мировой религии. Они против всех. Это понимание особенно актуально в нашей многонациональной и многоконфессиональной стране.

Настоящим сборником Фонд «Взаимодействие цивилизаций» хочет еще раз обратить внимание общества на проблему терроризма, на необходимость совместных усилий всех людей в борьбе с этим злом и на поиски форм и методов сосуществования и конструктивного взаимодействия цивилизаций. В конце приводим строки Ибн ал-Араби, которого и на Западе, и на Востоке называют Великим Учителем. Эти строкиозвучны с философией Фонда «Взаимодействие цивилизаций»:

О чудо, сад посреди пламени!
Мое сердце
стало восприимчивым
к любому образу:
Оно и лужайка,
(на которой пасутся)
газели, и обитель
(христианских) монахов,
Капище (языческих) идолов,
И Кааба (мусульманского)
паломника,
Оно — скрижали Торы
И свитки Корана!
Я верую в религию любви,
Куда бы ни повернули
ее караваны.
Любовь — моя религия
и моя вера!

(Перевод А. Д. Кныша)

*—————

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кирилл Бенедиктов — ЗАЙИБ</i>	7
<i>Тимур Алиев, Юрий Бурносов — ХОМО ТЕРРОРИСТИКУС</i>	75
<i>Майк Гелприн — НЕЙТРАЛЫ</i>	140
<i>Максим Черепанов — ТУЗ, ДАМА И КОСМОС</i>	169
<i>Юрий Бурносов — ХОЧЕШЬ МИРА?</i>	194
<i>Наталья Егорова и Сергей Байтеряков — ПАНИКЕРША</i>	213
<i>Антон Первушин — ЗНАНИЕ ЛУЧШЕГО МИРА В КРОВИ</i>	260
<i>Леонид Каганов — МАГИЯ</i>	290
<i>Михаил Кликин — КОГДА ГОРЫ ЗАСНУТ</i>	338
<i>Мила Коротич — ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ</i>	373
<i>Сергей Чекмаев — ЧЕТЫРЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ЧЕРНОЙ ТЕТРАДИ</i>	388
<i>Елена Долгова — СТАЛЬНЫЕ ТРИАДЫ</i>	415

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

**АНТИТЕРРОР 2020
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ**

Ответственный редактор *В. Мельник*

Редактор *Н. Скибина*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *С. Кладов*

Корректор *И. Толоровская*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: info@eksмо.ru

Подписано в печать 28.03.2011.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 5000 экз. Заказ № 4102250

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»,
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-48755-4

9 785699 487554 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksмо-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: International@eksмо-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksмо-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.
E-mail: vipzakaz@eksмо.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksмо-sale.ru, сайт: www.kanc-eksмо.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЭКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрязерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Ставки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksмо-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.**

**В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru**

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

АНТИТЕРРОР
2020

Угроза терроризма является одним из вызовов XXI века. Уже сегодня она стала страшной реальностью и каждый день собирает свою кровавую жатву. Но что будет завтра? Через десять лет? Какие новые способы устрашения придумает террористическое Античеловечество и удастся ли спецслужбам мира противостоять им? Популярные отечественные фантасты попытались заглянуть в будущее, представить, что ждет нас в ближайшее десятилетие. У каждого – свои ответы и решения, свой собственный мир.

ФОНД
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ISBN 978-5-699-48754-
9 785699 48754 >